

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

№ 8

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары 2013

*Учредитель БНУ ЧР «Чувашский государственный институт
гуманитарных наук» Министерства образования и
молодёжной политики Чувашской Республики*

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор,
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
Ю.Н. Исаев, кандидат филологических наук (главный редактор),
В.П. Иванов, доктор исторических наук,
М.Г. Кондратьев, доктор искусствоведения, профессор,
А.В. Кузнецов, кандидат филологических наук,
Г.А. Николаев, кандидат исторических наук (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, кандидат филологических наук,
А.А. Трофимов, доктор искусствоведения, профессор (художественный редактор)

Ответственный редактор
Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник
Чебоксары, 2013. № 8

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2013
© Редакция журнала
«Чувашский гуманитарный вестник»
(составитель), 2013

АРХЕОЛОГИЯ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ I–VIII ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ПРИВОЛЖСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

ЧГВ, 2013 г., № 8
© Н.С. Мясников

В статье подводятся итоги изучения археологических памятников северо-восточной части Приволжской возвышенности I–VIII вв. н.э. в этнокультурном аспекте. Автор делает попытку выделить актуальные и спорные вопросы в данном направлении исследований и наметить наиболее перспективные из них. Приводится карта памятников различных культурных образований на рассматриваемой территории: древнемарийской, древнемордовской, именковской, «позднегородской» археологических культур, памятников типа Писералы-Андреевка и Новая Беденьга.

Ключевые слова: археологические памятники, ранний железный век, раннее Средневековье, позднегородская, именковская, древнемарийская, древнемордовская культуры, писеральско-андреевский тип памятников.

Территория северо-восточной части Приволжской возвышенности является своеобразным ключом к решению многих проблем, касающихся этнокультурных взаимодействий, происходивших здесь в I тысячелетии н.э. Автор данной статьи преследует цель обобщить сведения по истории изучения археологических памятников в Среднем Поволжье и в свете появившихся в науке в последнее время концепций развития археологических культур I–VIII вв. наметить спорные вопросы и перспективы их дальнейшего изучения.

Рассматриваемая территория включает в себя правобережье Чувашско-Марийского Поволжья, нижнее Посурье – в пределах Нижегородской, Ульяновской областей и Мордовии, Предволжье Республики Татарстан и частично Ульяновской области. Большая часть этого региона в XV–XVIII вв. носила название «Горная сторона»¹ и является единым природно-географическим образованием, известным в физической географии как Чувашское плато². Регион характеризуется овражисто-балочным рельефом, пре-

Николай Станиславович Мясников – младший научный сотрудник отдела археологии Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: myasnikovn@rambler.ru.

обладанием серых лесных почв. По склонам долин и оврагов произрастают широколиственные леса (в основном дубравы). На юго-востоке и юго-западе его рельеф более равнинный, появляются черноземные почвы, лесостепная растительность.

Несмотря на то, что это единая территория, современные административные границы вносят коррективы в процесс ее археологического изучения. Данный регион исследуется в основном тремя археологическими экспедициями: Чувашской, Марийской и Татарской, каждая из которых имеет свою историю развития, научные подходы, цели, задачи и занимается изучением археологических памятников главным образом в пределах «своих территорий».

Наиболее массовой категорией находок в археологии является керамика, и большая часть археологических памятников культурно и хронологически определяется по небольшому количеству фрагментированного керамического материала. В рассматриваемый период в северо-восточной части Приволжской возвышенности господствовала лепная неорнаментированная (иногда с зашипами по венчику) плоскодонная глиняная посуда с примесью шамота (и реже дресвы). При отсутствии целых форм, без технико-технологического анализа и индивидуальных находок, без применения естественнонаучных методов датирования определение времени бытования керамики и, соответственно, археологического памятника, выяснение его культурной принадлежности представляются крайне затруднительными. Чувашскими археологами, как правило, такая керамика относилась к городецкой культуре, марийскими – к древнемарийской, а татарскими – к именьковской. Территория Нижнего Посурья многими исследователями признается одним из центров формирования древнемордовской культуры, а также памятников писеральско-андреевского типа (см. Приложение), которые характеризуются глиняной посудой того же типа.

Период I–VIII вв. н.э. не случайно стал объектом нашего внимания: он охватывает время существования всех вышеперечисленных памятников – I – II вв. н.э. (I–II вв.), III–VII вв. н.э. (III–VII вв.), VIII–IX вв. н.э. (VIII–IX вв.), IX–X вв. н.э. (IX–X вв.). В конце VII – начале VIII в. происходит отток древнемордовского населения с верховьев Суры в Цнинско-Вадское междуречье⁴. Вторая половина VII в. является верхней границей именьковской культуры⁵, культуры рязано-окских могильников⁶. В VIII–IX вв. в Среднем Поволжье, на востоке рассматриваемой территории, появляются раннеболгарские могильники⁷, перестают функционировать нижнесурские мордовские памятники⁸.

Несмотря на то, что в археологии были выделены перечисленные выше типы памятников и культуры, на основной части данной территории, в Чувашии (и частично в Нижегородской области), памятники первой поло-

вины I тысячелетия, а зачастую и всего I – начала II тысячелетий, продолжают причисляться к городецким или позднегородецким, финно-угорским в этническом отношении. Это мнение сформировалось еще в 1950–1970 гг. благодаря работам А.П. Смирнова, Н.В. Трубниковой⁹ и др. Однако за последние четыре десятилетия концепция развития городецкой культуры претерпела значительные изменения. Многие исследователи не без основания полагают, что к моменту появления ранних могильников волжских финнов (Андреевский курган, Кошибеевский могильник, могильники селиксенского типа и др.) городецкая культура прекращает свое существование. Эта точка зрения получила достаточное обоснование уже в диссертационной работе В.И. Ледайкина¹⁰. Позже к нему присоединились В.Г. Миронов¹¹, В.И. Вихляев¹², В.В. Гришаков и С.Э. Зубов¹³ и др. Наиболее изученные городецкие памятники в Подонье показывают прекращение функционирования культуры к началу нашей эры¹⁴ (по Т.В. Сарапулкиной уже в VIII–III вв. до н.э.¹⁵). В I–II вв. н.э. они перестают существовать на Самарской Луке¹⁶ и в лесостепном Прихоперье¹⁷. Ни в одном из ранних могильников волго-окских финнов, в том числе и в Андреевском кургане, нет ни рогожной (по сути, это единственный признак городецкой культуры), ни сетчатой керамики. В то же время, как это отмечалось уже в своде А.П. Смирнова и Н.В. Трубниковой, меняются система укреплений, типы жилищ, массово появляются металлические и стеклянные предметы¹⁸. Подобные качественные изменения в материальной и духовной культуре населения дают возможность поставить вопрос и о смене археологической культуры. Таким образом, памятники, в силу историографической традиции определяемые как позднегородецкие, требуют иной культурной атрибуции после более внимательного изучения.

В данный момент само существование классической городецкой культуры рогожной керамики на столь обширных территориях, очерченных А.П. Смирновым и Н.В. Трубниковой, подвергается сомнению. Например, комплекс раннего железного века Сомовского II городища (Воротынский район) Нижегородского Поволжья, содержащий плоскодонную текстильную керамику и два фрагмента рогожной, датированный двухпрорезной роговой пряжкой VIII–III вв. до н.э., рассматривается Б.С. Соловьевым и Т.Б. Никитиной в рамках культуры текстильной керамики, а не городецкой¹⁹. Отметим, что во всех сохранившихся коллекциях, полученных с территории Чувашии Н.В. Трубниковой, автором был обнаружен всего один фрагмент рогожной керамики с Малояушского городища Укся-Сют (Вурнарский район). Отсутствие в комплексах Чувашии рогожной керамики отмечал и А.П. Смирнов²⁰.

Проблема малой изученности археологических памятников I–VIII вв. н.э. на территории Чувашского края часто приводила и приводит исследователей к самым неожиданным и разнообразным выводам относительно этнокультурной ситуации в Чувашии на протяжении рассматриваемого периода и зачастую относительно вопросов этногенеза чувашского народа.

Так, А.Х. Халиков пришел к мнению, что «тюркоязычные предки чуваш в виде населения, оставившего памятники типа Писеральско-Андреевских курганов на территории современной Чувашии, появились в первых веках нашей эры и здесь, смешавшись с местными финноязычными (протомарийскими) племенами, заложили этническую основу чувашского народа»²¹. Предками чувашского этноса В.Ф. Генинг считал носителей именьковской культуры, с которыми связывалась ранняя тюркизация Среднего Поволжья²². Описывая языковую ситуацию в Среднем Поволжье, Ф.С. Хакимзянов и И.Л. Измайлов отмечают, что еще в середине V в. н.э. «или даже несколько ранее одна из групп огуру-тюркских племен (носителей *p*-языка), разбитая в степи, отступила в леса Окско-Свияжского междуречья, дав начало формированию современных чувашей»²³. Г.И. Матвеева высказывала мысль о том, что в I тысячелетии на территории Чувашии на базе городецкой образовалась культура, близкая к древнемордовской²⁴.

Чувашские исследователи в основном признают наличие финно-угорского (близкого к марийскому или мордовскому) субстрата в формировании чувашского народа и отмечают его в северной и западной частях Чувашии, в зоне широколиственных лесов, как исконное население края, без узкой хронологической привязки²⁵. Они придают данному компоненту второстепенное значение и редко уделяют ему внимание; предпочтение отдается изучению «болгарского наследия». Благодаря исследованиям В.Ф. Каховского мы можем полагать, что на ряде археологических памятников более позднего времени – первой половины II тысячелетия (Чебоксары, Досаевское, Таутовское, Челкасинское селища, селище «Пялахи» у д. Кирегасы, Тигашевское городище и селище, Большетаябинское городище, Убеевское и Большеангильдинское селища и др.), наблюдается сосуществование болгарского и «позднегогородецкого» населения²⁶, однако о более конкретной принадлежности последнего и его связи с городецкой культурой пока судить трудно. Отметим также, что В.Ф. Каховский вслед за А.П. Смирновым не признавал существование именьковской культуры. Так, он считал керамику I тысячелетия н.э. Алатырского Присурья²⁷ и городища Хулаш на Свияге городецкой²⁸. Хронология «позднегогородецких» древностей и проблемы этнокультурной истории Чувашского Поволжья I – начала II тысячелетий разработаны слабо, хотя нам представляется, что для аргументированной дискуссии с коллегами из соседних регионов по вопросам этногенеза чувашского народа данные проблемы очень важны, и не следует их игнорировать.

К настоящему моменту общепризнано, что Нижнее Посурье является местом локализации группы своеобразных памятников писеральско-андреевского типа, которые сейчас рассматриваются как подоснова древней мордвы²⁹ и рязано-окских финнов³⁰.

История изучения данной группы археологических памятников началась с открытия Марийской археологической экспедицией Писеральского курганного могильника (Горномарийский район) в 1958 г., датированного

А.Х. Халиковым II–III вв.н.э.³¹ В Среднем Посурье на территории Мордовской АССР в 1960-х гг. под руководством П.Д. Степанова были открыты Андреевские (Большеигнатовский район) и Староардатовский (Ардатовский район) курганы. В 1963–1964 гг. он раскапывал Андреевский 1 курган³², в 1965 г. – 2-й курган у Андреевки³³, в 1967 г. – Староардатовский курган³⁴. Г.А. Архиповым и А.И. Шадриным в 1991 и 1993 гг. проводились раскопки Климкинской курганной группы (Горномарийский район). Был полностью раскопан курган № 1, датированный III–IV вв. н.э.³⁵ Курган № 2 раскапывался А.В. Михеевым в 2003–2004 гг.³⁶ В 2010 г. С.Э. Зубовым и О.А. Радюшем на территории Пильнинского района Нижегородской области были найдены два могильника I–III вв. н.э.³⁷

Среди исследователей бытуют самые разнообразные мнения об этнокультурных составляющих данного населения – выделяются городецкий, пьяноборский, пшеворо-зарубенецкий, южносибирский, сарматский компоненты³⁸. В последних работах памятники данного типа рассматриваются как результат миграции населения саргатской культуры из-за Урала³⁹.

Кроме вышеуказанных памятников, А.Х. Халиков отмечал в северной части Чувашии целый комплекс находок первых веков нашей эры, относящихся к писеральско-андреевскому населению: находки из Кожар (Красноармейский район), Яндашева (Чебоксарский район), Большой Таябы (Яльчикский район) бывшего Цивильского уезда. К памятникам, оставленным данными племенами, (а вовсе не к городецким) он причислял Ягаткинское городище «Пичке Сърчё» в Моргаушском районе⁴⁰. Мы согласны с данным исследователем и считаем, что таких памятников и местонахождений еще больше (см. Приложение). Перспективным представляется выделение поселенческих комплексов данной культурной традиции, которая пока изучена практически исключительно на материалах могильников.

Еще с раскопок П.П. Ефименко Ивановского могильника (Ядринский район, 1926 г.) область северо-восточной части Приволжской возвышенности включалась в территорию распространения древнемордовской культуры⁴¹ (см. *Приложение*). Это признавали также Н.В. Трубникова, А.П. Смирнов, П.Д. Степанов и другие исследователи. Так, П.Д. Степанов считал древнемордовскими городища «Вшивая Горка» у д. Устиновка (Порецкий район), Шишка-Шелом у д. Ичиксы (Алатырский район), Ножа-Вар (Ядринский район), Малахай (Моргаушский район), могильник на Криушинской дюне (Козловский район), Таутовский (Аликовский район) и Ивановский могильники⁴². В коллективной монографии «Финно-угры и балты в эпоху Средневековья» Таутовский, Сергачский (Сергачский район Нижегородской области), Ивановский могильники и городище Ножа-Вар отмечены как археологические памятники мордвы⁴³.

Солидарны с этим мнением и современные исследователи. В.И. Вихляев в своей докторской диссертации относит Таутовский и Ивановский могильники к области распространения окско-сурских племен (IV–VII вв. н.э.), древнемордовских праэрзянских в этническом отношении⁴⁴. Р.Ф. Во-

рони́на выделяет нижнесурскую группу могильников древней мордвы, к которой относит Сергачские I и II, Яндашевский (Чебоксарский район), Криушинский, Ивановский могильники и третье погребение Таутовского могильника⁴⁵. В.В. Гришаков рассматривает древнемордовскую культуру (III–VII вв. н.э.) в рамках существования трех локальных вариантов: верхнесурского, нижнесурского и тешского. К нижнесурской он относит Сергачские I и II, Таутовский, Ивановский, Волчихинский (Кстовский район Нижегородской области) могильники. При этом только в нижнесурской группе В.В. Гришаковым выделяются комплексы (Сергачский могильник «Кожина Слобода», Таутовский могильник), датированные постандреевским временем, ранее рубежа II–III вв. н.э.⁴⁶ К этому же времени мы относим погребения Сендимиркинского могильника (Вурнарский район), выявленного Чувашской археологической экспедицией под руководством автора в 2012 г.⁴⁷ Таким образом, здесь обнаружены памятники переходного характера от писеральско-андреевских к древнемордовским. Неясны пока верхняя хронологическая граница нижнесурского варианта древнемордовской культуры и ее точные географические границы. Особенно сложным представляется вопрос о границе с наиболее близкими в культурном плане древнемарийскими памятниками.

С момента создания в 1956 г. Марийской археологической экспедиции был поставлен вопрос о роли населения северо-восточной части Приволжской возвышенности в этногенезе марийского народа. А.Х. Халиков и Е.А. Безухова на основе анализа керамического материала отмечали принадлежность ряда городищ данной территории (Кубашевское, Ивановское, Пайгусовское – все в Горномарийском районе Республики Марий Эл) к древнемарийским⁴⁸. К этой же культурной традиции было отнесено раскопанное Марийской экспедицией Васильсурское городище (Воротынский район Нижегородской области), датированное IV–VI вв. н.э.⁴⁹ А.Х. Халиков считал, что основу марийской народности в ее луговом варианте заложили позднегородецкие племена, переселившиеся в IV–V вв. на левобережье Волги и смешавшиеся с населением азелинской культуры⁵⁰. Это подтверждалось также анализом материалов Мари-Луговского (Звениговский район Марий Эл) и Младшего Ахмыловского (Горномарийский район) могильников⁵¹.

В настоящее время ранние этапы этногенеза мари рассматриваются исследователями несколько по-другому. Т.Б. Никитина считает, что первый этап формирования мари проходил в VI–VII вв. н.э. на территории «приволжской части Окско-Сурского междуречья и в Поветлужье на сходной с муромой основе» (памятники безводнинско-ахмыловского круга). К данному этапу исследователь относит Младший Ахмыловский могильник VI–VII вв., находки у д. Юльялы (Горномарийский район), городища в устье Суры, вероятно, сомовские материалы (Воротынский район Нижегородской области), некрополь VI – начала VII в. на Чертовом городище на Ветлуге (Ветлужский район Нижегородской области) и др.⁵² Т.Б. Никитина отме-

чает близость керамических материалов ранних марийских памятников и городищ правобережья Марийско-Чувашского Поволжья⁵³. Данная концепция в определенной степени подтверждается И.Р. Ахмедовым и И.В. Белоцерковской, которые отмечают с V в. н.э. активные миграции рязано-окского населения в разных направлениях, в том числе на восток, вплоть до территории Марийского Поволжья (имея в виду Младшее Ахмылово)⁵⁴. Интересно, что еще в 1930–1940-х гг. П.Н. Третьяков отмечал близость Ивановского и Криушинского могильников к культуре рязано-окских финнов⁵⁵. Дальнейшее выявление рязано-окского влияния на рассматриваемой территории представляется весьма перспективным.

Раскопки В.С. Патрушева на Карабашском (Звениговском) городище (Мариинско-Посадский район) и на Малахайских памятниках, показали присутствие здесь «древнемарийской плоскодонной керамики с примесью шамота»⁵⁶. По всей видимости, к древнемарийской исследователь относит керамику, которую Н.В. Трубникова определяла как позднегородецкую гладкостенную. Автор отмечает, что отнесение памятника к городецкой культуре «строилось на ошибочном отождествлении очень незначительного числа псевдосетчатой керамики с городецкой культурой»⁵⁷. Сам он относит сетчатую керамику Васильсурского, Копанского (Горномарийский район), Ельниковского (Чебоксарский район), Малахайского, Карабашского (Звениговского) городищ и ряда других памятников к VIII–VII – VI–V вв. до н.э.⁵⁸

Памятники западной части Татарской АССР в отдельную этнокультурную группу, отличную от городецкой культуры, первым выделил в 1951 г. Н.Ф. Калинин. Он датировал эти памятники второй половиной I – началом II тысячелетия н.э. и отнес их к особому варианту «послегородецкой» культуры. Н.Ф. Калинин считал, что в формировании данной культуры участвовали племена городецкой культуры, ананьинско-пьяноборские племена и западное население, пришедшее на правобережье Волги в эпоху Великого переселения народов⁵⁹. Позднее он объединил в эту группу также памятники востока Мордовии, Ульяновской и Куйбышевской областей и отнес их к особой восточнобуртасской культуре. Кроме именковских памятников, Н.Ф. Калинин включил в данную культуру раннеболгарские могильники и мордовские памятники⁶⁰.

П.Д. Степанов в ходе разведок 1945–1960-х гг. выявил своеобразные памятники I тысячелетия на Средней Суре, которые первоначально оценивались им как мордовские⁶¹. В 1960-х гг. исследователь включил данные памятники в территорию именковской культуры и высказал гипотезу о ее угро-мадьярской этнической принадлежности⁶².

Переименовать восточнобуртасскую культуру в именковскую предложил в 1956 г. В.Ф. Генинг по наиболее изученному городищу у с. Именково. Он предложил близкую к современной датировку культуры IV–VII вв. и предположил, что данное население является мигрантами из Заволжья с юго-запада⁶³. Первоначально ученый считал носителей именковской

культуры волжскими финнами⁶⁴, а затем предложил гипотезу об их сибирских, тюркских истоках⁶⁵.

С 1960-х гг. проблемами древностей I тысячелетия н.э. Среднего Поволжья активно стал заниматься П.Н. Старостин. В 1964 г. он выступил со знаковой статьей, в которой на конкретном археологическом материале показал разницу между именьковской и «позднегоородецкой» культурами в топографии, системе укреплений, погребальном обряде и комплексе вещевого материала⁶⁶.

В 1966 г. экспедиция Института истории, языка и литературы Казанского филиала АН СССР обследовала правобережья р. Большой Цивиль и р. Малый Цивиль до г. Цивильск. Было открыто около 20 поселений и местонахождений I тысячелетия н.э. На основе полученных материалов П.Н. Старостин пришел к выводу, что «территория Поволжья от Горького до Саратова, включаемая иногда в область позднегоородецкой культуры, в середине I тысячелетия н.э. была заселена неоднородными и в этническом, и в культурном отношении племенами»⁶⁷. Затем он разовьет эти положения в своде «Именьковская культура» (1967 г.), который до сих пор является наиболее полной публикацией материалов именьковской культуры. И сейчас наиболее обоснованной датировкой культуры является предложенная П.Н. Старостиным: от III–IV по VII в. Происхождение культуры автор связывал с пришлыми тюркскими племенами, ассимилировавшими местные финно-угорские⁶⁸.

На археологической карте Предволжья 1985 г. казанские археологи отмечали ряд памятников на западе Татарской АССР как позднегоородецкие⁶⁹ (см. *Приложение*). Интересно, что это уже не отражено в новом своде памятников археологии Татарской Республики. Таким образом, восточная граница именьковской культуры также требует уточнения.

С 1970-х гг. лидирующие позиции в изучении именьковских древностей перешли к самарской археологической школе, а в Самарской области (в основном на Самарской Луке) развернулись активные полевые работы. Накопленные материалы и комплексный анализ всех компонентов культуры позволили Г.И. Матвеевой в 1981 г. выдвинуть гипотезу о ее западных зарубинецких истоках⁷⁰. В 1986 г., анализируя погребальный обряд, П.Н. Старостин также отказался от идеи восточных истоков именьковского населения⁷¹.

Не вдаваясь в детали дискуссии об этнических компонентах именьковской культуры, которая была бурной и не закончилась до наших дней, отметим, что в последнее время акцент больше делается на ее многоэтничный характер (славянский, тюркский, скифо-сарматский, финский и угорский компоненты)⁷². Произошло также разделение времени существования культуры на два периода: ранний (с III–IV по V вв.) и поздний (VI – VII вв.)⁷³.

Мы солидарны с П.Н. Старостиным в том, что локальные группы именьковской культуры (нижекамская, самарская, сурская, романовская)

не были территориально изолированными и что, возможно, межгрупповые территории также были заселены⁷⁴. Так, ряд памятников в Шемуршинском районе Чувашии и Дрожжановском районе Татарстана, открытых Р.Г. Фахрутдиновым, содержал лепную грубую керамику с примесью шамота⁷⁵. Необходимы ее определение с современных позиций и дальнейшие разведки в лесостепных районах юго-запада Татарстана и северо-запада Ульяновской области, так как именно здесь, в безлесных пространствах, могли проходить пути миграции именьковского населения. Известен ряд средневековых сухопутных маршрутов через данные территории, которые могли использоваться и в раннем Средневековье. Например, путь войска Ивана Грозного на Казань в 1552 г.⁷⁶ или дорога, которую использовали ногайские послы в XVII в.⁷⁷

К сурской группе именьковской культуры мы относим ряд памятников в Алатырском районе Чувашии (см. *Приложение*). Это показали работы на многослойном памятнике Утюж I, где впервые в Чувашии был зафиксирован небольшой именьковский керамический комплекс⁷⁸, и разведки в Алатырском Присурье⁷⁹. Насколько далеко в пределы Чувашии заходили носители именьковской культуры, вопрос пока открытый. Возможно, границей их распространения стала зона широколиственных лесов северной части Чувашии, плотно заселенная волжскими финнами, а с востока – Присурский хвойный район с непригодными для земледелия почвами. Также неясным представляется вопрос о границах проникновения именьковцев по левым притокам р. Свияга (реки Аль, Кубня, Була, Карла), хотя поселения именьковской культуры выявлены по левым притокам Свияги в пределах Кайбицкого и Апастовского районов Татарстана (см. *Приложение*).

Д.А. Сташенков убедительно показал, что ранние памятники именьковской культуры в Среднем Поволжье сосуществовали с памятниками лбищенского типа (IV–V вв.) и памятниками типа Сиделькино-Тимяшево (III–V вв.), связанными с зарубинецкой и киевской культурами⁸⁰. В Самарском Поволжье в настоящее время выделены также предшествующие позднескифские (I–III вв.) древности (типа Царева Кургана)⁸¹. Вполне вероятно, что данное население оставило археологические памятники и в лесостепной части северо-востока Приволжской возвышенности. Их обнаружение здесь весьма перспективно. В этом смысле интересны предварительные результаты раскопок городища и селища Новая Беденьга I и II (Ульяновский район Ульяновской области), в керамическом комплексе которых Л.А. Вязов выделяет киевский, позднескифский и финно-угорский компоненты, а также новый, своеобразный тип керамики⁸². Материалы типа «Новая Беденьга» исследователь выявил и на других памятниках Ульяновского Поволжья⁸³.

Не исключено проникновение в глубь правобережья Волги после II в. н.э. также и постпьяноборского (азелинского) населения. На территории Марийского левобережья, Предволжья Татарстана известен ряд азелинских памятников⁸⁴.

Таким образом, можно отметить следующие наиболее актуальные проблемы в изучении археологических памятников I–VII вв. н.э. в северо-восточной части Приволжской возвышенности: разработка критериев для разграничения писеральско-андреевских (I–III вв.), древнемордовских (III–VIII вв.), древнемарийских (V–VII вв.) и именьковских (IV–VII вв.) керамических комплексов с привлечением технико-технологического анализа; пересмотр на этой основе культурной атрибуции памятников «поздне-городецкой» культуры; разработка абсолютной и относительной хронологий памятников; поиск надежных закрытых археологических комплексов, в частности могильников, и их целенаправленные исследования; определение границ распространения носителей разных культурных традиций и инокультурных влияний на территории северо-восточной части Приволжской возвышенности и времени их существования.

Литература и источники

- ¹ Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=1619> (дата обращения: 30.04.2013).
- ² Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2011. Т. 4. С. 595.
- ³ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 146–148. (Раннеславянский мир; вып. 3).
- ⁴ Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточноевропейской лесостепи / сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.Р. Полесских (25–27 сентября 2008 г.). Пенза, 2008. С. 102.
- ⁵ Старостин П.Н. Именьковская культура // Свод археологических источников (САИ). Вып. Д1-32. М., 1967. С. 29.
- ⁶ Ахмедов И.Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в 1-м тысячелетии н.э.: проблемы и материалы. М. 2010. С. 16. (Раннеславянский мир; вып. 13).
- ⁷ Казаков Е.П. Ранние болгары в Поволжье // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 185–187.
- ⁸ Гришаков В.В. Указ. соч. С. 104.
- ⁹ Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1-14. М.: Наука, 1965.
- ¹⁰ Ледайкин В.И. Городецкая культура и древняя мордва: дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 9.
- ¹¹ Миронов В.Г. Памятники городецкой культуры и проблема её локальных вариантов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 3.
- ¹² Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры: дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2001. С. 61, 62.
- ¹³ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009. С. 72, 73. (Археология евразийских степей; вып. 7).
- ¹⁴ Разуваев Ю.Д. Городецкие поселения лесостепного Подонья: некоторые итоги и перспективы исследования // Поволжские финны и их соседи в древности и Средние века: III Всероссийская науч. конф. Саранск, 2011. С. 50.
- ¹⁵ Сарапулкина Т.В. Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 5.
- ¹⁶ Матвеева Г.И. Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городецкая культуры) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: ранний железный век и Средневековье. М., 2000. С. 88.

- ¹⁷ *Хреков А.А.* Городецкие поселения лесостепного Прихоперья // Поволжский край. Вып. 11. Саратов, 2000. С. 71.
- ¹⁸ *Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Указ. соч. С. 24, 25.
- ¹⁹ *Никитина Т.Б., Соловьев Б.С.* Сомовское II городище // Древности Поволжья и Прикамья. Йошкар-Ола, 2001. С. 13, 14. (Археология и этнография Марийского края (АЭМК); вып. 25).
- ²⁰ *Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961. С. 110, 111.
- ²¹ *Халиков А.Х.* Памятники писеральско-андреевского типа в волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. Йошкар-Ола, 1987. С. 23. (АЭМК; вып. 12).
- ²² *Генинг В.Ф.* К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н.э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1962. С. 335.
- ²³ *Хакимзянов Ф.С., Измайлов И.Л.* Языки населения Волжской Булгарии и проблема «булгарского» языка // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006. С. 622.
- ²⁴ *Матвеева Г.И.* Указ. соч. С. 89.
- ²⁵ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 2003. С. 282, 318.
- ²⁶ *Михайлов Е.П.* Из истории изучения памятников городецкой культуры на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995. С. 59, 60.
- ²⁷ *Каховский В.Ф.* Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Исследования по археологии Чувашии. Чебоксары, 1978. С. 10. (Труды ЧНИИ; вып. 80).
- ²⁸ *Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Хулаш // Городище Хулаш и памятники Средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. С. 43, 44.
- ²⁹ *Гришаков В.В.* Указ. соч. С. 99.
- ³⁰ *Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.* Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007. С. 135. (Раннеславянский мир; вып. 9).
- ³¹ *Халиков А.Х.* Очерк истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1962. С. 116–138. (Труды МАЭ; т. 2.).
- ³² *Степанов П.Д.* Андреевский курган (предварительное сообщение) // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1964. Вып. 27. С. 206–267.
- ³³ *Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009. С. 54–56.
- ³⁴ *Степанов П.Д.* Археологическая работа в восточной части Мордовской АССР в 1967–1968 гг. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1974. С. 70–72. (Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики – МНИИЯЛИЭ; вып. 45).
- ³⁵ *Архипов Г.А., Шадрин А.И.* Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1995. С. 119. (АЭМК; вып. 24).
- ³⁶ *Зубов С.Э., Михеев А.В.* Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего Средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничникова. Уфа, 2006. С. 204–225.
- ³⁷ *Зубов С.А.* Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Saarbrücken, 2011. С. 15.
- ³⁸ *Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Указ. соч. С. 73. Табл. 4.
- ³⁹ Там же. С. 92.
- ⁴⁰ *Халиков А.Х.* Памятники писеральско-андреевского типа в волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация. С. 9.
- ⁴¹ *Ефименко П.П.* Средневолжская экспедиция 1926–1927 гг. // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1929. Т. 2. С. 169, 170.

- ⁴² Степанов П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4. М., 1962. С. 240, 241, 252–254. (Материалы и исследования по археологии – МИА; №111).
- ⁴³ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. Карта 21–73, 74, 84, 85.
- ⁴⁴ Вихляев В.И. Указ. соч. С. 187–207.
- ⁴⁵ Воронина Р.Ф. Нижнесурская мордва IV–VII вв. (по материалам Ивановского могильника 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1968–1972 гг.) // Пензенский археологический сборник. Вып. 1. Пенза, 2007. С. 154, 155.
- ⁴⁶ Гришаков В.В. Указ. соч. С. 99, 103–105.
- ⁴⁷ Мясников Н.С. Отчет о результатах археологической разведки на территории Аликовского и Вурнарского районов Чувашской Республики в 2011–2012 гг. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2704. Инв. № 9532.
- ⁴⁸ Халиков А.Х., Безухова Е.А. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960. С. 20.
- ⁴⁹ Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды МАЭ. Йошкар-Ола, 1962. Т. 2. С. 158.
- ⁵⁰ Там же. С. 179.
- ⁵¹ Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 1999. С. 38, 39.
- ⁵² Никитина Т.Б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в Средние века: коллективная монография. Ижевск, 1999. С. 202, 203.
- ⁵³ Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. С. 43.
- ⁵⁴ Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Указ. соч. С. 274, 275.
- ⁵⁵ Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948. С. 53–56.
- ⁵⁶ Патрушев В.С. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1986. С. 20, 23.
- ⁵⁷ Там же. С. 22, 23.
- ⁵⁸ Там же. С. 7–24.
- ⁵⁹ Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань, 1954. С. 62.
- ⁶⁰ Там же. С. 52.
- ⁶¹ Степанов П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья. С. 251, 252.
- ⁶² Степанов П.Д. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // III Уральское археологическое совещание в г. Уфа: тезисы докладов. Уфа, 1962. С. 65–68; *Его же*. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. 2. С. 144.
- ⁶³ Генинг В.Ф. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа // Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956. С. 43–46.
- ⁶⁴ Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань, 1959. С. 217.
- ⁶⁵ Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н.э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1962. С. 335.
- ⁶⁶ Старостин П.Н. О так называемых позднегородецких памятниках Среднего Поволжья // Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1964. С. 191–208. (Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; вып. 19).
- ⁶⁷ Старостин П.Н. Отчет о результатах археологической разведки на территории Чувашской АССР, проведенной летом 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 3646. Л. 1–29.
- ⁶⁸ Старостин П.Н. Памятники именковской культуры // САИ. Вып. Д1–32. М., 1967. С. 29.
- ⁶⁹ Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. Казань, 1985. С. 11, 29, 31, 32.

- ⁷⁰ Матвеева Г.И. О происхождении именковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 52–73.
- ⁷¹ Старостин П.Н. Именковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 100, 101.
- ⁷² Сташенков Д.А. Об этнокультурных связях населения именковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2. С. 26–28.
- ⁷³ Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именковской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2010. Т. 12. № 6. С. 272.
- ⁷⁴ Старостин П.Н. Именковские могильники. С. 90.
- ⁷⁵ Фахрутдинов Р.Г. Отчет 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. № 5327. Л. 17 (карта), 43 (№ 37), 44 (№ 38), 45 (№ 40), 46 (№ 41).
- ⁷⁶ ПСРЛ. Т. 13. СПб, 1906. С. 495–497.
- ⁷⁷ Гуркин В.А., Вискалин А.В. О ногайской дороге из Орды в Москву в конце XV века. URL: http://simbir-history.narod.ru/html/statja_1489.htm (дата обращения 01.05.2013).
- ⁷⁸ Исследование многослойного поселения Утюж I на Суре / А.В. Вискалин, Н.С. Березина, А.Ю. Березин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий, А.В. Коноваленко // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: материалы научно-практической конференции, Чебоксары, 19–20 декабря 2006 г. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 54.
- ⁷⁹ Мясников Н.С. Отчет о результатах археологической разведки на территории Алатырского и Порецкого районов Чувашской Республики в 2009 г. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2675. Инв. № 9495; *Его же*. Отчет о результатах археологической разведки на территории Алатырского и Порецкого районов Чувашской Республики в 2012 г. Чебоксары, 2013 // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2703. Инв. № 9531.
- ⁸⁰ Сташенков Д.А. О ранней дате именковской культуры // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: краеведческие записки. Самара, 2010. Вып. 15. С. 116.
- ⁸¹ Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. М., 2005.
- ⁸² Вязов Л.А., Семькин Ю.А. Памятники эпохи Великого переселения народов в Волго-Свияжском междуречье: доклад на Международной конференции «Великое переселение народов (4–7 вв. н.э.) – на пути к установлению системы взаимодействия народов Евразии», Куликово поле, 13–17 ноября 2012 г.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Лещинская Н.А. Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н. Старостина) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сборник к 70-летию П.Н. Старостина. Казань, 2009. С. 118.

N.S. Myasnikov

THE RESULTS AND PERSPECTIVES FOR STUDY OF ARCHEOLOGICAL MONUMENTS OF THE 1ST-8TH CENTURIES A.D. IN THE NORTH-EASTERN PART OF THE VOLGA REGION HIGHLANDS: THE ETHNO-CULTURAL ASPECT

The article sums up the results of study of archeological sites of the 1st-8th centuries A.D. in the northeastern part of the Volga region highlands in terms of ethnoculture. The author attempts to emphasize topical and disputable matters in this direction of research and to select the most perspective ones. There is a map of sites of various cultural formations on the territory concerned: ancient Mari, ancient Mordva, Imenkovo, “late Gorodets” archeological cultures, sites of Piseraly-Andreyevka-type, and Novaya Bedenga-type.

Key words: archeological sites, early Iron Age, early Middle Ages, late Gorodets, Imenkovo, ancient Mari, ancient Mordva cultures, Piseraly-Andreyevka-type sites.

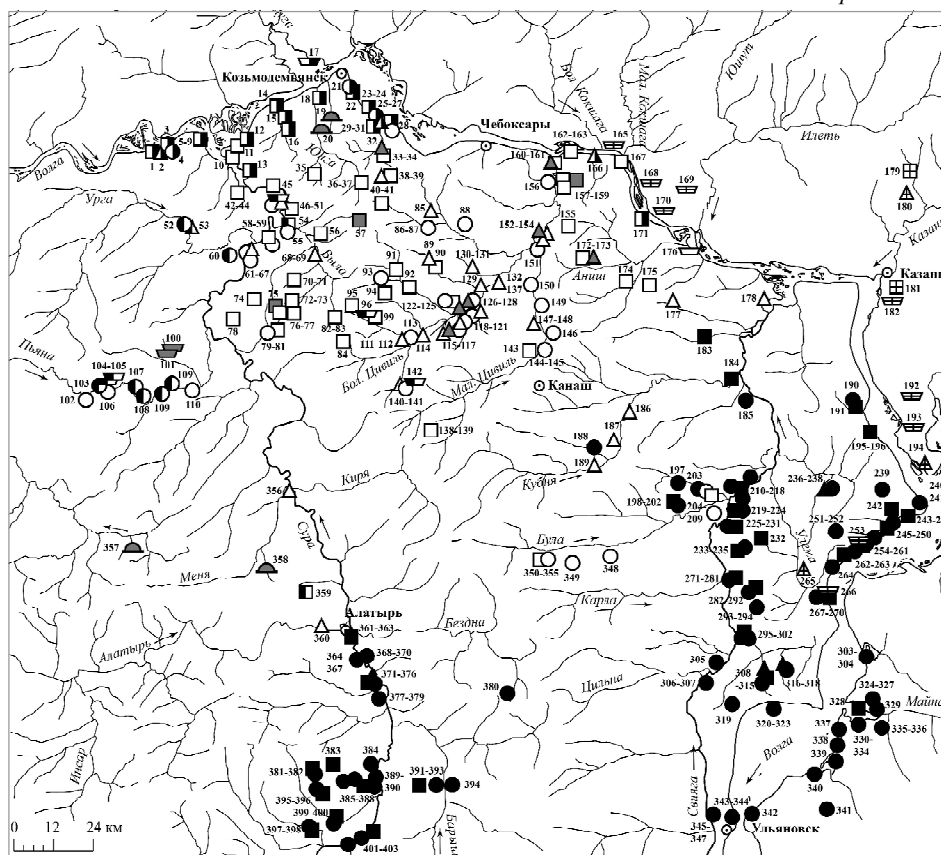

Рис. 1. Карта археологических памятников первой, второй и третьей четвертей I тысячелетия н.э. северо-восточной части Приволжской возвышенности

Условные обозначения		Археологические культуры:	
Виды памятников:			
□	- городище;	■	- памятники тисеральско-андреевского типа
○	- селище;	▤	- пьяноборская и азелинская культуры
△	- местонахождение, отдельные находки;	□	- позднегороденская культура
◐	- курганный могильник;	▥	- древнемарийская культура
▭	- грунтовый могильник.	▦	- древнемороновская культура
		■	- именьковская культура
		▨	- прочие археологические культуры

Примечание. Карта составлена автором на основе следующих изданий: Археологическая карта Чувашской Республики. Чебоксары, 2013; Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. Казань, 2007; Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. Казань, 1985; Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1. М., 2004; Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009; Зеленцова О.В. Археологические памятники и проблемы сохранения археологического наследия на территории Республики Мордовия. 2008 г. // URL: <http://www.amatorg.ru/Regions/13.htm> (дата обращения: 10.05. 2013); Вязов Л.А., Семькин Ю.А. Памятники эпохи Великого переселения народов в Волго-Свияжском междуречье: доклад на Международной конференции «Великое переселение народов (4–7 вв. н.э.) – на пути к установлению системы взаимодействия народов Евразии», Куликово поле, 13–17 ноября 2012 г.; Лещинская Н.А. Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н. Старостина) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сборник к 70-летию П.Н. Старостина. Казань, 2009; Буров Г.М. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

**Список памятников археологии первой, второй и третьей четвертей
I тысячелетия н.э. северо-восточной части Приволжской возвышенности**

1. Сомовское городище 1	2. Сомовское местонахождение	3. Сомовское городище 2
4. Сомовское селище	5–9. Фокинские городища 1, 2, 3, 4, 5	10. Васильсурское городище 2
11. Васильсурское городище 4	12. Барковское городище	13–14. Красное селище, городища 1, 2
15. Красное селище, селище 1	16. Емангашское городище 2	17. Красная Горка, городище
18. Пайгусово городище	19. Младший Ахмыловский могильник	20. Сиухинское городище 1
21. Климкинский курганный могильник	22. Писеральский курганный могильник	23. Владимирское селище
24. Владимирское городище	25. Иванова Гора, городище	26. Иванова Гора, селище 2
27. Носельское селище 1	28–29. Шунангерские селища 1, 2	30. Малахайское городище
31. Малахайское селище	32. Юльяльское городище	33. Юльяльские находки
34. Новошопкинское местонахождение	35. Каршлыхское городище 1	36. Каршлыхское городище 2
37. Ювановское городище «Арату»	38. Юнгапосинское городище	39. Юнгапосинское селище
40. Москакасинское местонахождение	41. Кадикасинское городище	42. Адабайское городище
43. Адабайское селище	44–45. Сосновские городища 1, 2	46. Сосновское селище
47. Засурьевское городище	48. Ивановский могильник	49. Долиновское селище
50. Никитинское селище	51. Никитинское местонахождение	52–53. Чебаковские городища 1, 2
54. Покров Майдан, селище	55. Крутцы, местонахождение	56. Ядринское городище
57. Чеморданское поселение «Убабусь»	58. Сареевское городище «Ножа Вар»	59. Сареевское селище
60. Ванькинское городище	61. Ягаткинское городище «Пичке Сәрче»	62. Курмышское селище 4
63. Выселок № 1, селище	64–65. Новокатериновские местонахождения 1, 2, 3	66. Выселок № 2, селище
67–69. Выселок № 2, местонахождения 1, 2, 3	70. Качикасинское местонахождение	71. Лапракасинское местонахождение
72. Верхнеачакское городище	73. Верхнеачакское поселение	74. Николаевское городище
75. Николаевское местонахождение	76. Калутинское городище	77. Тиханкинское городище 1 «Синби Сет»
78. Тиханкинское городище 2	79. Русскоатайское городище	80. Пчелкинское городище «Хула Сәмси»
81. Тоганашское поселение	82–83. Тоганашские городища 1, 2	84. Тури-Вильское городище
85. Тури-Вильское селище	86. Егоркинское городище	87–88. Большемамышские местонахождения 1, 2
89–90. Хыймалакасинские местонахождения 1, 2	91. Кивсерт-Маргинское поселение 1	92. Головское местонахождение 3
93. Большешатминское городище	94. Верхнехоразанское городище	95. Пизенерское городище
96. Устынское поселение	97. Изванкинское городище	98. Шерашевское городище
99. Таутовский могильник	100. Кармальское городище	101. Пильнинский могильник 1
102. Пильнинский могильник 2	103. Сергачское селище	104. Шубинское селище
105. Сергачский могильник 1 «Святой Ключ»	106. Сергачский могильник 2 «Кожи́на Слобода»	107. Кочко-Пожарское селище 1
108. Сергачское поселение	109. Акузовское селище	110. Новоберезовское селище
111. Гари, поселение	112. Ждановское селище	113–114. Синьяльские местонахождения 1, 2
115. Альменевское селище	116. Кукушумское местонахождение 2	117. Сугут-Торбиковское местонахождение

118. Синьял-Яушское местонахождение (курган?)	119. Челкасинское селище	120. Талхирское местонахождение
121. Талхирское селище	122. Кирегасинское поселение	123. Убеевское местонахождение
124. Досаевское поселение	125–126. Досаевские селища 1, 2	127. Досаевское городище
128. Янмурзинский клад	129. Нижнекожарская находка	130. Новоигитское селище
131. Хозакасинское местонахождение	132. Очкасинское местонахождение	133. Пшонгинское местонахождение
134. Именевский жертвенник	135–138. Именевские местонахождения 1, 2, 6, 7	139–140. Кюстомерские городища 1, 2
141–142. Волонтерские местонахождения 1, 2	143. Волонтерское селище	144. Сендимиркинский могильник
145. Шибылгинское городище	146–147. Маткасинские селища 1, 2	148. Второвысоковское селище
149–150. Шигалинские местонахождения 1, 2	151. Каткасинское селище	152. Первочермерчевское селище
153. Цивильское селище	154. Тувсинская находка	155. Тюнзырское местонахождение
156. Байгеевское местонахождение 1	157. Акташкасинское городище	158. Верхнемагазское селище
159. Ирх-Сирмы-Ронгинское городище	160. Большекамаевское городище	161. Ящеринское городище
162. Яндашевское местонахождение (могильник?)	163. Яндашевское городище	164. Малое Новинское городище
165. Новинское («Чертово») городище	166. Марпосадское местонахождение	167. Уржумкинский могильник
168. Демёшкинское городище	169. Арзобеляжский могильник	170. Лушморский могильник
171. Мари-Луговской могильник	172. Карабашское городище	173. Второтойзинское городище
174. Шинерские находки	175. Шималаховское городище	176. Катергинское городище
177. Криушская дюна, могильник	178. Чирш-Сирминское местонахождение	179. Исаковское местонахождение 3
180. Ашиязское городище	181. Верхневерескинские находки	182. Аэродромное селище 1
183. Казанка, городище 1	184. Казанский могильник 4 «Локомотив» (старый стекольный завод)	185. Тавлинское городище
186. Луковское (Япанчинское) городище	187–188. Карамышихинские городище и селище	189. Красноборское селище
190. Малоподберезинское местонахождение	191. Хозесановское местонахождение	192. Старотябердинское селище
193. Чутеевское местонахождение	194–195. Теньковские городище и селище	196–197. Русскобургацкие 1, 2 городища
198. Карадулинское 2 селище	199. Нармонский могильник	200. Рождественское городище
201–203. Рождественские селища 2, 4, 6	204. Рождественский могильник 2	205. Рождественский могильник 5
206–207. Саралинские городища 1, 2	208–209. Саралинские селища 1, 2	210. Байчугинское селище 1
211. Ташкирменское городище 2	212–216. Ташкирменские селища 1, 2, 4, 5, 6	217. Ташкирменский могильник
218. Ташкирменские находки	219. Баргузинское селище	220. Бикеевское местонахождение
221–222. Бикеевские селища 1, 2	223–224. Камско-Устьинские селища «Любач» 1, 2	225. Янтиковское (Кирельское) городище
226–227. Краснокаратаевские городище и селище	228–231. Кирельские селища 1, 2, 3, 4	232–233. Кирельские городища 1, 2
234–235. Большетраясинские селища 1, 2	236. Сюкеевский могильник	237–241. Мордовско-Каратаевские селища 1, 2, 3, 4, 5
242–243. Сюкеевское селище 1, селище «Мазарки»	244. Сюкеевское городище	245–246. Елховские городище и селище

247. Долгополянское селище	248. Шемякинские находки	249. Тегюшский могильник 2
250–251. Тегюшские селища 1, 2	252–253. Тегюшские городища 1, 2	254. Черемшанское селище 3
255. Малобақырчинское селище	256. Кзыл-Тауское городище	257–260. Кзыл-Тауские селища 1, 2, 3, 4
261. Нижнебалтаевское селище	262–263. Среднебалтаевские селища 1, 2	264–265. Среднебалтаевские городища 1, 2
266. Коммунарское селище	267. Среднебиябашское городище	268. Булым-Булыхчинское селище 2
269. Бишевское городище	270. Бишевское селище	271. Починок-Еманаевское городище
272–274. Починок-Еманаевские селища 1, 2, 3	275–279. Черки-Бибеевские селища 1, 2, 3, 4, 5	280. Апастовское городище
281. Большефроловское городище	282–283. Большефроловские селища 1, 2	284–292. Степановские селища 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9
293–294. Степановские городища 1, 2	295–303. Большекарлангинские селища 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9	304–305. Большекарлангинские городища 1, 2
306–307. Краснопольские селища 1, 2	308. Хулашское городище	309–310. Хулашские селища 1, 2
311–315. Кильнинские селища 1, 2, 3, 4, 5	316. Чабровское селище	317–318. Сюндюковские селища 1, 2
319. Черталинский овраг, селище	320. Нижнетарханское местонахождение	321. Большетарханское городище
322–327. Большетарханские селища 1, 1а, 2, 4, 6, 8	328. Киртелинское местонахождение	329–330. Киртелинские селища 2, 3
331–334. Юматиха, селища 1, 2, 3, 4	335–336. Волостниковские селища 1, 2	337–340. Грязнуха, селища 1, 2, 3, 4
341. Красная Поляна, селище	342. Майнское городище	343–347. Старомайнские селища 1, 2, 3, 4, 5
348–349. Красная Река, селища 1, 4	350. Малиновка, селище 1	351. Головкино, селище 3
352. Ивановка, селище 2	353. Юрманки, селище 1	354. Чердаклинское селище
355. Малопаляцинское селище	356. Староалейкинское селище	357. Комаровское поселение 2
358–360. Городища «Сланцевый Рудник» 1, 2 и селище	361–362. Городище и селище «Круглая Поляна»	363. Новая Беденьга, городище
364–365. Новая Беденьга, селища 1, 2	366–367. Карлинские селища 3, 4	368. Селище «Ипподром»
369. Селище «Северный Венец»	370. Луговое, селище 4	371. Батыревское селище
372. Андреевский курган	373. Староардатовский курган	374. Ичиксинское городище
375. Чуварлейское местонахождение	376–377. Алатырские городища 1, 2	378. Алатырское селище
379–380. Стемасские селища 5, 7	381. Утюж 1, поселение	382. Молебное Озеро 2, поселение
383–384. Ивановско-Ленинские городища «Шолм» и «Ивановская Стрелка»	385. Ивановско-Ленинское «Макеевское» селище	386. Ивановско-Ленинское местонахождение
387–389. Сарские селища 1, 2, 3	390. Яблоновское селище	391–392. Чиндяновские городище и селище
393. Сойнинское городище «Ош-Пандо»	394. Сурское селище	395–396. Гулошевские селища 1, 3
397–398. Городище и селище «Ашна-Пандо»	399. Балтаевское селище	400. Кирзять, селище
401. Малокандарьское городище 2	402–403. Малокандарьские селища 1, 2	404. Усть-Уренское селище
405–406. Моргинские городище и селище	407–408. Николаевские городище и селище	409–410. Енгальчевские городище и селище
411–412. Беловодские городище и селище	413. Стрельниковское селище	

ИСТОРИЯ

ПОЛИТИКА ХАЗАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ:

ЧГВ, 2013 г., № 8

© А.Р. Мухамадеев

СУВАРСКИЙ ФАКТОР
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА X ВЕКА)

Настоящая статья является попыткой выяснить причины отказа одной из племенных групп болгарского сообщества – сувар – принять ислам. Автор, изучив источники, приходит к выводу об имевшей место тайной политике хазарского правительства расстроить планы по консолидации болгар на Среднем Поволжье под началом Алмыша. По мнению автора, в результате хазарского вмешательства багдадское посольство 922 г. в Волжскую Болгарию остается без финансовых средств, а вследствие хазаро-суварских сношений мощным конкурентом г. Булгару становится г. Сувар, ставший центром отдельного княжества.

Ключевые слова: Волжская Болгария, Хазарский каганат, болгары, Алмыш, ислам, посольство, Вырыг, хазары, сувары, хазаро-суварский союз, тайная политика.

Обстановка в Волжской Болгарии (Булгarii) к концу IX в. сложилась такая, что, как и в других государствах примерно такого же уровня развития, появилась настоятельная потребность в единой государственной религии. Хазария официально приняла иудаизм, Дунайская Болгария и Киевская Русь – христианство. В Булгarii такой консолидирующей конфессией стал ислам суннитского толка. Особую роль в этом выборе сыграли активные контакты волжских болгар со странами Средней Азии.

В 921 г. в Багдад к халифу ал-Муктадиру прибыл посол болгарского правителя Алмыша. Алмыш к этому времени сам являлся мусульманином и просил халифа «о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру, чтобы он установил на ней от имени халифа хутбу в его собственной стране и во всех областях его государства, и просит его о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей своих противников»¹.

Алмаз Раисович Мухамадеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории общественной мысли и исламоведения Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: almazrm42@mail.ru.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-11-16011.

Факт, что Волжская Болгария в то время признавала власть хазарского кагана, платила ему дань, поставляла отряды в его войско и т.д., а во избежание недоразумений каган держал в заложниках сына правителя болгар². Во главе административно-территориальных единиц Хазарии, указанных византийским императором Константином Багрянородным, стояли наместники (тудуны), конкретно известные для Крыма и Волжской Болгарии³. В принципе, для хазарского кагана царь болгар был не более чем одним из таких тудунов, признающих верховную власть сюзерена.

Было несколько причин обращения царя Алмыша к халифу. Во-первых, Алмыш посредством политического покровительства халифата старался обезопасить себя от внешних угроз. Во-вторых, приняв ислам, он приобретал существенно больший авторитет своей власти внутри Волжской Болгарии, тем самым мог реально ускорить процесс консолидации болгарского сообщества.

Весной 922 г. посольство халифа прибыло к месту своего назначения. Принято считать, что летом того же года состоялось всенародное принятие булгарами ислама, за исключением части сувар во главе с князем Вырыгом. После приезда этого посольства Алмыш повел себя заметно увереннее, он заявил непокорным племенам: «Воистину Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных... Кто мне будет противиться, того поражу мечом»⁴. Такое предупреждение было в духе времени и подействовало на большую часть болгарского сообщества: сомневающиеся в необходимости объединения племена, в частности эсегелы, поняв серьезность намерений Алмыша, были вынуждены примкнуть к нему.

Волжская Болгария складывалась в результате слияния под одной властью ранее самостоятельных этнополитических территорий. Процесс этот шел со взаимными конфликтами правителей княжеств, в которых глава государства всячески старался усилить свое политическое, правовое и экономическое положение. Но и этого оказалось недостаточно для полной консолидации разношерстных болгарских племен. Алмыш решил ввести в игру самый главный, возможно и последний, «козырь» – использовать в своих целях монотеистическую религию. Прибытие же арабского посольства добавило ему моральное право повелевать болгарским сообществом, как главе правоверных. Проблема появилась в лице сувар, и Алмыш её мог явно предвидеть, так как до всенародного принятия ислама он отправил своих людей именно только за суварами, тогда как беренджеры и барсилы добровольно согласились на этот объединительный акт, а эсегелы, хоть и сомневались, в итоге все же не посмели ослушаться царя.

Некоторые ученые указывают на гипотетичность факта всеобщего сбора болгарских племен у реки Джавшыр для принятия ислама. Г.М. Давлетшин при этом опирается на выводы А.П. Ковалевского, который писал, что около этой реки весь собравшийся народ принял ислам, но через несколько строк сам же признавал невозможность выяснения того, что же

здесь произошло на самом деле⁵. Возможно, секретарь арабского посольства Ибн Фадлан и писал в своем отчете об этом сборе подробно, но науке известен лишь его сокращенный текст⁶.

Учитывая, что ко времени прибытия посольства какая-то часть болгарского сообщества уже была мусульманизирована, относительная легкость «всенародного принятия ислама» становится очевидной. О личности самого Алмыша, когда и при каких условиях он принял ислам, практически ничего не известно. Но еще Ибн Русте, писавший свой труд в самом начале X в. (а относительно болгар по материалам еще раннего времени – конца IX в.), утверждал, что «царь болгар, Алмыш по имени, исповедовал ислам»⁷.

Однако все это не снимает вопросов относительно сувар во главе с князем Вырыгом, выразивших принципиальное нежелание подчиняться царю. Был ли каким-либо образом наказан или приведен к покорности Вырыг, сведений в источниках не имеется, но в средневековой практике это было бы в порядке вещей. Учитывая, что решался вопрос государственной важности, наказание столь категорического ослушания являлось острой необходимостью.

Смута при принятии официальной государственной религии известна и в истории дунайских болгар. Но здесь дело не ограничилось только относительно пассивным неповиновением со стороны оппозиции, как это было у болгар. Царь Борис, стремящийся обратить своих подданных в христианство, встретил энергичное сопротивление со стороны части знати, желающей сохранить языческую веру. Предводители язычников взбунтовались и возмутили против Бориса много народа, однако смута окончилась полным разгромом оппозиции⁸.

История принятия новых вероисповеданий знала и другие примеры, когда религиозные нововведения оборачивались против самих правителей-реформаторов. Один из таких случаев описывает Ибн Фадлан: «Первый из их [гузов] царей и главарей, кого мы встретили, [был] Йынал Маленький. Он прежде принял [было] ислам. Но ему было сказано: «Если ты принял ислам, ты уже не главенствуешь над нами. Тогда он отказался от своего ислама»⁹.

Общий характер просьб Алмыша к халифу вполне ясен и понятен, цель – найти могущественного духовного, политического и экономического покровителя в его лице. Но разбор каждой просьбы по отдельности ставит под сомнение искренность болгарского царя по отношению к халифу. Возникает вопрос об истинных намерениях этого правителя.

Первая просьба о внедрении среди волжских болгар основ ислама, а значит якобы их незнание булгарами, выглядит несколько преувеличенной. Известно, что немалая часть болгар, как и болгар центральных регионов Хазарского каганата, к этому времени без опасения для себя исповедовала ислам. При этом ханафитский мазхаб ислама имел в Булгарии глубокие корни и широкое распространение. Ибн Фадлан, желавший изменить некоторые порядки в отпращивании религиозных обрядов, укоренившихся среди болгар и совершаемых с учетом местных географических условий,

встретил со стороны Алмыша жесткий отказ. Арабские послы не смогли приблизить болгар к шафиитскому или ханбалитскому направлениям ислама, исповедуемым в халифате.

Расчет на помощь халифа, призванную запретить хазарским болгарам воевать со своими единоверцами на Средней Волге, который был озвучен некоторыми исследователями, также выглядит несколько странным. Алмыш не мог не знать, что *ал-арсии*, мусульманские гвардейцы-наемники, и все иные мусульмане каганата по договору с каганом имели узаконенное право не воевать со своими единоверцами. Учитывая, что отряды мусульман составляли отборную часть армии каганата, болгарский правитель имел серьезные основания не опасаться прямого военного вмешательства со стороны хазар.

Следующая просьба Алмыша к халифу – о постройке крепости. Принято считать, что крепость правителю болгар была необходима в целях защиты от «хазарской угрозы». Однако, как мы уже отметили, такой прямой угрозы практически не было. Самым важным требованием возведения крепости была внутренняя политика объединения, которую собирался проводить болгарский царь. Ибн Фадлан, информирующий о письме Алмыша багдадскому халифу, отмечает, что болгарский правитель просит помощь в строительстве крепости, «чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников»¹⁰, не упоминая при этом хазар. О том, что его побудила построить крепость «боязнь царя хазар»¹¹, Алмыш говорит только самому Ибн Фадлану, уже находящемуся в Булгарии. На наш взгляд, под «своими противниками» Алмыш имел в виду не столько хазарского сюзерена, сколько потенциальных соперников в самом болгарском сообществе – князей отдельных племен. Ведь логика требовала порядка действий: объединение, а лишь потом – борьба за независимость.

Факт неисполнения воли правителя частью населения и необходимость прибегать к мечу для подкрепления своего авторитета были расценены исследователями как свидетельство о недостаточно окрепшем авторитете центральной власти и наличии у болгар некоторой самостоятельности племен¹². Очевидно, именно эти обстоятельства и делали Алмышу уязвимым, тормозили воплощение его планов по консолидации болгарского сообщества, созданию независимого от хазар государства.

Духовную власть над болгарским сообществом Алмыш получал с официальным признанием Волжской Булгарии мусульманским государством со стороны халифата и других государств. Наличие мощной крепости дало бы возможность существенно подкрепить свой военный авторитет среди болгарского сообщества. Город-крепость мог бы стать как единым центром управления государством, так и надежной защитой во время смут внутри страны. Очевидно, Алмыш и ранее предвидел возможность бунтов, но реально ощутил это лишь в 922 г., когда эсегели выразили сомнение в правильности его политического курса, а часть сувар вовсе отказалась подчиниться.

Попытка окончательно выйти из-под власти Хазарского каганата посредством признания себя мусульманской страной у волжских болгар не получилась. Как отметил Л.Н. Гумилев, вероотступничество не укрепило, а ослабило болгар. Одно из крупных племенных образований болгарского сообщества – сувары – отказались принять ислам и укрепились в лесах Заволжья. В итоге исламская Булгария до второй половины X в. не могла соперничать с иудейской Хазарией¹³.

Фактически сувары посмели открыто противостоять всему болгарскому сообществу, во главе с их признанным правителем. На сувар не действовали ни уговоры, ни угрозы Алмышы, и, похоже, им все это сошло с рук. На что или на кого могли надеяться сувары в такой обстановке? Изучение политической ситуации того времени позволяет предположить об их некой (тайной или явной) связи с властями Хазарии.

Во время нахождения посольства в Булгарии в Хазарии также происходили знаковые события. Как сообщает Ибн Фадлан, «в триста десятом году до царя хазар дошла весть, что мусульмане разрушили синагогу, бывшую в усадьбе ал-Бабунадж, он приказал, чтобы минарет (соборной мечети Итиля – в то время столицы каганата. – *А.М.*) был разрушен, казнил муэдзинов и сказал: «Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть». Произошло это событие в 310 г. хиджры. Посольство арабов к болгарам прибыло 12 мая 922 г., 310 г. по хиджре начался буквально перед этим – 1 мая. Значит, описанные события произошли именно во время пребывания посольства в Волжской Болгарии – летом 922 г., причем Ибн Фадлан узнал об этом, находясь у болгар¹⁴.

Весть о прибытии в страну болгар посольства халифа и об окончательном утверждении там ислама вызвала возбуждение среди мусульман каганата. Однако хазарское правительство чувствовало себя достаточно крепко и предприняло ответные меры. Так как на основную причину волнений – посольство халифа к царю болгар – ссылаться было нежелательно, царь хазар выдвинул в качестве предлога разрушение синагоги в ал-Бабунадже. Полное же разрушение соборной мечети хазарской столицы привело бы к крайнему обострению конфликта иудеев и мусульман внутри Хазарии и за ее пределами, чего царь хазар вряд ли желал.

Усиление Булгарии, а тем более ее независимость, означало для каганата потерю обширного края, богатого природными и человеческими ресурсами, что сильно ударило бы по экономике и военной силе Хазарского государства, а также, естественно, по политическому имиджу каганата на международной арене.

Хазары, прекрасно понимая, что военное вмешательство может привести к непредсказуемым последствиям, могли использовать в целях расстройств планов Алмышы тайную дипломатию. В одном из сообщений «Повести временных лет» отмечается, что варяги живут и на восток от Варяжского моря «до предела Симова». Несмотря на то, что «предел Симов»

попал сюда по ошибке, это недоразумение имело прочные корни в древнерусской письменности. Видимо, как писал А.Г. Кузьмин, из-за принятия хазарами иудаизма и под влиянием пропагандистской информации, исходящей от иудеев, болгар их современники нередко также считали семитским народом. «Симов предел» – это лишь граница Булгарии, в которую упирались владения русов во второй половине IX в.¹⁵ Но, похоже, хазары сознательно вводили политических соседей в заблуждение. Понимая, что в экономическом противостоянии с каганатом русы могли найти в булгарах, стремящихся получить независимость, потенциальных политических и военных союзников, хазары представляли их мировому сообществу как неотъемлемую часть своего государства, в особых случаях даже как иудеев.

Впрочем, имеются иные сообщения о болгарх-иудеях. Арабский географ ал-Мукаддаси, писавший в 985 г., упоминает о трех городах болгар, среди которых Булгар и Сувар. Далее он сообщает о третьем городе, название которого не поддавалось расшифровке. Этот город находился на берегу какой-то реки, но не Волги, и был крупнее обоих вышеупомянутых городов. Жители его сперва были иудеями, а затем перешли в ислам, когда-то они отправились к берегу моря, но теперь вернулись в этот город. Д.А. Хвольсон, комментируя данные сведения, не смог объяснить, что это был за город, но делал некоторые выводы: во-первых, иудаизм распространился из Хазарии далеко на север, во-вторых, переселения болгар к морю и обратно он связывал с последствием походов русов в 968 г.¹⁶

На наш взгляд, главными фигурами в политической игре хазар по предотвращению консолидации волжских болгар стали сувары. Хазарам было выгодно, чтобы племена Среднего Поволжья придерживались разных религий и мировоззрений. Наличие среди них язычников, иудеев, христиан и мусульман было на руку правителям каганата, тогда как конфессиональная монолитность становилась довольно опасной. Вероятно, на этот случай хазары предпочли иметь на Средней Волге своих тайных союзников в лице сувар. Однако вводить «суварскую карту» в самом начале игры было бы преждевременно и неэффективно. В таком случае Алмыш сразу бы занялся появившейся проблемой, пытаясь утихомирить сувар или договориться с ними до приезда арабского посольства. Хазары успешно чинили препятствия на пути арабской миссии с самого начала. На всей территории багдадского халифата работала целая сеть шпионов и подкупленных чиновников разного уровня.

В посольстве в Волжскую Болгарию, казалось бы, изначально тщательно спланированном, неприятностей долго ждать не пришлось. Если внимательно изучить отчет секретаря миссии Ибн Фадлана, то «хазарский след» этого можно рассмотреть довольно отчетливо. Из текста Ибн Фадлана видно, что одним из послов Алмыш к халифу ал-Муктадиру был «муж по имени Абдаллах сын Башту Хазарин»¹⁷. Однако только факт того, что он являлся хазарином, еще ничего не доказывает. Более того, А.П. Ковалевский видит свою причину поручения ему болгарским царем столь ответ-

ственной миссии, направленной против Хазарского государства. Ученый предполагает, что Абдаллах сын Башту был политическим эмигрантом из Хазарии, представителем «мусульманской партии», якобы стремящейся низвергнуть правительство кагана и превратить Хазарию в исламскую страну. Принятие булгарами ислама должно было этому способствовать, кроме того, он мог дать халифским властям обстоятельные данные о внутреннем положении Хазарии¹⁸. Но весь дальнейший ход событий и поведение Абдаллаха Хазарина говорят сами за себя.

Финансовые средства в сумме 4 000 динаров, предназначенные для волжских болгар, посольству должен был вручить некий Ахмед бен Муса Хорезмиец от купли-продажи имения опального везира Ибн ал-Фурата в Хорезме. Имение он должен был получить из рук ал-Фадла бен Мусы Христианина – управляющего поместьем, выехать из Багдада вслед за посольством через 5 дней и догнать его. Эти сведения дошли до Ибн Мусы Христианина, который немедленно начал действовать, сообщив всем сторожевым постам и гарнизонам по хорасанской дороге, где должен был проезжать Ибн Муса Хорезмиец, чтобы его арестовали и держали под стражей до особых распоряжений. В результате Хорезмийца арестовали в Мерве и заключили под стражу, а посольству пришлось задержаться в Бухаре на 28 дней¹⁹.

Из текста Ибн Фадлана видна непосредственная причастность к этим «недоразумениям» Абдаллаха Хазарина. Ибн Фадлан сообщает: «Между тем ал-Фадл ибн-Муса еще раньше столкнулся с Абдаллахом сыном Башту и другими из наших спутников, которые стали говорить: “Если мы останемся, то нагрянет зима и будет упущено [время] для въезда [в Хорезм]. А Ахмед ибн-Муса, когда выполнит свои обязательства в отношении нас, догонит нас”». Далее Ибн Фадлан пишет: «Итак, когда я услышал слова Абдаллаха сына Башту и слова других предостерегавших меня от [неожиданного] прихода зимы, мы отправились из Бухары, возвращаясь к реке, и наняли корабль до Хорезма»²⁰. Из этих сведений понятно, что Абдаллах Хазарин не только изначально был в сговоре с ал-Фадлом, но и активно отговаривал дожидаться Ахмеда ибн-Мусу, должного удовлетворить финансовые потребности посольства. В итоге хазарину удалось двинуть посольство в дальнейший путь без тех 4 000 динаров. По причине отсутствия финансов дальше на север из Джурджании отказались ехать знатоки фихха, вероучители и большинство «отроков» (охрана, слуги), выехавшие с посольством из Багдада²¹. А.П. Ковалевский в своем исследовании пишет, что Абдаллах сын Башту возвратился обратно с посольством халифа. Однако в тексте Ибн Фадлана о нем больше не упоминается: не исключено, что Хазарин, выполнив свою задачу, просто покинул посольство.

Записи Ибн Фадлана конкретизируют причины неполучения финансов: это – действия отдельных лиц, каким-либо образом заинтересованных в том, чтобы деньги не дошли до послов. Мы предполагаем заинтересованность в этом правителей Хазарского каганата, желающих предотвратить

как принятие волжскими болгарами ислама, так и строительство в их стране мощной крепости.

Одна из главных задач хазарского плана была осуществлена: болгары были лишены финансирования. Поэтому, хотя исламизации Волжской Болгарии на официальном уровне хазары препятствовать не могли (так как мусульмане каганата были многочисленны и экономически крепки, а их воины составляли костяк хазарской армии), их умелая «тайная игра» реально отразилась на качестве исламизации болгар, ведь багдадское посольство прибыло в Среднее Поволжье без профессиональных мусульманских законоведов и вероучителей. Надо признать, что к моменту прибытия арабского посольства в Волжскую Болгарию хазары мудро использовали «суварскую карту».

Нам кажется сомнительным утверждение некоторых историков о поголовном язычестве сувар после 922 г., что опровергается текстом Ибн Фадлана и тем, что суварский князь в 920–970-х гг. чеканил свои монеты, надписи на которых сделаны арабской графикой, получившей широкое распространение в Волжской Болгарии после принятия ислама²². Что касается исполнения языческих обрядов и применения норм обычного права среди простого населения, то на бытовом уровне они долгое время проявлялись у всех племен болгарской конфедерации.

Примерно в середине 920-х гг. на территории Волжской Болгарии появляется крупный город Сувар, который, по мнению археологов, находился у с. Кузнечиха Спасского района Республики Татарстан. Он же становится центром Суварского княжества в составе Волжской Болгарии, образовавшегося не позднее 940-х гг. Населяли ли Сувар на самом деле сувары, и если да, то какая их часть, сказать трудно. Конечно, можно предположить, что сувары-мусульмане остались на левом берегу Волги и основали здесь город, а их соплеменники-язычники переправились на правобережье реки и смешались с финно-угорским населением, генерировав таким образом формирование предков чувашей. Также сложно сказать, был ли Сувар изначально центром княжества в классическом понимании этого слова. Вместе с тем известно, что Сувар был вполне независимым крупным городом, способным конкурировать с Булгаром во многих отношениях, в частности – чеканившим свои собственные монеты.

Интересен тот факт, что Сувар, причем уже как достаточно крупный город, появляется немногим позже посольства 922 г. При этом в нем, со времени основания и до 970-х гг., исследователи видят центр отдельной области, не вошедшей в состав Булгарского государства²³. Самостоятельность Суvara выражается в чеканке монет в 930–940-х гг. при правителях Насре и Талибе, сыновьях Ахмеда. Талиб продолжает чеканить монеты в 950-х гг. и в Суваре, и в Булгаре, но при его преемниках (по монетам, чеканенным исключительно в Булгаре в 976–981 гг., – Мумин сын Хасана) Сувар уже не чеканит монет. С этого времени такое право принадлежит только Булгару, что может указывать на достигнутое государственное объединение болгарских земель.

Быстрое возникновение, развитие и расцвет города сувар, совсем недавно расколотых на две части, оставляет немало вопросов. Разделились ли они на религиозной почве, то есть на мусульман и язычников, или же по политическим соображениям, то есть на лояльных и оппозиционных общеполитическому правителю, для внешних сил не имело особого значения. Важно было другое – формировалась реальная сила, предназначенная и способная противостоять централизации вокруг Булгара.

Следующий вопрос – кто, кроме самих сувар, был заинтересован в их независимости от общеполитического правительства? Исходя из политической ситуации того времени мы можем предположить, что таковыми были хазары. Видимо, одновременно с действиями по оставлению без финансовых средств арабского посольства хазары развернули свою активную тайную деятельность и в самой Волжской Болгарии.

К прибытию посольства механизм раскола болгарского общества был уже запущен. Часть сувар не стала договариваться с Алмышем, откровенно не подчинилась ему и перебралась на правобережье Волги. При этом она проигнорировала угрозы расправы со стороны болгарского царя. Вероятно, на это были веские причины, среди которых в первую очередь можно назвать хазарскую гарантию защиты за сохранение вассалитета. Дальнейшие события показывают, что другая часть сувар – мусульмане – также фактически оказалась «пятой колонной» в стане болгар. В итоге наравне с Булгаром в Среднем Поволжье появляется еще один крупный административный центр, конкурирующий с ним, – Сувар. Очень сомнительно, что Алмыш оказывал помощь при возведении этого города: ведь ему нужна была собственная крепость. А сувары в такой короткий срок также вряд ли могли отстроить его. Но были силы, и заинтересованные, и способные это сделать. Мы считаем – это были хазары. В результате хазаро-суварского сговора царь Алмыш не только не получил обещанные халифом деньги, но и приобрел мощный противовес своей власти в виде Суvara. В ответ на свой сепаратизм по отношению к хазарам, поддержанный халифатом, болгары получили сепаратизм сувар по отношению к себе, активно поддержанный (возможно, и инициированный) хазарами.

Здесь уместны возражения, что Суваром, даже в годы его наибольшей самостоятельности, правили потомки Алмыша. Как предполагают ученые, сыновья Ахмеда Наср, Талиб и Мумин являлись внуками Алмыша. Возможно, Мумин являлся не братом, а сыном Талиба. В целом, в Болгарии преобладала прямая линия наследования²⁴. Однако внешне видимое всевластие этой династии на том этапе истории – картина лишь кажущаяся, сконструированная самими учеными. Во-первых, нет точных сведений о том, что Наср, Талиб и Мумин являлись братьями, а также внуками Алмыша. Во-вторых, наличие власти одной династии во всех уделах государства во все не отрицает, а скорее, предполагает борьбу за престол между родственниками. Переходила ли в X в. в Болгарии власть от отца к сыну или же доставалась старшему в роде, вопрос тоже открытый. Ведь отец самого Ал-

мышы (Шилки) нигде не зафиксирован как болгарский правитель, поэтому власть Алмыш мог получить от своего дяди. Очевидно, всеми этими обстоятельствами умело воспользовались хазары. Даже если Наср не был суваром, а потомком Алмышы, хазарам удалось расколоть болгарскую знать. Они смогли создать в Среднем Поволжье выгодную им для поддержания своей власти ситуацию феодальной раздробленности. Как говорится, «разделяй и властвуй».

Хазарское правительство, в том числе посредством введения в политическую игру сувар, сделало максимум действий, чтобы миссия посольства халифа в Волжскую Болгарию имела минимум политических последствий. Мудрые хазары добились своих целей: не сбылись сепаратистские планы болгар, и не сбылись геополитические планы арабских халифов. В этой связи очень показательно, что после гибели Хазарского государства сходит на нет и самостоятельность суварского княжества.

Таким образом, мы можем констатировать, что объединительная политика Алмышы в начале X в. не достигла своих окончательных целей. Сплоченность и нарастающая автономность болгарского сообщества под началом собственного правителя были невыгодны хазарскому правительству, желавшему видеть в волжских болгарх надежных вассалов и данников. Иудейская Хазария была против и того, чтобы болгары официально приняли ислам из рук арабских халифов. В итоге желание Алмышы объединить под знаменем ислама только разделило волжских болгар на два лагеря, сувары остались верны древней тюркской вере. Хазаро-суварский союз, образовавшийся в свете этих событий, просуществовал до трагической гибели каганата.

Литература и источники

¹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. С. 121.

² Там же. С. 141.

³ Боднар А.В. Социально-политические и правовые предпосылки эволюции государственности Хазарского каганата и формирования системы публичного управления // История государства и права. 2008. № 5. С. 35.

⁴ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 139.

⁵ Дзулэтишин Г. Торки-татар рухи мэдэниате тарихы. Казан: Татар. кит. нэшр., 1999. С. 227.

⁶ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 35.

⁷ Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, бургасах, болгарх, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста. СПб: Типография Императорской академии наук, 1869. С. 22.

⁸ Иречек К. История болгар. Варшава: Типография Михаила Земкевича, 1877. С. 143, 144.

⁹ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 127.

¹⁰ Там же. С. 121.

¹¹ Там же. С. 141.

¹² Материалы по истории Татарии. Казань: Таткнигоиздат, 1948. Вып. 1. С. 167.

¹³ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 165.

- ¹⁴ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 33, 34.
- ¹⁵ Кузьмин А.Г. Падение Перуна: Становление христианства на Руси. М.: Мол. гвардия, 1988. С. 155.
- ¹⁶ Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста. С. 84, 85.
- ¹⁷ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁸ Там же. С. 15.
- ¹⁹ Там же. С. 122.
- ²⁰ Там же. С. 122, 123.
- ²¹ Там же. С. 124.
- ²² Хузин Ф.Ш. Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань: Фолиантъ, 2011. С. 61–62.
- ²³ Материалы по истории Татарии. Казань: Таткнигоиздат, 1948. Вып. 1. С. 163.
- ²⁴ Там же. С. 161.

A.R. Mukhamadeyev

**THE POLICY OF THE KHAZAR GOVERNMENT IN THE MIDDLE VOLGA REGION:
THE SUVAR FACTOR (THE 1ST HALF OF THE 10TH CENTURY)**

This article is an attempt to clear up the reasons of refusal of one of tribal groups of the Bulgar community – Suvar – to adopt Islam. Having studied sources, the author comes to the conclusion that there has been secret policy of the Khazar government for the purpose of destroying plans in consolidation of Bulgars in the Middle Volga region under Almysh's authority. In the author's opinion, as a result of Khazar intervening into the Volga Bulgaria the Baghdad embassy in 922 remained without financial means, and, as a consequence of Khazar-Suvar relations, the town of Suvar, having become the center of a separate principedom, turns to a powerful competitor to the town of Bulgar.

Key words: the Volga Bulgaria, the Khazar khaganate, Bulgars, Almysh, Islam, embassy, Vyryg, Khazars, the Khazar-Suvar union, secret policy.

ЧГВ, 2013 г., № 8
© В.П. Иванов

ОБ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ
КОРНЯХ РАЗЛИЧИЙ
В ЭТНОКУЛЬТУРАХ ЧУВАШЕЙ И ТАТАР

Проблема сравнительно-сопоставительного изучения общего и особенного в этнокультурах чувашей и казанских татар, выявления общих этногенетических истоков, уходящих в эпоху Волжской Болгарии, является в науке одной из дискуссионных. Автор анализирует в полемическом ключе корни различий в подходах исследователей к трактовке историко-социальных факторов формирования особенностей этнокультурного облика народов.

Ключевые слова: булгары, татары, чувашаи, ислам, Казанское ханство, марийцы, акациры, археология Чувашского Поволжья, ассимиляция.

Исследования по проблемам происхождения и этнической истории любого народа непременно предполагает необходимость изучения общего и особенного в его культуре в сравнении, прежде всего, с теми этносами, с которыми его связывает общая историческая судьба. В свете сказанного вообще немислимым представляется игнорирование этнокультурных параллелей у чувашей и татар, которые, по утверждению большинства специалистов, имеют близкие этногенетические корни. Еще в 1984 г. автором была опубликована статья, написанная именно в таком ракурсе¹. В ней было отмечено, что наличие в культуре обоих народов болгарского компонента, а также сходные естественно-географические условия проживания способствовали выработке у чувашей и приволжских татар общих черт в хозяйстве и быту, культуре и обычаях. Вместе с тем в статье подчеркивался и тот факт, что между ними имеется и немало различий, исторически обусловленных, с одной стороны, ведущей ролью кыпчаков в формировании физического типа, языка и культуры казанских татар, многовековым влиянием на них ислама и через это – культуры народов Средней Азии и, с другой стороны, бóльшим, чем татары, смещением части чувашей с финно-угорским, в частности марийским,

Виталий Петрович Иванов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом этнологии и социальных исследований Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: arsen_coop@mail.ru.

населением. С тех пор прошло 30 лет, а постановка вопроса о необходимости объективного и беспристрастного изучения общего и особенного в этнокультурах чувашей и поволжских татар так и не получила должного развития, причем как в Чебоксарах, так и в Казани. И вот здесь я хотел бы особо отметить, что если в редких случаях казанские авторы и касаются (хотя бы вскользь) указанного аспекта, то в основном только с целью очередной раз подтвердить, что в культуре поволжских татар и чувашей практически нет общего, сходного, тождественного, иначе говоря, того, что может идти в актив болгарской концепции происхождения чувашского народа. Делаются попытки ссылками на болгарский материал всячески подчеркивать уникальность, исключительность тех или иных элементов и явлений традиционной культуры казанских татар и нехарактерность их для соседних народов. Но если что-то сходное стойко наличествует и у последних, то это трактуется очень часто как результат обычного этнокультурного влияния вначале – болгар, а позднее – казанских татар. Вот и Б.Л. Хамидуллин привычно ссылается на мнение М.З. Закиева, что в период Казанского ханства татары оказывали «очень сильное культурное влияние» на соседние народы региона, в частности – на чувашей, «часть которых, живя среди болгар, постепенно обугаризировалась»². В то же время следует отметить, что не все казанские исследователи разделяют такой упрощенный подход к рассматриваемой проблеме, резонно утверждая, что исследования вопросов традиционной культуры, быта и общественной жизни Волжской Булгарии могут иметь плодотворный характер, к примеру, при условии комплексного привлечения дополнительных, зачастую и косвенных этнографических и фольклорных материалов по потомкам болгар – казанских татар и чувашей³. «Практически никто из археологов не отрицает наличия болгарского компонента в этногенезе чувашей, – указывает А.Р. Мухамадеев, – что дает нам основание включать их в орбиту наших исследований»⁴.

Конечно, можно без конца заниматься поисками и выявлением общего и особенного в культурах обоих народов, но в принципиальном плане это ничего не изменит и не добавит к тому, что уже хорошо известно исследователям, а именно: общие этнокультурные параллели у чувашей и татар бесспорны в их языке и хозяйственных занятиях, а вот черты особенного чаще всего фиксируются в их традиционно-бытовой культуре, и обусловлено это главным образом религиозным различием обоих этносов. Однако и то правда, что казанские татары проявляли себя как сравнительно более инициативная этническая общность в сфере ремесел и промыслов. Касается это и такой отличительной черты татар, как их более активное, по сравнению с чувашами и другими нерусскими народами региона, участие в торгово-посреднической сфере, мелкооптовой торговле.

Явно выраженный характер такого направления занятий казанских татар (в отличие от соседей), скорее всего, объясняется тем, что, как подчеркивает исследователь болгарских памятников Е.П. Казаков, по-видимому, в 60-е гг. X в. новая волна болгар пришла в Среднее Поволжье из «Чер-

ной Булгарии», Азово-Прикубанского региона гибнущей Хазарии. «Это было уже мусульманизированное население с глубокими ремесленными и сельскохозяйственными навыками. Они принесли с собой совершенно новые элементы культуры, которые отсутствовали у ранних булгар, но с VIII в. были присущи булгаро-салтовскому населению Подонья (прогрессивные сельскохозяйственные орудия: серпы, косы, лемеха, новые орудия металлообработки, керамики и т.д.). С этого времени культура волжских булгар приобретает те черты, которые характеризуют домонгольский период. Были, видимо, две волны такой миграции»⁵.

Возможно, именно традиции ремесленных занятий, принесённые мигрантами четвертого этапа переселений булгар из распадающейся Хазарии, который С.А. Плетнева и другие относят к началу и первой половине X в., задали тон ремесленному производству в Волжской Булгарии. Касается это прежде всего ювелирного искусства, выделки кожевенных изделий.

У чувашей и татар выразительно сохранилось общее в былом, исконно кочевническом, скотоводческом образе жизни и хозяйствования прежде всего их предков – булгар и кипчаков. Сходство особенно наблюдается в общих пережитках былого языческого прошлого (акатуй, сабантуй и т.п.). Это общее с татарами хорошо сохранилось у низовых чувашей, частично и у средненизовых. Особый интерес представляют совпадения древнейших обрядовых и мифологических мотивов, сохраняющихся в современных текстах, несмотря на переосмысление их тем, жанров, образов.

В целом, при сопоставлении традиционных культур чувашей и казанских татар обнаруживаются многочисленные этнокультурные параллели, аналогичные элементы и явления. Все это вместе с данными языка отчетливо подтверждает близкую генетическую и культурную общность двух тюркоязычных народов.

Причем проявление былого общего зачастую уже не всегда связано с реальными хозяйственными занятиями, оно «сидит» в языке обоих народов. Благодаря именно той роли, которую играл булгарский язык в качестве государственного, в ходе булгаро-финно-угорских ассимиляционных процессов уже на территории непосредственно Чувашского края предопределено соответствующее доминирование собственно булгарского компонента в закладывании основ чувашского этноса.

Говоря о генетических аспектах чувашско-татарских этнокультурных параллелей, нельзя упускать из виду такое исключительно важное обстоятельство, как прямое участие в формировании казанских татар булгаро-чувашского компонента, о чем уже написано достаточно. Основная часть приказанско-заказанского массива булгаро-чувашей, как и значительная их часть, расселенная на правобережье Волги, в Предволжье и Присвияжье, приняв ислам, отатарилась, что не могло не оставить глубокий след в комплексе традиционной культуры казанских татар. Именно наличием в культуре поволжских татар мощного булгаро-чувашского пласта и объясняется в значительной степени сходство, общность, близость двух народов. Отсю-

да становится очевидным, что не всегда можно и правомерно выводить те или иные элементы материальной и духовной культур поволжских татар только из культуры волжских булгар или же приписывать их бытованию и особенностям уникальный характер, свойственный только татарам. В целом, в культуре чувашей булгарские элементы прослеживаются отчетливо, и они, как указывает московский археолог Ю.А. Краснов, «не могут считаться результатом только культурного влияния со стороны Волжской Булгарии. Они органически сочетаются с местными элементами, не носят характера чисто внешних заимствований, прослеживаются во всех элементах культуры как в городе, так и в очень небольших сельских поселениях»⁶.

Исторически так сложилось, что основным этноразграничителем между татарами и чувашами-язычниками, а позже и крещеными чувашами стало религиозное различие. Ислам способствовал складыванию у татар весьма выразительного этнокультурного облика, быта и традиций, которые в корне отличали их от соседей. Он сформировал особую психологию казанских татар, причем не столько этнически актуализированную, сколько во всех отношениях идейно фундированную на постулатах превосходства «правовверных» над приверженцами других религий, прежде всего, языческих. О глубине и силе идеологического воздействия ислама на самосознание формирующейся татарской нации говорит и тот факт, что в царской России переходившие в эту религию немалые группы чувашей (язычников и православных) не просто считали себя мусульманами, а изо всех сил стремились стать этническими татарами, между тем как крещенные чувашаи сохраняли этническую идентичность, язык и культуру⁷.

Причем такая религиозно-идеологическая установка, внедрявшаяся в обыденное сознание татар-мусульман столетиями, в историческом плане всегда имела социально-политическое основание, базирующееся на том факте, что в течение ряда веков татары были господствующей этнической общностью региона. Особый менталитет казанских татар сложился более структурированно уже в эпоху Казанского ханства, когда они имели политико-государственное и культурно-языковое превосходство над «язычествующими» чувашами и финно-угорскими народами региона. «Главы духовенства... стояли формально во главе государства... принимали активное участие в государственной деятельности»⁸. Следует отметить появление у татар в этот период чувства хозяина края, и неудивительно, что русские их прозвали «князьями»⁹.

А в эпоху царской России значение интегративной функции ислама как этноконфессиональной идеологии даже возрастало. В этот период понятия «этническая принадлежность» и «религиозная принадлежность» воспринимались татарами как синонимы. Свое единство они мыслили, как и прежде, не только как религиозное, но и как социально-политическое¹⁰. Даже татарские большевики, несмотря на то, что их политические цели предполагали создание атеистического общества, воздерживались от критики ислама, заранее зная, что это приведет к полной потере и без того немногочисленных сторонников¹¹.

Как мне представляется, в обыденном сознании ряда современных татарских историков и этнографов влияние ислама находит свое проявление, хотя, скорее всего, они этого сами, может, и не осознают, ибо процессы такого рода развиваются подспудно, на уровне подсознания. Проявляется нечто подобное нередко и у русских историков (в частности, хотя бы в связи с мифологизацией «особости и святости» православия), но не так выразительно, как у наших татарских коллег. Таким образом, смею полагать, что дискуссия в вопросе этногенеза казанских татар и чувашей в немалой степени искусственно отягощается и усложняется также и их религиозным различием: ну не может иноверец быть равным правомерному мусульманину и иметь с ним что-либо общее по происхождению!

Первое, на что хотел бы еще раз обратить внимание, это то, что даже беглый анализ работ, опубликованных в последние три десятилетия XX в. по вопросу этнической истории чувашей и казанских татар, дает все основания утверждать, что принципиальной ошибкой, допускаемой некоторыми авторами зачастую сознательно, является абсолютизация нынешних административных границ Татарстана и Чувашии, искусственное перенесение их координат на Средневолжский регион тысячелетней давности. Иначе говоря, история и этническая территория волжско-камских булгар почти «втискивается» в пределы только территории современного Татарстана, ставшей своеобразным прокрустовым ложем всего, что имеет отношение к Волжской Булгарии. Отталкиваясь уже от современных политико-административных реалий (границ республик и областей, специфики форм национальной государственности и т.п.), делаются попытки пределы территории обитания булгар зафиксировать лишь по линии западных границ Татарстана. При этом, что показательно, указанные попытки и сопровождающие их дискуссии имеют место быть почти только в отношении западных границ Волжской Булгарии, в то время как касательно северных и в особенности восточных и южных ее рубежей, как ни странно, споров не возникает.

Примечательно, что произвольно устанавливая западные границы волжско-булгарской историко-культурной цивилизации практически лишь по линии границ современных территорий Татарстана и Чувашии, некоторые исследователи не берут в расчет даже тот факт, что основная часть Чувашского края (северо-запад, центр, север, северо-восток и юго-восток) вплоть до р. Сура входила последовательно не только в Волжскую Булгарию, Булгарский улус Золотой Орды, но и в Казанское ханство, а после его падения – в Казанскую губернию. «В состав Казанского ханства, образовавшегося после распада Золотой Орды в 40-х годах XIV века, входила вся территория Чувашии. Немецкий путешественник XVII века Адам Олеарий писал, что река Сура некогда отделяла казанские владения от русских»¹². Однако, несмотря на очевидность исторических реалий, в публикациях ряда казанских авторов по сегодняшний день продолжает проскальзывать в той или иной форме концепция, заложенная еще в 1980-х А.Х. Халиковым: «К западу и северу от территории ранней Булгарии находились земли, в основ-

ном занятые проточувашами и финноязычным населением. Так, в Среднем Посурье и далее на запад в Сурско-Волжско-Окском междуречье сидела мордва. С ней довольно тесно контактировали буртасы. К сожалению, до сих пор не установлен характер культуры населения современной территории Чувашии – к западу от р. Свияга, то есть к западу и северо-западу от земель болгарских эсегель. Скорее всего, здесь – в бассейне р. Цивиль и нижнего течения р. Сура – располагались отюреченные еще в начале н.э. финно-угорские предки чувашей. Но эти районы не входили в состав основной территории Булгарии, о чем свидетельствует отсутствие здесь как ранних, так и поздних типично болгарских памятников»¹³. Вот с такого рода формулировками и происходит игнорирование того очевидно-го для большинства исследователей факта, что на протяжении более чем тысячелетия основным населением Булгарии и возникших в последующем на ее территории Казанского ханства и Казанской губернии являлись болгаро-сувары и их потомки – чувашаи и казанские татары. Иначе говоря, территории современных Чувашии и Татарстана, вместе взятые, составляют и для чувашей, и для поволжских татар не просто общий историко-культурный и географический ареал, но и то, что обычно называется землей предков, общей родиной. Невольно возникает впечатление, что это весьма напоминает что-то похожее на так называемый «косовский синдром». Как известно, историческая область Косово на Балканах в VIII–XII вв. являлась центром этнокультурного зарождения и формирования сербского народа. До XVII в. большинство населения составляли сербы. Вследствие австро-турецких войн XVI–XVIII вв., когда турки закрепились здесь, началось выдавливание сербов. Опустевшее Косово начали заселять албанские переселенцы. Но о нынешней этнической ситуации в Косове известно всем.

Сегодня мало кем оспаривается, что вследствие сложных драматических, а то и трагических событий XIII–XIV вв. часть потомков болгаро-чувашей оказалась на правобережье Волги и в ходе ассимиляционного давления на местное финно-угорское население в лице прежде всего горных марийцев (север современной Чувашии) и мордвы (среднее и нижнее Присурье) она переформатировалась в новый этнос – чувашаи. В итоге «земля предков» (Закамье, Предволжье) оказалась потерянной, на ней обосновалась пришедшая, цивилизационно в значительной степени другая культура. Примерно то же самое имело место, когда в Египет пришли арабы и в конечном итоге древнюю египетскую культуру (пирамиды, Сфинкс и др.) «присвоили», хотя ее тысячелетиями до их появления создавала цивилизационно совершенно другая этносоциальная общность. Таким образом, в результате драматических военно-политических событий XIII–XIV вв., а также последовавших за ними процессов, приведших к образованию на болгарских землях Казанского ханства, сложилась та этногеографическая конфигурация древних и средневековых этнических общностей региона, которую мы сегодня имеем.

Огромное, если не сказать определяющее, влияние на формирование психологии, менталитета не только собственно казанских татар, но и чувашей и финно-угров региона оказало Казанское ханство, просуществовавшее (в той или иной форме) с 1438 по 1552 г., то есть 114 лет. Срок большой. За это время произошла коренная ломка ментальных основ всех местных этнических общностей региона, вплоть до потери некоторыми из них своей идентичности. Таким образом, именно благодаря фактору Казанского ханства и, как уже отметили, ислама, поволжские татары на столетия вперед не только получили колоссальный социально-психологический заряд для ускоренной консолидации в достаточно сплоченную этническую общность, но и, по сути, раньше, чем другие народы региона, сформировались в нацию. Татары в Казанском ханстве чувствовали себя (как, собственно, и русские в Московском государстве) имперским этносом. Д.М. Исхаков совершенно прав в том, что казанские татары сравнительно гораздо раньше, чем все другие народы региона, осознали себя именно как нация¹⁴. Следует еще раз подчеркнуть, что в этом процессе нациообразования значимую роль сыграли три главных историко-культурных фактора – эпоха Улуса Джучи или Золотой Орды, период Казанского ханства и ислам как этноинтегрирующая идеология.

Понятно, что у части тех булгар, что смешались на правобережье Волги с горными марийцами и продолжали оставаться в язычестве и при этом официально (в исторических источниках) в иерархической структуре Казанского ханства стратифицированные как «немусульмане», а народ подчиненный, формирование этнического менталитета шло по другим законам. Отсюда покорность, низкий уровень конкурентоспособности, надежда только на «нине» – этноконфессиональный коллективизм. Чувашские селения во множественном числе именно в эпоху Казанского ханства были официально названы по именам владевших ими татарских биев/биков, тарханов¹⁵. Впрочем, для примера, подобное было и в Чехии, где немцы были хозяевами, в конечном итоге все немецкое стало «правильным» и это вьелось «в кровь» чехам. Так, собственно, и в Прибалтике, и в ряде других регионов Европы.

Наши татарские коллеги-историки «цепляются» за булгарские археологические памятники: мол, абсолютное их большинство находится на территории Татарстана, и лишь самая малость в восточных районах Чувашии. Попытки обосновать тезис об отсутствии прямых этногенетических связей булгар с чувашами только лишь на основании географического (а теперь и политико-административного) расположения археологических памятников имеют ненаучный характер. В древности, как и в Средневековье, этнические группы в силу самых разных причин мигрировали, причем нередко на огромные расстояния, оставляя на территориях прежнего обитания свои захоронения, артефакты жизнедеятельности, а затем на эти земли приходили другие общности, зачастую совершенно другого происхождения и, соответственно, кардинально другой культуры. Культурные горизонты

разного происхождения наслаивались друг на друга. И потому судить об истории и культуре той этнической общности, что осела уже последней на данной территории, только лишь исходя из культурного слоя, оставленного предыдущими насельниками, совершенно неприемлемо. Это, как уже отметил, было бы примерно то же самое, если бы мы современное арабское население Египта воспринимали как прямых потомков древних египтян, оставивших после себя пирамиды и другие величественные памятники.

Археологические памятники болгарских предков чувашей находятся в Закамье. А те, что выявлены в восточных районах Чувашии, имеют отношение к сравнительно поздним периодам истории, когда болгаро-чуваши начали активно осваивать правобережье Волги. Казанский археолог Ф.Ш. Хузин пишет: «...при изучении этногенеза чувашей с привлечением археологических источников важнейшей задачей является, на наш взгляд, правильная датировка и этническая атрибуция тех памятников, в первую очередь поселений и могильников, которые располагаются на территории их компактного проживания – правобережной части Среднего Поволжья между реками Сурой и Свиягой»¹⁶. Таким образом, прямо указывается, что этногенетические истоки чувашей следует искать лишь в пределах территории современной Чувашии. При этом болгарская атрибуция выявленных на территории Чувашии памятников вызывает у части археологов, как отмечает Ф.Ш. Хузин, недоверие¹⁷. Он подчеркивает: «...следует в первую очередь признать тот неопровержимый факт, что памятники ранних болгар VIII–IX вв. и даже начала X в. на территории Чувашии полностью отсутствуют»¹⁸. Скорее всего, именно так и обстоит дело. Еще В.Ф. Каховский отмечал, что болгары в указанное время проникали на территорию современной Чувашии небольшими группами и то кратковременно, и устраивались здесь временно, охотничьими факториями¹⁹.

В публикациях казанских коллег в качестве доказательств отсутствия болгарских атрибуций и, соответственно, неучастия болгарского компонента в формировании чувашского этноса приводятся данные исследований Большеянгильдинского, а также близких им по материалам I и II Яндашевских, Нимичкасинского, Убеевского, Янмурзинского («Пăлаху»), Таутовского и некоторых других селищ, выявленных в северной части Чувашии – в Чебоксарском, Красноармейском и Аликовском районах. К примеру, Ф.Ш. Хузин указывает (со ссылками на Р.Г. Фахрутдинова и Т.А. Хлебникову) на очень слабую (5,2%) представленность болгарской атрибутики в Большеянгильдинском селище²⁰. «Таким образом, – заключает он, – на основе имеющихся на сегодняшний день достоверных источников начало проникновения болгарского населения в финно-угорскую среду центральных и северных районов Чувашии мы можем уверенно относить ко времени около XIII в.». «Более ранняя дата очень спорна», – резюмировал свои наблюдения по данной проблеме известный московский археолог Ю.А. Краснов, хорошо знавший материалы средневековых памятников региона²¹. А дело в том, что интересующие нас районы Чувашии, действительно, ко времени

первоначальной летописи уже заняли мари́йцы, продвигаясь с Окско-Сурского междуречья. «На восток мари́йцы расселялись по обоим ее берегам, но основной массой – по правобережью, достигнув берегов р. Свияги. О проживании мари́йцев по правобережью Волги в период Средневековья среди мордвы и булгаро-чува́шского населения известно по топонимическим, историческим, этнографическим и фольклорным исследованиям»²².

Вероятнее всего, именно в начале монголо-кыпчако-татарской эпохи и началось сравнительно массовое переселение «р»-язычных булгарских племен на чува́шское правобережье Волги. По данным мари́йских археологов (Т.Б. Никитиной и др.), в XIII–XIV вв. в связи с нашествием монголо-татар и разгромом Волжской Булгарии «происходило массовое передвижение булгарского населения в лесные районы правобережья и левобережья Волги, что вызвало в свою очередь перемещение части мари́йцев из правобережья Волги на левый берег, из Приказанья – в глубь междуречья Вятки и Волги»²³. При этом очевидно, что расселившись в восточных и северных районах современной Чувашии, уже обжитых горными мари́йцами, прибывающие сюда группы булгар достаточно активно вовлекались в ассимиляционные процессы, что отразилось соответствующим образом и в атрибуции археологических памятников, то есть в факте превалирования артефактов финно-угорского происхождения. В этой связи весьма красноречивым выглядит вывод Ф.Ш. Хузина о том, что, как ему «кажется» (его слова), при изучении чува́шского этногенеза первостепенное внимание следует уделять все же памятникам Большеангильдинского типа, в керамическом комплексе которых преобладает не булгарская, а местная, так называемая «славяноидная» керамика (по терминологии Т.А. Хлебниковой), характерная для материальной культуры поволжских финнов, прежде всего, древних мари́йцев²⁴.

И еще. На мой взгляд, в работах, так или иначе затрагивающих вопрос этногенеза чува́шей, последовательно упускается (скорее, даже неосознанно) один весьма немаловажный аспект, связанный с миграцией булгаро-суварских племен с юга в регион Волго-Камья. Как известно, согласно мнению С.А. Плетневой, были четыре волны переселений булгар на Среднюю Волгу²⁵. Не вдаваясь в их причины, хотел бы обратить внимание на научно подтвержденные маршруты миграций. Первая волна имела место во второй половине VII – первой половине VIII в. Интересно отметить, что булгары этого времени оставили свои памятники именно на правобережье Волги – на территории Самарско-Ульяновского Поволжья²⁶. Вторая миграционная волна булгар из районов Подонья в Среднее Поволжье имела место в середине VIII – первой половине IX в. Их памятники представлены могильниками, расположенными как на левом, так и на правом побережье Волги, на территории современных Татарстана, Ульяновской и Самарской областей²⁷. Третья волна переселений булгар с территории Хазарского каганата произошла во второй половине IX в. Примечательно, что эталонными памятниками булгар этого времени принято считать в том числе и могиль-

ники, расположенные на правобережье Волги (Тетюшский и др.)²⁸. Последнее, четвертое переселение булгар на Среднюю Волгу состоялось в конце IX – начале X в. Опять-таки интересные материалы выявлены на правобережье Волги, в частности, на Шиловском курганном могильнике VII в.

Таким образом, переселение булгар из южных регионов в Среднее Поволжье происходило по территории обоих побережий Волги. Отсюда возникает вопрос, почему всерьез не рассматривается предположение о возможности оседания на правобережье Волги каких-то групп булгар, что мигрировали с юга на север по его территории. На это указывает, к примеру, и Тетюшский могильник. Иначе говоря, основой чувашей могло послужить то булгарское население, которое, возможно, осело относительно немногочисленными массивами на правобережье Волги и со временем расселялось вширь, а впоследствии, что естественно, частью вступило в ассимиляционное взаимодействие с горными марийцами и заложило основу для формирования этнографической группы верховых чувашей (*вирьял*). Возможно, по этой причине эта группа булгар и не подверглась влиянию ислама и сумела сохранить исконный «р»-язык? А поздние (XIII–XIV вв.) мигранты с левобережья Волги уже привнесли на правобережье элементы исламской религии и татарского языка, что и получило отражение в специфике «языческой» культуры чувашей. Венгерский ученый Д. Месарош, приезжавший в начале XX в. в чувашские уезды Поволжья с целью изучить религию и фольклор чувашей, в изданной в Будапеште в 1909 г. объемистой книге «Памятники старой чувашской веры» писал, что не только исламская, персидско-арабская терминология религии чувашей, но и многое из ее обрядов, сущность всей чувашской мифологии, раскрытая в его книге, все проведенные им «исследования языческой веры чувашей показывают, что большая часть народа когда-то была мусульманами, но в результате позднейшей неблагоприятной политической ситуации связь между ними и мусульманским миром прекратилась, и в душе народа неукоренившийся ислам слился с еще не совсем забытым язычеством. Из этих двух элементов создались сегодняшние религиозные верования чувашей, в которых местами еще чувствуется и русское христианское влияние»²⁹.

Период XIV–XV вв. оказался для чувашей «сумеречным». Вместе с тем это время кристаллизации их основных специфических показателей, формирования их в некую отдельную этническую единицу из массивов отброшенного от уже исламизированного населения. Причем данный процесс происходил на разных «площадках» – в Заказанье и Приказанье, но главным образом на Правобережье. Это не принявший ислам этнический массив, смешанный с финно-уграми, блуждал в поисках новых, особых опорных культурных основ. Это и есть так называемая «темная» эпоха в истории чувашского народа. И главное, по данному времени нет почти никаких свидетельств о характере тех процессов, что имели место в основных зонах расселения формирующегося этноса.

Собственно говоря, если взять русский этнос, то в научном плане процесс его формирования, начавшийся еще в эпоху раздробленных и рассе-

ленных довольно дисперсно восточнославянских племен (дреговичей, полян, вятичей и др.) и продолжавшийся вплоть до появления первых русских княжеств, тоже остается не проясненным в достаточной мере. Не зря же ведутся бесконечные дискуссии на тему, какие этнические компоненты – собственно славяне, финно-угры, а то и татары – и в каких пропорциях составили основу русских как этнической общности.

Теперь по поводу некоторых новых предположений наших казанских коллег относительно этногенеза чувашей. Складывается впечатление, что они строятся исходя из неких установок любой ценой найти небулгарские корни происхождения чувашей. Раньше активно обсуждались тезисы о чувашах как о потомках отюреченных марийцев или добулгарских тюрков. Наконец нашли акациров. Красиво, ибо это племя гуннское. Объясняют, связывая с булгарским «р»-язычием чувашей, что они, акациры, вскоре после гибели вождя гуннов Аттилы (в 453 г. его «держава» распалась, а восставшие народы нанесли поражение гуннам в битве при Недао – 454 г.) вынуждены были отступить в Поволжье, где их поглотила новая сила – булгары. Возможно, как утверждают некоторые авторы, «именно в это время, или даже несколько ранее одна из групп огуро-тюркских племен (носителей особенностей *р*-языка), разбитая в степи, отступила в леса Окско-Свияжского междуречья, дав начало формированию современных чувашей, и даже, возможно, в Верхнее Прикамье, где зафиксированы заимствования из тюркского *р*-языка в финно-пермские языки»³⁰. Однако при этом данная гипотеза его авторами совершенно никак не обосновывается – она все еще остается лишь предположением.

Развертывающаяся данной гипотезой историческая картина поражает воображение: акациры выдвигаются из южных регионов междуречья Дона и Днепра, продвигаются в северо-восточном направлении через обширные территории, населенные разными, частью до сих пор четко не установленными этническими группами, входят в район обширных лесных массивов и речных систем на мордовских, Волго-Окских землях, проходят через таежные лесные зоны юга и юго-запада современной Чувашии и, в конечном итоге, оседают в не менее лесных ее северных районах. Ф.Ш. Хузин пишет, что ранние булгары, оставившие на территории Татарстана такие классические памятники, как Большетарханский и Танкеевский могильники, практически до X в. сохраняли в своем быту значительные пережитки кочевничества; испокон веков обитали они в степных и лесостепных просторах и дальше на север, в зону лесов, не проникали. В далеком прошлом территория Чувашии «почти целиком была покрыта лесами. Только на юго-востоке, между реками Кубней и Карлой, вклинивался участок древней лесостепи с черноземными почвами, представляющий собой продолжение такого же участка по среднему течению Свияги (Буинские степи)»³¹. И сегодня лесные массивы занимают треть территории республики.

Как могли акациры-степняки отважиться целенаправленно на подобный поход? При чем рассматриваемое предполагаемое событие не зафик-

сировано ни в одном источнике. Выходит, что именно акациры оказались ближе всех к современной территории Чувашии, да еще при этом никак не верифицируется версия, что акациры были земледельцами (отсюда, мол, и сравнительно развитая земледельческая культура у их потомков – чувашей). Тогда возникает закономерный вопрос относительно столь странной и активной миграции земледельческого народа именно на север, в лесные регионы Среднего Поволжья, где земледелие в те эпохи требовало неимоверных усилий (корчевка леса и т.д.). Единственно, что связывало акациров и предков чувашей – «р»-язык, вот и все. Возможно, потому и связывало, что древние предки чувашей – приазовские болгары – обитали на юге в составе гуннского объединения, в котором состояли и «р»-язычные акациры. Таким вот образом авторы названной гипотезы невольно подтверждают происхождение чувашей от приазовских болгар.

Впрочем, в вопросе об акацирских корнях чувашей есть еще один интересный аспект. Если бы это были акациры, то есть племена Гуннского союза и, конечно, изначально весьма агрессивные в связи с постоянным участием в военных действиях и имевшие опыт и желание во что бы то ни стало (по крайней мере, по привычке) завоевывать на новых землях свое господство, то ведь этого не произошло! Нет никаких следов появления акациров в Среднем Поволжье.

Поэтому еще и еще раз возникает вопрос: как же акациры оказались именно в северных районах современной Чувашии? Они были степняками, кочевниками, и никак не смогли бы пройти через территорию даже лесостепных земель современной Мордовии. Алатырские и присурские лесные таежные массивы тоже являлись непреодолимой преградой для кочевников. Известно, что уже в эпоху Золотой Орды и последующие периоды никакие отряды степных орд не могли проникнуть даже до территории по линии Комсомольское – Янтиково современной Чувашии. Здесь были сплошные лесные массивы, валежник создавал естественную преграду набегам с юга. Зачем, спрашивается, акацирам-степнякам нужно было обязательно прорываться в северные районы современной Чувашии? Чтобы заложить основу будущего чувашского этноса, «отличного от болгарского»?

Как известно, до начала XVI в. чувашаи не упоминаются ни в одном источнике. Значит, вплоть до этого времени шло формирование этноса, в том числе и в ходе ассимиляционных процессов. Интересно, однако, отметить, что нет никаких исторических свидетельств относительно того, насколько численно значим был тот массив болгар-мигрантов на северо-востоке Чувашии, что вступил в процессы миксации с финно-уграми. Судя по тому, что в конечном итоге здесь взял «верх» болгарский язык, собственно болгар здесь было более чем достаточно, чтобы играть доминирующую роль в ассимиляционных процессах.

В начале XII в. русский летописный свод перечисляет *«инии языци, иже дань дают Руси: Чюдь, Меря, Вель, Муром, Черемись, Мордѡва, Пермь, Печера, Емь, Литва, Земигола, Корсь, Нором, Либь»*³². Как

видно, к указанному времени среди народов Поволжья уже утвердились черемисы (марийцы) и впервые присутствует «пермь». Из народов, населявших в более поздний период северную периферию Волжской Булгарии, в названных источниках отсутствует пока прямое упоминание только чувашей и удмуртов. Такому странному отсутствию сведений о двух крупных народах края, как подчеркивает В.В. Напольских, может быть предложено объяснение социально-политического порядка, однако и они могут быть хотя бы предположительно обнаружены в источниках³³. Далее указанный автор пишет, что предки чувашей впервые упоминаются, по-видимому, только в русском источнике начала XIII в. – в «Слове о погибели земли Русской»: «*Буртаси, Черемиси, Веда и Морьдва бортничаху на великого князя Володимера*». Название Веда «Слова о погибели...» представляет собой заимствованное в древнерусский язык мордовское название чувашей *vet'ke* (основа *ved'* – ср. *ved'eń* «чувашский»). По его же мнению, этимология этого названия неясна: предполагаемая Н.Ф. Мокшиным связь его с названием территориальной группы удмуртов «Ватка» невозможна, поскольку последнее заимствовано из русского «Вятка» и называть себя так чепецкие удмурты стали, безусловно, гораздо позднее времени фиксации мордовского названия чувашей в «Слове о погибели...»³⁴.

По поводу мордовского термина «ветке», фиксация которого относится к XIII в.³⁵, можно предположить, что его происхождение связано с тогдашним названием г. Чебоксары – «*Вăта Сăвар*» (Средний Сувар), зафиксированным на картах. Предположение же В.В. Напольских о возможности происхождения древнего мордовского названия чувашей от мордовского *ved-* «вода» (то есть «поречане, народ, живущий у реки»), крайне сомнительно. Если исходить из этого, тогда все этносы, которые жили у воды (булгар и прежде всего марийцев, да саму мордву, расселенную по берегам Оки и Мокши), последние называли бы «ветке». К тому же в XIII в. переселявшиеся на территорию северо-восточной Чувашии группы болгаро-чувашей, вступившие в процесс ассимиляции с местными горными марийцами, вряд ли еще успели выделиться в отдельный этнос, который стал известен в таком качестве мордве. Впрочем, поиски корней мордовского названия древних чувашей необходимо продолжить, ибо имеющиеся в литературе толкования пока вызывают много вопросов.

Таким образом, можно констатировать, что к концу болгарской эпохи, в XIII в., в Среднем Поволжье и Предуралье уже в том или ином виде присутствовали все местные финно-угорские народы и чуваша. По всей вероятности, именно существование в регионе мощного государственного образования, его экономическое, политическое и культурное влияние сыграли решающую роль в оформлении этнической карты данного края³⁶. Естественно, во взаимоотношениях с «метрополией», то есть центральной властью Волжской Булгарии, болгаро-чуваша, расселенные на правобережье Волги, уже в силу осознания своего этногенетического родства, играли роль союзников. Между тем как марийцы и мордва, по-видимому, чаще занимали

позицию противостояния, скорее всего, именно процессу активного расселения на их исконных землях, в том числе и в северной Чувашии, болгарских пришельцев.

По мнению В.В. Напольских, правобережье же Волги (современная Чувашия) подвергалось более интенсивной булгаризации, ибо оно являлось буферной зоной между Русью и Булгарией и представляла к тому же большую ценность как сельскохозяйственный регион³⁷. «Видимо, в этих различиях, а также, возможно, в остающихся нам неизвестными особенностях политики местной племенной верхушки и лежит причина расхождения путей этноязыкового развития предков марийцев и чувашей в булгарскую эпоху. Сложение обоих этих народов на каких-то общих основах не подлежит сомнению. И наконец, примечательно то, что само горномарийское название чувашей *suasla marə* букв. “татарский мариец”... Позиция племенной верхушки мордвы в ситуации складывающегося противостояния Руси и Булгарии была, видимо, в некоторой части близка марийской»³⁸.

Главный вопрос в том, почему у чувашей, несмотря на то, что они представляют плод тюркско-финно-угорской ассимиляции, болгарский язык закрепился и сохранился прочно и не поддавался влиянию финно-угорской языковой культуры. Наоборот, как известно, в чувашском языке совершенно ничтожным оказалось число марийских заимствований. Вывод может быть только один: значит, тот массив болгар, что участвовал в этногенезе чувашей, был, во-первых, количественно достаточно внушительным и, во-вторых, продолжал устойчиво сохранять в закоулках массового сознания свою культурно-языковую преемственность от болгарских предков.

Литература и источники

¹ Иванов В.П. К вопросу о чувашско-татарских этнокультурных параллелях (необходимые интерпретации некоторых фактов, приведенных в книге «Татары Среднего Поволжья и Приуралья») // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С. 103–120.

² Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. С. 174.

³ Мухамадеев А.Р. Право Волжской Булгарии. Ч. 1. Преступления и наказания, правосудие. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. С. 8.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007. С. 98.

⁶ Краснов Ю.А. Проблемы происхождения чувашского народа в свете археологических данных // Советская археология. 1974. № 3. С. 123.

⁷ Кобзев А.В. Татары и чуваша на перекрестке вер: тюркоязычно-христианское пограничье в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 142–149.

⁸ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 196.

⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989. Т. 2. С. 126.

¹⁰ Татары. М.: Наука, 2001. С. 429.

¹¹ Там же. С. 434.

- ¹² *Каховский В.Ф.* Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Исследования по археологии Чувашии. Чебоксары, 1978. С. 317. (Труды ЧНИИ; вып. 80).
- ¹³ *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. С. 85.
- ¹⁴ *Исхаков Д.М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1997. С. 67–85.
- ¹⁵ *Хамидуллин Б.Л.* Указ. соч. С. 175–176.
- ¹⁶ *Хузин Ф.Ш.* О некоторых проблемах болгарской археологии в аспекте этногенеза чувашского народа // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: материалы научного семинара (Чебоксары, 13 апреля 2011 г.) / сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 37. (Тюркские племена и государства Евразии в древности и в Средние века; вып. 1).
- ¹⁷ Там же. С. 37–45.
- ¹⁸ Там же. С. 38.
- ¹⁹ *Каховский В.Ф.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁰ *Хузин Ф.Ш.* Указ. соч. С. 39.
- ²¹ Там же. С. 41; *Краснов Ю.А.* Указ. соч. С. 120.
- ²² *Марийцы: историко-этнографические очерки.* Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 47.
- ²³ Там же. С. 50.
- ²⁴ *Хузин Ф.Ш.* Указ. соч. С. 42.
- ²⁵ *Плетнева С.А.* Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. Казань, 1997. № 1. С. 46.
- ²⁶ История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 116.
- ²⁷ Там же. С. 119.
- ²⁸ Там же. С. 121.
- ²⁹ *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры: пер. с венг. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 20.
- ³⁰ История татар с древнейших времен ... С. 622.
- ³¹ Чуваши: этнографическое исследование. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Ч. 1. С. 67; *Хузин Ф.Ш.* Указ. соч. С. 38.
- ³² История татар с древнейших времен ... С. 101.
- ³³ Там же. С. 102.
- ³⁴ Там же. С. 102–103; см. также: *Мокишин Н.Ф.* Тайны мордовских имен: Исторический ономастикон мордовского народа. Саранск, 1991. С. 33, 34.
- ³⁵ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2004. С. 75.
- ³⁶ История татар с древнейших времен ... С. 103.
- ³⁷ Там же. С. 107.
- ³⁸ Там же.

V.P. Ivanov

REGARDING ETHNOGENETIC ROOTS OF DIFFERENCES IN ETHNO-CULTURES OF CHUVASHES AND TATARS.

The problem of contrastive-comparative study of the general and special in ethnocultures of the Chuvash and Kazan Tatars, revealing common ethno-genetic sources, going to the epoch of the Volga Bulgaria, is one of the debating points. Polemically, the author analyses the roots of differences in the approaches of researchers to handling of historical social factors for formation of peculiarities of ethnocultural appearances of peoples.

Key words: Bulgars, Tatars, Chuvashes, Islam, Kazan khanate, Maris, Akazirs, archeology of the Chuvash Volga region, assimilation.

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(ПО СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫМ
МАТЕРИАЛАМ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
НАЧАЛА XX ВЕКА)**

ЧГВ, 2013 г., № 8

© А.В. Кобзев

Анализируются судебные дела о хулении и кощунстве веры и церкви, отложившиеся в фондах Государственного архива Ульяновской области во второй половине XIX – начале XX в. Рассматривается роль бытовавших в дореволюционной России этнических и конфессиональных стереотипов в повседневной жизни и конфликтных ситуациях, возникавших между представителями различных конфессий и этнических групп. Отмечается, что вербальное и поведенческое проявления этноконфессиональных стереотипов не всегда совпадали. В большинстве случаев поступки, квалифицированные дореволюционными судами как религиозные преступления, не носили намеренный характер и в действительности чаще всего были спровоцированы конфликтным взаимодействием на межличностной и производственной основе.

Ключевые слова: православные христиане, мусульмане, Российская империя, этнические и конфессиональные стереотипы, преступления на религиозной почве, судебные дела по обвинению в кощунстве и богохулении.

Россия – одна из немногих стран мира, отличающаяся невероятно сложным этническим и конфессиональным составом населения. Неизбежное взаимодействие этнических и конфессиональных групп в политическом и социокультурном пространстве страны естественным образом сопровождалось формированием в их среде взаимных представлений друг о друге и о себе – авто- и гетеростереотипов, являвшихся частью этноконфессиональной идентичности и национального менталитета. Их вербальное и поведенческое проявления не всегда совпадали, содержали позитивные и негативные образы и представления о других.

Одним из проявлений своеобразного столкновения негативных этноконфессиональных стереотипов были происшествия, связанные с хулением

Александр Викторович Кобзев – кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова; e-mail: al-kobzev@yandex.ru.

и кощунством в отношении господствующей в Российской империи православной веры, пользовавшейся привилегированным положением в стране. Как правило, во второй половине XIX – начале XX в. подобные происшествия в отношении православной веры и церкви преследовались уголовным судом. Это, прежде всего, были дела о богохульстве и кощунстве в отношении религиозной символики, догматики и обрядности. Цель настоящей статьи – на основе судебно-следственных материалов Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX в. раскрыть место и роль социокультурных и этноконфессиональных факторов в бытовании противоправных действий, связанных с хулением и кощунством в отношении веры и церкви, раскрыть специфику их государственно-правового регулирования в контексте конфессиональной политики Российской империи.

За период второй половины XIX – начала XX в. такие дела, отложившиеся в фондах Государственного архива Ульяновской области, немногочисленны. Всего нами выявлено 21 архивное дело. Разумеется, их количество не следует напрямую отождествлять с общим числом преступлений на религиозной почве. Последних, по-видимому, могло быть несколько больше, чем реально дошедших до нас документов. Правда, остается неясным, насколько их было больше, ибо нет подробной статистики о динамике этого вида преступлений. Выявленные архивные единицы хранения распределены по годам неравномерно. Одно дело датируется 1837–1839 гг., пять дел охватывают отрезок времени с 1862 по 1868 г., одно дело было заведено и рассматривалось в течение 1871–1873 гг., шесть дел приходятся на 1890–1897 гг., и еще восемь дел были заведены в 1904–1913 гг. В разное время эти дела были рассмотрены в различных судебных инстанциях – в Буинском уездном суде, в Симбирской палате уголовного суда, в Симбирском окружном суде и прокурором Симбирского окружного суда.

Вплоть до начала Первой мировой войны все происшествия конфессионального характера – богохульства и кощунственные действия в отношении православной религиозной символики и догматики – рассматривались по линии уголовных преступлений. Лишь в 1913 г. по Высочайшему указу от 21 февраля лица, обвинённые в хулении православной веры, стали освобождаться от уголовного суда и наказания. В частности, на основании данного указа были помилованы двое татар-мусульман, обвинённых в богохульстве – Каюм Садретдин Аширов и Сейфулла Зюлькарнеев. Оба были признаны виновными в преступлении и подлежали наказанию в виде ареста при полиции до трёх месяцев, предусмотренному ч. 2 ст. 73 Уголовного уложения о наказаниях. Им в вину вменялось публичное произнесение нецензурной брани в отношении Бога¹. Один из них, Каюм Садретдин Аширов, во время проступка был в пьяном состоянии. Хотя он и был уличен в употреблении алкогольных напитков, что запрещено для мусульман по шариату, нельзя сказать, что он был маргиналом или человеком с явно выраженным асоциальным поведением.

Следует отметить, что на протяжении всей второй половины XIX в. государство главным образом защищало от посягательств православную

церковь и отказывало в аналогичной правовой защите представителям иных, прежде всего нехристианских конфессий. Примером настоящей дискуссии, развернувшейся между представителями судебной власти по поводу неправомерного статуса православных и неправославных жителей страны, является дело об ограблении часовни на мирском кладбище д. Русские Чукалы Симбирской губернии в 1863 г. Обстоятельства дела были следующими. Крестьянин д. Верхние Каракитаны Садетдин Мухаметов, ранее не судимый, 40 лет, человек семейный, был признан виновным в краже церковных вещей и денег. Собственно, объектом преступных действий стали полотенце с Тихвинской иконы Божией Матери, жертвенная косынка с иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», пять пелен с аналая и 6 копеек серебром².

В официальной формулировке Указа его Императорского Величества самодержца Всероссийского из Правительствующего сената Симбирской палате уголовного суда от 17 декабря 1864 г. это преступление расценивалось как «святотатство», так как были украдены вещи «освящённые» и используемые в богослужении³. Садетдин Мухаметов, признанный виновным, был подвергнут весьма строгому наказанию. Буинский уездный суд от 2 сентября 1863 г. постановил на основании ст. 256 по 6-й степени наказать плетью (40–50 ударов), но в связи с их отменой сослать виновного в Сибирь на каторжные работы сроком на шесть лет и лишить всех прав гражданского состояния⁴. Окончательный приговор был озвучен в уже упомянутом Указе его Императорского Величества – осужденный согласно ст. 4 т. XIV Устава о ссылке вместо каторжных работ на заводах должен был отправиться на аналогичные работы в крепостях в Финляндии на 4 года 2 месяца с поражением в гражданских правах⁵.

Принимая столь жёсткое решение в отношении виновного, Сенат руководствовался соображениями защиты интересов и святынь покровительствуемой православной церкви. В ответ на отношение Симбирского окружного прокурора Сенат отметил, что расследуемый вопрос должен рассматриваться на основании ст. 575 кн. 2 т. XV Закона о судопроизводстве, в соответствии с которым наказанию «за святотатство и другие преступления против веры подвергаются как принадлежащие к Православной церкви, так и иноверные»⁶. Другими словами, сила закона распространялась на всех, в том числе и на исповедующих иную религию. Несмотря на то, что для лиц, совершивших преступное деяние в отношении православного религиозного культа, данный культ не представлял святыни в силу иной конфессиональной принадлежности этих лиц. Это обстоятельство, по мнению Сената, было опасным, так как создавало прецедент, когда, например, такие преступления, как «богохуления, порицание веры, кощунство, совершённые не христианами, должны были бы вовсе оставаться безнаказанными»⁷.

Интерпретация этого мнения может быть самой различной, важнее отметить другой вывод, сделанный Сенатом. Согласно ст. 264 кн. 1. т. XV

уголовного законодательства государство обеспечивало защиту от подобных преступлений только православие и те христианские конфессии, которые были «близки» к нему по «духу вероучения». Соответственно, покровительством пользовались римско-католическое и евангелически-лютеранское вероисповедания. Те же конфессии, чьё вероучение противоречило христианству, – ислам, буддизм, иудаизм, политеистические культы («язычество») – были лишены подобной защиты в случае преступных действий в отношении их религиозных святынь. В противном случае, по мнению Сената, признание полного равноправия для всех религий без исключения привело бы к тому, что «законодатель впал бы в противоречие, ибо должен был бы поддерживать такие религии, учение которых совершенно противоположно учению исповедуемой им самим религии»⁸.

Именно это обстоятельство и смутило прокурора Симбирского окружного суда при определении характера и степени тяжести преступления, совершённого Садетдином Мухаметовым. В отношении в Симбирскую палату уголовного суда от 9 октября 1863 г. он отметил: «...о предметах, употребляемых при богослужении в магометанских мечетях, еврейских синагогах, буддийских хурулах и языческих капищах ничего не сказано, и наказания за кражу из этих храмов предметов, употребляемых при богослужении, в законе не определены. Отсюда вытекает... если лицо христианского вероисповедания похитило какую-либо вещь, употребляемую при богослужении в мечети, хуруле, синагоге, капище, то есть ли эта кража святотатством или обыкновенная кража предмета, не составляющая святыни для вора-христианина»⁹.

Продолжая свои рассуждения, прокурор пришел к совершенно верному выводу, что в тех случаях, когда совершается кража религиозных предметов богослужебного характера, мера наказания оказывается разной, в зависимости от того, кто по вероисповеданию совершил кражу и чей культ стал объектом преступных действий. Если преступление совершил нехристианин в отношении православной веры, то кража, безусловно, будет святотатством, а если это сделал христианин в отношении нехристианских культов, то кража останется всего лишь кражей. Подобный дифференцированный подход ставил в неравные условия христианскую и нехристианскую конфессии. Собственно, прокурор об этом и писал: «В таком случае закон неодинаково будет справедлив ко всем подданным империи: если закон охраняет храмы и находящиеся в них предметы христианского вероисповедания, то почему же он оставляет без внимания мечети магометан, хурулы буддийцев, синагоги евреев и капища язычников?»¹⁰ В связи с этим он считал опасным признавать совершённое Садетдином Мухаметовым преступление святотатством. С другой стороны, что собственно и побудило прокурора обратиться в высшую судебную инстанцию – в Сенат – за разъяснениями, определение такого преступления в качестве обыкновенной кражи могло «послужить усилению и без того довольно частого в здешней губернии (Симбирской. – *А.К.*) воровства татарами из христианских хра-

мов»¹¹. У нас нет конкретных статистических данных о масштабах такого воровства, чтобы можно было подтвердить или опровергнуть мнение прокурора Симбирского окружного суда. Из общей массы уголовных дел было выявлено только это дело.

Вместе с тем фактом остается то обстоятельство, что, во-первых, в архивных фондах судов Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX в. нам не удалось обнаружить уголовных дел в отношении православных христиан, совершивших преступления относительно нехристианских культов. Надо полагать, что они имели место, но не регистрировались и не расследовались в связи с неравноправным положением христианства и нехристианских конфессий, которым было отказано в государственно-правовой защите в описанных выше случаях. Во-вторых, в спорных ситуациях, сопровождавшихся взаимными упреками и оскорблениями на религиозной почве, государство обычно вставало на защиту православных христиан.

В 1890 г. предметом разбирательства Симбирского окружного суда было дело о кощунстве, совершённом крестьянином д. Инза Городищенского уезда Пензенской губернии Кантемиром Хисаметдиновым в отношении христианской религиозной символики. Фигурант дела был признан виновным, и на основании резолюции суда от 16 октября 1890 г. ему было назначено наказание в виде ареста при полиции сроком на 7 дней¹². События, послужившие причиной судебного рассмотрения, произошли на одной из фабрик, принадлежавшей г. Селиверстову. Между двумя рабочими произошла самая обычная рядовая ссора, если можно так выразиться, производственный конфликт: без разрешения хозяина – К. Хисаметдинова – другой работник А. Учурин взял «подъём»¹³ для смазки телеги. Слово за слово, и взаимные упрёки перешли грань бытовой ругани¹⁴. Как утверждал мусульманин, православный назвал его «некрещёной собакой», за что в ответ был поименован «антихристом». А. Учурин обиделся и стал доказывать, что он не «антихрист», так как носит крест и пояс, на что К. Хисаметдинов ответил нецензурной бранью в отношении нательного креста. По имеющимся источникам нет возможности проверить утверждение К. Хисаметдинова о нанесенном ему оскорблении. Однако по другим сведениям известно, что в Среднем Поволжье, по крайней мере, в 1840-х гг. иной русский кучер нет да и бросал в сторону татар-мусульман обидные слова¹⁵. В связи с этим следует отметить, что по шариату собака наряду со свиньёй считается такой же нечистой, как и неверные (кяферы). Малейшее соприкосновение с этим животным требует омовения, в одежде, которой касалась собака, запрещается совершать молитву. Назвать мусульманина собакой значило нанести ему тяжкое оскорбление, безусловно затрагивающее его религиозные чувства и представления¹⁶. По существу, оба участника ссоры перешли грань дозволенного во взаимном оскорблении друг друга, затронув религиозные чувства, однако виновным был признан только один из них – представитель исламской конфессии.

Это дело, помимо прочих обстоятельств, связанных с иллюстрацией неравноправного положения нехристианских вероисповеданий, примечательно еще и тем, что в нём, хотя и фрагментарно, нашли отражение бытовавшие в обыденном сознании населения представления о маркерах конфессиональной принадлежности. В частности, оправдываясь, что он не «антихрист», а православный христианин, А. Учурин указывал на два существенных маркера – пояс и крест. В Среднем Поволжье, как правило, мусульмане носили рубахи, не подвязывая их поясом, что, наоборот, делали православные верующие¹⁷.

Нательный крест как объект оскорбительных высказываний, прозвучавших из уст К. Хисаметдинова, по существу воспринимался как предмет, не представлявший для него, как для мусульманина, некоего сакрального символа. Это всего лишь крест и не более того. Нецензурно выражаясь, он в то же время не ставил перед собой конкретную цель оскорбить собственно религиозные чувства православного, но, к сожалению, получилось именно так. В правовых условиях Российской империи второй половины XIX – начала XX в. мог пострадать любой, кто использовал символы христианства в «оскорбительном» контексте, не вкладывая в него смысл унижить чужую веру. Может быть, этим объясняется такая формулировка суда в определении мотивации виновного: «...виновен в совершённом кощунстве по неразумению и невежеству... без намерения произвести соблазн и оказать неуважение к вере, а по невежеству произнес ругательство креста Господня...»¹⁸.

Подобные объяснения мотивации виновных в богохульстве и кощунстве в адрес православной церкви и веры нередко звучали в судебных приговорах и резолюциях. Например, в 1868 г. Сибирская палата уголовного суда постановила: «Мязитов татарин, не понимающий никаких отношений к православной вере, и сделал это без всякого намерения... а единственно по недоразумению и невежеству своему»¹⁹. В 1871 г. крестьянин д. Исаково Тетюшского уезда Казанской губернии был признан виновным в «оскорблении святыни» «без намерения оказать неуважение к православной вере, а по неразумению и невежеству»²⁰.

Конечно же, были и более жесткие формулировки судов в оценке мотивации и характера совершённых преступлений. В 1867 г. крестьянин д. Сюндюково М. Микашев был признан виновным, и «за оказание им неуважения к вере христианской» ему была назначена мера наказания в виде лишения свободы на 1,5 месяца ареста в тюрьме при полиции либо в случае недостатка места наказание розгами 25 ударами²¹. Аналогичная формулировка была озвучена и в заключении судебного следователя, расследовавшего в 1904 г. дело о «кощунственных выражениях» крестьянина д. Пимурзино²². В 1893 г. четверо арестантов Батыревского арестного дома были признаны виновными в «кощунстве», заключавшемся в «язвительной насмешке над обрядами православной церкви». Виновные подлежали аресту при полиции на три месяца²³.

Нельзя утверждать, что государство сознательно нагнетало ситуацию религиозной напряженности и конфликтности, скорее, наоборот, было желание сгладить её, особенно если имел место острый накал страстей. Подобное как раз и произошло весной 1897 г. в татарской деревне Новые Тимерсяны. В соборной мечети должна была состояться пятничная служба. В тот же день православные чуваши (50 чел.) с песнопениями несли крест из г. Симбирска в д. Нижние Тимерсяны для водружения на приходскую церковь. Их путь пролегал через названную татарскую деревню. Заслышав приближение крестного хода из селения, выбежали татары (50 чел.) и преградили дорогу через мост. Собравшиеся у моста мусульмане кричали, что не пропустят крест через деревню, ругали православных и камнями прогнали в поле от дороги. Спустя некоторое время, по разным данным, численность татар у моста выросла до 200 чел., а к православным чувашам прибавилось народу из соседних селений до 500 чел. Прибывшие на место происшествия из Новых Тимерсян сельский староста и сотник (оба татарина) разогнали толпу негодующих мусульман и предложили чувашам пройти через деревню с крестом, но те побоялись. Только с приходом полицейского урядника всё разрешилось благополучно. Татары стояли на улицах деревни, а православные чуваша вместе с урядником прошли через селение без молитв и песнопений. При этом крест был приспущен и обёрнут холстом. По факту произошедшего конфликта было проведено судебное разбирательство, и по его итогам пятерых мусульман признали виновными в богохульстве по ст. 180 Уложения о наказаниях с заключением в тюрьму на 4 месяца²⁴. Казанская судебная палата достаточно здраво рассудила дело, дав следующую формулировку произошедших событий: «...обвиняемые татары-магометане... совершили означенное преступление не с умыслом оскорбить святыню, а с целью не допустить к следованию через их деревню церковную процессию со святыми образами, крестом и хоругвями; этого же они не желали допустить вследствие своего религиозного фанатизма, обусловленного их невежеством...»²⁵.

Аналогичного взгляда придерживался и защитник обвиняемых: ссылаясь на «их невежество», он просил суд отнестись к ним с «возможно большим снисхождением». В окончательном приговоре Симбирского окружного суда от 8 ноября 1897 г. было сказано: «Не имея умысла оскорбить святыню, а по неразумению своему и невежеству позволили себе возвести хулу»²⁶.

Пересечение религиозных пространств разных конфессий в быту, пёстрый этноконфессиональный состав населения побуждали государство гибко подходить к решению подобных судебных дел и прецедентов. Единственное, что смущает, так это односторонний характер в оценке государством невежества и религиозного фанатизма, присущего только нехристианам. Подобное невежество можно было бы приписать и православным чувашам, решившим пройти через татарскую деревню с крестом, молитвами и религиозными песнопениями, с которыми они вторгались в религи-

озное пространство мусульманского селения в священный день пятничной полуденной молитвы.

Всего по изученным архивным делам под следствием за преступления на почве кощунства и богохульства в разное время оказалось 26 чел., из них шестеро были оправданы за недостаточностью улик, за недоказанностью вины или отсутствием состава преступления, и двадцать человек были признаны виновными. Имели место и такие прецеденты, когда практически при одинаковых обстоятельствах исход судебного решения был различным. В 1866–1867 гг. расследовалось дело о богохульстве крестьянина М. Микашева. Будучи работником на вотчине г. Языкова, в состоянии алкогольного опьянения он обругал православную икону, швырнул ее на пол и затолкал под скамейку. Свидетелем происшествия был Василий Степанов, с его слов о случившемся на допросе дали свои показания и другие работники вотчины, хотя сами и не видели, что сделал с иконой М. Микашев. Единственное, что они, Петр Кондратьев и Павел Николаев, сумели подтвердить, – это тот факт, что икона лежала на полу под скамейкой²⁷. Судя по показаниям работников-татар, основной свидетель по делу Василий Степанов и обвиняемый Максут Микашев были в ссоре, что и могло стать побудительным мотивом в совокупности с принятым алкоголем к преступным действиям в отношении православного религиозного предмета²⁸. В конечном итоге М. Микашев был признан виновным²⁹.

Другое происшествие, похожее по своим обстоятельствам, приключилось в 1900 г. на фабрике в застойной избе. Подследственным по делу был татарин-мусульманин – крестьянин д. Татарские Горенки Мифтяхетдин Рахметуллов. Судебный следователь, изучив обстоятельства происшествия, постановил представить дело в Симбирский окружной суд «со свидетельством о прекращении за отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 182 Уложения о наказаниях»³⁰. По мнению судебного следователя, озвученному в постановлении от 17 ноября 1900 г., «нет никаких указаний на наличность у Рахметуллова желания сказать явное неуважение к православным обрядам и церкви православной или допустить язвительную над ними насмешку в присутствии свидетелей... разбитие им стекла на иконе могло быть вызвано враждой к Курилкину, которому она принадлежала»³¹.

Между М. Рахметулловым и Н.И. Курилкиным, писарем и по совместительству подрядчиком на фабрике, неоднократно возникали ссоры и конфликты. Видимо, после очередного конфликта М. Рахметуллов не нашел ничего другого, как со злости ударить кулаком по иконе, принадлежавшей Н.И. Курилкину, и разбить стекло. События произошли в застойной избе при свидетелях³². Судя по свидетельским показаниям, прежде всего татар-мусульман, работников винокуренного завода, Н.И. Курилкин, будучи подрядчиком, не хотел брать на работу татар, и при нём на заводе их работало всего 10–15 чел. После того, как Н.И. Курилкина уволили, численность работников-татар на винокуренном заводе при новом подрядчике выросла до

40 чел.³³ Этническая неприязнь или иные интересы стали побудительными мотивами в действиях писаря, сказать сложно, фактом остается то обстоятельство, что это привело к напряженным отношениям и вылилось в причинение физического ущерба религиозным предметам и по формальным основаниям заведённое дело рассматривалось по статье по обвинению в кощунстве.

Дела, по которым подследственные и подсудимые в конечном итоге были признаны невиновными и оправданы судом, представляют определённый интерес. В подобных случаях дела по обвинению в богохульстве и кощунству были вызваны межличностными конфликтами и неприязнью, производственными спорами, наветами и клеветой с целью навредить или отомстить. В 1862–1864 гг. расследовалось дело о повреждении иконы крестьянином д. Долгий Остров Минибаем Сулеймановым. По итогам судебного разбирательства он был оправдан. Дело было возбуждено на основе заявления Ивана Семеновича Грешникова, владельца мельницы в д. Буяново, переданной в аренду Абиkey Шарипову. Все подробности и детали дела исходили исключительно от И.С. Грешникова, заявившего, что об уничтожении иконы в печке он узнал от третьих лиц, которые в свою очередь слова самого И.С. Грешникова не подтвердили. После того, как М. Сулейманов был оправдан, И.С. Грешников в подписке от 15 марта 1864 г. заявил, что остался доволен решением суда. О мотивах, побудивших владельца мельницы выдвинуть столь серьёзное обвинение, остается лишь догадываться, конкретных фактических данных в деле не оказалось³⁴.

Иллюстрацией межличностной неприязни, послужившей мотивом в обвинении в богохульстве, являются события, произошедшие на фабрике осенью 1892 г. в д. Козьмино Симбирского уезда. Дело началось по заявлению двух работников православного вероисповедания Феофана Федотова и Николая Соболева. К слову, один из них оказался крещёным татаринoм. После ухода с военной службы он крестился и принял имя и фамилию «Николай Соболев»³⁵. Обвиняемым по делу был Камалетдин Неометов, тоже фабричный рабочий. По словам Ф. Федотова и Н. Соболева, К. Неометов употребил образ Иисуса Христа в бранном контексте, а Божий храм назвал «собачьим хлевом». В ходе судебного следствия выяснилось, что К. Неометов неоднократно делал замечания фигурантам дела в связи с неудовлетворительным выполнением своих рабочих обязанностей. По показаниям свидетелей, он указывал им, что они «мало работали и работали хуже других». «За дурную работу» достаточно быстро оба работника были рассчитаны и уволены с фабрики³⁶. Кроме того, привлеченные к следствию свидетели не раз отмечали, что К. Неометов никогда не высказывался отрицательно о православной церкви и ни разу ничего плохого не сказал о православной вере³⁷.

Это дело, помимо описанных выше обстоятельств, интересно и тем, что в нём частично нашли отражение некоторые нюансы межконфессионального взаимодействия православия и ислама. В частности, местный при-

ходский священник А.В. Гневушев неоднократно беседовал с К. Неометовым о вере, и в нём священник увидел «глубокий ум» и «глубокое понимание своей веры». Во время одной из таких бесед К. Неометов на вопрос о возможности перехода в православное христианство ответил, «что, пронося 40 лет на плечах татарский кафтан, весьма трудно для него, Неометова, перейти в православие»³⁸. Что было невозможно для него, стало реальностью для Николая Соболева, крещёного татарина. Во время допроса он неоднократно заявлял, что К. Неометов упрекал его за то, что он оставил ислам и перешёл в православное христианство. Правда, никто на фабрике лично не подтвердил этих придирок и упреков, они известны лишь со слов самого Н. Соболева³⁹. Тем не менее в его свидетельских показаниях прозвучало ещё одно интересное обстоятельство, отражающее переплетение этнической и конфессиональной идентичностей. Судебному следователю 27 апреля 1893 г. священник передал слова Н. Соболева, что «когда он был татарин (то есть мусульманином. — А.К.), то работа нравилась Неометову. Но как только он принял православие, то Неометов стал недоволен его работой...»⁴⁰. Другими словами, в представлениях крещёного татарина этническая и конфессиональная принадлежности совпадали, принадлежность к исламу определяла принадлежность к соответствующей этнической группе — татарам, а этноним использовался в качестве конфессионала.

Особенно остро подобная взаимосвязь этнической и конфессиональной идентичностей воспринималась крещёными татарами, «отпавшими» в ислам. Полемика с православным христианством с позиций вновь обрётённого ислама была частью их представлений. Привилегированное положение православия в Российской империи в какой-то мере делало эту конфессию несколько уязвимой для «критики» со стороны дискриминируемых неправославных конфессиональных групп, особенно такой, как «отпавшие» крещёные татары, которые вплоть до 1905 г. не пользовались даже тем объемом прав организации своего религиозного быта, которые были у прочих татар-мусульман. Любой недостаток, просчёт, даже основанный на слухах и небылицах, расценивались как слабость вероучения, несовершенство церковных институтов и отсутствие явного преимущества перед другими верами. В 1903 г. в д. Пимурзино в одном из крестьянских домов развернулись события, послужившие основой для обвинений в богохульстве. Фигурантом дела оказался местный житель Латыф Абульханов, крещёный татарин, «отпавший» в ислам. Будучи в гостях в присутствии православных христиан, по-видимому чувашей, Латыф Абульханов заявил: «... у вас угодники не правильные, а трупные и обманчивые».

По разным сведениям, суть утверждений подследственного сводилась к следующему. В акте дознания урядника от 2 января 1904 г. было записано: «...у православных Святых Мошей (на трупах), где бы ни явились мощи, дают телеграмму Государю Императору и по приезде их Величества и бывают тут татары, которые, не веря этому событию, просили посмотреть вовнутрь гроба, а там устроена пружина...»⁴¹.

В рапорте полицейского сотника от 30 декабря 1903 г. со слов свидетелей была зафиксирована такая картина: «...у православных христиан является Св. Мошь – говорят посредством для этой цели пружинах, как последнюю завидят, тогда Св. Мошь, как новоявленная... Однажды будто бы... был такой случай... приехал к новой чудотворной мощи Его Величество Государь Император, где был татарин и рассказал последний Его Величеству этот случай, тогда Его Величество приказал Мошь Св. Чудотворца с гроба снять, и по снятии оказалось: под гробом устроена пружина, тогда тело Св. М. было положено обратно на место и приказано всем находившимся там православным христианам прикладываться к Св. М., после приказал прикладываться одного татарина, но последний вместо того, чтобы прикладываться, откусил глаз Св. М., по спросе Его Величества, зачем он это сделал, тот татарин объяснил, что глаза у Ваших Св. М. сделаны, то есть подставлены, из другого материала»⁴².

Судебного приговора в деле нет, есть только решение судебного следователя, предложившего предъявить обвинение в действии с «целью оказать неуважение» к православной вере и произнесении «богохульных» слов на святые мощи⁴³. Латыф Абульханов виновным себя не признал и на допросе заявил, что все эти обвинения не что иное, как навет, так как у них, у мусульман, с местными чувашами постоянные ссоры из-за земли⁴⁴. Так это или нет, вопрос, требующий отдельного изучения, в данном же случае интерес представляет само бытование в повседневной жизни верующих разных конфессий подобных стереотипов и слухов, основанных на реальных фактах или выдуманных, но оказывающих влияние на характер повседневных контактов.

Этническое восприятие чужой и собственной веры – явление, весьма характерное в процессе распространения мировых религий. В конкретных исторических условиях православие, например, воспринималось другими, и собственно русскими, как русская вера, ислам в Среднем Поволжье – как вера татарская. Подобное восприятие естественным образом переносилось и на высшее божество. В делах, связанных с богохульством и кощунством, такая этнизация культа и высших сил порой сопровождалась негативно-эмоциональным отношением к иной вере. В 1868 г. был признан виновным в богохульстве в публичном месте крестьянин д. Беденьга Искан Мязитов и осужден на 8 месяцев ареста в тюремном замке. Судя по отрывочным сведениям и свидетельским показаниям, виновный трижды произнес фразу: «...чтобы русский Бог провалился в преисподнюю»⁴⁵. Иначе, как раздражение, эту фразу, по-видимому, понять нельзя, чем оно могло быть вызвано, в деле нет достоверных и однозначных сведений. Возможно, это было связано с конкуренцией по выгрузке хлеба на пристани, как следует со слов виновного, утверждавшего, что его оговорили. Дело примечательно еще тем, что, по показаниям свидетелей с православной стороны, другие татары-мусульмане просили не заводить дело, так как сами «его высекут своим судом»⁴⁶.

Происшествия, связанные с кощунственными и богохульными выражениями и поступками в отношении православной символики и догматики, происходили в самых разных местах. Как правило, это было контактное пространство представителей различных этнических и конфессиональных групп: административные здания (комната удельного приказа, арестный дом), производственные помещения (водяная мельница в д. Буяново, вотчина г. Языкова, пристань по разгрузке хлеба, фабрики г. Акчурина в с. Тереньга, г. Селиверстова в с. Козьино, амбары), точки общественного питания (харчевня, застольная изба на фабрике). Ряд происшествий произошли в деревнях Пимурзино, Старое Шаймурзино, Старые Какерли, Новые Тимерсяны, Старые Мочалеи. В этих селениях фигурантами дел были оказавшиеся там православные с одной стороны и мусульмане с другой стороны. Не во всех случаях удалось определить этническую принадлежность православных. По трём судебным делам известно, что это были православные чуваш.

По своему социальному положению большинство лиц, обвинённых и осуждённых по статьям о богохульстве и кощунстве, были крестьянами, и нельзя сказать, что это были маргиналы, люди асоциального поведения, опустившиеся на дно и утратившие всяческие моральные нормы. Как правило, все они ранее не были судимы, одобрены обществом в поведении. Из 26 чел. данные о наличии или отсутствии судимости были зафиксированы только у 14, из них лишь один был прежде осужден за кражу лошади. По возрасту большинство из них были совершеннолетними. Из 16 чел., по которым были в источниках представлены данные о возрасте, 11 чел. были 24–40 лет, двое – 18 и 20 лет, и остальным троим было 45–55 лет. Нельзя сказать, что все, но многие из них были женаты. В частности, семейное положение было зафиксировано у 13 чел. из 26. В браке состояло 9 чел., четверо были холостыми. Трое в момент совершения проступка были в состоянии алкогольного опьянения⁴⁷.

Объектами преступных с точки зрения государства действий в отношении православной веры были нательные кресты, довольно часто иконы, использование образов святых и Бога в нецензурном контексте, мощи святых и некоторые обряды православной церкви, отражающие карнавально-насмешливое отношение к чужой вере. В этой связи особенно примечательно дело по обвинению в кощунстве, заведённое в 1893 г. в отношении крестьян, находившихся в Батыревском арестном доме. В тюремном помещении в присутствии почти 40 чел., пятеро татар-мусульман «разыграли», если можно так выразиться, сцену похоронного обряда. Наряду с прочими мусульманами в тюремном помещении находились и православные чуваш. Собственно, всё и завязалось с разговоров о вере – чья вера лучше. По заявлению свидетелей с православной стороны, некоторые татары-мусульмане утверждали: «У русских вера плохая – чертовская. Наша лучше. У русских целуют Христа и покойников» – и просили показать, как у православных совершаются обряды. Не дождавшись ответа, один из крестьян предложил: «...давайте играть в их веру»⁴⁸. Следует сказать, что в

камере, помимо непосредственных фигурантов дела, были и другие мусульмане, не участвовавшие в изображении православного похоронного обряда. По их показаниям, «пятеро магометан» «играли в русских попов»: один лежал в форме креста на полу, другой ходил, накинув на плечи одеяло, третий «кадил чулком», а четвертый закрывал окошко и что-то произносил по-русски. Еще один ходил вокруг лежащего на полу и говорил: «...архиерей три года служил, три тысячи накопил, полторы тысячи архиерею, полторы тысячи нам»⁴⁹.

По итогам судебного разбирательства поступок виновных был расценен как «язвительная насмешка над обрядами православной церкви – отпевание умерших». Из пятерых обвиняемых виновными были признаны 4 чел., и им была определена мера наказания в виде лишения свободы и ареста при полиции на три месяца⁵⁰. Прежде всего, это дело отразило несколько важных сюжетов: 1) элемент полемики на предмет достоинства и превосходства своей веры; 2) восприятие обрядов другой веры исходя из собственных религиозных представлений и соответствующая их неодобрительная оценка; 3) чужое, непривычное, непонятное, не вписывающееся в схему собственных представлений расценивалось в контексте того, что не принято делать в рамках собственной культуры и веры и поэтому отторгалось в подобной искаженной форме. Наглядна сама ситуация намеренно шутивого изображения чужой веры, ситуация непосредственного контакта представителей разных этнических групп – православных чувашей и татар-мусульман. Конечно, это досужее рассуждение, но произошло бы подобное, если бы на месте чувашей были мордва или русские? Возможно, что нет, никто не возьмется это утверждать. Но нельзя не учитывать и сложность тех конфессиональных процессов, которые шли среди чувашей во второй половине XIX – начале XX в., сравнительную непрочность в их культуре традиций православной веры, заметную роль языческих верований, в том числе в облике православия, исповедуемого чувашами. И возможно, адресованность действия в сложившихся обстоятельствах в данном месте и в данное время была не случайной.

Бытовое, обыденное восприятие православной веры у мусульман Симбирской губернии отличалось от нормативно-догматических представлений ислама. Согласно шариату, христиане – это «люди священного писания» (ахль аль-китаб), веровавшие в единого Бога, но утратившие его истинное слово. Кяферами «люди священного писания» становились в том случае, если вели войну с мусульманами с целью искоренения ислама⁵¹.

В повседневной же практике православие обычно отождествлялось с многобожием (идолопоклонством). Так же как и прочие мусульманские народы, татары почитали христиан нечистыми за их образа и употребление свинины⁵². Например, про «икону Божией матери» татары говорили православным чувашам, что они поклоняются «деревянными богам и лопате»⁵³. Причём такая ссылка татар-мусульман на деревянных богов православных христиан как свидетельство их многобожия не лишена оснований.

В Среднем Поволжье с целью распространения христианства и вытеснения язычества духовенство, вопреки православным канонам, разрешало деревянную культовую скульптуру⁵⁴. В 1871 г. восемнадцатилетний магометанин, работавший на фабрике Акчурина в с. Тереньга, выцарапал гвоздём глаза и лики святых, изображённых на иконе. Заставшим его свидетелям он объяснил свой поступок следующим образом: «Зачем он на меня так, больно прямо смотрит?»⁵⁵ – видимо, полагал, что икона и есть бог. Такое объяснение и отношение к иконе напоминают известный факт, когда некоторые чуваш, веря в сверхъестественные свойства вещей, во время поста поворачивали икону изображением в угол стены, с тем чтобы обитавший в ней бог не увидел, как чуваш, нарушая пост, ест скоромную пищу⁵⁶. Во время описанного выше конфессионального конфликта, произошедшего в 1897 г. на мосту у д. Новые Тимерсяны, татары-мусульмане кричали православным чувашам, что не пропустят крест через деревню, разобьют их бога (изображение на кресте) и кинут в овраг⁵⁷. В с. Ундоры во время несения иконы в 1868 г. один мусульманин как-то заметил: «А что, тяжёл ли русский Бог?»⁵⁸, подразумевая, что икона и есть бог православных христиан. Следуя положениям Корана⁵⁹, татары-мусульмане усматривали отступление христиан от монотеизма, и, соответственно, их многобожие в том, что у них «Бог живёт не один, а целой семьёй», у него «есть хозяйка Марьям, имеется сын Айся, которого Бог родил вместе со своей хозяйкой ...»⁶⁰.

В том или ином виде эти стереотипы, не всегда адекватные об иной вере, частично воспроизводились в ситуациях плотного этноконфессионального контакта, нашли отражение в судебных делах о богохульстве и кощунстве в отношении православной церкви и веры. Побудительные мотивы, ставшие толчком к подобным преступлениям на религиозной почве, косвенно были опосредованы неравноправным положением православного христианства и других нехристианских конфессий, в том числе и ислама в Российской империи. Конечно же, это не может оправдать тех, кто был признан в совершённых преступлениях. Но нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в случаях взаимных претензий с использованием негативных религиозных характеристик государство вставало на защиту покровительствуемой православной религии и ее адептов, в то время как нехристиане были вне поля этой государственно-правовой защиты. В большинстве случаев подобные поступки не носили намеренный характер оскорбить или унижить религиозные чувства оппонента, но в условиях тесного переплетения этнической и конфессиональной идентичностей становились одной из возможных форм и одним из средств выражения конфликтного взаимодействия на межличностной и производственной основе. Во многих случаях «религиозное невежество», приписываемое в судебных приговорах одним, могло быть отнесено и к другим. Изучение таких судебных дел представляет определённые трудности. У современного исследователя нет возможности заново опросить свидетелей, дошедшие до нас сведения порой фрагментарны и не содержат информации для получения выверенных и

достоверных выводов. Интерпретация событий требует включенности исследователя в эпоху, глубокого знания и понимания сущности этноконфессиональных процессов в Среднем Поволжье во второй половине XIX – начале XX в., более широкого охвата архивных материалов, не ограничивающихся фондами лишь одной губернии. Предложенная статья лишь попытка наметить штрихи в изучении судебных дел по религиозным преступлениям и раскрыть познавательные возможности этого вида источников в раскрытии особенностей функционирования и реализации авто- и гетеростереотипов о себе и представителях иных этнических и конфессиональных групп в Российской империи.

Литература и источники

- ¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 108. Оп. 40. Ед. хр. 893764. Л. 2 об. – 3, 9 об., 12 об.; Ф. 108. Оп. 42. Ед. хр. 943. Л. 7, 8.
- ² Там же. Ф. 340. Оп. 4. Ед. хр. 100. Л. 3, 3 об.
- ³ Там же. Л. 28, 28 об.
- ⁴ Там же. Л. 36 об.
- ⁵ Там же. Л. 30.
- ⁶ Там же. Л. 28 об.
- ⁷ Там же. Л. 28 об., 29.
- ⁸ Там же. Л. 29 об.
- ⁹ Там же. Л. 15.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Л. 15 об.
- ¹² Там же. Ф. 1. Оп. 72. Ед. хр. 3. Л. 45.
- ¹³ В источнике не раскрывается значение этого слова, но по смыслу текста можно допустить, что имеется в виду домкрат.
- ¹⁴ ГАУО. Ф. 1. Оп. 72. Ед. хр. 3. Л. 2, 5 об., 6, 7.
- ¹⁵ *Фукс К.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844. С. 143, 144. В тексте книги об этом написано следующим образом: «Однакож иногда кучера русские по улицам бранят татар, называя собакой, ежели он не скоро своротит с дороги... Но татары в таком случае тихо бормочат под нос: донгус, а про себя думает: ты алкафер».
- ¹⁶ *Керимов Г.М.* Шариат и его социальная сущность. М., 1978. С. 131, 208.
- ¹⁷ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 121; *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. Казань, 2008. С. 109.
- ¹⁸ ГАУО. Ф. 1. Оп. 72. Ед. хр. 3. Л. 45, 50.
- ¹⁹ Там же. Ф. 340. Оп. 9. Ед. хр. 2. Л. 25 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 53. Ед. хр. 3. Л. 4 об.
- ²¹ Там же. Ф. 340. Оп. 7. Ед. хр. 2. Л. 31, 32.
- ²² Там же. Ф. 108. Оп. 35. Ед. хр. 36. Л. 12, 12 об.
- ²³ Там же. Ф. 1. Оп. 76. Ед. хр. 5. Л. 86.
- ²⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 79. Ед. хр. 3. Л. 1–10 об., 18–20 об., 22–24 об., 51–52 об., 97, 97 об., 101, 101 об.
- ²⁵ Там же. Л. 12.
- ²⁶ Там же. Л. 102, 102 об.
- ²⁷ Там же. Ф. 340. Оп. 7. Ед. хр. 2. Л. 28–30 об.
- ²⁸ Там же. Л. 14, 14 об.
- ²⁹ Там же. Л. 31, 32.
- ³⁰ Там же. Ф. 108. Оп. 31. Ед. хр. 31.
- ³¹ Там же. Л. 15 об.
- ³² Там же. Л. 1, 1 об., 14, 15.
- ³³ Там же. Л. 14, 14 об.

- ³⁴ Там же. Ф. 111. Оп. 65. Ед. хр. 1. Л. 1–3 об., 9–10 об., 13, 13 об., 14 об.–15 об., 45, 46, 51.
- ³⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 75. Ед. хр. 3. Л. 2, 16, 16 об.
- ³⁶ Там же. Л. 76–78.
- ³⁷ Там же. Л. 77, 77 об.
- ³⁸ Там же. Л. 77 об.
- ³⁹ Там же. Л. 76, 77.
- ⁴⁰ Там же. Л. 22 об.
- ⁴¹ Там же. Ф. 108. Оп. 35. Ед. хр. 36. Л. 2 об.
- ⁴² Там же. Л. 4 об., 5.
- ⁴³ Там же. Л. 10.
- ⁴⁴ Там же. Л. 12, 12 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 340. Оп. 9. Ед. хр. 2. Л. 23–25 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 6.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 111. Оп. 40. Ед. хр. 2.; Оп. 65. Ед. хр. 1; Ф. 340. Оп. 4. Ед. хр. 100; Оп. 7. Ед. хр. 2; Оп. 9. Ед. хр. 2; Ф. 1. Оп. 53. Ед. хр. 3; Оп. 72. Ед. хр. 3; Оп. 75. Ед. хр. 3; Оп. 76. Ед. хр. 5; Ф. 108. Оп. 26. Ед. хр. 133; Ф. 1. Оп. 78. Ед. хр. 3; Оп. 79. Ед. хр. 3; Ф. 108. Оп. 35. Ед. хр. 36; Оп. 36. Ед. хр. 128.; Оп. 40. Ед. хр. 372; Оп. 31. Ед. хр. 31; Ф. 1. Оп. 90. Ед. хр. 5; Ф. 108. Оп. 40. Ед. хр. 764; Оп. 41. Ед. хр. 893; Оп. 42. Ед. хр. 943.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 76. Ед. хр. 5. Л. 5–7.
- ⁴⁹ Там же. Л. 5 об., 19, 19 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 86.
- ⁵¹ Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. С. 113, 131–135, 186.
- ⁵² Керимов Г.М. Указ. соч. С. 131; Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. С. 139.
- ⁵³ Чичерина С.В. У приволжских инородцев: путевые заметки. СПб., 1905. С. 144; ГАУО. Ф. 1. Оп. 90. Ед. хр. 5. Л. 2, 2 об.
- ⁵⁴ Шатукова Л.Г. Историческая трансформация культа икон в процессе христианизации народов Среднего Поволжья // История христианизации народов Среднего Поволжья: критические суждения и оценка: Межвузовский сборник научных трудов. Чебоксары, 1989. С. 74.
- ⁵⁵ ГАУО. Ф. 1. Оп. 53. Ед. хр. 3. Л. 3–4 об.
- ⁵⁶ Трупчинский А.В. Среднее Поволжье. М., 1908. С. 52.
- ⁵⁷ ГАУО. Ф. 1. Оп. 79. Ед. хр. 3. Л. 1 об.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 340. Оп. 9. Ед. хр. 2. Л. 23 об.
- ⁵⁹ Коран / пер. с араб. акад. Л.Ю. Крачковского. М., 1990. С. 100, 111, 116 (сура 4, аят 169; сура 5, аяты 76–79, 116).
- ⁶⁰ Чичерина С.В. У приволжских инородцев: путевые заметки. С. 144.

A.V. Kobzev

ETHNOCONFESSIONAL STEREOTYPES IN EVERYDAY LIFE OF THE PREREVOLUTIONARY RUSSIAN SOCIETY (ON JUDICIAL-INVESTIGATIVE MATERIALS OF SIMBIRSK GUBERNIA OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES)

Lawsuits on abusing and abomination of faith and church, kept in the holdings of the State archives of Ulyanovsk region in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries, are being analysed. The role of prevailing, in prerevolutionary Russia, ethnic and confessional stereotypes in everyday life and in conflict situations between representatives of different confessions and ethnic groups, is being considered. It is noted that verbal and behavioral demonstrations of ethnoconfessional stereotypes did not always coincide. In the majority of cases, the actions qualified by prerevolutionary courts as religious crimes, did not have an intentional character and in fact have most often been provoked by conflict interaction on interpersonal and work basis.

Key words: Orthodox Christians, Muslims, the Russian empire, ethnic and confessional stereotypes, religious crimes, lawsuits on abomination and blasphemy.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ЧГВ, 2013 г., № 8
© Г.А. Дегтярёв

ТУРЕЦКИЙ ДИСКУРС В ПАРАДИГМЕ
ЗАРУБЕЖНОГО ЧУВАШЕВЕДЕНИЯ

Работа содержит краткий анализ нынешнего состояния чувашеведческой науки в зарубежье и подробно знакомит с её наиболее динамично развивающейся исследовательской школой – чувашской отраслью турецкой тюркологии. Рассматриваются обстоятельства, вызвавшие в Турции научный интерес к чувашской тематике, основные линии развития и современная проблематика турецкой «науки о чувашах». К статье прилагается обширный библиографический материал для новых анализов и обобщений по исследуемому дискурсу.

Ключевые слова: тюркология, исследование чувашской культуры, зарубежное чувашеведение, турецкое чувашеведение, туркоязычная литература о чувашах, турецко-чувашские взаимосвязи.

Язык, фольклор, религия и другие элементы духовной культуры чувашского народа давно стали объектом научных изысканий за рубежом. На основе сложившихся исследовательских традиций в последнее время наиболее успешно развиваются научные школы чувашеведения в Венгрии, Финляндии и Турции. Свою лепту в «науку о чувашах» вносят по-прежнему немецкие, шведские и американские учёные. После небольшого периода спада наблюдается заметное оживление интереса к материальной и духовной культуре нашего народа на родине Ивана Коева и Райко Сефтерски – в Болгарии. Появились исследователи чувашского языка во Франции и Польше¹.

По установившейся практике основной интерес венгерских исследователей сосредоточен на изучении истории языка и музыкального фольклора чувашей. Круг же научных проблем, которыми занимались финские чувашеведы, в постсоветский период несколько расширился: кроме чувашско-финно-угорских исторических связей, в орбиту их внимания попали и вопросы функционирования чувашского языка в современных условиях.

Геннадий Анатольевич Дегтярёв – кандидат филологических наук, заведующий отделом словарей, серийных изданий и электронной энциклопедии Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: gena.lingvo@yandex.ru.

А турецкие исследователи в последнее время значительных результатов добились в изучении дохристианской религии, народной словесности (в особенности – богатырского эпоса и малых жанров фольклора) чувашей и морфологического строя их языка.

Возникает естественный вопрос: какой отклик находят достижения зарубежного чувашеведения у нас в республике и в какой мере чувашские учёные-гуманитарии информированы об аналогичных исследованиях иностранных коллег?

С учётом наших реалий более или менее удовлетворительной можно признать практику ознакомления гуманитарного научного сообщества Чувашии с исследованиями венгерских учёных. После сборника статей «Исследования венгерских учёных по чувашскому языку»² сотрудниками Чувашского государственного института гуманитарных наук были подготовлены и изданы аннотированный библиографический указатель «Hungaro-Tschuwaschica»³, перевод известного труда Дюлы Месароша «Csuvas népköltési gyűjtemény. I: A csuvas ősvallás emlékei»⁴, а также небольшая монография⁵ и целый ряд статей, посвященные отдельным венгерским исследователям и их трудам⁶.

Чувашеведческая деятельность финских ученых у нас пока не получила столь подробного освещения⁷, но благодаря краткому историческому очерку Й. Луутонена и Э. Фомина⁸ можно иметь общее представление о прошлом и настоящем финского чувашеведения, основы которого были заложены в середине XIX в. трудами А. Альквиста и М. Кастрена.

В то же время, приступая к анализу истории развития и современного состояния турецкого чувашеведения, мы с удивлением обнаружили, что до сих пор не опубликовано ни одного исследования, дающего хотя бы поверхностное представление об истории и современном состоянии чувашской отрасли турецкой тюркологии⁹. Тем более досадно, что в содержательной и интересной статье Э.В. Фомина, посвящённой краткой характеристике истории зарубежного чувашеведения, турецким исследователям уделён лишь небольшой абзац, без упоминания кого-либо конкретно. Автор, по сути, ограничился следующим тезисом: «Чувашеведческие исследования турецких учёных не имеют глубоких традиций. Особый интерес к чувашскому языку наблюдается только в последнее время»¹⁰.

К сожалению, сведений о турецких чувашоведах невозможно найти также в биобиблиографических указателях, энциклопедических словарях и справочных изданиях соответствующего профиля, изданных у нас в последние годы¹¹. Исключением, как оказалось, является лишь Нури Юдже: его биография (с некоторыми неточностями) представлена в справочнике «Чăваш чĕлхи тĕпчевсисем» (Исследователи чувашского языка)¹². Кроме того, следует отметить рецензии В.А. Андреева, Б.Б. Чиндыкова, Э.Е. Лебедева, посвященные работам Эмине Йылмаз (Джейлан)¹³. Эти отзывы, с одной стороны, свидетельствуют о нашем благодарном внимании к чувашеведческой деятельности зарубежной коллеги, а с другой стороны –

в доступной форме знакомят равнодушных чувашских читателей со свежим взглядом извне на наши духовно-культурные ценности.

Вопреки утверждениям некоторых современных учёных-чувашеведов, междисциплинарная регионоведческая наука, нацеленная на изучение языка, истории и культуры чувашей, зародилась в Турции не в 1990-х гг.¹⁴, а в начале 30-х гг. прошлого века. Без преувеличения можно сказать, что у ее истоков стоял сам Мустафа Кемаль Ататюрк – основатель и первый президент Турецкой Республики, создатель и идейный руководитель Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu)¹⁵. В соответствии с его указаниями и решениями конгрессов по турецкому языку (Türk Dili Kongresi), состоявшихся в 1932, 1934 и 1936 гг., актуальной задачей турецких лингвистов стало создание общетюркского словаря и сравнительной грамматики тюркских языков¹⁶. Первым этапом такой работы был сбор материала – анализ и перевод на турецкий язык имеющихся тюркских грамматик и словарей.

Как показывают опубликованные документы, на первых конгрессах по турецкому языку (особенно на втором и третьем) специально подчеркивалось значение чувашского языка (наряду с якутским) – старейшего из тюркских наречий («en eski lehçe») и сохранившего первоначальную сущность («bütün ilkel varlıklarını saklayan») – для понимания места турецкого языка среди родственных языков, определения векторов его развития и обогащения лексического запаса исконно тюркскими словами¹⁷.

В 30-е гг. Турецким лингвистическим обществом были переведены с венгерского и русского языков следующие труды по чувашской тематике: «Заметки, касающиеся изучения чувашского языка» (Csuvas nyelvészeti jegyzetek) Берната Мункачи; учебник чувашского языка С.А. Угандеева – (сокращенный перевод); «Корневой чувашско-русский словарь» Н.И. Золотницкого (русская часть заменена турецкой); «Чувашский словарь» (Csuvas Szojegyzek) Хейкки Паасонена (венгерско-немецкая часть заменена турецкой)¹⁸. Из них только словарь Паасонена, переложенный на турецкий язык Хасаном Оралтаем (Oraltay Hasan) и др., был опубликован в Стамбуле в 1950 г.¹⁹, остальные использовались в машинописном варианте²⁰.

Судя по содержанию некоторых трудов сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического плана, турецкие лингвисты того периода пользовались и «Материалами для исследования чувашского языка» Н.И. Ашмарина (Казань, 1898), однако свидетельств о переводе этой грамматики на турецкий язык мы не обнаружили.

Большим достижением турецкой тюркологии того периода стало издание «Большого турецкого словаря» (Büyük Türk Lügati), первые два тома которого вышли в арабской графике в 1927–1928 гг., а третий и четвертый – на латинице в 1943 и 1945 гг. (всего 3 659 с.). Его автор – человек разносторонних интересов и энциклопедических знаний, знаток многих живых и мертвых языков Хюсейин Кязым Кадри (Kadri Hüseyin Kâzım, 1870–17.01.1934) – наряду с турецко-османской лексикой включил в словарь лексемы из чувашского и других тюркских языков.

Один из активных членов Комиссии по проведению реформы алфавита и Турецкого лингвистического общества, автор известного труда «Происхождение древнетюркского письма» (Eski Türk Yazısının Menşegi, 1938) Ахмет Джеват Эмре (Emre Ahmet Cevat, 1871–1961) выпустил статью «Сравнительное исследование личных местоимений» (1940) и компаративные грамматические штудии «Структура турецкого языка: материалы к сравнительной тюркской грамматике» (1942), «Сравнительная грамматика тюркских наречий: фонетика» (1949), в которых также довольно широко представлен чувашский языковой материал. К примерам из чувашского языка А.Д. Эмре обращался не только в сравнительных исследованиях, но и в статьях, посвященных изучению грамматических явлений турецкого языка (см., например: Türkçe'de Çoğul Belgisi -ler'in Etimolojisi üzerine Bir Araştırma // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten. II / 5–6. Ankara, 1940. S. 37–44).

Несомненно, заслуживает упоминания в данной работе и имя турецкого лингвиста с армянскими корнями, главного редактора «Большой турецкой энциклопедии» Акопа Мартаяна Дильачара²¹ (Dilaçar Agop Martayan, 22.05.1895–12.09.1979), в период кемалистских реформ являвшегося советником Ататюрка и занимавшегося модернизацией турецкого языка, созданием письменности на латинской основе. В фундаментальных трудах этого ученого-полиглота – «Общий взгляд на турецкий язык» (Türk Diline Genel Bir Bakış, 1964), «Язык, языки, языкознание» (Dil, Diller, Dilcilik, 1968) и др. – уделено внимание и чувашскому языку.

Турецкий историк татарского происхождения, профессор Анкарского университета Акдес Нимет Курат (Kurat Akdes Nimet, 22.04.1903–8.09.1971)²² специализировался в области древней истории тюрков – болгар, хазар, печенегов и др. – и в качестве источников активно привлекал труды средневековых мусульманских (арабских, персидских, тюркских) авторов. В его монографиях об истории России²³, тюркских народах и государствах в IV–XVIII вв.²⁴, Урало-Поволжском регионе²⁵ и др. содержится немало ценных сведений по истории предков чувашей²⁶ и родственных с ними народов. Несколько изданий выдержала и статья А. Курата «Bulgar (Volga Bulgarları)»²⁷, подготовленная для многотомной «Исламской энциклопедии» в начале 40-х гг. прошлого века. А в 1965 г. в «Журнале факультета языка, истории и географии Анкарского университета» им была опубликована обстоятельная рецензия на книгу В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова «Ранние болгары на Волге (Большетарханский могильник)».

Среди исследований, выполненных в Турецкой Республике и целиком посвященных чувашской тематике, наиболее ранней является статья Закира Кадыри Угана²⁸ (Zakir Kadirî Ugan, первоначальное имя – Кадыров Закир Халимович, 1878–22.10.1954)²⁹ «Этнография чувашей» (Çuvaşların Etnografyası), напечатанная арабской графикой в мартовском номере научно-просветительского журнала «Türk Yurdu» за 1925 г. Этот номер журнала вышел до отмены в Турции румийского календаря (и использовавшегося

для религиозных целей исламского календаря), поэтому на обложке журнала указана другая дата – 1341 г.

Во втором номере стамбульского фольклорно-этнографического вестника «Halkbilgisi Haberleri» за 1933 г. была опубликована научно-популярная статья «Названия месяцев у чувашей», написанная Ахмедом Джафароглу (Caferoğlu Ahmet, 17.04.1894–06.01.1975). Политэмигрант из Азербайджана (уроженец г. Гянджа), получивший высшее образование в Турции и Германии, впоследствии стал известным турецким тюркологом (почти 30 лет – с 1946 по 1973 г. – профессор А. Джафароглу возглавлял кафедру истории турецкого языка литературного факультета Стамбульского университета), избирался членом-корреспондентом ряда зарубежных академий наук. Из крупных исследований этого ученого наибольший интерес для нас представляет двухтомная «История турецкого языка» (Türk Dili Tarihi), выдержавшая 5 изданий, и монография «Тюркские народы» (Türk Kavimleri).

Первая рецензия на чувашское издание в Турции появилась в 1935 г. – в тюркологическом журнале «Türkiyat Mecmuası», выпускаемом литературным факультетом Стамбульского университета совместно с Центром тюркологических исследований (Институтом тюркологии). Её автором был Абдулкадыр Инан (İnan Abdülkadir, первоначальное имя – Фатхелкадир Мустафович Сулейманов, 29.11.1889–26.07.1976) – учёный-этнограф, родившийся в семье преподавателя медресе в башкирском ауле Шигай Екатеринбургского уезда Пермской губернии (ныне д. Сарыкульмак Кунашакского р-на Челябинской обл.) и в 1925 г. принявший турецкое гражданство³⁰. Рецензия «Çuvaş Dili Lûgati» (в журнале опечатка – «Çavuş Dili Lûgati») посвящена первым пяти томам ашмаринского «Словаря чувашского языка»³¹. А. Инан называет словарь Ашмарина «кладезем, не имеющим аналогов» («eşi bulunmaz bir hazine»), содержащим богатый материал по фольклору и этнографии, и приходит к выводу, что словарь одного из уникальных языков будет полезным и для турецких исследователей при выяснении «тёмных мест» истории и языка.

Судя по многочисленным рецензиям, ученый активно следил за новинками тюркологической литературы, выходящей на территории Советского Союза. Он представил турецким ученым-гуманитариям в виде аннотаций и рецензий исследования А.Ю. Якубовского (в частности, статью «К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX–X вв.»), Э.К. Пекарского, В.В. Бартольда, А.Н. Самойловича, С.Е. Малова и др. А. Инан обратил внимание и на монографию П.В. Денисова «Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки», изданную в 1959 г. в Чебоксарах. Рецензии А. Инана на этот труд появились на турецком и английском языках в анкарских научных журналах «Türk Kültürü» (1962. № 1) и «Cultura Turcica» (1964. № 1). Ссылка на работу П.В. Денисова имеется также и в монографии А. Инана «История религии древних тюрков» (Eski Türk Dini Tarihi. İstanbul, 1976. S. 164).

Начало систематического изучения болгаро-чувацкого языка и формирование особого направления – лингвистического чувашеведения – в Турции связано с именем профессора Талата Текина³² (Tekin Talat, p. 16.07.1927), работавшего в свое время в университетах Хаджеттепе, Билкент (Анкара) и Йедитепе (Стамбул), а также в Индианском (Блумингтон), Калифорнийском (Беркли, Лос-Анджелес) университетах. Большим вкладом в тюркологию стали его книги «Основные долгие гласные в прототюркском языке» (Ana Türkçede Aslı Uzun Ünlüler, 1975), «Памятники Волжской Булгарии и язык волжских болгар» (Volga Bulgar Kitabeleri ve Volga Bulgarcası, 1988), «Язык гуннов» (Hunların Dili, 1993), «Японский и алтайские языки» (Japonca ve Altay Dilleri, 1993), «Первичные долгие гласные в тюркских языках» (Türk Dillerinde Birincil Uzun Ünlüler, 1995), «Тюркские языки: Введение» (в соавт. с проф. Мехметом Ёлмезем; Türk Dilleri: Giriş, 1999, 2003) и др. Эти и другие исследования Т. Текина являются ценными источниками при разработке проблем чувашского глоттогенеза и этногенеза.

Непосредственно вопросы развития звукового строя и лексики чувашского языка рассматриваются турецким ученым в статьях «О волжско-булгарском *baçne*» (1975), «Тюркское *tiş*, чувашское *şäl*, монгольское *şidin*» (1986), «Тюркское *ş*, чувашское *ś* и монгольское *č*» (1988), «Внутри-тюркские свидетельства соответствия тюркского *ş*, чувашского *ś* и монгольского *č*» (1989), «Проблема сигматизма в чувашском языке» (1992) и других трудах, изданных не только в Турции, но и в США, Германии, Австрии, Венгрии, Корее, Японии, Монголии и России. Т. Текин является также автором рецензии на «Историческую морфологию чувашского языка» (1981) Л.С. Левитской.

В серии статей «Семья тюркских языков» (Türk Dilleri Ailesi) и других работах³³ ученый последовательно выступает против тенденции отрицания самостоятельности и национальной самобытности тюркских языков³⁴, обладающих собственной историей развития. Он доказывает, что различий между турецким и чувашским даже больше, чем между немецким и английским. Поэтому чувашский язык не может считаться диалектом турецкого или какого-то другого тюркского языка. По Т. Текину, классификация тюркских языков (в поздних работах он называет их чувашско-тюркскими)³⁵ основывается на шести фонетических критериях и предусматривает 12 групп (и 11 подгрупп), в первую из них по принципу *r/z* (ротацизма) и *l/ş* (ламбдаизма) входит лишь чувашский язык³⁶.

Профессору Стамбульского университета Нури Юдже (Yüce Nuri, p. 15.02.1942) интерес к чувашской тематике, по-видимому, передался в годы учебы в Стамбульском университете и Университете Иоганна Гутенберга в Майнце от научных наставников – А. Джафароглу, Г. Дёрфера и особенно Й. Бенцинга. Кроме турецких вузов, Н. Юдже в течение ряда лет работал в германских университетах (Франкфуртском, Майнцском и Гиссенском), опубликовал в Турции и за рубежом около десяти небольших исследований по разным аспектам чувашеведения:

по языкознанию – рецензия на второе венгерское издание «Чувашского словаря» Хейкки Паасонена (1977)³⁷, статьи «Отношения между чувашским языком и турецким» (1980) и «Известный чувашский тюрколог М.Р. Федотов» (2000)³⁸;

по фольклористике – статьи «Несколько заметок о чувашских пословицах» (1980)³⁹ и «Исламские элементы в чувашском фольклоре» (1982);

по истории и этнографии – энциклопедические статьи «Булгар» (1992), «Чуваши» (1993) и др.

Своеобразным обобщением чувашеведческих статей явился многоплановый труд «Чуваши с точки зрения географии, истории, фольклора, языка и литературы», опубликованный Н. Юдже в серийном издании «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten» (1996). Там же приведены образцы чувашских текстов (частично с латинской транскрипцией) – выдержки из рассказов Михаила Белова и Степана Аслана.

Большой вклад в обработку и систематизацию научных знаний об истории чувашского языка внес выпускник Будапештского университета (ученик Дюлы Немета), почетный член Венгерской академии наук, профессор Хасан Ерен (Eren Hasan, 15.03.1919–26.05.2007), в 1983–1993 возглавлявший Турецкое лингвистическое общество. Среди его трудов есть статьи, непосредственно посвященные чувашскому языку: «Чувашская автономная ССР, чувашский язык и чуваши» (1964), «Этимологический словарь чувашского языка» (1973), «Заметки об “Этимологическом словаре чувашского языка” В.Г. Егорова» (1982) и рецензия на монографию Б. Шернера «Арабские и новоперсидские заимствования в чувашском языке» (1981). К чувашскому материалу Х. Эрен обращается также в «Этимологическом словаре турецкого языка» (Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü, 1999), серии исследований «Добавления к этимологическому словарю турецкого языка»⁴⁰, статье «Ротацизм и ламбдаизм или зетаизм и сигматизм?» (2003) и других работах.

В библиографическом «Тюркологическом словаре» (Türklük Bilimi Sözlüğü. I.:Yabancı Türkologlar, 1998) Х. Эрена содержатся краткие данные о жизни и деятельности выдающихся исследователей чувашского языка Н.И. Ашмарина и В.Г. Егорова. Он не оставил без внимания и памятную дату, связанную с Н.И. Ашмариным: к 125-летию со дня его рождения опубликовал биографический очерк в лингвистическом журнале «Türk Dili»⁴¹.

Первыми серьезными попытками всестороннего, систематизированного описания звукового и грамматического строя чувашского языка, изменений выражения его категорий в процессе эволюции явились монографии «Историческая фонетика чувашского языка» (Çuvaşça Çok Zamanlı Ses Bilgisi, 1997) и «Историческая морфология чувашского языка» (Çuvaşça Çok Zamanlı Morfoloji, 2002). Принадлежат они перу ученицы Талата Текина – профессора Эмине Йылмаз Джейлан (Yılmaz Emine, Seylan Emine⁴², р. 13.08.1962). Проблемы исторической фонетики чувашского языка освещены ею также в статьях: «Эволюция пратюркской фонемы *d в чуваш-

ском и венгерском языках» (1992), «Чувашская лексема *çara* и переход *у->ç-» (1993), «Палатализация в тюркских языках Поволжья: палатализация в чувашском языке» (1996), «О месте чувашского языка в исследованиях по сравнительному тюркскому языкознанию: I–III. Фонетика» (2010–2013) и др. Интересные для турецкого читателя сведения по чувашской тематике содержатся в небольших исследованиях Э. Йылмаз: «Чувашистан, чуваш и чувашский язык» (1995), «Чувашские словари» (1999), «Опыт исследования чувашских лингвистических и грамматических терминов» (2000) и др.

Об успешном развитии лингвистического направления в турецком чувашеведении свидетельствуют появившиеся в последние годы монографические исследования, основанные на анализе обширного массива лингвистического материала, – докторские диссертации Фейзи Эрсоя (Ersoy Feyzi) «Тюркско-монгольские языковые связи и чувашский язык» (Türk-Moğol Dil İlişkisi ve Çuvaşça, 2008) и Огузхана Дурмуша (Durmuş Oğuzhan) «Морфология чувашского языка» (Çuvaşçanın Şekil Bilgisi, 2009). Работа О. Дурмуша является первым опытом систематического сравнительно-сопоставительного описания в Турции морфологической системы чувашского языка. Чувашские словоизменительные парадигмы автор сравнивает с соответствующими формами из других тюркских языков и специфику первых объясняет главным образом влиянием финно-угорских языков⁴³.

Серьезным достижением современной турецкой лексикографии стал выход в свет в 2007 г. в г. Конья «Чувашско-турецкого словаря» (Çuvaş Türkçesi-Türkiye Türkçesi Sözlük). Этот лексикографический справочник, изданный двухтысячным тиражом и содержащий около 18 тыс. чувашских слов и выражений (12,5 тыс. словарных статей), фактически заменил чувашско-турецкий словарь Х. Паасонена (Çuvaş Sözlüğü: Çuvaşça-Türkçe), послуживший как справочное пособие более полувека. Новый словарь составлен доцентом кафедры турецкого языка и литературы (в настоящее время – заведующий кафедрой современных тюркских языков и литературы) Университета г. Кыркларели, сотрудником Института исследования тюркского мира Эгейского университета Бюлентом Байрамом (Bayram Bülent, р. 01.08.1976)⁴⁴. Предваряет словарь «Введение» с краткими сведениями о «чувашских тюрках» и их языке, а завершает его чувашско-турецкий указатель географических названий.

Традиционные религиозные представления чувашского народа, роль исламских и христианских вероучений в трансформации этнической идентичности в той или иной мере затрагиваются в монографиях Мехмета Ерёза (Eröz Mehmet) «Тюрки, принявшие христианство» (1983), Исмаила Таша (Taş İsmail) «Космогонические и космологические представления тюрков» (2002), Яшара Калафата (Kalafat Yaşar) «Народные верования от Балкан до Улуг-Туркестана» (2007) и др. Специфика дохристианских воззрений и культовых обрядов чувашей раскрывается в цикле статей Харуна Гюнгёра (Güngör Harun), статье «Чуваши и вера в Бога неба» Ахмета Али Арсла-

на (Arslan Ahmet Ali) и серии исследований профессора теологического факультета Анкарского университета Дурмуша Арыка (Arık Durmuş). В монографии «Христианизированные тюрки: чуваш» (Hristianlaştırılan Türkler: Çuvaşlar, 2005) и ряде статей, опубликованных в Турции и за рубежом (в «Международном журнале изучения Центральной Азии» и «Журнале по вопросам мусульманских меньшинств»), Д. Арык подробно рассматривает духовный мир древних чувашей, иерархию добрых и злых духов в традиционных чувашских верованиях. В предисловии к своей монографии Д. Арык отмечает, что с точки зрения истории религии и культуры чувашский народ занимает особое место в тюркском мире, поэтому исследование его традиционных верований дает интересный материал для раскрытия проблем религии у тюрков в целом.

Первое крупное собрание чувашского фольклора – книга «Чувашские пословицы и поговорки» (Çuvaş Atasözleri ve Deyimleri), подготовленная Эмине Джейлан, появилась в Анкаре в 1996 г. Она состоит из свода чувашских народных изречений и приложения в виде глоссариев: чувашско-турецкого (1 850 словарных статей) и турецко-чувашского (1 350 статей). Пословицы и поговорки в сборнике представлены в трех вариантах: в современной чувашской графике, в турецко-латинской транскрипции и в переводе на турецкий язык. В необходимых случаях приведены турецкие эквиваленты паремий или семантические комментарии к ним.

Фейзи Эрсой (Ersoy Feyzi, р. 08.03.1975) в журнале тюркологических исследований «Türkiyat Araştırmaları Dergisi» (2003, № 13) представил 109 чувашских загадок в латинской транскрипции и в переводе на турецкий язык. По тематическому принципу автором выделено 9 типов загадок, и описаны их идиоэтнические особенности. Приоритетная тема исследований доцента анкарского Университета Гази Ф. Эрсоя в области фольклористики – чувашский героический эпос. Им опубликованы в Турции сборник сказаний об Улыпe «Çuvaş Alp Hikâyeleri» (2009) и рецензия на аналогичную книгу Г.Ф. Юмарта «Улăп халапĕсем» (2003), изданную в 1993 г. Чувашским книжным издательством.

В 2013 г. в Турции на двух языках издан чувашский народный эпос о герое-богатыре Улыпe, собранный и систематизированный Хведером Сюином (Суйăн Хĕветĕрĕ). Поэтический перевод с языка оригинала (более 20 тысяч стихотворных строк) осуществил турецкий исследователь языка, этнографии и фольклора чувашей Бюлент Байрам.

В статье «Образы Священного волка и Тепегёза в огузских эпических повествованиях и чувашских богатырских сказаниях» Б. Байрам отмечает, что сходжения в уйгурском тексте о легендарной родословной тюрков-огузов («Огуз-наме»), в огузском героическом эпосе «Китаби деде Коркут» и в чувашских легендах об Улыпe-богатыре не случайны, а являются отражением культурной общности тюркских народов. По мнению автора, привлечение для сравнительных исследований чувашского фольклорного материала, сохранившего архаические элементы, может пролить свет и на историю турецкой культуры.

В четырех томах (I, 2001; VI, 2004; VII, 2006; VIII, 2007) серии «Антология литературных текстов тюркского мира» (Türk Dünyası Edebiyat Metinleri) опубликованы подборки образцов чувашского фольклора разных жанров. В частности, для тома VIII доцентом Университета Коджатепе в г. Афьоне Метином Йылмазом (Yılmaz Metin) переведены на турецкий язык баллады, песни, пословицы, загадки, благопожелания и проклятия.

Первым произведением чувашской литературы, опубликованным в Турецкой Республике, было лиро-эпическое сказание о взятии Аксак Тимуром города Биляра, в литературной обработке народного поэта Чувашии Николая Полоруссова-Шелеби. Оригинальный текст (в латинской транскрипции) «Уксак Тимёр Пүлере илни шинчен» с добавлением турецкого перевода, выполненного известным ученым-тюркологом Йоханнесом Бенцингом (Benzing Johannes, 13.01.1913–16.03.2001), был издан в 1947 г. в сериальном научном сборнике Турецкого лингвистического общества. Как сказано в предисловии, «дастан» (эпос) печатается «для любознательных людей, желающих заниматься самобытным чувашским языком». Во вступительной ремарке к тексту даны пояснения – о городе Биляре, его названии и поэме Шелеби. Новое научное издание данного произведения было осуществлено полвека спустя под редакцией Эмине Йылмаз (1995).

К творчеству классика чувашской поэзии Константина Иванова первым из турецких ученых обратился профессор анкарского Университета Хаджеттепе Дурсун Йылдырым (Yıldırım Dursun, р. 15.04.1946), опубликовав в журнале «Türk Kültürü» (1982) статью «Чувашский поэт Иванов и его “Нарспи”». В 1997 г. в сборнике «Nevin Önberg Armağanı» появилась работа Эмине Джейлан «Зарождение современной чувашской поэзии: Иванов и Тукай». А в начале нового века выдающееся произведение К.В. Иванова, шедевр чувашской литературы – поэма «Нарспи» увидела свет на турецком языке в переводе Э. Джейлан. Вышедшая тремя изданиями (2004, 2006, 2010) книга содержит оригинальные тексты на кириллице и латинице, а также перевод на турецкий язык с приложением краткого словаря. Во введении даны краткие сведения о жизни и творчестве поэта, чувашах и чувашской литературе, раскрыты художественно-эстетические особенности поэмы.

Один из томов «Антологии зарубежной тюркской литературы» (Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi, XXVI, 2003) целиком посвящён чувашской словесности и состоит из двух разделов: «Чувашская народная словесность» и «Чувашская письменная литература». Том содержит сведения о чувашах и об их истории, образцы народной словесности (сказки, легенды, предания, песни, пословицы и поговорки) и оригинальные произведения 143 чувашских писателей. Сборник подготовлен доктором филологических наук Метином Йылмазом в творческом содружестве с народным писателем Чувашии Мишши Юхма. М. Йылмаз подготовил также турецкий перевод и латинскую транскрипцию произведений, включенных в «чувашский том».

Благодаря усердию учёного и переводчика М. Йылмаза в Турции изданы пьеса Бориса Чиндыкова «Ежевика вдоль плетня» (1996), сборник поэзии Васыля Митта (2007) и другие произведения чувашских авторов, а в 8-томную «Энциклопедию писателей тюркского мира» (Türk Dünyası Edebiyatçıları Ansiklopedisi, 2002–2007) включены биографии более ста чувашских мастеров слова. Вместе с тем следует отметить: по сравнению с фольклористикой, литературоведческое направление пока не является привлекательной сферой для наших зарубежных коллег.

Из турецких ученых, занимающихся в настоящее время исследованием современного положения тюркских народов Урало-Поволжья и воссозданием социально-исторической панорамы региона, в первую очередь следует назвать профессора с татарскими корнями Надира Девлета (Devlet Nadir, р. 15.07.1944). Он родился в Маньчжурии (в то время – Маньчжоу-го) в г. Мукден (кит. – Шэньян), получил образование в Турции и ФРГ, длительное время возглавлял Институт тюркологических исследований при Университете Мармара в Стамбуле. Хотя в исследовательской практике Н. Девлета приоритетным направлением является история татар, некоторые его труды способствуют целостному восприятию прошлого и настоящего чувашского народа. К примеру, в работе «Первое тюркское государство, официально принявшее ислам: Волжская Булгария» (1994) отражен один из этапов нашей истории, а в основу монографии «Волжско-Уральская экспедиция: татары, башкиры, чуваш» (1997) легли личные впечатления автора о чувашах и соседних народах, полученные в 1995 г. во время научной поездки (совместно с Исмаилом Тюркоглу) по Урало-Поволжью.

С середины 90-х гг. прошлого века в турецких периодических изданиях и научных сборниках начали появляться статьи по чувашской тематике, написанные общественными деятелями Турции, Чувашии и представителями тюркоязычных народов бывшего Советского Союза. К примеру, председатель Союза писателей «Евразия», издатель литературного журнала «Кардеш Калемлер» Якуп Делиомероглу (Deliömeroğlu Yakup, р. в 1966) в 1997 г. опубликовал ряд статей о чувашах и Чувашии в анкарских журналах «Bilig (Bilim ve Kültür Dergisi)» и «Türk Dünyası (Dil ve Edebiyat Dergisi)». В одном из старейших анатолийских журналов «Erciyes» (2000, 23/274), выходящем в г. Кайсери, появилась статья гагаузского поэта и культуролога Тудорки Арнаута (Arnaut Tudorka, р. в 1970) «Председатель Союза чувашских писателей Мишши Юхма».

В 2001 г. в журнале «Türk Dünyası Tarih ve Kültür Dergisi» издан научный очерк чувашского языковеда Василия Андреева (01.08.1960–05.05.2002)⁴⁵, посвященный жизни и деятельности профессора М.Р. Федотова⁴⁶. Вслед за ним начиная с середины первого десятилетия нового века в турецких изданиях – в материалах международных конференций и научных журналах – одно за другим начали появляться исследования чувашских авторов. В 2007 г. на Международном конгрессе по изучению Азии и Северной Африки (Анкара) был представлен доклад декана факультета чуваш-

ской филологии и культуры ЧГУ им. И.Н. Ульянова профессора В.Г. Родионова⁴⁷, а в программу Международного конгресса по турецкому языку и литературе (Стамбул) было включено выступление декана факультета чувашской филологии ЧГПУ им. И.Я. Яковлева доцента Е.А. Андреевой⁴⁸. В одном из номеров журнала «Modern Türklük Araştırmaları Dergisi» факультета языка, истории и географии Анкарского университета за 2010 г. опубликованы сразу несколько работ сотрудников Чувашского государственного института гуманитарных наук: А.П. Хузангая – о языковом суверенитете чувашской нации и А.В. Кузнецова – о традиционном речевом этикете народов Волго-Уралья и о Международной тюркологической конференции «Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации»⁴⁹. В 2011 г. в научном журнале по тюркской культуре «Türk Kültürü» в переводе Альбины Кыран появилось исследование главного научного сотрудника ЧГИГН Н.И. Егорова по чувашской мифологии⁵⁰.

Итак, в развитии турецкого чувашеведения на начальных его этапах (до 70-х гг. прошлого века) большую роль сыграли учёные-эмигранты татаро-башкирского происхождения: Акдес Нимет Курат, Закир Кадыри Уган, Абдулкадыр Инан, Решит (Рашид) Рахмети Арат и др. Благодаря энциклопедическим знаниям, владению основными европейскими и восточными языками занявшие высокое положение в научно-общественной жизни, они способствовали зарождению и развитию в этой среде интереса к языку и культуре тюркских народов Урало-Поволжского региона.

В 1940–1980 гг. научные проблемы, связанные с чувашами и их духовной культурой, в Турецкой Республике в основном разрабатывались в широких рамках сравнительно-сопоставительных, сравнительно-исторических или же регионоведческих (Урало-Поволжье) исследований.

На рубеже веков благодаря исследованиям профессоров Талата Текина, Нури Юдже, Хасана Эрена и их учеников турецкое чувашеведение институционализировалось и стало самообытной и перспективной школой турецкой тюркологии и зарубежного чувашеведения. Современный облик турецкого чувашеведения во многом определяют научные труды Метина Йылмаза, Эмине Йылмаз, Бюлента Байрама и Фейзи Эрсою, охватывающие широкий круг филологических и культурологических проблем. Расширяется тематика исследований, вводятся в научный обиход фольклорные тексты различных жанров, серьезное внимание уделяется грамматическому строю чувашского языка.

Исследования зарубежных коллег способствуют максимально полному освещению и цельному восприятию духовно-культурного богатства чувашского народа, более объективному соизмерению и определению места чувашской культуры в общечеловеческом культурном пространстве. Знакомство с необычными для отечественного чувашеведения ракурсами исследований и методами анализа помогает по-иному взглянуть на привычные реалии и открыть новые грани идиоэтнического своеобразия чувашского мира.

Литература и примечания

¹ Особо следует отметить труды лауреата премии ЮНЕСКО, профессора из Варшавы Анны Паржимес (Anna Parzymies): *Język czuwaski* [Самоучитель чувашского языка для поляков]. Warszawa, 2000. 231 с.; *Język protobułgarski: przyczynek do rekonstrukcji na podstawie porównan turecko-słowiańskich* [Протобулгарский язык]. Warszawa, 1994. 176 с.; О реконструкции языка дунайских болгар на базе чувашского языка // *Съпоставително езикознание = Contrastive Linguistics*. XXXVII / 1. София, 2012. С. 38–52 и др.

² Исследования венгерских ученых по чувашскому языку: Сборник статей / сост. А. Рона-Таш. Чебоксары: Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ЧНИИ), 1985. 148 с.

³ *Дмитриева Ю., Адягаши К.* Hungaro-Tschuwashica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН), 2001. 240 с.; см. также: *Дмитриева Ю.* Тюркологические (чувашские) исследования венгерских финно-угроведов // *Вестник Югорского государственного университета. Ханты-Мансийск*, 2006. Вып. 2. С. 61–63.

⁴ *Месарош Д.* Сборник чувашского фольклора. Т. 1. Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Ю. Дмитриевой. Чебоксары: ЧГИГН, 360 с.

⁵ *Егоров Н.И.* В нем душа Востока и разум Запада: К 80-летию со дня рождения академика Андраша Рона-Таша. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 96 с.

⁶ *Хузангай А.П.* Андраш Рона-Таш (к 75-летию со дня рождения) // Чувашский гуманитарный вестник. № 1. Чебоксары, 2006. С. 245–248; *Егоров Н.И., Туймебаев Ж.К.* Гениальный ученый-ориенталист современности // *Алтаистика және түркология*. VI / 4. Астана, 2011. С. 11–30; *Хузангай А.П.* Ключи к тайнам языков (к 80-летию со дня рождения Андраша Рона-Таша) // Там же. С. 193–197; *Лебедев Э.Е., Егоров Н.И.* Андраш Рона-Таш (к 80-летию со дня рождения) // Чувашский гуманитарный вестник. № 6. Чебоксары, 2011. С. 246–250; *Дмитриева Ю.* Рец. на: *Клара Адягаши*. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала // *Studies in Linguistics of the Volga Region*. Vol. II. Debrecen, 2005. 216 p. // Чувашский гуманитарный вестник. № 1. Чебоксары, 2007. С. 194–197. Кроме того, в 4-томной «Чувашской энциклопедии» (Чебоксары, 2006–2011) представлены статьи о следующих представителях венгерского чувашеведения: Клара Адягаши, Габор Берецки, Арпад Берта, Лайош Лигети, Эдмунд Беке, Йожеф Буденц, Золтан Гомбоц, Ласло Захемски, Иштван Зимони, Жужа Какук, Золтан Кодай, Дюла Месарош, Дюла Немет, Йожеф Папай, Антал Регули, Андраш Рона-Таш, Карой Цегледи.

⁷ *Федотов М.Р.* Чăваш чĕлхин тĕпчевĕсем // *Тăван Атăл*. 1994. № 8. С. 56, 57, 61, 64, 65; *Его же*. Исследователи чувашского языка. Изд. 2-е, доп. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. С. 46–48, 72–75, 119–122; Чăваш чĕлхи тĕпчевĕсем: биобиблиографи указателĕ / Чăваш Республикаĕн наци б-ки. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2006. С. 236, 237, 248, 254, 255; *Хузангай А.П.* Аннот. на книгу: *Arto Moisio, Eduard Fomin, Jorma Luutonen*. Tšuvassilais-suomalainen sanakirja. Turku: Vammalan Kirjapaino Oy. XIII + 290 s. // Чувашский гуманитарный вестник. № 1. Чебоксары, 2007. С. 213–214; *Его же*. Густав Йохан Рамстедт // *Известия НАНИ ЧР*. 1999. № 2. С. 153–155. *Адягаши К.* Место А. Альквиста в истории изучения чувашского языка // Чувашский гуманитарный вестник. № 3. Чебоксары, 2008. С. 90–100; *Винклер Э.* Август Альквист как исследователь чувашского языка // Чувашский гуманитарный вестник. № 4. Чебоксары, 2009. С. 113–123. В «Чувашскую энциклопедию» (Чебоксары, 2006–2011) включены биографические статьи об Альквисте, Вихмане, Кастрене, Паасонене, Рамстедте и Рясанене.

⁸ *Луутонен Й., Фомин Э.* Финское чувашеведение: краткий исторический очерк и библиографический указатель // *Ашмаринские чтения: материалы межрегион. науч. конф. / сост. и науч. ред. Г.И. Фёдоров*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 72–85.

⁹ В период подготовки и издания данного исследования, начиная с 2011 г., ситуация значительно изменилась: в печати появился ряд публикаций, касающихся общих и частных вопросов турецкого чувашеведения:

1) *Дестярёв Г.А.* Текин Талат // *Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 4*. Чебоксары, Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 202; *Его же*. Турецкое чувашеведение // Там же. С. 280; *Его же*.

История турецкого чувашеведения // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Вып. 2. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 5–17;

2) *Bülent Bayram*. Türkiye Türkolojisi ve Çuvaş Folkloru [Турецкая тюркология и чувашский фольклор] // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации: материалы Международной тюркологической конференции (16–18 сентября 2010 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 248–253; *Его же*. Об исследованиях чувашского фольклора в Турции // Turkish Studies (International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic). VII / 1. Erzincan, 2012. S. 365–383;

3) *Лебедев Э.Е.* Аннот. на статью: *Arıkan İbrahim*. Çuvaş Türkçesinde Dilbilgiselleşen Bir Fiil: *tär-* [Грамматикализированный глагол *tär-* в чувашском языке] // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. VIII/2. Ankara, 2011. S. 36–62 // Чувашский гуманитарный вестник. № 6. Чебоксары, 2011. С. 230–232; *Его же*. Аннот. на статью: *Bayram Bülent*. Halk Kültüründen Modernizme Çuvaş Türklerinde Yupa [Юпа у чувашей: от традиционной культуры до модернизма] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. 270 / 6. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. İstanbul, 2009. S. 45–50 // Чувашский гуманитарный вестник. № 7. Чебоксары, 2012. С. 198–201; *Его же*. Аннот. на статью: *Bayram Bülent*. Konstantin İvanov'un «Narspi» Manzumesinde Geleneksel Çuvaş İnançları [Традиционные чувашские верования в поэме Константина Иванова «Нарспи»] // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. VIII / 2. Ankara, 2011. S. 63–84 // Чувашский гуманитарный вестник. № 7. Чебоксары, 2012. С. 201–203.

¹⁰ *Фомин Э.В.* Функционирование чувашского языка в среде иностранцев // Язык, культура, образование в современном мире: материалы международной конференции: в 2 ч. Ч. 1. Проблемы романо-германской филологии, перевода, литературоведения и межкультурной коммуникации / отв. ред. Т.Н. Романова; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006. С. 166.

¹¹ См.: *Федотов М.Р.* Исследователи чувашского языка. Изд. 2-е, доп. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. 156 с.; *Его же*. Чăваш чĕлхин тĕпчевсисем // Тăван Атăл. 1994. № 8. С. 52–69; Исследователи Чувашского края: биобиблиографический указатель. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 256 с.; Исследователи этнографии и археологии Чувашии: Биобиблиографический словарь. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 320 с.; Чăваш чĕлхи: энциклопеди словарь. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. 224 с.; Чăваш чĕлхи тĕпчевсисем: биобиблиографи указателĕ / Чăваш Республикин наци б-ки. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2006. 288 с.

¹² Чăваш чĕлхи тĕпчевсисем ... С. 242–243.

¹³ *Андреев В.А.* Чăваш чĕлхине халалланă тĕпчев: Эмине Джейланăн «Чăваш чĕлхин фонетики» кĕнеки пирки [Исследование, посвященное чувашскому языку: О книге Эмине Джейлан «Фонетика чувашского языка»] // Тăван Атăл. 7–8 №. Шупашкар, 1998. С. 70–72; *Чиндыков Б.Б.* Рец. на: *Narspi. Çuvaşça Bir Aşk Öyküsü* [Нарспи. Чувашская история любви]. Hazırlayan Prof. Dr. Emine Yılmaz. Türk Dil Kurumu Yayınları, 876. Ankara, 2006 // Чувашский гуманитарный вестник. № 3. Чебоксары, 2008. С. 191–198; *Лебедев Э.Е.* Рец. на: *Emine Yılmaz*. Karşılaştırmalı Türk Dilbilimi Çalışmalarında Çuvaşçanın Yeri: I. Sesbilgisi [Место чувашского языка в исследованиях по сравнительному тюркскому языкознанию] // Turkish Studies (International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic). V/ 4. Erzincan, 2010. S. 728–741 // Чувашский гуманитарный вестник. № 6. Чебоксары, 2011. С. 226–229.

¹⁴ Ср.: «Изучение чувашской культуры турецкими исследователями началось в 1990-х гг.» (*Bayram Bülent*. Türkiye Türkolojisi ... С. 248); «... Турецкие ученые различных научных областей... с 1990-х годов начали изучать чувашский фольклор» (*Bülent Bayram*. Об исследованиях ... С. 365).

¹⁵ Подробнее см.: *Dilâçar Akop*. Atatürk ve Türkçe [Ататюрк и турецкий язык] // Atatürk ve Türk Dili. Türk Dil Kurumu Yayınları. Ankara, 1963. S. 41–52; *İnan Abdülkadir*. Atatürk ve Dış Türkler [Ататюрк и зарубежные тюрки] // Türk Kültürü. II/13. Ankara, 1963. S. 114–115; *Korkmaz Zeynep*. Atatürk ve Türk Dili: Belgeler [Ататюрк и турецкий язык: документы]. Türk Dil Kurumu yayınları. Ankara, 1992. XXII+567 s.; *Karahan Leyla*. Atatürk Dönemi Dil Kullantılarında Türk Dünyası [Лингвистические конгрессы времен Ататюрка и тюркский мир] // Türk Dili (Dil ve Edebiyat Dergisi). 574 / 10. Ankara, 1999. S. 845–853; *Kirişçiöğlu Fatih*.

Atatürk ve Türk Lehçeleri [Агатюрк и тюркские наречия] // *Türk Yurdu*. 107 / 7. Ankara, 1996. S. 57–59.

¹⁶ Birinci Türk Dili Kurultayı [Первый конгресс по турецкому языку]. Devlet Matbaası. İstanbul, 1933. С. 456; İkinci Türk Dili Kurultayı [Второй конгресс по турецкому языку] // *Türk Dili* (Türk Dili Tetkik Cemiyeti Bülteni). 8. İstanbul, 1934. С. 39; Üçüncü Türk Dili Kurultayı [Третий конгресс по турецкому языку]. Devlet Basımevi. İstanbul, 1937. С. 18, 344, 488, 496.

¹⁷ İkinci Türk ... С. 33–34; Üçüncü Türk ... С. 5.

¹⁸ Üçüncü Türk ... С. 17.

¹⁹ *Paasonen Heikki*. Çuvaş Sözlüğü: Çuvaşça-Türkçe [Чувашский словарь: чувашско-турецкий]. Türk Dili Kurumu Yayınları, III / 7. İstanbul, 1950. VIII+218.

²⁰ Сохранились они и в Личной библиотеке первого президента Турецкой Республики (Atatürk Özel Kitaplığı), входящей в мемориальный комплекс Агатюрка (например, сокращенный вариант грамматики С.А. Угандеева (Ухантея) в каталоге отмечен под номером 708, словарь Н.И. Золотницкого – 76). См.: http://www.tsk.tr/ing/11_anitkabir/kutup/f.html; <http://www.meleklermekani.com/mustafa-kemal-ataturk/107427-ataturkun-ozel-kitapları.html>; Atatürk'ün Okuduğu Kitaplar [Книги, которые читал Агатюрк]. 24 cilt. Anıtkabir Derneği Yayınları. 1. Ankara, 2001.

²¹ Первоначальное имя ученого – Акоп Ваганович Мартаян, а фамилию *Дильчапар* (букв. «открывающий язык») он получил по инициативе Кемала Агатюрка за заслуги в модернизации и ретюркизации турецкого языка.

²² Акдес Нимет Курат (первоначальное имя – Акдес Тахирович Нигметов) родился в семье имама в с. Беркет-Ключ Уфимской губернии (ныне Черемшанский р-н Республики Татарстан), имел большой опыт работы в научных учреждениях стран Западной Европы (Швеции, Германии, Австрии, Великобритании) и США. Умер от тяжелой травмы, полученной в автокатастрофе.

²³ *Rusya Tarihi: Başlangıçtan* (в некоторых изданиях – *Başlangıcından*) 1917'ye Kadar [*История России: от начала до 1917 года*]. Türk Tarih Kurumu Yayınları. Ankara, 1948 (XIII / 17 a); 1987; 1993; 1999; 2010. 538 + h s.

²⁴ IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri [Тюркские народы и государства Северного Причерноморья в IV–XVIII веках]. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları. 182. Ankara, 1972; 1992; 2002. 511 + h s. (S. 30, 108–118).

²⁵ *Rus Hâkimiyeti Altında İdil-Ural Ülkesi* (XIX. yüzyıla kadar) [*Урало-Поволжье под русским господством (до XIX века)*] // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. XXIII / 3–4. Ankara, 1965. S. 91–126; Türkiye ve İdil Boyu [Турция и Поволжье]. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları. 151. Ankara, 1966. 203 + h s. (S. 78, 86).

²⁶ Для обозначения Волжской Булгарии турецкие историки используют термины *İdil Bulgar Hanlığı* (Ахмет Ташагыл), *İdil (Volga) Bulgar Hanlığı* (Несими Языджи), *İtil (Volga) Bulgar Hanlığı* (Ахмет Туран Юксель), *İtil (Volga) Bulgar Devleti* (Эрдоган Мерчил), у Акдеса Нимета Курата встречается также *Kama (Çulman) Bulgarları Devleti*.

²⁷ *Bulgar* [Булгар] // *İslâm Ansiklopedisi*. С. 2. Milli Eğitim Basımevi Yayınları. İstanbul, 1944; 1961; 1993. S. 781–796.

²⁸ Автор статьи Закир Кадыри Уган был человеком необыкновенной судьбы. Будущий учёный, общественно-политический и религиозный деятель родился в семье имама в с. Абдуллово Ставропольского уезда Самарской губернии (ныне Чердаклинский р-н Ульяновской обл.) и получил образование в Сирии и Египте. До революции он преподавал в медресе Оренбурга и Уфы, редактировал газету «Тормыш», подготовил и издал на татарском языке около 20 оригинальных и переводных книг. Будучи активным деятелем джадидского движения мусульман и одним из идеологов создания Штата Идель-Урал (Урало-Волжской республики), в 1919 г. он был вынужден покинуть РСФСР. Впоследствии, обосновавшись в Турецкой Республике, Закир Кадыри стал научным рецензентом *Türk Tarih Kurumu* – Турецкого исторического общества (вначале: *Türk Tarihi Tetkik Cemiyeti* – Турецкое общество по изучению истории) и участником создания учебников по истории. В 1936 г. из-за

идейно-теоретических разногласий (по вопросам историографии) с Кемалем Ататюрком и его окружением перебрался в Финляндию (после Второй мировой войны вернулся в Турцию).

²⁹ По другим сведениям, Закир Кадыри родился в 1880 г., см.: *Azat Ugan*. Prof. Zakir Kadirî Ugan // *Kırım* (Aylık İlmî, Siyasi ve Kültürel Mecmua). IX / 12. Ankara, 1957. S. 318; *Muhammed Allam Mustafa*. Zakir Kadirî Ugan Genapları // *Türk Dünyası Aydınları Sempozyumu Bildirileri* (23–26 Mayıs 1996). Kayseri, 1996. S. 435; *Türk Dünyası Tarih Dergisi*. 119. İstanbul, 1996. S. 21.

³⁰ Бывший деятель башкирского национального движения и писатель (автор стихов, рассказов и первой драмы на башкирском языке) Абдулкадыр Инан в Турецкой Республике проявил себя прежде всего как учёный-этнограф. Среди его многочисленных научных исследований (около 350) одним из самых известных является книга «Шаманизм в прошлом и настоящем» (*Tarihte ve Bugün Şamanizm*), выдержавшая несколько изданий (1972, 1986, 2000 и т.д.). Термин «шаманизм» А. Инан использует в расширительном значении, применяя его по отношению ко всем домусульманским и дохристианским этнорелигиям тюрков.

³¹ Рецензент обращает внимание на особенности анализируемого издания по сравнению с «Корневым чувашско-русским словарем» Н.И. Золотницкого и русско-чувашскими словарями, подготовленными «ортодоксальными миссионерами». Наряду с достоинствами словаря, А. Инан отмечает, что из-за сокращения русского перевода в III–V томах читатели, не владеющие чувашским языком, при пользовании словарем будут испытывать определенные трудности.

³² Талат Текин известен не только как выдающийся ученый-лингвист, но и как поэт (сб. стихов «Atatürk Gülümsedi», 1982). Популярная турецкая певица и киноактриса Ёзлем Текин (*Özlem Tekin*) является его дочерью.

³³ См.: *Tekin Talat. Türkoloji Eleştirileri* [Тюркологические рецензии]. 2. Baskı. Ankara: Simurg Yayınevi, 1997. 408 s.

³⁴ В турецкой лингвистике широко распространено мнение, что все тюркские языки являются диалектами (по другой трактовке: чувашский и якутский – диалекты, а остальные тюркские языки – говоры) единого тюркского (турецкого) языка. Отдельные турецкие тюркологи пытаются объединить чувашский и якутский в отдельную группу тюркских языков, упуская из виду, что якутский по характерному зетаизму и сигматизму ближе к остальным тюркским языкам, чем к чувашскому. См.: *Demir Nurettin. Türkiye’de Dil – Lehçe – Şive–Ağız Tartışmaları* [Дискуссии по проблеме «язык – наречие – диалект – говор» в Турции] // *Türkiye’de Dil Tartışmaları. İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları. İstanbul, 2006. S. 119–146*. Ср.: *Arat Reşit Rahmeti. Türk Şivelerinin Tasnifi* [Классификация тюркских наречий] // *Makaleler. I. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları. Ankara, 1987. S. 69–149*; *Ego же. Türk Lehçe ve Şiveleri* [Тюркские говоры и наречия] // *Türk Dünyası El Kitabı. II. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları. Ankara, 1992. S. 59–68*.

³⁵ A New Classification of the Chuvash-Turkic Languages [Новая классификация чувашско-тюркских языков] // *Erdem, V/13. Ankara, 1990. S. 129–139*; *Türk Dilleri Araştırmaları. Ankara, 1991. S. 5–18*; *Makaleler III: Çağdaş Türk Dilleri. Ankara, 2005. S. 395–404*.

³⁶ *Текин Талат*. Проблема классификации тюркских языков // *Проблемы современной тюркологии: материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1980. С. 387–390*.

³⁷ Рецензия (отзыв): *H. Paasonen. Tschuwaschisches Wörterverzeichnis* [Чувашский словарь]. Eingeleitet von A. Rona-Tas. Szeged, 1974. VII+244 s. // *Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi*, 22. İstanbul, 1977. S. 289–290.

³⁸ Статья представляет собой подробную биографию М.Р. Федотова с приложением списка его трудов до 1995 г.

³⁹ Статья «Несколько заметок о чувашских пословицах», увидевшая свет сразу в двух немецких научных журналах, стала предвестником качественно нового этапа в изучении турецкими исследователями чувашского фольклора. В ней рассматриваются чувашские паремии различных типов: идентичные аналогам в турецкой народной словесности, имеющие определенные структурно-семантические отличия и специфические для чувашского мироприятия.

⁴⁰ Так, например, в последних этимологических этюдах «Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğüne Yeni Katkılar» (TDAY Belleten, 2002/1), являющихся рецензией на коллективную монографию российских тюркологов «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика» (М., 1997), Хасан Эрен анализирует происхождение чувашских слов *хӗл* «зима», *симӗс* «плод(ы)», *кӗмӗл* «серебро», *хурӑн* «береза», *сӑка* «липа», *хӑмӑл* «стебель злаков; стерня», *хӑмӑш* «камыш», *каврӑс* «ясень», *улма* «яблоко», *сунат* «крыло», *йӑвӑ* «густой», *йӗнӗ* «ножны; футляр», *йӑрана* «стрема», *юман* «дуб», *суйӑн* «сом», *сӗлӗх* «пиявка», *пӗс* «голова», *хӗлӗх* «волос; струна», *шӑл* «зуб(ы)», *хырӑм* «желудок; живот», *хурӑнташ* «родственник», *сула* «селезенка», *йӗкӗр* «двойной», *хӗр* «девушка», *вар* «середина; сердце-вина», *сысна* «свинья», *чӑкӑт* «сыр», *улӑм* «солома», *ака* и *сапан* «деревянный плуг», *сӑрла* «серп» и их тюркских соответствий.

⁴¹ Doğumunun 125. yıl dönümünde: N.İ. Aşmarin [К 125-летию юбилею Н.И. Ашмарина]. Türk Dili, II / 528. Ankara, 1995. S. 1282–1288.

⁴² Некоторые исследования Эмине Йылмаз Джейлан подписаны двойной фамилией (*Yılmaz Ceylan*), в других же авторство указано как *Yılmaz* или *Ceylan*.

⁴³ В 2006–2007 гг. Огузхан Дурмуш стажировался в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева и занимался сбором материала для будущей диссертации. В ней подробно рассматриваются системы словоизменения имени существительного, имени прилагательного, местоимения, наречия, глагола (имена числительные наряду с указательными и вопросительными местоимениями включены в раздел «Имя прилагательное»), а также служебные части речи. Среди категорий существительного особое внимание уделено склонению. Кроме привычных падежей (именительного, родительного, дательного-винительного, местного, исходного, совместного и причинно-целевого), автор выделяет также направительный (-*алла/-елле*), ограничительный (-*чен/-ччен*), повторительный (-*саран/-сере*) и начинательный (-*ранне/-ренне*, -*танпа/-тенне*), а форма с аффиксом -*сӑр/-сӗр* в падежную систему не включена – отнесена к словообразовательным аффиксам. В системе времен изъявительного наклонения чувашского глагола подробно рассматриваются формы настоящего-будущего, будущего, очевидного прошедшего, неочевидного прошедшего, давнопрошедшего и длительного прошедшего. Среди нефинитных глагольных форм наибольшее внимание в исследовании уделено деепричастиям – их отмечено более 30 видов.

⁴⁴ Судя по интервью в газете «Сувар» (2008. № 43), чувашский язык Бюлент Байрам изучил в 2002–2004 гг., во время пребывания в Казани.

⁴⁵ К сожалению, до сих пор не увидели свет подготовленные в 1993–1994 гг. Василием Андреевым и преподавателем Стамбульского университета Халилем АчыкгӖзом (Halil Açıkgöz) «Грамматика чувашского языка» на турецком языке и «Турецко-чувашский словарь» (см.: Языковед Василий Андреев: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 52).

⁴⁶ В соавторстве с профессором Тунджером Гюленсом (Gülensoy Tuncer) аналогичную статью написала и Елена Кудрявцева. См.: Türk Dünyası (Dil ve Edebiyat Dergisi). 6. Ankara, 1998. S. 888–891.

⁴⁷ Родионов В.Г. İdil Kıyısı Türklerin Etnokonfeksiyonel Gruplarında Oluşan Etnik Bilinci [О формировании этнического самосознания в этноконфессиональных группах тюркских народов Поволжья] // 38. ICANAS (Uluslararası Asya ve Kuzey Afrika Çalışmaları Kongresi, 10–15 Eylül 2007) Bildiri Özetleri Kitabı / Abstracts. Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Başkanlığı. Ankara, 2007. S. 492–493.

⁴⁸ Andreyeva Y.A. Çuvaşça'da Soru Cümlelerinin Çeşitleri [Типы вопросительных предложений в чувашском языке] // Uluslararası Türk Dili ve Edebiyatı Kongresi: UTEK (İstanbul Kültür Üniversitesi, 27–28 Ağustos 2007) Bildiriler. İstanbul, 2009. S. 29–34.

⁴⁹ Huzangay Atner P. Çuvaşların Dil Egemenliği [Языковой суверенитет чувашей] // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi = Journal of Modern Turkish Studies. VII / 3. Ankara, 2010. S. 18–25; Kuznetsov Aleksandr. Kültürler Dialogu Açısından İdil-Ural Halklarının Geleneksel Etiketi [Традиционный этикет народов Урало-Поволжья с точки зрения диалога культур] // Там же. S. 26–37; Kuznetsov Aleksandr. Çuvaş Dili ve Etnosu Avrasya Medeniyeti Tarihinde Uluslararası Türkoloji Konferansı. 15–18 Eylül 2010. Çuvaş Devlet Beşeri Bilimler Enstitüsü. Çeboksarı – Çuvaş Cumhuriyeti – Rusya [Хроника Международной тюркологической конфе-

ренции «Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации» // Там же. S. 212–213. См. также: Кузнецов Александр. Тёрлӗ тӗнпе пурӑнакан тӑванла турккӑ тата чӑваш халӑхӑсен пуплев нисепӗн пӗрпеклӗхӗпе уйрӑмлӑхӗ сӑнчен [О сходстве и различиях в формулах речевого этикета турецкого и чувашского народов] // Turan-SAM (Stratejik Araştırmalar Merkezi Dergisi). IV/ 15. Kars, 2012. S. 136–141, 197.

⁵⁰ Yegorov Nikolay (пер.: Albina Kıran). Çuvaş Mifolojisi [Чувашская мифология] // Türk Kültürü (Türk Kültürü Araştırmaları Dergisi). 2. Ankara, 2011. S. 131–160.

Библиографический указатель по турецкому чувашеведению

Языкознание

1. Agyagási Klára (пер.: Yılmaz Emine). Çuvaşçada ‘ekmek’ Anlamındaki Sözcük [Чувашское слово со значением «хлеб»] // Türkbilig: Türkoloji Araştırmaları Dergisi. – № 3. – Ankara, 2002. – S. 172–173.

2. Andreyev Vasiliy. Büyük Çuvaş Dilcisi Mihail Romanoviç Fedotov [Известный чувашский языковед М.Р. Федотов] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. 171/3. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2001. – S. 55–56.

3. Arat Reşit Rahmeti. Türk Şivelerinin Tasnifi [Классификация тюркских наречий] // Türkiyat Mecmuası. № 10. Osman Yalçın Matbaası. – İstanbul, 1953. – S. 59–139; То же // Arat R. Rahmeti. Makaleler. I. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları. – Ankara, 1987. – S. 69–149.

4. Arıkan İbrahim. Çuvaş Türkçesinde Dilbilgiselleşen Bir Fiil: tär- [Грамматикализованный глагол tär- в чувашском языке] // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. – VIII/2. – Ankara, 2011. – S. 36–62.

5. Arıkan İbrahim. Dil Hayatıyetı Bağlamında Çuvaş Türkçesinin Durumu [Состояние чувашского языка в контексте витальности] // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. VIII/3. – Ankara, 2011. – S. 71–86.

6. Arıkoğlu Ekrem. [рец.]: Ersoy Feyzi. Çuvaş Türkçesi Grameri [Грамматика чувашского языка]. Gazi Kitabevi. – Ankara, 2008. – 490 s. // Dil Araştırmaları. – № 10. Ankara, 2012. – S. 185–186.

7. Bayram Bülent. Çuvaş Türkçesi–Türkiye Türkçesi Sözlük [Чувашско-турецкий словарь]. Tablet Yayınları. – Konya, 2007. – 342 s.

8. Bayram Bülent. N.İ. Aşmarin’in Çuvaşça Sözlüğünün Yeni Bir Yayını Nasıl Olmalıdır? [Каким должно быть новое издание «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина?] // VII. Türk Dili Kurultayı (24–28 Eylül 2012). – Ankara, 2012; То же // Ашмаринские чтения: сб. науч. статей. – Вып. 8. – Чебоксары, 2012. – С. 276–284.

9. Ceylan (Yılmaz) Emine. Çuvaşça Dilbilim ve Dilbilgisi Terimleri Üzerine Bir Deneme [Опыт исследования чувашских лингвистических и грамматических терминов] // Türkbilig: Türkoloji Araştırmaları Dergisi. – № 1. – Ankara, 2000. – S. 87–101.

10. Ceylan Emine. Çuvaşça çara Sözcüğü ve Dağınık *y->ç- Değişimi [Чувашское слово çara и нерегулярный переход *y->ç-] // Türk Dilleri Araştırmaları. – № 3 (Talat Tekin Armağanı). – Ankara, 1993. – S. 69–72.

11. Ceylan Emine. Çuvaşçada Eklenme Sırasında Oluşan Değişiklikler: Ses Değişimleri [Аффиксальные вариации в чувашском языке: фонетические изменения] // Türk Dilleri Araştırmaları. – № 7. – Ankara, 1997. – S. 123–139.

12. Ceylan Emine. Çuvaşistan, Çuvaşlar ve Çuvaşça [Чувашия, чувашы и чувашский язык] // Çağdaş Türk Dili. – 83. – Ankara, 1995. – S. 16–24.

13. Ceylan Emine. İlk Türkçe *d Foneminin Çuvaşçada ve Macarcada Gelişimi [Историческое развитие пратюркской фонемы *d в чувашском и венгерском языках] // Türk Dilleri Araştırmaları. – № 2. – Ankara, 1992. – S. 109–120.

14. Ceylan Emine. Türkçe y- ~ ø, Halaçça h-, Çuvaşça ø-, y-, v- Üzerine [К изучению турецкого y- ~ ø, халаджского h-, чувашского ø-, y-, v-] // Türk Dilleri Araştırmaları. – № 4. – Ankara, 1994. – S. 145–158.

15. *Çağatay Saadet*. Türk Lehçeleri Örnekleri [**Образцы тюркских наречий**]. II.: Yaşayan Ağız ve Lehçeler [**Живые тюркские наречия и говоры**]. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Göğrafya Fakültesi Yayınları. 214. Ankara, 1972: Çuvaşça [**Чувашский язык**]. – S. 234–239.
16. Çuvaş Türkçesi [**Чувашский язык**] // Türk Ansiklopedisi. – XII. – Ankara, 1964. – S. 156–161.
17. *Dobrodromov İ.G. (пер.: Sinan Güzel)*. Çuvaşçada Unutulmuş Eski Terimler Üzerine [**О забытых древних терминах в чувашском языке**] // Ege Üniversitesi Dil ve Edebiyat Fakültesi Araştırmaları Dergisi. – № 16–17. – İzmir, 2009.
18. *Durmuş Oğuzhan*. Çuvaş Türkçesinin Ağız Atlası Üzerine [**О диалектологическом атласе чувашского языка**] // Türkbilig: Türkoloji Araştırmaları Dergisi. – № 21. – Ankara, 2011. – S. 113–153.
19. *Durmuş Oğuzhan*. Strahlenberg ve İlk Çuvaşça Kelime Listesi [**Страленберг и первый чувашский словарь**] // Gazi Türkiyat: Türklük bilimi araştırmaları dergisi. – № 5. – Ankara, 2009. – S. 503–517.
20. *Durmuş Oğuzhan*. Yeni Bulgar Türkçesi Döneminin Kaynakları. II. Edebî Kaynaklar: I. 1769 Tarihli Altı Dize Ya Da İlk Çuvaş Şiiri [**Источники новобулгарского периода чувашского языка. II. Литературные источники: I. 6 строк, датированных 1769 годом, или Первое чувашское стихотворение**] // Turkish Studies. – IV/8. Erzincan, 2009. – S. 1108–1122.
21. *Eker Süer*. [рең.: *Emine Yılmaz*]. Çuvaşça Çok Zamanlı Morfoloji. Bir Deneme. [**Историческая морфология чувашского языка**]. Grafikler Yayıncılık. – № 9. – Ankara, 2002. – X+146 s. // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. – № 18. – Ankara, 2004. – S. 157–171.
22. *Eren Hasan*. [рең.: *Scherner B.* Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwasschischen: Versuch einer Chronologie ihrer Lautveränderungen [**Арабские и новоперсидские заимствования в чувашском языке**]. – Wiesbaden, 1977. – XXX+213 s. // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten. – 1978–1979. – Ankara, 1981. S. 271–278.
23. *Eren Hasan*. Çuvaş Dilinin Etymologique Sözlüğü [**Этимологический словарь чувашского языка**] // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten, 1972. – Ankara, 1973. – S. 241–265.
24. *Eren Hasan*. Doğumunun 125. yıl dönümünde: N.İ. Aşmarin [**К 125-летию юбилею Н.И. Ашмарина**]. Türk Dili. – II / 528. – Ankara, 1995. – S. 1282–1288.
25. *Eren Hasan*. Remarks on V.G. Egorov's etymological dictionary of the Chuvash language [**Заметки об «Этимологическом словаре чувашского языка» В.Г. Егорова**] // Studies in Chuvash etymology. – I. (Studia Uralo-Altaica. XVII). – Szeged, 1982. – P. 20–65.
26. *Eren Hasan*. Rotasizm ve Lambdasizm mi, yoksa Zetasizm ve Sigmatizm mi? [**Ротацизм и ламбдаизм или зетацизм и сигматизм?**] // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten. – 1999/1–2. – Ankara, 2003. – S. 79–88.
27. *Eren Hasan*. Türklük Bilimi Sözlüğü. I.: Yabancı Türkologlar [**Тюркологический словарь: иностранные тюркологи**]. Türk Dil Kurumu Yayınları. – Ankara, 1998. – X+393 s.: Aşmarin Nikolay İvanoviç [**Ашмарин Н.И.**]. – S. 105–107; Egorov Vasilij Georgievici [**Егоров В.Г.**]. – S. 156.
28. *Ersoy Feyzi*. Çuvaş Türkçesi [**Чувашский язык**] // Türk Lehçeleri Grameri (Ed. *A.B. Ercilasun*). Akçağ Yayınları. – Ankara, 2007. – S. 1285–1339.
29. *Ersoy Feyzi*. Çuvaş Türkçesi Grameri [**Грамматика чувашского языка**]. Gazi Kitabevi. – Ankara, 2010. – 490 s.
30. *Ersoy Feyzi*. Çuvaş Türkçesi ve Türkiye Türkçesinde Yalancı Eş Değerler [**Ложные соответствия в чувашском и турецком языках**] // Türkbilig: Türkoloji Araştırmaları Dergisi. – № 14. – Ankara, 2007. – S. 60–68.
31. *Ersoy Feyzi*. Çuvaş Türkçesinde İkili Biçimler [**Двойственные формы в чувашском языке**] // Türkiyat Araştırmaları Dergisi. – № 28. – Konya, 2010. – S. 31–45.
32. *Ersoy Feyzi*. Çuvaş Türkçesiyle Türkiye Türkçesinin Söz Dizimi Bakımından Karşılaştırılması [**Сравнение синтаксиса чувашского и турецкого языков**] // V. Uluslararası Türk Dili Kurultayı Bildirileri. I. (20–26 Eylül 2004). – Ankara, 2004. – S. 1075–1086.

33. *Ersoy Feyzi*. [докл.]: Çuvaşçada Sayılar [Числительные в чувашском языке] // 15th International Conference on Turkish Linguistics (20–22 Ağustos 2010). Szeged-Macaristan.
34. *Ersoy Feyzi*. [докл.]: -la Eki ve Çuvaş Türkçesindeki İzleri Üzerine [Об аффиксе -la и его соответствиях в чувашском языке] // VII. Türk Dili Kurultayı (24–28 Eylül 2012). Ankara.
35. *Ersoy Feyzi*. [докл.]: Oğuzca ile Çuvaşça Arısındaki Koşutluklar [Огузско-чувашские параллели] // Prof. Dr. Ahmet Bican Ercilasun Armağanı. II. Uluslararası Büyük Türk Dili Kurultayı (30 Eylül 2007). Bişkek.
36. *Ersoy Feyzi*. [дис.]: Türk-Moğol Dil İlişkisi ve Çuvaşça [Тюркско-монгольские языковые связи и чувашский язык]. Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü (Doktora Tezi). – Ankara, 2008. – 743 s.; Gazi Kitabevi. – Ankara, 2012. – 566 s.
37. *Gülensoy Tuncer*. [докл.]: Çuvaşça Sözlük Hazırlığı ve Türkçe-Çuvaşça Paralellliği [Чувашская лексикография и турецко-чувашские параллели]. Ankara. 3 Nisan 1997. TDK Konferans Salonu.
38. *Gülensoy Tuncer*. Çuvaşça ve Zazaca Üzerine Notlar [Заметки о чувашском языке и языке заза] // İçel Kültürü. – IX/41. – Mersin, 1996. – S. 3–4; То же // Türk Dünyası Tarih Dergisi. VI/72. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1992. – S. 37–38.
39. *Gülsevin Güner*. Göktürk Anıtları İle Yaşayan Üç Lehçemizin (Halaç, Çuvaş ve Saha/Yakut) Tarihî İlgî Düzeni [Памятники гёк-тюрков и строй трех живых языков (халаджского, чувашского и саха/якутского) в диахронии] // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten, 1990. – Ankara, 1994. – S. 55–64.
40. *Güner Galip*. [рец.]: *Emine Yılmaz*. Çuvaşça Çok Zamanlı Morfoloji. Bir Deneme. [Историческая морфология чувашского языка]. Grafiker Yayınları. – Ankara, 2002 // Bilig (Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi). – 27. Ankara, 2003. – S. 207–210.
41. *Güzel Sinan*. Çuvaş Türkçesinde Sözcükleşme Örnekleri. I.: Çekimsiz Gerçekleşen Fiil Şekilleri ve Şekil-Zaman Ekleri ile Gerçekleşen Kalıplaşmalar [Модели лексикализации в чувашском языке. I.: Лексикализация неличных форм глагола, лексикализация форм времени и наклонения] // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. – X/2. – Ankara, 2013. – S. 81–111.
42. *Güzel Sinan*. Çuvaşça -la(t)sA Üzerine [О форманте -la(t)sa в чувашском языке] // Türkbilig: Türkoloji Araştırmaları Dergisi. – № 20. – Ankara, 2010. – S. 37–46; То же // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: сборник материалов Международной конференции (Чебоксары, 27–28 февраля 2009 г.). – Ч.1. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – С.146–149.
43. *Güzel Sinan*. Çuvaşçada Sözcükleşme Örnekleri: Çekimsiz Fiil Şekilleri ve Şekil-Zaman Kipleri ile Gerçekleşen Kalıplaşmalar [Модели лексикализации в чувашском языке. I.: Лексикализация неличных форм глагола, лексикализация форм времени и наклонения] // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации: материалы Международной тюркологической конференции (Чебоксары, 16–18 сентября 2010 г.). – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С. 104–113.
44. *İnan Abdülkadir*. N.I.Aşmarin: Çuvaş Dili Lûgati [Н.И. Ашмарин: Словарь чувашского языка] // Türkiyat Mecmuası. – № 3. – İstanbul, 1935. – S. 300–301.
45. *Kadri Hüseyin Kâzım*. Büyük Türk Lûgati [Большой тюркский словарь]. – I–II. – İstanbul: Devlet Matbaası, 1927, 1928. – III–IV. – İstanbul: Maarif Matbaası, 1943, 1945.
46. *Kirgizova Lüdmila* (пер.: *Edvard Lebedev, Faruk Bayramoğlu*). Çuvaş Halkının Aydını İvan Y. Yakovlev [Просветитель чувашского народа Иван Яковлев] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 148/4. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1999. S. 15–16.
47. *Kudryavtseva Elena*. [магистр. дис.]: Çuvaşça ve Türkiye Türkçesindeki Ortak Kelimeler ve Yapılar [Тожественные слова и структуры в чувашском и турецком языках]. Erciyes Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü (Yüksek Lisans Tezi). – Kayseri, 2002.
48. *Levitikaya L.S.* (пер.: *Bülent Bayram*). Çuvaş Türkçesinde Oğuz Türkçesi Unsurları Var mı? [Имеются ли в чувашском языке огузские элементы?] // Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi. – VI/1. Ege Üniversitesi Yayınları. – İzmir, 2006. – S. 251–255.

49. *Özer Osman*. Ana Altayca ve Çuvaşça ile Zazaca Arasındaki Dil Benzerlikleri Üzerine Bir Deneme [Опыт исследования сходств между протоалтайским, чувашским и языком заза] // Tuncer Gülensoy Armağanı. Bizim Gençlik Yayınları. – № 20 (Armağan Serisi № 2). – Kayseri, 1995. – S. 289–298.

50. *Paasonen Heikki*. Çuvaş Sözlüğü: Çuvaşça-Türkçe [Чувашский словарь: чувашско-турецкий]. Türk Dili Kurumu Yayınları. – III/7. – İstanbul, 1950. – VIII+218.

51. *Rona-Taş Andraş* (пер.: *Günay Karaağaç*). Çuvaş Fonolojisinin Ana Çizgileri [Основные черты чувашской фонологии] // Türk Dili Ve Edebiyatı Araştırmaları Dergisi. – № 5. Ege Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları. – İzmir, 1989. – S. 97–108.

52. *Sorokina Oksana*. [магистр. дис.]: Çuvaşça ile Türkiye Türkçesinin Karşılaştırılması (Fonetik-Morfoloji-Sentaks) [Сопоставление чувашского языка с турецким: фонетика, морфология, синтаксис]. Erciyes Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü (Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi). – Kayseri, 2001.

53. *Szalontai-Dmitrieva Judit* (пер.: *Fatma Özkan*). Çuvaşça *Yumşā* “Büyücü” Kelimesinin Etimolojisi [Этимология чувашского слова *yumşā* «знахарь»] // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten (Çeviri Sayısı). – № 1. – Ankara, 1996; **То же** // Türk Kültürü Araştırmaları Dergisi. – №2. Ankara, 2012. – S. 159–164.

54. *Tekin Talat*. A New Classification of the Chuvash-Turkic Languages [Новая классификация чувашско-тюркских языков] // Erdem. – V/13. – Ankara, 1990. – S. 129–139; Türk Dilleri Araştırmaları. – Ankara, 1991. – S. 5–18; **То же** // Makaleler III: Çağdaş Türk Dilleri. – Ankara, 2005. – S. 395–404.

55. *Tekin Talat*. Ana Türkçede Aslı Uzun Ünlüler [Основные долгие гласные в прототюркском языке] // Hacettepe Üniversitesi Yayınları. – B/15. – Ankara, 1975. – V+278 s.

56. *Tekin Talat*. Hunların Dili [Язык гуннов]. Doruk Yayınları. – Ankara, 1993. – 59 s.

57. *Tekin Talat*. Inner-Turkic Evidence for the Correspondence Turkic (š), Chuvash (ś) and Mongolian (č) [Внутритюркские свидетельства соответствия тюркского š, чувашского ś и монгольского č] // Gedanke und Wirkung: Festschrift zum 90. Geburtstag von Nikolaus Poppe. Asiatische Forschungen. – 108. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1989. – S. 341–345.

58. *Tekin Talat*. Japonca ve Altay Dilleri [Японский и алтайские языки]. Doruk Yayınları. – Ankara, 1993. – 95 s.

59. *Tekin Talat*. On Volga-Bulgarian *bačne* [О волжскобългарском *bačne*] // PIAK Newsletter. – X/8. – 1975.

60. *Tekin Talat, Ölmez Mehmet*. Türk Dilleri: Giriş [Тюркские языки: введение]. Simurg Yayınları. – İstanbul, 1999; 2003. – 200 s.: Çuvaşça [Чувашский язык]. S. 58–63.

61. *Tekin Talat*. Sigmatism in Chuvash Reviewed [Проблема сигматизма в чувашском языке] // Türk Dilleri Araştırmaları. – Ankara, 1992. – S. 121–130; **То же** // Makaleler. – I.: Altayistik. – Ankara, 2003. – S. 298–307.

62. *Tekin Talat*. Tuna Bulgarları ve Dilleri [Дунайские болгары и их языки]. Türk Dil Kurumu Yayınları. – 530. – Ankara, 1987. – 70 s. + 12 (Resim).

63. *Tekin Talat*. Turkic (š), Chuvash (ś) and Mongolian (č) [Тюркское š, чувашское ś и монгольское č] // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten, 1986. – Ankara, 1988. – S. 65–69.

64. *Tekin Talat*. Turkic *tiš*, Chuvash *šāl* and Mongolian *šidün* [Тюркское *tiš*, чувашское *šāl* и монгольское *šidün*] // Festschrift Andreas Tietze. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 76. Wien, 1986. S. 293–297; **То же** // Makaleler. I.: Altayistik. Ankara, 2003. S. 241–245.

65. *Tekin Talat*. Türk Dillerinde Birincil Uzun Ünlüler [Первичные долгие гласные в тюркских языках]. Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi. 13. Kültür Bakanlığı-Simurg Yayınları. – Ankara, 1995. – 192 s.

66. *Tekin Talat* (пер. с англ.: *Prof. Mehmet Ölmez*). Türkçe /s/, Çuvaşça /ś/ ve Moğolca /č/ [Тюркское š, чувашское ś и монгольское č] // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten, 1986. – Ankara, 1988. – S. 71–75.

67. *Tekin Talat*. Türkçenin Yakın ve Uzak Akraları [Ближние и дальние родственники турецкого языка] // Uygulamalı Dilbilim Açısından Türkçenin Görünümü. Dil Derneği Yayınları. – Ankara, 1994. – S. 18–27.

68. *Tekin Talat*. Volga Bulgar Kitabeleri ve Volga Bulgarcası [**Памятники Волжской Булгарии и язык волжских булгар**]. Türk Dil Kurumu Yayınları. 531. Ankara, 1988. 212 s. + 91 (Kitabe).
69. *Tekin Talat*. [рец.]: *Л.С. Левитская*. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976 // Central Asiatic Journal. XXV (1–2) Wiesbaden, 1981. S. 161–162.
70. *Togan Zeki Velidi*. Hâtralar [**Воспоминания**]. Diyanet Vakfı Yayınları. İstanbul, 1999. 630 s.: (о **Н.И. Ашмарине**) S. 65–66.
71. *Yener Mustafa Levent*. [дис.]: Çağdaş Çuvaş Türkçesinin Dil Özellikleri: Suvar Gazetesinden Hareketle [**Лингвистические особенности современного чувашского языка: по материалам газеты «Сувар»**]. Ege Üniversitesi Türk Dünyası Araştırmaları Enstitüsü (Doktora Tezi). – İzmir, 2010.
72. *Yener Mustafa Levent*. Çuvaşça Юм/Үм – Ortak Türkçe Үм Sözcüğü Üzerine [**О чувашском слове юм и его общетюркском соответствии уит**] // Gazi Türkiyat: Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi. – VI/10. – Ankara, 2012. – S. 189–210.
73. *Yılmaz Ceylan Emine*. Çuvaşça Çok Zamanlı Ses Bilgisi [**Историческая фонетика чувашского языка**]. Türk Dil Kurumu Yayınları. – 675. – Ankara, 1997. – XIII+256 s.
74. *Yılmaz Ceylan Emine*. Palatalization in Volga Turkic Languages: I. Palatalization in Chuvash [**Палатализация в тюркских языках Поволжья: палатализация в чувашском языке**] // International Journal of Central Asian Studies, I. – Seoul/ Korea, 1996. – S. 269–278.
75. *Yılmaz Emine*. [рец.]: *Marcel Erdal*. Die Sprache der wolgabulgarischen Inschriften [**Язык волжскобулгарских надписей**]. Turcologica. – 13. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1993. – 172 s. // Türk Dilleri Araştırmaları. – № 4. – Ankara, 1994. – S. 229–231.
76. *Yılmaz Emine*. Çuvaşça Çok Zamanlı Morfoloji. Bir Deneme. [**Историческая морфология чувашского языка**]. Araştırma ve İnceleme Dizisi. – IV. Grafiker Yayınları. – Ankara, 2002. – X+146 s.
77. *Yılmaz Emine*. Çuvaşça Sözlükler [**Словари чувашского языка**] // Kebikeç. – Ankara, 1999. – S. 131–134.
78. *Yılmaz Emine*. Karşılaştırmalı Türk Dilbilimi Çalışmalarında Çuvaşçanın Yeri: I. Sesbilgisi [**О месте чувашского языка в исследованиях по сравнительному тюркскому языкознанию: I. Фонетика**] // Turkish Studies (International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic). – V/4. – Erzincan, 2010. – S. 728–741.
79. *Yılmaz Emine*. Karşılaştırmalı Türk Dilbilimi Çalışmalarında Çuvaşçanın Yeri: III. Sesbilgisi [**О месте чувашского языка в исследованиях по сравнительному тюркскому языкознанию: III. Фонетика**] // Leyla Karahan Armağanı. Akçağ Yayınları. – Ankara, 2013. – S. 925–932.
80. *Yılmaz Emine*. Türkiye Türkolojisinde Çuvaşça Araştırmalarının Sorunları [**Проблемы исследования чувашского языка в турецкой тюркологии**] // V. Uluslararası Türk Dil Kurultayı (Ankara, Eylül 2004). Türk Dil Kurumu Yayınları. – Ankara, 2005. – S. 3231–3248.
81. *Yılmaz Emine*. [рец.]: *Jorma Luutonen*. Chuvash Syntactic Nominalizers [**Синтаксические субстантиваторы в чувашском языке**] // Turcologica. – 88. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. – 133 s. // Türkbilig: Türkoloji Araştırmaları Dergisi. – № 23. – Ankara, 2012. – S. 149–152.
82. *Yılmaz Emine*. [рец.]: *Дмитриева Ю.* Чувашские народные названия дикорастущих растений. Studies in Linguistics of the Volga-Region. – I. – Debrecen, 2001. – 211 s. // Acta Orientalia Hungarica. – 55/4. 2002. – S. 430–431.
83. *Yılmaz Metin*. [дис.]: Çuvaş Türkçesinde Fiil [**Глагол в чувашском языке**]. Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü (Doktora Tezi). – Ankara, 1996.
84. *Yılmaz Metin*. Çuvaş Türkçesinde Fiil [**Глагол в чувашском языке**] // Karşılaştırmalı Türk Lehçeleri Grameri: Fiil – Basit Çekim [**Сравнительная грамматика тюркских наречий: Глагол**]. I. Türk Dil Kurumu Yayınları. – 879. – Ankara, 2006. – 802 s.
85. *Yılmaz Metin*. Çuvaşçadaki Arapça ve Farsça Kelimeler [**Арабские и персидские слова в чувашском языке**]. Renk Matbaası. – İstanbul, 2011. – 158 s.
86. *Yılmaz Metin*. Orhun Yazıtlarının Söz Varlığı ile Çuvaşçanın Söz Varlığının Fonetik Açısından Karşılaştırılması [**Сравнение лексики орхонских надписей и чувашского языка в фонетическом аспекте**] // Türk Dünyası Araştırmaları. – 191. – İstanbul, 2011. – S. 65–84.

87. *Yüce Nuri*. Çuvaşça ile Türkiye Türkçesi Arasındaki Münasebetler [**Отношения между чувашским языком и турецким**] // Birinci Millî Türkoloji Kongresi (İstanbul, 6–9 Şubat 1978): Tebliğler. – İstanbul, 1980. – S. 51–54.

88. *Yüce Nuri*. [рец.]: *Paasonen H.* Tschuwaschisches Wörterverzeichnis [**Чувашский словарь**]. Eingeleitet von A. Rona-Tas. – Szeged, 1974. – VII+244 s. // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. – XXII. – İstanbul, 1977. – S. 289–290.

89. *Yüce Nuri*. Tanınmış Çuvaş Türkoloğu Mihail Romanoviç Fedotov [**Известный чувашский тюрколог М.Р. Федотов**] // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. – XXIX (Ö.F. Akün'e Armağan cilt). 2000. – S. 345–354.

90. *Yüce Nuri*. Türk Dili ve Lehçeleri: Çuvaşça [**Тюркские языки и наречия: чувашский язык**] // İslam Ansiklopedisi. – XII/2. – İstanbul, 1987. – S. 527–529.

91. *Сергеев Л.П., Андреева Е.А.* Чăваш чĕлхинчи падеж ыйтăвĕ (Чăваш чĕлхинче миçe падеж?) [**Проблема падежей в чувашском языке**] // Bengü Bitig. Dursun Yıldırım Armağanı. – Ankara, 2013. – S. 511–515.

92. *Текин Талат* (пер. с англ. *В.А. Чурикба*). **Внутритюркские свидетельства соответствия тюркского (š), чувашского (š) и монгольского (č)** // Вопросы языкознания. – № 4. – М., 1988. – С. 108–111.

Литературоведение и фольклористика

1. *Açıkgöz Halil*. İdil-Ural Bölgesinde Alp Anlatmaları Ve Destan Bütünlüğü Konusunda ‘Dört Kök Eleman’ (Anâsır-ı Erba’a) Analiz Sistemi [**Сказания об Алыпях (Улыпях) в Волго-Уральском регионе и система анализа «четырёх первоэлементов» в вопросе целостности эпоса**] // Проблемы филологии народов Поволжья: сборник статей. – Вып. 3. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Москва-Ярославль; 2009. – С. 168–196.

2. *Açıkgöz Halil*. İdil-Ural Havzasında Alp Batır Tipi Dönüşümü [**Трансформация образа Алып (Улып) Батыра на территории Урало-Поволжья**] // Актуальные проблемы современной фольклористики: материалы Международной научно-практической конференции (29 июня 2009 г.). – Казань, 2009. – С. 35–39.

3. *Arnaut Tudorka*. Çuvaş Yazarlar Birliği Başkanı Mişşi Yuhma [**Председатель Союза чувашских писателей Мишши Юхма**] // Erciyes (Aylık Fikir ve Sanat Dergisi). 23//274. – Kayseri, 2000.

4. *Aşmarin N.İ.* (пер.: *Bülent Bayram*) Çuvaş Halk Kültürü Derslerine Giriş [**Введение в курс чувашской народной словесности**] // Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi. – VI/2. – İzmir, 2006. – S. 495–520.

5. *Bayram Bülent* [рец.]: Biler Şehrinin Fethi: Çuvaş Halk Destanı (Haz.: *Emine Ceylan*) [**Чувашское народное сказание о взятии города Бияра**] // Türk Dilleri Araştırmaları. – V. Simurg Yayınları. – Ankara, 1995.

6. *Bayram Bülent*. Çuvaş Alp Anlatmaları’nda Kahraman Üzerine Bir Araştırma [**К исследованию образа героя чувашских сказаний об Улып**] // I. Uluslararası Türk Dünyası Kültür Kurultayı (Çeşme/İzmir, 9–15 Nisan 2006) Bildiri Kitabı. I. – Ankara, 2007. – S. 359–367.

7. *Bayram Bülent*. Çuvaş Edebiyatında Folklor-Edebiyat İlişkinine Bir Örnek: Mihail Fedorovun ‘Arşuri’ Manzumesi ve Arşuriler [**К вопросу о связях чувашской литературы с фольклором: поэма «Арсьюри» Михаила Фёдорова и образы леших**] // Türk Dünyası Araştırmaları Dergisi. – 99/197. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2012. – S. 207–226.

8. *Bayram Bülent*. Çuvaş Edebiyatında «İstanbul Şehrinin Kuruluşu» Manzumesi ve Onun Kaynakları Üzerine [**Поэма «Об основании города Константинополя» в чувашской литературе и ее фольклорные источники**] // Türk Dünyası Araştırmaları Dergisi. – 99/196. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2012. – S. 173–200.

9. *Bayram Bülent*. Çuvaş Halk Edebiyatında Alp Anlatmaları [**Сказания об Улып в чувашском фольклоре**] // Akademi Günlüğü (Toplumsal Araştırmalar Dergisi). – I/3. – Ankara, 2006. – S. 117–141.

10. *Bayram Bülent*. [докл.]: Çuvaş Halk Edebiyatı'nda Alp Hikâyeleri [**Сказания об Улып в чувашском фольклоре**] // II. Uluslararası Türk Tarihi ve Edebiyatı Kongresi (11–13 Kasım 2005). Manisa.
11. *Bayram Bülent*. Çuvaş Türklerinin Kahramanlık Anlatmaları (Alplar) [**Героические сказания чувашей об Улыпах**]. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları. – Ankara, 2010. – 334 s.
12. *Bayram Bülent*. Folklor-Edebiyat İlişkileri Bağlamında Abdullah Tukayın 'Şürelî' ve Mihail Fedorovun 'Arşuri' Manzumeleri [**Поэмы «Арсюри» Михаила Федорова и «Шура-ле» Габдуллы Тукая в контексте фольклорно-литературных связей**] // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. № 33 (Abdullah Tukay Özel Sayısı). – Ankara, 2011. – S. 41–54.
13. *Bayram Bülent*. Macar Türkoloji Araştırmalarında Çuvaş Folkloru [**Чувашский фольклор в венгерских тюркологических исследованиях**] // Türk Bilig. – XXII. – Ankara, 2011. – S. 87–120.
14. *Bayram Bülent*. Oğuz Epik Anlatmaları ve Çuvaş Alp Hikâyeleri'nde Kutsal Kurt ve Tereğöz [**Образы Священного волка и Тепегёза в огузских эпических повествованиях и чувашских богатырских сказаниях**] // Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi. – VI/1. – İzmir, 2006. – S. 19–27.
15. *Bayram Bülent*. Şuym Hivetiri'nin Ulup Destanı (Çuvaş Kalevalası Üzerine Bir İnceleme) [**Эпос «Улып» Сюнна Хведера: опыт исследования чувашской «Калевалы»**]. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları. – Ankara, 2012. – XVI+350 s.
16. *Bayram Bülent*. Türk-Rus Tarihi İlişkileri Bağlamında Çuvaş Halk Edebiyatında Türkler [**Турки в чувашской народной литературе в контексте турецко-русских исторических связей**]. Türk Kültürü. – V/1. – Ankara, 2012. – S. 105–130.
17. *Bayram Bülent*. Türkiye Türkolojisi ve Çuvaş Folkloru [**Турецкая тюркология и чувашский фольклор**] // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации: Материалы Международной тюркологической конференции (Чебоксары, 16–18 сентября 2010 г.). – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С. 248–253.
18. *Bayram Bülent*. Türkiye'de Çuvaş Folkloru Üzerine Yapılan Çalışmalar [**Исследование чувашского фольклора в Турции**] // Turkish Studies (International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic). – VII/1. – Erzincan, 2012. – S. 365–383.
19. *Bayram Bülent*. Ulup: Çuvaş Destanı [**Чувашский эпос «Улып»**]. Türksöy Yayınları. – Ankara, 2013.
20. *Benzing Johannes* (подгот. к публ.: *Emine Ceylan*). Biler Şehrinin Fethi: Çuvaş Halk Destanı [**Чувашское народное сказание о взятии города Биляра**] // Türk Dilleri Araştırmaları. – V. – Ankara, 1995. – S. 211–225.
21. *Benzing Johannes*. Biler Şehrinin Fethi: Çuvaş Halk Destanı [**Чувашское народное сказание о взятии города Биляра**] // Türk Dili Belleten. – III/8–9 (Nisan-Aralık 1946). – İstanbul, 1947. – S. 126–135; **То же** // *Benzing Johannes* (подгот. к публ.: *Claus Schöning*). Bolgarisch-tschuwaschische Studien (Turcologica, 12). – Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. – S. 132–143.
22. *Ceylan Emine*. Çuvaş Atasözleri ve Deyimleri [**Чувашские пословицы и поговорки**] (Kiril harfli metin, Yazıçevrimi, Türkçeye Çevrimi, Kökenbilimsel Sözlük-Dizin, Çuvaşça-Türkçe Sözlük, Türkçe-Çuvaşça Sözlük). Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi. X. Simurg Yayınları. – Ankara, 1996. – XXIV+200s.
23. *Ceylan Emine*. Modern Çuvaş Şiirinin Doğuşu: İvanov ve Tukay [**Зарождение современной чувашской поэзии: Иванов и Тукай**] // Nevin Önberk Armağanı. – Ankara, 1997.
24. *Ceylan Emine* [рец.]: *Uwe Bläsing*. Tschuwaschische Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten [**Чувашские пословицы и поговорки**]. (Turcologica, Bd. 20). – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1994. – VII+849 s. // Türk Dilleri Araştırmaları. – V. – Ankara, 1996. – S. 294–295.
25. *Çetinkaya Necmettin*. Saygın Çuvaş Şair ve Yazarı Peter Huzangay [**Известный чувашский поэт и писатель Педер Хузангай**] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 193/1. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2003. – S. 22–23.
26. *Çındıkov Boris* (пер.: *Metin Yılmaz*). Çitin Üstündeki Böğürlenler: Dram (3 bölüm) [**Ежевика вдоль плетня: драма**] // Türk Dili ve Edebiyat Dergisi. – № 1. Türk Dil Kurumu Yayınları. – Ankara, 1996. – S. 173–218.

27. Çuvaş Edebiyatı: Başlangıcından Günümüze Kadar [**Чувашская литература: от истоков до наших дней**] (подгот.: *Metin Yılmaz, Yuhma Mişşi*; Latin Harflerine ve Türkiye Türkçesine Aktaran: *Metin Yılmaz*) // Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi. – XXVI. Kültür Bakanlığı Yayınları. – Ankara, 2003. – 504 s.
28. *Demir Nurettin, Yılmaz Emine*. Asker Karısı (Çuvaşça Bir Öykü) [**Солдатская жена (Чувашский рассказ)**] // Türkbilig: Türkoloji Araştırmaları Dergisi. – IV. – Ankara, 2002. – S. 29–47.
29. *Eliaçık Elçin* [рец.]: *Bayram Bülent*. Çuvaş Türklerinin Kahramanlık Anlatımları (Alplar) [**Геронические сказания чувашей об Улыпях**]. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları. – Ankara, 2010. – 334 s. // Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. – № 13. – Ankara, 2010. – S. 253–254.
30. *Ersoy Feyzi*. 17 Ağustos Depreminin Çuvaşistan’da Yankıları ve Bir Çuvaş Şairin Mısralarından Yansıyanlar [**Отклики в Чувашии на землетрясение, случившееся 17 августа, и отголоски стихотворных строк чувашского поэта**] // Türk Dili (Dil ve Edebiyat Dergisi). – 576. – Ankara, 1999. – S. 1072–1074.
31. *Ersoy Feyzi*. Çuvaş Alp Hikâyeleri / Ulıp Halapşem [**Чувашские сказания об Улыпях**]. Türk Dil Kurumu Yayınları. – Ankara, 2009. – 183 s.
32. *Ersoy Feyzi*. [докл.]: Çuvaş Alp Hikâyelerinde Düşman Tipolojisi [**Типология врага в чувашских сказаниях об Улыпях**] // Dede Korkut ve Geçmişten Geleceğe Türk Destanları Sempozyumu (25–28 Ekim 2010). Lefkoşa-KKTC.
33. *Ersoy Feyzi*. Çuvaş Bilmeceleri [**Чувашские загадки**] // Türkiyat Araştırmaları Dergisi. Prof. Dr. Ahmet Bican Ercilasun’a Armağan. – № 13. – Konya, 2003. – S. 367–379.
34. *Ersoy Feyzi*. Çuvaş Türkleri [**Образцы чувашского эпоса**] // Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi. V. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları. – Ankara, 2004. – S. 106–131.
35. *Ersoy Feyzi*. [докл.]: Kutadgu Bilig’in Çuvaşçaya Aktarılan Beyitleri [**Бейты из «Кутадгу Билиг», переложенные на чувашский язык**] // Doğumunun 990. Yılında Yusuf Has Hacıv ve Eseri Kutadgu Bilig (26–27 Ekim 2009). İstanbul.
36. *Ersoy Feyzi* [рец.]: *Юмарт Г.Ф.* Улып халапşем [**Сказания об Улыпях**]. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательствĕ, 1993. – 286 с. // Millî Folklor (Uluslararası Halkbilimi Dergisi). – № 57. – S. 158–160.
37. *Güner Galip* [рец.]: *Prof. Emine Yılmaz*. Narspi (Kiril harfli metin, Yazıçevrimi, Türkçe Çeviri, Sözlük-Dizin) [**Нарспи**]. Öncü Yayınları. Ankara, 2004 // İlmi Araştırmaları. – 18. – İstanbul, 2004. – S. 157–158.
38. *Güngör Harun*. Çuvaş Folkloru İle İlgili Notlar [**Заметки относительно чувашского фольклора**] // Yesevî. – XXIII. – İstanbul, 1995. – S. 22–23.
39. *İvanov İlle*. Çuvaş Millî Şairi Mitta Vasleye [**Чувашский национальный поэт Васильей Митта**] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. 255/3. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2008. – S. 50.
40. *İvanov Konstantin* (подгот. текста: *Yılmaz Emine*. Kiril harfli metin, Yazıçevrimi, Türkçe Çeviri, Sözlük-Dizin). Narspi [**Нарспи**]. Türk Dili Tarihinin Temel Sorunları. 3. Öncü Yayınları. – Ankara, 2004. – 219 s.
41. *İvanov Konstantin* (подгот. текста: *Emine Yılmaz*). Narspi: Çuvaşça Bir Aşk Öyküsü [**Нарспи: чувашская история любви**]. Türk Dil Kurumu Yayınları. – 876. – Ankara, 2006, 2010. – 274 s.
42. *Karakuş Elif* [рец.]: *Ersoy Feyzi*. Çuvaş Alp Hikâyeleri / Ulıp Halapşem [**Чувашские сказания об Улыпях**]. Türk Dil Kurumu Yayınları. – Ankara, 2009. – 183 s. // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. – № 25. – Ankara, 2009. – S. 129–132.
43. *Kolcu Ali İhsan* (подгот.). Çağdaş Türk Dünyası Edebiyatı [**Литература современного тюркского мира**]. II. Geniş. 2. baskı. Salkımsöğüt Yayınları. Ankara, 2006. 624 s.: Çağdaş Çuvaş-Türk Edebiyatı [**Современная чувашская литература**]. S. 547–563.
44. *Şahin Erdal* [рец.]: *Ceylan Emine*. Çuvaş Atasözleri ve Deyimleri [**Чувашские пословицы и поговорки**]. Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi. X. Simurg Yayınları. – Ankara, 1996. – XXIV+200 s. // Turkic Languages. – 1/2. – Wiesbaden, 1997. – S. 312.
45. Türk Dünyası Edebiyatçıları Ansiklopedisi [**Энциклопедия писателей тюркского мира**]. – I–VIII. Atatürk Kültür Merkezi. – Ankara, 2002–2007.

46. *Yegorov Nikolay* (пер.: *Albina Kıran*). Çuvaş Mifolojisi [**Чувашская мифология**] // Türk Kültürü (Türk Kültürü Araştırmaları Dergisi). – № 2. – Ankara, 2011. – S. 131–160.
47. *Yıldırım Dursun*. Çuvaşlı Şair Ivanov ve “Narspi”si [**Чувашский поэт К. Иванов и его «Нарспи»**] // Türk Kültürü. – XIX/220. – Ankara, 1982. – S. 331–335; **То же** // Türk Bitiği (Araştırma/ İnceleme Yazıları). Akçağ Yayınları. – Ankara, 1998. – S. 259–263.
48. *Yılmaz Emine*. Çuvaş Atasözleri ve Deyimleri [**Чувашские пословицы и поговорки**]. Hacettepe Üniversitesi Yayınları. – 2. Baskı. – Ankara, 2011. – 186 s.
49. *Yılmaz Emine*. Çuvaşça Bir Aşk Öyküsü: Narspi: [**Чувашская история любви: Нарспи**] // Johanson Armağanı (Ed. *N. Demir, F. Turan*). – Ankara, 2002. – S. 403–416.
50. *Yılmaz Metin*. Çuvaş Alkış-Kargışlar [**Чувашские благопожелания и проклятия**] // Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi. – VIII. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları. – Ankara, 2007. – S. 54–87.
51. *Yılmaz Metin*. Çuvaş Atasözleri [**Чувашские пословицы**] // Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi. – VIII. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları. – Ankara, 2007. – S. 224–248.
52. *Yılmaz Metin*. Çuvaş Bilmeceleri [**Чувашские загадки**] // Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi. – VIII. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları. – Ankara, 2007. – S. 440–446.
53. *Yılmaz Metin*. Çuvaş Destanları, Oğuz Kağan ve Dede Korkut Hikâyeleri Üzerine Bir Karşılaştırma [**Сравнение рассказов об Огузкагане и Деде Коркуте с чувашскими эпическими сказаниями**] // Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi. – 242/2. – İstanbul, 2007. – S. 41–44.
54. *Yılmaz Metin*. Çuvaş Fıkraları [**Чувашские анекдоты**] // Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi. – VII. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları. – Ankara, 2006. – S. 684–703.
55. *Yılmaz Metin*. Çuvaş Manileri [**Чувашские песни çавра юрă**] // Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi. – VIII. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları. – Ankara, 2007. – S. 639–641.
56. *Yılmaz Metin*. Çuvaş Ninnileri [**Чувашские колыбельные песни**] // Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi. – VIII. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları. – Ankara, 2007. – S. 709–717.
57. *Yılmaz Metin*. Çuvaş Türküleri [**Чувашские баллады**] // Türk Dünyası Edebiyat Metinleri Antolojisi. – VIII. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları. – Ankara, 2007. – S. 894–943.
58. *Yılmaz Metin*. Çuvaşistan Meşhurları: Kul Ali. [**Чувашские знаменитости: Кул Али**] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 105/9. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1995. – S. 52–53.
59. *Yılmaz Metin*. Çuvaşlar’da Anlatılan Keloğlan (Kukşa İvan / Yıvan) Masalları [**Чувашские сказки о Кукша Иване**] // Türk Dünyası Araştırmaları. – 179. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2009. – S. 145–180.
60. *Yılmaz Metin*. Vasiliy Mitta Hayatı, Sanatı ve Eserleri [**Жизнь, творчество и произведения Василия Митта**]. Kitap Atelyesi Yayınları. – 22 (Bilimsel Eserler Dizisi. 2). – Ankara, 2007. – 332 s.
61. *Yuhma Mişşi* (*Akpars Abaydarov*) (пер.: *Metin Yılmaz*). İltımpık (Altın Bey) [**Фольклорный герой Блтайник**] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 101/5. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1995. – S. 40–41.
62. *Yüce Nuri*. Çuvaş Folklorunda İslamî Unsurlar [**Исламские элементы в чувашском фольклоре**] // II. Milletlerarası Türk Folklor Kongresi (Bursa, 22–28 Haziran 1980): Bildirileri. – I. – Ankara, 1982. – S. 323–327.
63. *Yüce Nuri*. Einige Bemerkungen über tschuwaschische Sprichwörter [**Несколько заметок о чувашских пословицах**] // Central Asiatic Journal. – XXIV/1–2. – Wiesbaden, 1980. – S. 133–137; **То же** // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – 130/3. – Wiesbaden, 1980. – S. 453–457.
64. *Байрам Бюлент*. **Образы священного волка и циклопа в огузских преданиях и чувашских богатырских рассказах** // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические: сб. научных статей. – Ч. 3. – Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2007. – С. 14–20.

История и этнология

1. *Aça Mustafa*. Trabzon-Şalpazarı Çepnileri İle Çuvaş Türklerinin Doğum Sonrası Etrafındaki İnanış Ve Uygulamaları Üzerine Bir Karşılaştırma Denemesi [**Опыт сравнения поверий и традиций, связанных с рождением ребёнка, у чепни в Трабзоне-Шалпазарах и чувашей**] // Karadeniz (Black Sea – Чёрное море). – I/1. – Ankara, 2008. – S. 21–34.
2. *Anadol Cemal*. Tarihe Hükmeden Millet Türkler [**Тюрки, правящие историей**]. Bilge Karınca Yayınları. – İstanbul, 2006. – 864 s.: Çuvaşlar [**Чуваши**]. – S. 190–194; İdil Bulgar Devleti [**Волжскобугарское государство**]. – S. 752–753.
3. *Anzerlioğlu Yonca*. Geçmişten Günümüze Türk Dünyasında Hristiyan Türkler [**Тюрки-христиане от прошлого до наших дней**] // Karadeniz Araştırmaları. – № 2. – Ankara, 2004. – S. 73–91: Çuvaşlar [**Чуваши**]. – S. 79–80.
4. *Arik Durmuş*. [дис.]: Çuvaşların Dinî İnanışları Üzerine Bir Araştırma [**Исследование религиозных верований чувашей**]. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. Doktora tezi. – Ankara, 2001.
5. *Arik Durmuş*. Çuvaşlarda Din ve Din Anlayışı [**Религия и религиозные представления у чувашей**] // Dinler Tarihi Araştırmaları. № 2 (Dinler Tarihi Açısından Din ve Din Anlayışı Sempozyumu, 20–21 Kasım 1998). – Ankara, 2000. – S. 221–264.
6. *Arik Durmuş*. Çuvaşlarda İslâm ve Çuvaş Etniğindeki Değişimde İslâm'ın Rolü [**Ислам среди чувашей и роль ислама в трансформации чувашской этнической идентичности**] // Dini Araştırmalar. – VI/16. Ankara, 2003. – S. 161–181.
7. *Arik Durmuş*. Çuvaşların Dinî İnanışları Üzerine [**О религиозных верованиях чувашей**] // International Journal of Central Asian Studies. – XI/1. – Seoul/ Korea, 2007. – S. 18–36.
8. *Arik Durmuş*. Günümüzde Çuvaş Türklerinde Hristiyanlık [**Христианство среди современных чувашей**] // Dinler Tarihi Araştırmaları. № 3. (Hristiyanlık: Dünü, Bugünü ve Geleceği konulu uluslararası sempozyum, 9–10 Haziran 2001). – Ankara, 2002. – S. 541–556.
9. *Arik Durmuş*. Hristiyanlaştırılan Türkler (Çuvaşlar) [**Христианизированные тюрки (Чуваши)**]. Aziz Andaç Yayınları. – Ankara, 2005. – 416 s.
10. *Arik Durmuş*. İslam among the Chuvashes and its Role in the Change of Chuvash Ethnicity [**Ислам среди чувашей и роль ислама в трансформации чувашской этнической идентичности**] // Journal of Muslim Minority Affairs. – XXVII/1. – London, 2007. – S. 37–54.
11. *Arslan Ahmet Ali*. Çuvaş Türkleri ve Göktanrı İnancı [**Чуваши и вера в Бога неба**] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 131/11. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1997. – S. 48–52.
12. *Bayram Bülent*. Çuvaş Türklerinin Halk Kültürünün Korunması, Aktarılması ve Şaman Tepesi [**Сохранение преемственности традиционной культуры чувашей и холм Киреметя**] // Halk Kültürlerini Koruma-Yaşatma ve Geleceğe Aktarma Uluslararası Sempozyumu (16–18 Aralık 2005) Bildirileri. – Kocaeli, 2005. – S. 122–152.
13. *Bayram Bülent*. Halk Kültüründen Modernizme Çuvaş Türklerinde Yupa [**Юпа у чувашей: от традиционной культуры до модернизма**] // Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi. – 270/6. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2009. – S. 45–50.
14. *Bayram Bülent*. Konstantin İvanov'un «Narspi» Manzumesinde Geleneksel Çuvaş İnançları [**Чувашские традиционные верования в поэме Константина Иванова «Нарспи»**] // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. – VIII/2. – Ankara, 2011. – S. 63–84.
15. *Beşevliyev V.* (пер.: T. Acaroğlu). *Proto-Bulgar Dini* [**Религия у протобугар**]. Belleten. – IX/34. Türk Tarih Kurumu Basımevi. – Ankara, 1945. – S. 213–261.
16. *Caferoğlu Ahmet*. Çuvaşlar'da Ay Adları [**Названия месяцев у чувашей**] // Halk Bilgisi Haberleri. – II/20. Eminönü Halkevi Yayınları. – İstanbul, 1933. – S. 180–182.
17. *Caferoğlu Ahmet*. Türk Kavimleri [**Тюркские народы**]. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları. – Ankara, 1983. – İstanbul, 1988. – 96 s.
18. *Czegledy Karoly* (пер.: İbrahim Kafesoğlu). Yiltavar Unvanı: Volga Bulgarları ile İslâvların X. Asırdaki Münasebeti Meselesine Dâir [**Титул yiltavar: к вопросу об отношениях между волжскими булгарами и славянами в X веке**] // Türkiyat Mecmuası. – № 9. – İstanbul, 1951. – S. 179–187.

19. *Devlet Nadir*. İdil-Ural Ekspedisyonu: Tatarlar-Başkurtlar-Çuvaşlar [**Волжско-Уральская экспедиция: татары, башкиры, чуваш**] Marmara Üniversitesi Yayınları. – 625. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Yayınları. – № 3. – Ankara, 1997. – XIV+143 s.
20. *Devlet Nadir*. İslâmiyet’i Resmen Kabul Eden İlk Türk Devleti: İdil-Bulgar [**Первое тюркское государство, официально принявшее ислам: Волжская Булгария**] // *Doğuştan Günümüze Büyük İslâm Tarihi*. – IX. – Konya, 1994. – S. 314–316.
21. *Dimitriyev V.D. (пер.: Yılmaz Metin)*. Neslimiz Nereden Geliyor? (Çuvaşların Kökeni) [**Откуда наш род? Происхождение чувашей**] // *Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi*. – № 3. – Ankara, 1997. – S. 124–134.
22. *Ergun Pervin*. Çuvaş Halk Merasimleri ve Türk Dünyasındaki Paralellikler [**Чувашские народные обряды и их параллели в тюркском мире**] // Prof. Dr. Saim Sakaoglu’na Armağan. Kömen – SOTA Yayınları. – Konya, 2006. – S. 618–633.
23. *Golden Peter B. (пер.: Egemen Çağrı Mızrak)*. Hazar Çalışmaları [**Хазарские исследования**] // *Selenge Yayınları*. – İstanbul, 2006. – S. 384. İtil Bulgarları [**Волжские болгары**]. – S. 103–105.
24. *Gömeç Saadettin*. Türk Kültürünün Ana Hatları [**Основы тюркской культуры**]. Akçağ Yayınları. – Ankara, 2006. – 386 s. Berikan Yayınları. – Ankara, 2012. – 423 s. Bulgar Kitabeleri [**Булгарские надписи**]. – S.157.
25. *Gözcü Nevzat*. Çuvaşlarda Yağmur Duası [**Чувашская молитва о дожде**] // *Folklor Dünyasından*. Yargı yayımları. – Ankara, 1991. – S. 91–97; **To же** // *Uluslararası Folklor ve Halk Edebiyatı Semineri Bildirileri* (Konya, 27–29 Ekim 1975). – Ankara, 1976. – S. 44–48.
26. *Güngör Harun*. Çuvaş Kültür ve Dini Hakkında Notlar [**Заметки о культуре и религии чувашей**]. Milli Folklor. – № 9. – Ankara, 1991. – S. 56–58.
27. *Güngör Harun*. Kama-Ural Çuvaşların Yeni Yıl Bayramı Nartukan [**Новогодний праздник нардуган у камско-уральских чувашей**] // *Nevruz ve Renkler*. 4. Atatürk Kültür Merkezi Yayınları. – Ankara, 1996. – S. 161–167.
28. *Güngör Harun*. Çuvaşların Dini Durumu [**Состояние религии у чувашей**] // *Dinler Tarihi Araştırmaları*, 1 (Sempozyum: 8–9 Kasım 1996). *Dinler Tarihi Derneği Yayınları*. – Ankara, 1998. – S. 249–255.
29. *Güngör Harun*. Çuvaşların Dini Üzerine [**О религии чувашей**]. Türk Bodun Bilimi Araştırmaları. Kum Saati Yayınları. – İstanbul, 2008. – S. 240–242.
30. *İbn Fazlan (пер.: Ramazan Şeşen)*. Seyahâtname [**Книга путешествий**]. – İstanbul, 1995. – S. 47–68.
31. *İnan Abdülkadir [рец.: Денисов П.В.]*. Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. – Чебоксары, 1959 // *Türk Kültürü*. – I/1. – Ankara, 1962. – S. 55–58; **To же** // *Cultura Turcica*. – I/1. – Ankara, 1964. – S. 183–186.
32. *İvanov İlya. [докл.]*. Çuvaş Kültürünün Komşu Rus Kültürüne Etkisi [**Влияние чувашской культуры на соседнюю русскую культуру**] // II. Uluslararası Türk Kültürü Kurultayı (3–6 Aralık 2009). Fethiye-Muğla.
33. *Kalafat Yaşar*. Balkanlar’dan Uluğ Türkistan’a Türk Halk İnançları. I: Hazara, Karakalpak, Karapapağ, Dağıstan, Nogay, Kabartay Karaçay, Karay, Ahıska, Bulgar, Gagavuz, Başkurt, Çuvaş, Altay, Kazak, Tatar Türkleri [**Народные верования от Балкан до Улуг-Туркестана: чуваш...**]. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları. – Ankara, 2002; Berikan Yayınları. – Ankara, 2007. (2. Baskı). – XII+381 s.
34. *Kalafat Yaşar*. Çuvaşistan – Başkurdistan – Tataristan [**Чувашия – Башкортостан – Татарстан**] // *Türk Dünyası Araştırmaları*. – 113. – İstanbul, 1998. – S. 69–88.
35. *Koç Dinçer*. Bulgar Boylarının Orta İdil Bölgesine Göçü ve Novinkovsk Kurganları [**Переселение болгарских племен в Среднее Поволжье и новинковские курганы**] // *Karadeniz Araştırmaları*. – VII/27. – Ankara, 2010. – S. 7–58.
36. *Kurat Akdes Nimet*. IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri [**Тюркские народы и государства Северного Причерноморья в IV–XVIII веках**]. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Geğrafya Fakültesi Yayınları. – 182. – Ankara, 1972, 1992, 2002. – 511 + h s. (S. 30, 108–118).

37. *Kurat Akdes Nimet*. Bulgar [Булгар] // İslâm Ansiklopedisi. II. Milli Eğitim Basımevi Yayınları. – İstanbul, 1944, 1961, 1993. – S. 781–796.
38. *Kurat Akdes Nimet*. Rus Hâkimiyeti Altında İdil-Ural Ülkesi (XIX. yüzyıla kadar) [Урало-Поволжье под русским господством (до XIX века)] // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. – XXIII/3–4. – Ankara, 1965. – S. 91–126.
39. *Kurat Akdes Nimet*. Rusya Tarihi: Başlangıçtan [в некоторых изданиях – Başlangıcından] 1917'ye Kadar [История России: от начала до 1917 года]. Türk Tarih Kurumu Yayınları. – XIII/17. – Ankara, 1948, 1987, 1993, 1999. – 538 + h s.
40. *Kurat Akdes Nimet*. Türkiye ve İdil Boyu [Турция и Поволжье]. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları. – 151. – Ankara, 1966. – 203 + h s. (S. 78, 86).
41. *Kurat Akdes Nimet* [реç.]: *В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков*. Ранние болгары на Волге (Большетарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 201 с. + табл. // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. – XXIII/3–4. – Ankara, 1965. – S. 257–282.
42. *Merçil Erdoğan*. Müslüman-Türk Devletleri Tarihi [История мусульмано-тюркских государств]. – İstanbul, 1985. – S. 15–19.
43. *Okay Cüneyd* (подгот. к публ.). Türk Derneği [Тюркская общность]. Akçağ Yayınları. – Ankara, 2006. – 254 s.: Çuvaşlar: İhtar ve Ehemmiyet [Чуваши: историческая миссия]. – S. 236–238; Çuvaşların Dinleri ve Asar-ı Atinaları [Чувашские ценности]. – S. 238–244.
44. *Öktem Naim*. Türkistan ve İdil-Ural Türklerin Türkiye'ye Muhaceretleri [Туркестан и переселение тюрков Урало-Поволжья в Турцию] // Türk Yurdu. – L/10. 1960. – S. 9–11.
45. *Rona-Taş Andraş* (пер.: *Arık Durmuş*). Çuvaşların Dini [Религия чувашей] // Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. – 38. – Ankara, 1998. – S. 453–456.
46. *Şengül Abdullah*. Çuvaşlardaki Bazı Törenlerin Anadolu'daki Törenlerle Karşılaştırılması [Сравнение некоторых чувашских обрядов с анатолийскими обрядами] // Türk Dünyasında Nevruz: III. Uluslararası Bilgi Şöleni Bildirileri (Elazığ, 18–20 Mart 1999). Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yayınları. – Ankara, 2000. – S. 313–329.
47. *Şengül Abdullah*. Çuvaşlardaki Bazı Törenlerin Anadolu'daki Törenlerle Karşılaştırılması [Сравнение некоторых обрядов чувашей с анатолийскими обрядами] // Yörtürk (Fikir, Kültür ve Sanat Dergisi). – 11/65. – Ankara, 2006. – S. 22–31.
48. *Taş İsmail*. Türk Düşüncesinde Kozmogoni-Kozmoloji [Космогонические и космологические представления тюрков]. Kömen Yayınları. – Konya, 2002. – 187 s.
49. *Taşğıl Ahmet*. İdil Bulgar Hanlığı [Волжскобулгарское ханство] // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. – XXI. – İstanbul, 2000. – S. 472–473.
50. *Topsakal İlyas*. Çuvaşistan'da Nevruz [Навруз в Чувашии] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 160/4. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2000. – S. 60.
51. *Türkeş-Günay Umay*. Türklerin Tarihi: Geçmişten Geleceğe [История тюрков: от прошлого к будущему]. Akçağ Yayınları. – Ankara, 2006. – 672 s.: Bulgarlar [Булгары]. – S. 129–131; İdil / Volga-Ural Bölgesinde Türkler: Çuvaşistan Muhtar Cumhuriyeti [Тюрки Волжско-Уральского региона: Чувашская автономная республика]. – S. 607–610.
52. *User Hatice Şirin*. Başlangıçtan Günümüze Türk Yazı Sistemleri [Тюркские системы письма от истоков до наших дней]. Akçağ Yayınları. – Ankara, 2006. – 406 s. Çuvaş Alfabeti [Чувашский алфавит]. – S. 154–164.
53. *User Hatice Şirin*. Etnolengüistik Açıdan «Bulgar-Çuvaş» ve «Bulgar-Tatar» Teorileri [Булгаро-чувашская и булгаро-татарская теории с этнолингвистической точки зрения] // *Pultar Gönül* [сост.]. Yirmi Birinci Yüzyılda İdil-Ural [Урало-Поволжье в XXI веке]. Tetragon Yayınları. – İstanbul, 2008. – S. 73–96.
54. *Yazıcı Nesimi*. İlk Türk-İslam Devletleri Tarihi [История первых исламо-тюркских государств]. 5. Baskı. Türk Diyanet Vakfı Yayınları. – Ankara, 2006. – XIII+447 s.: İdil (Volga) Bulgar Hanlığı [Волжскобулгарское ханство]. – S. 111–129.
55. *Yılmaz Metin*. Çuvaşistan'da Kutlanılan Bayramlarla Anadolu'da Kutlanılan Bayramların Karşılaştırılması [Сравнение праздников, отмечаемых в Чувашии, с анатолийскими праздниками] // Türk Dünyasında Nevruz: III. Uluslararası Bilgi Şöleni Bildirileri (Elazığ, 18–20 Mart 1999). Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yayınları. – Ankara, 2000. – S. 377–390.

56. *Yusipova Mileuša*. [магистр. дис.]: İdil-Ural Bölgesinde Hristiyanlığın Yayılması Üzerine Bir Araştırma (Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi) [Исследование распространения христианства в Урало-Поволжском регионе]. Ankara Üniversitesi'nin Sosyal Bilimler Enstitüsü. – Ankara, 2003. – 141 s. (S. 8, 12–18, 19–22).

57. *Yüce Nuri*. Bulgar [Булгар] // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. – VI. – İstanbul, 1992. – S. 390–391.

58. *Yüksel Ahmet Turan*. İlk Müslüman-Türk Devletlerinin Siyasi, Kültürel ve Medeniyet Tarihi Üzerine [Политическая, культурная и цивилизационная история первых мусульмано-тюркских государств]. Selçuk Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. – № 11. – Konya, 2001. İtil (Volga) Bulgar Hanlığı: VII–XV. Yüzyıl [Волжскобулгарское ханство: VII–XV века]. – S. 68–72.

59. *Zakir Kadiri Ugan*. Çuvaşların Etnografyası [Этнография чувашей] // Türk Yurdu. – I/6. – Ankara, 1925. – S. 531–542.

60. *Zimonyi İ.* Bulgarlar ve Ogurlar [Булгары и огуры] // Genel Türk Tarihi. V. Yeni Türkiye Yayınları. – Ankara, 2002.

Энциклопедические и публицистические статьи о чувашах и Чувашии

1. *Aksungur Bünyamin*. Çuvaşların Vefası [Чувашская верность]. Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 265/1. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2009. – S. 27–28.

2. *Alkan Mehmet*. Çuvaşistan Gezi Notları [Путевые заметки о Чувашии]. Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 93/9. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1994. – S. 6–11.

3. *Bayram Bülent*. Çuvaş Türkleri [Чуваши] // Türk Yurdu. – XXVIII/245. – Ankara, 2008. – S. 60–64.

4. *Bayramoğlu Faruk*. Çuvaşistan'da Şair Şeşpel, Tataristan'da Şair Tukay Günleri [Дни поэта Сеспеля в Чувашии и поэта Тукая в Татарстане] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 173. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2001. – S. 54–55.

5. Çuvaş Özerk Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti [Чувашская автономная советская социалистическая республика] // Türk Ansiklopedisi. – XII. 1964. – S. 154–155.

6. Çuvaşlar [Чуваши] // Türk Ansiklopedisi. – XII. – Ankara, 1964. – S. 161–162.

7. *Delioberoğlu Yakup*. Çuvaş Tarihi'nde Ufuk Turu [Экскурс в чувашскую историю] // Bilig (Bilim ve Kültür Dergisi). – № 4. – Ankara, 1997. – S. 22–31.

8. *Delioberoğlu Yakup*. Çuvaşistan Cumhuriyeti'nin İdari ve Ekonomik Yapısı [Административно-экономическое положение Чувашской Республики] // Türk Dünyası (Dil ve Edebiyat Dergisi). – № 2. – Ankara, 1997. – S. 1548–1552.

9. *Delioberoğlu Yakup*. Çuvaşların Yaşadığı Sahalar [Ареалы проживания чувашей] // Bilig (Bilim ve Kültür Dergisi). – № 5. – Ankara, 1997. – S. 210–213.

10. *Dönmez Yusuf*. Çuvaşistan [Чувашия]. Türk Kültürü. – II/24. – Ankara, 1964. – S. 52–54.

11. *Gordeyeva Svetlana*. Cumhurbaşkanlarımız: Çuvaşistan Cumhurbaşkanı Nikolay Fiyodorov [Наши президенты: Президент Чувашии Николай Федоров] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 100/4. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1995. – S. 32–33.

12. *Hacaloğlu Yücel* [подгот.] Türk Dünyası Gençlik Günleri ve Kurultayı (Çeboksarı-Çuvaşistan, 9–16 Eylül 1999) [Курултай и дни молодежи тюркского мира в Чебоксарах]. Türk Yurdu Yayınları. – 60. – Ankara, 1999. – 115 s. + f.

13. *Öztuna Yılmaz*. Çuvaşlar [Чуваши] // Tarih ve Politika Ansiklopedisi. Ötüken Yayınları. – İstanbul, 2006. – S. 151.

14. *Şahan Zeki*. Çuvaşistan Faaliyetlerimiz [Наши мероприятия в Чувашии] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. 140/8. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1998. – S. 31.

15. *Taş İsmail*. Çuvaşistan'ın Çubuksarı Şehrinden Notlar [Заметки из города Чебоксары в Чувашии] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. 116/8. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1996. – S. 12

16. *Timofoyev Vecislav*. Çeçenistan'daki Savaş Çuvaşistan'da Nasıl Görünüyor? [Взгляд из Чувашии на чеченскую войну] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. 100/4. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. İstanbul, 1995. S. 40–41.

17. *Tunalı Yağmur*. Tataristan-Başkurdistan-Çuvaşistan Gezi Notları [**Путевые заметки о Татарстане, Башкортостане и Чувашии**] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 129/9. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1997. – S. 4–6.
18. *Uzel Lokman*. Çuvaş Türkeli [**Чувашия – тюркская страна**] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 170/2. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 2001. – S. 28–34.
19. *Yazgan Turan*. Bugünden Tarihe Çuvaşistan [**Чувашия: от современности к прошлому**] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 182/2. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1994. – S. 7.
20. *Yılmaz Emine*. Chuvash and Chuvash Language [**Чуваши и чувашский язык**] // The Turks. – VI. – Ankara, 2002. – S. 447–455.
21. *Yılmaz Emine*. Çuvaşlar ve Çuvaşça [**Чуваши и чувашский язык**] // Türkler. – XX. Yeni Türkiye yayımları. – Ankara, 2002. – S. 110–118.
22. *Yılmaz Metin*. Çuvaşistan, Çuvaşlar ve Çuvaşça [**Чувашия, чувашии и чувашский язык**] // Türk Dünyası (Dil ve Edebiyat Dergisi). – 2. – Ankara, 1997. – S. 1537.
23. *Yuhma Mişşi* (пер.: *Andrey Sergeyev*). Çuvaşlar'ın Ataları [**Предки чувашей**] // Türk Dünyası Tarih Dergisi. – 150/6. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları. – İstanbul, 1999. – S. 21–24.
24. *Yuhma Mikhail*. Mollanur Vahidov'un Çuvaş Dostları [**Чувашские друзья Молланура Вахидова**] // *Adıgüzel Hüseyin*. Milli Komünizmin Öncüleri: Vahidov. İleri Yayınları. – İstanbul, 2006. – 416 s. – В приложении к монографии.
25. *Yüce Nuri*. Coğrafya, Tarih, Halk Bilgisi, Dil ve Edebiyat Bakımından Çuvaşlar [**Чуваши с точки зрения географии, истории, фольклора, языка и литературы**] // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten, 1994. – Ankara, 1996. – S. 205–229.
26. *Yüce Nuri*. Çuvaşlar [**Чуваши**] // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. – VIII. – İstanbul, 1993. – S. 388–392.

G.A. Degtyarev

A TURKISH DISCOURSE IN THE PARADIGM OF FOREIGN CHUVASH STUDIES

There is a short analysis of the present state of Chuvash studies abroad and the work acquaints in detail with the most dynamically developing research school of this science – the Chuvash branch of the Turkish Turcology. The work scrutinizes the circumstances that attracted scientific interest in Turkey to the Chuvash theme, the principal lines of development, and modern problematics of the Turkish “science about the Chuvash”. There is an extensive bibliographical material for new analyses and generalisations in this discourse.

Key words: Turcology, research of Chuvash culture, foreign Chuvash studies, literature about the Chuvashes in the Turkish language, Turkish-Chuvash interrelations.

ЧГВ, 2013 г., № 8
© Э.Е. Лебедев

**О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ
ДЕЕПРИЧАСТИЙ В ЧУВАШСКОМ
И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Среди глагольных категорий категория деепричастий охватывает наибольшее количество представленных в ней форм. Все они объединены общим значением адвербиальности. Несмотря на то, что изучению деепричастных форм в тюркских языках посвящали свои исследования многие известные тюркологи, до сих пор сохраняются неясности в вопросе о составе и значениях этих форм. Очень часто набор деепричастий у разных исследователей сильно отличается. Автор представляет сопоставительный анализ деепричастий, традиционно включаемых в эту категорию в чувашском и турецком языках.

Ключевые слова: деепричастие, сопоставительно-типологическое исследование, адвербиальность, состав категории деепричастий, функционально-семантический аспект, нефинитная форма.

Настоящая статья посвящена проблематике сопоставительного изучения категории деепричастий в двух генеалогически родственных языках – чувашском и турецком. Сопоставительный анализ проводится в синхроническом плане. Автором поставлена цель выявить основные типологические особенности, сходство и различия изучаемой категории в двух языках.

Для рассмотрения вопроса о содержании дефиниции «деепричастие» обратимся к «Словарю лингвистических терминов» О. Ахмановой. Здесь деепричастие определено как «именное (непредикативное) отглагольное образование, объединяемое с системой глагольных форм категориями вида и залога и общностью управления и обозначающее второстепенное добавочное действие, примыкающее к главному действию»¹. В целом это определение соответствует содержанию и характеристикам деепричастных форм в тюркских языках, так как такие их признаки, как непредикативность и обозначение второстепенного дополнительного действия, в полной мере свой-

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

ственны и тюркским деепричастиям. Но в исследуемых языках семантическая составляющая этих форм все же более разнообразна. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дается следующее определение деепричастия: «Нефинитная форма глагола (вербоид), обозначающая второстепенное действие, подчиненное главному, выраженному в предложении сказуемым или инфинитивом в различных синтаксических функциях»². Как мы видим, здесь также при определении понятия «деепричастие» основной упор сделан на такое его свойство, как нефинитность. Кроме этого, отмечены второстепенность и подчиненность действия, выраженного деепричастием, главному действию. Далее речь идет о том, что деепричастные формы, как правило, выражают семантику таксиса, что подтверждается фактами тюркских языков. Важным замечанием, на наш взгляд, является то, что «в алтайских языках деепричастие употребляется также для выражения подчиненного действия при модальных и фазовых глаголах»³. Отметим, что, например, в чувашском языке перечень подобных глаголов отнюдь не ограничивается фазовыми глаголами. Активно здесь выступают глаголы движения, глаголы чувственного восприятия, глаголы со значением эготива и адрессива и др.

В целом можно сказать, что представленные выше дефиниции вполне соответствуют материалу чувашского и турецкого языков и могут быть приняты за основу при проведении сопоставительного исследования категории деепричастия в этих двух языках.

Стоит отметить, что среди исследователей тюркских языков существуют две точки зрения на природу тюркских деепричастий. Часть тюркологов рассматривает данную категорию в узком понимании, как таксисную категорию, выражающую второстепенное действие, которое соотносится с другим, основным действием⁴. Однако мы придерживаемся более широкого взгляда на семантическую сущность деепричастных форм и считаем, что категория деепричастий в тюркских языках представляет собой систему глагольных форм, объединенных общим значением адвербиальности⁵. Так как само понятие адвербиальности включает в себя весьма широкий спектр обстоятельственных характеристик действия, количество форм деепричастий и состав передаваемых ими значений в языках тюркской группы могут быть достаточно большими. В каждом языке этой группы, соответственно, имеется свой, присущий только ему набор форм и значений, объединяемых в категорию деепричастий.

Краткий обзор работ, где рассматриваются деепричастия в чувашском языке, начнем с трудов классика чувашского языкознания Н.И. Ашмарина.

В разделе «Деепричастия» своей монографии «Материалы для исследования чувашского языка» (Казань, 1898) Н.И. Ашмарин дает следующие деепричастные формы: на *-a/-e* (деепричастие слитное), *-sa/-se* (деепричастие соединительное), *-сассăн/-сессĕн* (деепричастие условно-временное), и временные деепричастия *-массерен/-мессерен*, *-аччен/-еч-*

чен, -иччен, -нӑ/-нӗ сёмӑн⁶. Автором приводятся различные версии происхождения чувашских деепричастных форм с примерами из других тюркских языков. Более подробно эта тематика рассмотрена Н.И. Ашмариным в работе «Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2» (Симбирск, 1923). В частности, отмечается, что «деепричастия имеют в чувашском языке гораздо более обширный круг применения, нежели в русском и других европейских языках»⁷. Автором разбирается множество примеров с участием деепричастных форм, где ярко демонстрируются их различные функционально-семантические особенности⁸.

Подробное изучение деепричастий в чувашском языке мы встречаем и в работах И.П. Павлова. Учёный исследует этот вопрос с разных сторон. Проблему происхождения некоторых деепричастных форм он рассматривает в своей статье «К вопросу о происхождении двух деепричастных аффиксов в чувашском языке» (Чебоксары, 1956). Синтаксические особенности деепричастий проанализированы им в диссертационной работе «Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции» (Чебоксары, 1953). Морфологические и синтаксические особенности чувашских деепричастий И.П. Павлов детально изучает в подготовленном им для монографии «Материалы по грамматике современного чувашского языка» разделе «Деепричастие»⁹ и в работе «Хальхи чӑваш литература чӗлхи» (Чебоксары, 1965). По мнению автора, деепричастие – «неизменяемая (по лицам, числам и временам) форма глагола, выражающая признак действия и выступающая в предложении в роли обстоятельства»¹⁰. Деепричастия в чувашском языке по своему происхождению, с точки зрения И.П. Павлова, делятся на две группы: первичного образования и вторичного образования. К первой группе относятся следующие формы: на -са/-се, -сан/-сен (-сас-сӑн/-сес-сӑн), -а/-е. Вторую группу составляют деепричастия с аффиксами -иччен, -массерен/-мессерен, -нӑсем/-нӗсем (-нӑсемӑн/-нӗсемӑн), -нӑранпа/-нӗренпе, -уӑн/-ӗсӑн. Справедливо указывается на то, что формы из первой группы имеют большее количество значений и функционально более разнообразны, чем представители второй группы деепричастных форм¹¹.

Н.А. Андреев в монографии «Чӑваш чӗлхин стилистики. 2-мӗш пай. Морфологи» (Чебоксары, 1964) справедливо отмечает, что деепричастия в чувашском языке могут обозначать как основное действие, так и дополнительное. Например, в аналитических формах (по терминологии автора – «сложные глаголы») деепричастие на -са/-се сообщает основное действие: *Шыв юкса кайрӗ* «Вода утекла»; а в свободных словосочетаниях – дополнительное действие: *Шыв кӗрлесе юхать* «Вода течет, бурля»¹². Состав и классификация деепричастий, приведенных в этой работе, совпадают с теми, что приводятся в работах И.П. Павлова. Названия деепричастных форм повторяют названия, данные еще Н.И. Ашмариным¹³. Автор приводит также примеры, когда разные деепричастные формы могут заменять друг друга, то есть являются синонимичными: *тӑра юл* – *тӑрса юл*, *юрла*

яр – юрласа яр, пынине курсан – пынине кура, кун чухлĕ пурăнсан – кун чухлĕ пурăнса и др.¹⁴

В коллективной работе «Чăваш чĕлхи» (Чебоксары, 2012) деепричастию в чувашском языке дано следующее определение: *глаголăн сăпат-сăр форми, вăл тĕп ĕç сумаңчи хушăмлă ĕçe пĕлтерет* «неличная форма глагола, которая обозначает дополнительное действие при основном действии»¹⁵. Деепричастные формы, по мнению автора (данный раздел подготовлен Л.П. Сергеевым), делятся на две группы: *авалах пулса кайнă деепричастисем* «деепричастия, образовавшиеся давно», к которым относятся формы на *-са/-се, -сан/-сен (-сассăн/-сессĕн), -а/-е*; и *хальтерех пулса кайнă деепричастисем* «деепричастия, образовавшиеся недавно» – *-иччен, -уçăн/-ўçĕн*¹⁶. Заметим, что в этом труде из списка деепричастных форм исключены отмечавшиеся в более ранних работах других авторов формы на *-массерен/-мессерен, -нăсем/-нĕсем (-нăсемĕн/-нĕсемĕн), -нăранпа/-нĕренпе*.

К вопросу о составе и значениях деепричастий в чувашском языке обращались и зарубежные тюркологи. Рассмотрим вкратце работы некоторых из них. Классик европейской тюркологии XX в. Й. Бенцинг исследует чувашские деепричастия в своей статье «Das Tschuwaschische», изданной в сборнике «Philologiae turcicae fundamenta» (Wiesbaden, 1959). Автор выделяет деепричастия на: *-а/-е, -са/-се, -сан/-сен, -сассăн/-сессĕн, -иччен, -уçăн/-ўçĕн* (форма на *-сассăн/-сессĕн* дана Й. Бенцингом отдельно от формы на *-сан/-сен*)¹⁷. Дж. Крюгер в монографии «Chuvash manual» (Bloomington, 1961) отмечает, что деепричастия в чувашском языке – это «формы, произошедшие от глаголов, которые не спрягаются ни по лицам, ни по числам, ни по временам»¹⁸. Автор пишет, что деепричастия служат для передачи дополнительного действия по отношению к главному действию и не могут завершать высказывание¹⁹. В работе представлены следующие деепричастные формы: подчиненное деепричастие на *-а/-е* (subordinate), соединительное деепричастие на *-са/-се* (coordinate), прошедшее деепричастие на *-сан/-сен (-сассăн/-сессĕн)* (past gerund), предшествующее деепричастие на *-иччен* (antecedent). Остальные деепричастия Дж. Крюгер определяет в одну группу (у автора – other forms): *-массерен/-мессерен, -нăранпа/-нĕренпе, -уçăн/-ўçĕн, -атишăн/-етишĕн*²⁰. А. Паржимиев выделяет две группы деепричастий в чувашском языке: первичные и вторичные. К первым она относит формы на *-а/-е, -са/-се, -сан/-сен, -сассăн/-сессĕн*, ко вторым – формы на *-иччен, -массерен/-мессерен, -нăсем/-нĕсем (-нăсемĕн/-нĕсемĕн), -нăранпа/-нĕренпе, -уçăн/-ўçĕн, -атишăн/-етишĕн, -каç/-кач* (по словам автора, эта форма встречается в диалекте чувашей Башкортостана)²¹. У Ф. Эрсоа состав чувашских деепричастий несколько иной, чем у других авторов. В качестве отдельной деепричастной формы он выделяет форму отрицательного статуса деепричастия на *-са/-се – -масăр/-месĕр*. Кроме этого, им добавлены формы на *-нăран/-нĕрен, -нăишăн/-нĕишĕн* и *-нă чух/-нĕ чух (-нă чухне/-нĕ чухне)*²². О правомерности включения этих форм в состав деепричастных скажем чуть ниже.

Как мы наблюдаем, в качестве критериев классификации деепричастий в чувашском языке различными авторами используются следующие признаки: формальный (по способу образования) – например, первичного и вторичного образования; семантический (по значению) – слитные, соединительные, условные, временные и др.; хронологический – образовавшиеся давно и недавно.

В ходе анализа работ, где исследуются деепричастные формы в чувашском и турецком языках, выявлено существование различных подходов к вопросу о составе подобных форм в изучаемых языках у отечественных и зарубежных авторов. Если отечественные тюркологи относят к деепричастиям лишь синтетические, как правило, непроемные или «первообразные» (термин употреблен Т.А. Бертагаевым)²³ формы, то зарубежные исследователи с полным правом включают в эту категорию и аналитические формы, образованные от так называемых причастий в сочетании с разными падежными аффиксами и послелогом. Это в первую очередь относится к составу деепричастных форм в турецком языке. Например, Х. Эдискун и у Г.Л. Льюис помимо стандартных, то есть описываемых и в работах отечественных авторов, форм турецкого языка на *-(y)ip*, *-(y)arak*, *-(y)ken*, *-madan*²⁴, в разделе «Деепричастия» приводят и аналитические формы на *-dığ̃ı halde*, *-dığ̃ı takdirde*, *-dığ̃ı (-acağ̃ı) zaman*, *-diktan sonra*, *-dığ̃ı (-acağ̃ı) gibi*, *-dığ̃ı (-acağ̃ı) kadar* и производные синтетические формы деепричастий, такие как с аффиксами *-dığ̃ından*, *-mecesine*, *-makla*, *-maktan* и др.²⁵ Речь идет о разнице в подходах к вопросу о включении или невключении вышеуказанных аналитических форм в разряд деепричастных в традициях отечественной и зарубежной тюркологии. В работах по отечественной тюркологии очень часто подобные аналитические формы рассматриваются как явления синтаксического уровня²⁶ (у А.Н. Кононова, кстати, сам раздел «Деепричастия», где представлены и синтетические формы, также отнесен к синтаксису). В разделах, посвященных морфологии, эти сочетания упоминаются лишь вскользь, при этом полностью отсутствует какое-либо их теоретическое осмысление. Последнее характерно и для работ по грамматике чувашского языка. Между тем вопрос о включении данных форм в раздел морфологии или синтаксиса чувашского языка и о теоретическом обосновании этого включения обладает особой актуальностью по той причине, что эти формы (или сочетания форм) весьма распространены в речи, но по причине неопределенности их статуса, которая существует в настоящий момент, не рассмотрены должным образом в грамматиках по чувашскому языку.

Выбор зарубежных авторов в данном вопросе основан на функционально-семантическом подходе. Здесь определяющим является то, что эти формы передают адвербиальные значения. Основываясь на этом, исследователи включают их в разряд деепричастных форм. Насколько оправданно такое решение, сказать трудно. Если форму на *-diktan sonra* «после того, как» считать деепричастием, то тогда форму на *-dığ̃ını* – форму на *-dik* с

аффиксами принадлежности и винительного падежа по этой логике стоит считать формой имени действия. То же самое и в чувашском языке. Если форма на *-нӑ хыççӑн* – это деепричастие, то на *-нине* должна быть именем действия. Однако большинство авторов, на наш взгляд, вполне оправданно считают формы на *-dıktan sonra* и *-dığını* все же производными (или комбинированными) формами от субстантивно-адъективной формы на *-dik*, а сочетание на *-нӑ хыççӑн* и форму на *-нине* производными от причастия на *-нӑ*, в турецком и чувашском языках соответственно. Таким образом, вопрос о включении (или невключении) производных от субстантивно-адъективных форм и имен действий сочетаний и форм в состав деепричастий в тюркских языках подлежит дальнейшему теоретическому осмыслению.

* * *

Принимая во внимание все вышесказанное, очертим круг тех форм, которые с большим основанием можно включить в разряд деепричастных в турецком языке. К ним, на наш взгляд, относятся формы на *-(y)ip*, *-(y)arak*, *-(y)ınca*, *-(y)ıncaya kadar*, *-(y)alı*, *-madan*, *-casına*, *-(y)ken*, *-dikça*, *-maksızın*, *-(y)a...-(y)a*, *-ar...-maz*, *-dı mı*.

Рассмотрим каждую из них в отдельности:

1. Форма на *-(y)ip/- (y)ip/- (y)up/- (y)üp*

Эта форма широко распространена в языках так называемой «общетюркской группы», прежде всего в огузских и кыпчакских. В чувашском языке она отсутствует, полным ее синонимом можно считать форму на *-ca/-ce*. Означает действие, которое, как правило, происходит до (иногда во время) действия, выраженного финитной формой глагола.

Sessizce kapıyı açıp içeri girerken, “*Dosdoğru sür*,” dedi (Artemis) – «Бесшумно **открыв** дверь и сев в машину, он сказал: “Езжай прямо”».

Öyleyse ne yazarsın böyle durup dinlenmeden? (Güntekin) – «Тогда что же ты пишешь так **стоя**, не отдыхая?»

2. Форма на *-(y)arak/- (y)erek*

Значение этой формы состоит во временной связанности действия, выраженного основой глагола, с другим действием, значение которого заключено в основе финитной формы глагола. Как правило, оно является одновременно с ним, но в некоторых случаях может ему предшествовать. По своему формальному показателю совпадает с чувашской формой сравнения на *-рах/-рех* в сочетании с деепричастием на *-а/-е*: *-арах/-ерех*. Однако по своим значениям эти две формы не совпадают, так как в чувашском языке аффикс *-рах/-рех*, присоединенный к деепричастию на *-а/-е*, указывает на слабое развитие действия: *сыхланарах* «несколько настораживаясь», *тӗлӗнерех* «несколько удивляясь» и др. В турецком же языке подобное значение формы отсутствует. Возможно, в данном случае изначальное значение сравнения у турецкого аффикса *-(y)arak/- (y)erek* впоследствии полностью исчезло.

O gece, ana caddeyi gözden yitirmemeye çalışarak ara sokaklardan

yürüdük (Şafak) – «В ту ночь мы бродили по проулкам, **стараясь** не терять из вида главную улицу».

“*Kaçmayı aklına bile getirme,*” dedi uyuyan adamları **göstererek** (Artemis) – «”Даже и не думай убежать”, – сказал он, **указывая** на спящих людей».

Семантика деепричастия на *-(y)arak* не содержит дополнительных смыслов, указывающих на способ соотнесенности двух действий. Она отражает эту соотнесенность в самом общем виде.

3. Форма на *-(y)ınca/- (y)ince/- (y)unca/- (y)ünce*

В отличие от значения предыдущей формы, значение деепричастия на *-(y)ınca* более специфично. Оно также передает соотнесенность двух действий, однако эта соотнесенность выражена в небольшом временном промежутке между ними: как только заканчивается действие, значение которого передано этим деепричастием, так сразу начинается другое действие, передаваемое финитной формой.

Bu hayal kafamda ışımaya başlayınca neler hissettiğimi açıklayabilmek için onu en belirgin şekliyle ilk hissettiğim anlardan birini anlatmalıyım (Ramuk) – «**Как только** эти видения **начинают** возникать в моей голове, я должен рассказать все, что я чувствую, с самого первого мгновения этого чувства в наиболее точной форме».

Эта форма вполне может иметь и отрицательный статус. В этом случае за действием, которое должно было произойти, но не произошло, сразу следует другое действие:

Büyükannem, sabaha karşı uyanıp da beni yatağında göremeyince çıldırarak gibi olmuş... (Güntekin) – «Моя бабушка, проснувшись утром и **не застав** меня в постели, чуть не сошла с ума...»

4. Форма на *-(y)ıncaya kadar/- (y)inceye kadar*

Деепричастие на *-(y)ıncaya kadar* образовано аналитическим путем: к форме на *-(y)ınca* присоединяются аффикс дательного падежа и послелог *kadar*, при этом, надо полагать, наличие формы дательного падежа обусловлено именно послелогом, так как он в большинстве случаев требует этого падежа. Соответственно, и значение всей образовавшейся формы определяет послелог *kadar* – предел совершения действия, выраженного в основе. Как мы видим, от значения изначальной формы деепричастия на *-(y)ınca* здесь уже ничего не осталось.

Gözlerini üzerimden ayırmadan, ben ne demek istediğimi anlayıncaya kadar bu hareketi yapmayı sürdürmüştü (Şafak) – «Не сводя с меня глаз, он продолжал совершать это движение **до тех пор, пока не понял**, что я хочу сказать».

Müdirenin söylediğine göre, ders esnasında komşularımı lakırdıya tutmamayı, uslu uslu muallimi dinlemeyi öğreninceye kadar orada bir sürgün hayatı geçirmeye mahkûmdum (Güntekin) – «Как сказала директриса, я была осуждена на изгнание туда, **пока не научусь** не отвлекать разговорами во время урока своих соседок и внимательно слушать учителя».

5. Форма на -(y)alı/-(y)eli

Данная форма имеет значение начала совершения действия, выраженного основой, а если точнее – временной точки, с которой оно начинается. Это действие также соотнесено с другим действием, которое происходит после него.

*Harem alayı yola **çıkalı** çok olmuş, güneş iyice yükselmişti* (Artemis) – «С тех пор как вся процессия из гарема **отправилась** в путь, прошло много времени – солнце уже поднялось высоко».

Возможен аналитический вариант этой формы, который образуется сочетанием формы прошедшего категорического времени глагола с деепричастием -(y)alı.

*Kendini **bildi bileli** saraydaydı Cafer* (Artemis) – «Джафер, **сколько себя помнит**, всегда жил во дворце».

6. Форма на -madan/-meden

Эта форма имеет два значения. Первое значение синонимично значению деепричастия на -(y)ıp в отрицательном статусе. К слову, эта форма используется в речи гораздо чаще, чем на -maııp/-meııp. Никаких дополнительных смыслов она не несет.

*Nihayet annemin hastalığı artınca babam, hiç olmazsa onu İstanbul'a götürmek için bir ay izin istemiş ve cevap **beklemeden** yola çıkmış* (Güntekin) – «Когда болезнь матери стала прогрессировать, наконец отец, уже месяц просивший разрешения, чтобы отвезти ее в Стамбул, **не дождавшись** ответа, отправился в путь».

Второе значение этой формы передает условие, при котором может совершиться другое действие. Действие, выраженное глаголом в финитной форме, не произойдет до тех пор, пока не будет произведено действие, выраженное деепричастием на -madan.

*“Yılanın başını **koparmadan** bana da şehzadelerime de rahat yok”* (Artemis) – «**Пока** мы **не свернем** голову змее, ни мне, ни принцам покоя не будет».

*Kimse **görmeden**, bir yerlerden ayakkabı bulmalıydım* (Şafak) – «**Пока** никто **не видел**, я должен был где-нибудь найти обувь».

7. Форма на -casına/-cesine

Аффикс этой деепричастной формы может присоединяться либо к аффиксу настоящего-будущего времени на -r: -rcasına/-rcesine, либо к форме прошедшего субъективного времени на -mış: -mişcesine. Ее значение – образ совершения действия со смыслами притворства, кажущегося действия или попытки совершения действия²⁷.

*O söylerken, ben tömbekinin dumanından **boğulurcasına** öksürüp duruyordum* (Nesin) – «Пока он говорил, я кашлял, **задыхаясь** дымом от кальяна».

*Ne ağlamalarım, ne kendimi **mahvedercesine** geçmişi tamire çalışışım fayda vermedi* (Ali) – «Ни мои слезы, ни мои попытки **до самоуничтожения** изменить прошлое, не принесли пользы».

8. Форма на *-(y)ken*

Форма временного деепричастия. Его значением является одновременность протекания действия в соотнесении с другим действием, передаваемым, как правило, финитной формой глагола.

Аффикс имеет только один вариант, соответственно, он не подчиняется закону гармонии гласных звуков, не уподобляется гласному предыдущего слога. Другой особенностью этой формы является то, что аффикс деепричастия присоединяется к временным аффиксам, в большинстве случаев к аффиксам настоящего-будущего времени *-ir*. Хотя может присоединяться и к аффиксам других времен: *-diken*, *-acakken*.

Есть еще одна особенность этой формы, которая заставляет в некотором роде усомниться в том, является ли она на самом деле деепричастием или представляет собой особую межчастеречную форму наподобие форм прошедшего категорического времени и условной модальности. Форма на *-(y)ken* может присоединяться и к именным частям речи. Например: *çocukken* «когда был ребенком», *küçükken* «когда маленький», *evdeyken* «когда дома».

*Adamlar ayakuçlarına basarak ona doğru **yaklaşırken** ellerinde kocaman bir örtü olduğunu farketti Aleksandra* (Artemis) – «**Когда** люди на цыпочках **приблизились** к ней, Александра заметила в их руках большое покрывало».

*Yanımdan **geçerken** kalemimin iyi yazmamasından şikâyet eder gibi yapar, onu şiddetle sallayarak zavallının bembeyaz yakasına mürekkep sıçratırdım* (Güntekin) – «**Проходя** мимо него, я силой встряхнула свою ручку, как будто жалуясь на то, что она плохо пишет, и поставила бедняге на снежно-белый воротник чернильное пятно».

Встречаются случаи, когда форма на *-(y)ken* сочетается и с отрицательным статусом настоящего-будущего времени:

*En nefret ettiğim şey, maç çıkışlarında, birbirlerini ite ite ilerleyen tıksık tıksık erkekler kalabalığının bacakları arasında sıkışıp hapsolmek, burada nefes **alamazken** bütün dünyayı, buruşuk pantolonlar ve çamurlu ayak-kabılardan yapılmış karanlık ve havasız bir erkek bacakları ormanı olarak görmektir* (Pamuk) – «Ситуацией, которую я ненавидел более всего, было попасть в толпу выходящих с матча и толкающих друг друга мужчин, **когда невозможно глотнуть** воздуха и мир видишь сквозь темный, без просвета, лес ног мужчин в смятых брюках и грязных ботинках».

*“Hiçbir rüzgâr **esmezken** sular bazan sanki kendi içlerinden gelen hafif bir ürperişle menevişlenirdi,” diye yazar A.Ş. Hisar* (Pamuk) – «**Когда не было** никакого ветерка, вода иногда волновалась будто от легкого толчка, приходящего откуда-то изнутри», – пишет А.Ш. Хисар».

9. Форма на *-dikça*

У этой формы имеются два временных значения: а) значение дискретности во времени (русс. *каждый раз, как ...*); б) значение меры совершения действия (русс. *по мере того, как ...*):

а) *Sana **baktıkça** her bahar çiğdem açan kırlarda koşturduğum çocukluğum geliyor aklıma* (Artemis) – «**Каждый раз, когда смотрю** на тебя, мне приходит на память мое детство, когда каждую весну я бегал по цветущим полям».

б) *Şeker, yavaş yavaş **eridikçe** başımı iki tarafa sallıyor, dilim serbest olmadığı için el hareketleriyle ona fondanın lezzetindeki fevkalâdeliği anlatıyordum* (Güntekin) – «**По мере того, как** сахар медленно **таял**, я качала головой и потому, что мой рот был занят, жестами показывала ему, как прекрасен вкус конфет».

Оба значения имеют достаточно однородный характер, что позволяет им сосуществовать в рамках одной формы. Общее значение формы на *-dikçe* может быть выражено следующим определением: представление действия как процесс, распределенный во времени на некое множество промежутков. Причем во втором случае в каждый из последующих промежутков времени интенсивность развития действия возрастает.

10. Форма на *-maksızın*

Фактически эта форма является синонимом формы на *-madan* и формы на *-(y)arak* в отрицательном статусе. Отличие, возможно, состоит только в меньшей употребительности ее в речи. А.Н. Кононов пишет, что данное деепричастие «выражает развернутое обстоятельство образа действия»²⁸.

*Evet, Orhan Bey, işi edepsizliğe **dökmeksizin** baba çöplüğünde genç horoz gibi eşinmeye girişmişti* (Tahir) – «Да, Орхан-бей, **пока** дело **не приняло** характер бесстыжего действия, отец продолжал рыться на помойке, подобно молодому петуху».

*Bu kitapların hiçbirisi arzusuna göre değildi; bazıları budalaca hayali, bazıları hayvanca hakikiydi, bazıları da o kadar sönüktü ki, okunduktan sonra hatırdaki hiçbir iz **birakmaksızın** kapanıp gidiyordu* (Karaosmanoğlu) – «Ни одна из этих книг ей не нравилась, содержание некоторых из них состояло из глупых мечтаний, одни были до неприличия правдивы, а другие – такими скучными, что сразу после их прочтения забывались, **не оставляя** и следа».

11. Форма на *-(y)a...-(y)a*

Полностью соответствует аналогичной деепричастной форме в чувашском языке. Причем повторяются деепричастия, образованные не только от одной основы глагола, но и от разных основ: *düşe kalka* «падая и вставая». Действие, передаваемое значением основы, является одновременным с основным действием в высказывании.

Ağlaya ağlaya sığınır dul bir ananın koynuna (Y. Kemal) – «**Плача**, он прячется на груди одной матери-вдовы».

Titreye titreye kalktım (Ali) – «**Дрожа**, я поднялся».

12. Форма на *-ar...-maz*

Значение этой формы состоит в том, что действие, передаваемое основой глагола, к которому присоединяются аффиксы деепричастия, здесь тесно связано с последующим действием, выраженным другой глагольной

основой. При этом последующее действие происходит непосредственно за первым – между ними практически не существует паузы.

*Gözlerini yummuş, **yumar yummaz** da oracıkta uyuyakalmış* (Nesin) – «Он закрыл глаза и, **как только закрыл**, сразу заснул».

То, что это уже достаточно адвербиализованная форма, подтверждается отсутствием у нее аффиксов лица. Субъект действия мы можем определить либо при помощи дополнительных лексических средств (личных местоимений), либо по личным аффиксам финитной формы глагола.

*Trenden **iner inmez**, memleketimin Haziran güneşiyle ısınmış toprağını öptüm* (O. Kemal) – «**Не успел я сойти** с поезда, как стал целовать землю моей страны, согретую лучами июньского солнца».

Данная форма обладает некоторыми особенностями, отличающими ее от других форм категории деепричастий в турецком языке. Во-первых, это аналитическая форма, образованная редупликацией одной глагольной основы сначала в положительном, затем в отрицательном статусе. Во-вторых, она не имеет своего отдельного деепричастного аффикса, а образована аффиксами глаголов так называемого настоящего-будущего времени, которые в обычных случаях их функционирования изменяются по лицам и могут выступать в качестве финитной формы. Причиной включения этой формы в категорию деепричастных явилось то, что в функционально-семантическом аспекте она выполняет основное требование, предъявляемое к этим формам, – имеет достаточную степень адвербиализации.

13. Синонимом предыдущей формы является форма на *-dı mı*, которая образована путем адвербиализации вопросительной формы прошедшего категорического времени. Может изменяться по лицам, что в целом нехарактерно для деепричастий турецкого языка.

– *Gördün ya, nasıl vuracaksın ayağını, dedi, bir **vurdun mu** sanki yer yarılacak, deprem olmuş gibi sarsılacak ortalık...* (Nesin) – «Ты видел, как ты должен стучать ногой, – сказал он. – **Как стукнешь**, будто вот-вот земля разверзнется, все вокруг затрясется, как после землетрясения».

*Bir kere de onlarla laubali **oldunuz mu** size malik oldukları her şeyi verirler ve onlar bizim isteyebileceğimiz her şeye fazlasıyla maliktirler* (Ali) – «**Как** только вы с ними разок **поведёте** себя непринужденно, так они дадут вам все, чем обладают, а обладают они всем, больше, что мы можем пожелать».

Несмотря на то, что основа этой формы представляет собой аффикс прошедшего категорического времени, с приобретением адвербиального значения она теряет семантику прошедшего времени и передает лишь значение действия, связанного с другим действием, то есть является полным синонимом формы на *-ar...-maz*.

* * *

Категорию деепричастия в чувашском языке составляют формы со следующими аффиксами: *-sa/-se*, *-сан/-сен* (*-сассăн/-сессĕн*), *-иччен*, *-нă-*

сем(сн)/-нӗсем(сн), -а(рах)/-е(рех), -массерен/-мессерен, -уӗӗн/-ӗӗсн, -нӗ-ранпа/-нӗренне. Считаем, что к указанным выше формам с полным правом можно причислить и форму на *-аспа/-еспе*. Эта форма обычно не включается в разряд деепричастных в исследованиях отечественных тюркологов по грамматике чувашского языка. Ее не найдем среди деепричастий, например, в таких работах, как «Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1.» (Чебоксары, 1957) или «Хальхи чӗваш литература чӗлхи» (Шупашкар, 1965). И.А. Андреев говорит о ней, как о форме творительного падежа причастия на *-ас/-ес*²⁹. Между тем явно выраженное временное адвербиальное значение этой формы указывает на то, что ее семантическая связь с причастием на *-ас/-ес* уже практически утеряна, и мы можем считать ее деепричастием.

Рассмотрим указанные формы деепричастий:

1. Форма на *-са/-се*.

В функционально-семантическом плане эта форма соответствует формам на *-(y)ip* и *-(y)arak* в турецком языке, то есть обладает значением соотнесенности во времени действия, выраженного основой глагола, с другим действием. Эта соотнесенность может быть как одновременной, так и разновременной (предшествование одного действия другому).

Васансемпе шырансенче сӗрӗне шӑнкӑртатнӑ шыв сасси сӑмне кайӑк-кӗшӗк чӗсӗтетни, вильӑх-чӗрлӗх ӗнӗрлени, уӗӗлса хупӑнакан алак-хапха чӗриклетни, йытӑ вӗрни, автансем каҫса кайса авӑтни, ҫынсем ҫуйхаши тата ытти сӗр тӗрлӗ сасӑсем хутишӑнаҫӗ (Кипек) – «К шуму бурлившей всю ночь по ложбинам и оврагам речки примешиваются сотни других звуков: гомон птиц, мычание скота, скрип **открывающейся** и закрывающейся (досл. «которая, **открываясь**, закрывается». – Э.Л.) двери, лай собаки, кукареканье петухов, крики людей».

Атӑл ҫинчен килекен лӑпкӑ ҫил варкӑшӗ пите сӗртӗнсе ачашилат (Ефимов) – «Дуновение ветра с Волги ласково обдаёт лицо» (досл. «**обдавая**, ласкает»).

Паян та хӑна ҫуртне ҫитичченех вӑл сывлӑха сыхлас енӗне центр уҫасси, производство склачӑсем тӑвасси тата чугун ҫул станцине лартмалли лаптӑка пӗчӗклетесси ҫинчен шухӑшласа утрӗ (Вутлан) – «И сегодня, пока добирался до гостиницы, шёл, **размышляя** об открытии центра здоровья, возведении производственных складов и уменьшении площади для строительства железнодорожной станции».

Пожалуй, это единственное в чувашском языке деепричастие, которое в некоторых говорах может выступать в качестве финитной формы, разрушая при этом общее представление о нефинитности деепричастий. Например, в верховом диалекте чувашского языка предложение *Вӑл паян ӗҫе кайса* – «Он сегодня ушел на работу» по значению соответствует литературному *Вӑл паян ӗҫе кайнӑ (кайрӗ)*, где в роли сказуемого выступает либо форма причастия прошедшего времени, либо форма глагола прошедшего очевидного времени. Возникает вопрос: какие факторы способ-

ствуют тому, чтобы деепричастная форма на *-sa/-se* стала выступать в качестве глагольной временной финитной (но безличной) формы? Заметим, что подобное явление встречается также в азербайджанском языке, а также в финно-угорском – марийском – языке.

Стоит также отметить, что деепричастие на *-sa/-se* (как и деепричастие на *-(y)ir* в турецком языке) часто выступает в качестве форманта знаменательной части аналитических форм, передающих акционсартовые значения, сочетаясь с различными вспомогательными глаголами-аспектуализаторами. Это явление особенно широко распространено в тюркских языках Поволжья и Средней Азии. Форма на *-sa/-se* в этих случаях теряет свое адвербиальное значение соотнесенности, так как глагол, выражающий сопутствующее действие, подвергается грамматикализации и его новое грамматическое значение передает лишь ту или иную акционсартовую характеристику основного действия, выраженного деепричастной формой. В этой связи мы не видим необходимости рассматривать подобные случаи в нашей статье.

2. Форма на *-сан/-сен*.

Данная форма интересна тем, что она может иметь два значения. Одно из них – значение условия совершения действия, другими словами – значение условной модальности. Оно эксплицируется контекстуальным окружением, прежде всего средствами лексического уровня языка. Вариантом формы в подобном значении является форма на *-сассан/-сессен*.

Второе значение – собственно адвербиальное значение одновременной соотнесенности с другим действием.

Нимёс фашисёсене сёнтерсен пире Маньчжурие самурайсем-не сапашма ячёс (Артемьев) – «**Когда победили** немецких фашистов, нас направили в Маньчжурию воевать с самураями».

Энё сёре кёрсен кайран ху ачусене, вёсен ачисене сакна каласа кайтарт (Юхма) – «**Когда я умру**, потом расскажи об этом своим детям и детям их детей».

Отличие значения этого деепричастия от значения формы на *-sa/-se* состоит в том, что в данном случае отсутствует актуализация действия во времени. Как правило, оно происходит либо в прошлом, либо в будущем.

3. Форма на *-иччен*.

Имеет два значения. Одно из них – значение сравнения. Собственно говоря, данное значение в чувашском языке (как, впрочем, и в турецком) в случаях с именными частями речи в основном передается формой исходного падежа на *-ран/-рен, -тан/-тен, -чен*. Является ли формант *-иччен* производным от аффикса исходного падежа, сказать сложно. Но значение этой формы несколько выпадает из общего ряда деепричастных значений.

Куш умёнче мухтаса куш хысёнче хурличчен сынна тёрёрен калани лайахрах (Збанацкий) – «Говорить правду человеку лучше, **чем** хвалить в глаза и **хулить** за глаза».

Другое значение полностью соответствует нашим понятиям о деепричастных значениях, это – значение предела во времени.

Сана качча **иличченех** вилсе **выртӑн тата** (Агаков) – «Умру ещё, так и **не взяв** тебя замуж».

4. Форма на *-нӑсем(ӗн)/-нӗсем(ӗн)*.

Форма со значением совершения действия с усилением его дальнейшего развития. Часто встречается в связке с глаголом в личной форме, образованном от той же основы:

Урамра халӑх **пустарӑннӑсемӗн пустарӑнать** (Илпек) – «Народу на улице **все больше и больше**» (досл. «народ **всё собирается и собирается**»).

Пӑйӑлтатнӑ, ассӑн сывланӑ **сасӑсем вӑйланнӑсем вӑйланса пырасӑ** (Терентьев) – «Шёпот, тяжёлые вздохи **все более и более усиливаются**».

Малтан хавас кӑмӑлтах та йышӑнмарӗ вӑл мана, **калаҫнӑсем вара кӑмӑлӗ уҫӑлса пычӗ унӑн** (Емельянов) – «Сначала он не принял меня радушно, но потом, **по мере** продолжения **разговора**, становился приветливее».

5. Форма на *-а(рах)/-е(рех)*.

Деепричастие на *-а/-е* по своим значениям и функциям достаточно близко к деепричастию на *-са/-се*, то есть также передает значение действия, сопутствующего основному действию. Правда, в речи встречается гораздо реже. Чаще всего бывает в редуцированном виде:

Анчах, чӗлхе **таҫта та ҫитерӗ, ҫынсенчен ыйта-ыйта тупрӑсех** (Мранькка) – «Язык куда угодно доведет, **поспрашивая** у людей, все же наши».

Амӑйшӗ Унтрие **вӑрҫа-вӑрҫа ӗҫлеттерет, васкатать** (Элкер) – «Мать, **ругая**, заставляет Андрея работать, торопит».

Распространены случаи функционирования этого деепричастия в составе аналитических форм со вспомогательными глаголами. Например:

Пӗр Шерккей кӑна килте тарӑн шухӑша кайса, ним **тӑва пӗлмесӗр** аптраса юлчӗ (Илпек) – «И только Шеркей дома остался, погрузившись в глубокие раздумья, не зная, что **делать**».

Хайхискер, ҫулӑн пӗр енне тинкеререх пӑхатӑн та – **вырта парать** ҫак пиншак (Илпек) – «Между тем смотрю я внимательно на край дороги – **валяется** этот самый пиджак».

В случае с аналитической формой со вспомогательным глаголом *пӗл-* передается модальное значение невозможности совершения действия. А сочетание деепричастия основного глагола на *-а/-е* со вспомогательным глаголом *пар-* имеет аспектуальное значение интенсивности протекания действия.

Эта форма часто встречается с аффиксом сравнения *-рах/-рех*, который вносит семантику ослабленности совершения действия («слегка, чуть»).

Палламасан та, ку хӗрарӑм пупӑн стрепкине чухланипе **куларах хуравларӗ** (Мранькка) – «Даже если не узнал, догадавшись, что эта женщина – стряпуха у попа, ответил, **чуть улыбаясь**».

6. Форма *-массерен/-мессерен*.

Значение этого деепричастия – кратность совершения действия («всякий раз, как»). Соответствует турецкому деепричастию на *-dikça*.

Зина пуринчен малтан йна ташила йыхърни, тъл пулмассерен йишйән калашма хятланни Федя чърине шанъс къртнѣччѣ (Мранькка) – «То, что Зина раньше всех пригласила его на танец и **при каждой встрече** приветливо с ним говорила, вселяло надежду в сердце Федеи».

Хйй въл чухън, таса чунлă этем, унън виѣмессеренех е тонни-тоннипе ытлаиши тырă тухатчѣ, е тонни-тоннипе ситместчѣ (Емельянов) – «Сам он человек бедный, но с чистой душой, **каждый раз, когда взвешивали**, зерна у него выходило то на несколько тонн больше, то на несколько тонн меньше».

7. Форма *-уѣън/-ѣѣн*.

Передаёт значение действия, одновременного с действием, выражаемым глаголом в личной форме. Наблюдается соответствие с формой на *-сан/-сен* в ее адвербиальном значении временной соотнесенности с другим действием («когда»). Из турецких деепричастий к ней по значению ближе всех форма на *-ken*.

Тўне те, тавралъх та таса; ѣак тасалъха куруѣън чѣре те тикѣсѣн тапрѣ.. (Вутлан) – «И небо, и все вокруг – чистое; **когда он смотрел** на эту чистоту, и сердце его стучало ровно».

Милици лейтенанчѣ въл. Яла курортран таврăнуѣън кѣнѣ (Уяр) – «Он лейтенант милиции. В деревню заехал, **возвращаясь** с курорта».

8. Форма на *-нъранпа/-нѣренпе*.

Синонимична турецкому деепричастию *-(y)alı/-(y)eli*. Ее значением является момент начала совершения действия.

В формальном плане мы наблюдаем отличие от турецкого аналога. По мнению большинства чувашских исследователей, эта форма образована путем сочетания аффиксов прошедшего времени, исходного и совместного падежей³⁰. Однако мы придерживаемся несколько другой точки зрения. На наш взгляд, аффикс *-на/-не* здесь не что иное, как пережиток древнего послелога *berü*, который встречается в древнетюркских рунических текстах и имеет значение «с тех пор как». В семантическом плане именно этот древний послелог подходит здесь больше, чем аффикс совместного падежа.

Ост-Инди компанийѣ пуян Бенгалие ѣѣнсе илнѣренпе Британи колони империне тума пуѣлаѣѣ (Википедия) – «**С тех пор как** Ост-Индская компания **завоевала** богатую Бенгалию, Британия начала создавать колониальную империю».

Комсомол райкомѣ ѣѣлеме тытăннъранпа таврари ялсенчи ѣам-рăксен хастарлăхѣ, тăшмана хирѣс кѣреиме кăмăлѣ палăрмаллах вăйланса, ѣирѣпленсе пынă (Агаков) – «**С тех пор, как начал** работать райком комсомола, активность молодежи окружающих деревень, её желание бороться с врагом неизменно усиливались».

Магазинра Зоя Виссарова ёсleme **тытӓннӓранпа** ял сыннисене кирлӓ таварсем, тӓрех калас пулат, ытларах курӓна пусларӓс (Ален-тей) – «**С тех пор, как** Зоя Виссарова **начала** работать в магазине, надо сказать прямо, стало больше появляться товаров, нужных для крестьян».

Лешӓ сӓнӓ хваттер **илнӓрение** сайрарах тӓл пулма тытӓнчӓс (Гордеев) – «**С тех пор, как** он **купил** новую квартиру, они стали встречаться реже».

9. Форма на -аспа/-есне.

Данная форма обычно не включается в разряд деепричастий, по-видимому, из-за того, что она не обладает необходимой тотальностью распространения и образуется только от глаголов, которые могут сочетаться с временными наречиями, таких, как, например, *сит-* «доходить», *пул-* «быть», *ирт-* «проходить» и др. Возможно, здесь сказывается и тот факт, что она является производной от причастия будущего времени на -ас/-ес. Однако, как мы увидим на примерах, семантика будущего времени у нее полностью исчезла. Поэтому, несмотря на отсутствие у этой формы признака тотальности, по нашему мнению, ее можно считать полноправным членом категории деепричастий в чувашском языке.

Основное значение, передаваемое этой формой, – время совершения действия, соотносимого с другим действием выраженного личной формой глагола.

Кас **пуласпа** Кӓсӓтукпа курса каласӓрӓмӓр (Артемьев) – «**С наступлением** вечера мы встретились и переговорили с Костей».

Кӓнтӓрла **иртесне** бурлаксем Элнете тухрӓс (Мранькка) – «Чуть позже полудня (досл. «как только **пройдёт** полдень» – Э.Л.) бурлаки отправились в Элнет».

Но имеются случаи, когда это деепричастие передает не временное, а пространственное значение:

– Таврӓнман-и? – пӓшӓрханнӓ кӓмӓппа ыйтрӓ Кантюк хурама патне **ситесне** (Илпек) – «”Не вернулась?” – спросил взволнованно Кантюк, **доходя** до вяза».

Хула патне **сывахараспа** Стейн «Шевролене» хӓваласа иртрӓ те Амирова сул кӓтартса пыма пусларӓ (Вутлан) – «**При приближении** к городу Стейн обогнал «Шевроле» и начал показывать Амирову дорогу».

* * *

В результате проведенного сопоставительного исследования категории деепричастия в чувашском и турецком языках нами были выявлены их основные сходства и отличия в типологическом и функционально-семантическом планах. В первую очередь отметим, что состав деепричастных форм, исследуемых в трудах зарубежных (как правило, турецких) ученых, отличается от подобного в трудах российских исследователей не только по их формальным показателям, но и по передаваемым ими значениям. В традиции отечественной тюркологии к деепричастиям относят-

ся формы, которые имеют преимущественно временные или таксисные значения, в то время как семантика форм, включаемых в группу деепричастных, у турецких авторов гораздо более широкая: она охватывает и другие адвербиальные значения: причины, меры и степени совершения действия, сравнения и др. В нашей статье мы опирались на традиционный подход к вопросу о составе деепричастий в турецком и чувашском языках, представленный в работах отечественных тюркологов.

С точки зрения формальных показателей деепричастия в обоих языках делятся на группы непроемных и произмных форм. К первой группе в чувашском языке относятся формы на *-a/-e*, *-ca/-ce*, *-сан/-сен*, *-уҫӑн/-ӳҫӑн*; в турецком языке – на *-(y)ip*, *-(y)arak*, *-(y)ınca*, *-(y)alı*, *-(y)ken*. Вторая группа состоит из следующих форм – в чувашском языке – на *-сассӑн/-сессӑн*, *-иччен*, *-ӓҫем(ӑн)/-ӓҫем(ӑн)*, *-массерен/-мессерен*, *-ӓранпа/-ӓренпе*, *-аспа/-еспе*; в турецком языке – на *-madan*, *-casına*, *-dikça*, *-maksızın*. Кроме этого, в турецком языке имеются аналитические формы деепричастий – на *-(y)ıncaya kadar*, *-(y)a...-(y)a*, *-ar...-maz*, *-dı mı*.

Что касается значений приведенных выше деепричастных форм, то среди них есть наиболее общие таксисные значения действия, связанного с основным действием в самом общем виде, без каких-либо дополнительных смыслов. Как правило, они указывают лишь на предшествование основному действию или одновременность с ним действия, выраженного их основой. К таким формам в чувашском языке относятся формы на *-a/-e*, *-ca/-ce*, *-сан/-сен*, *-уҫӑн/-ӳҫӑн*, *-аспа/-еспе*; а в турецком языке – на *-(y)ip*, *-(y)arak*, *-(y)ken*.

Другую группу значений составляют значения более узкие, указывающие на конкретный образ совершения действия в соотношении с основным действием. В чувашском языке это значения предела совершения действия (форма на *-иччен*), совершения действия в его развитии (форма на *-ӓҫем(ӑн)/-ӓҫем(ӑн)*), кратности совершения действия (форма на *-массерен/-мессерен*), момента начала совершения действия (форма на *-ӓранпа/-ӓренпе*). Турецкий язык представлен следующими значениями этой группы: кратности совершения действия (форма на *-dikça*), меры и степени совершения действия (форма на *-dikça*), предела совершения действия (форма на *-(y)ıncaya kadar*), тесного соотношения с основным действием (формы на *-(y)ınca*, *-ar...-maz*, *-dı mı*), момента начала совершения действия (форма на *-(y)alı*), совершения действия с притворством (модальная семантика) (форма на *-casına*), условия совершения действия (форма на *-madan*).

Что касается форм, передающих одинаковые значения в обоих языках, среди них можно выделить следующие: 1) деепричастия на *-ca/-ce*, *-a/-e*, *-сан/-сен*, *-уҫӑн/-ӳҫӑн*, *-аспа/-еспе* в чувашском языке соответствуют деепричастиям на *-(y)ip*, *-(y)arak*, *-(y)ken* в турецком языке (значение предшествования или одновременности совершения дополнительного действия по отношению к основному действию); 2) деепричастие на *-иччен* в

чувашском языке аналогично по значению деепричастию на *-(y)ıtsaıa kadar* в турецком языке (значение временного предела совершения действия); 3) деепричастие на *-нӑсем(ӗн)/-нӗсем(ӗн)* в чувашском языке соответствует деепричастию на *-dikça* в турецком языке в значении совершения действия в его развитии (или меры и степени совершения действия); 4) деепричастие на *-массерен/-мессерен* в чувашском языке соответствует деепричастию на *-dikça* в турецком языке в значении кратности совершения действия; 5) деепричастие на *-нӑранпа/-нӗрлене* в чувашском языке соответствует деепричастию на *-(y)alı* в турецком языке (значение момента начала совершения действия).

В целом отметим, что, несмотря на сходство состава значений, передаваемых деепричастиями в чувашском и турецком языках, их формальные показатели сильно отличаются по своему происхождению и типам в двух исследуемых языках.

Литература и источники

- ¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 125.
- ² Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 128.
- ³ Там же.
- ⁴ Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1977. С. 255; Татарская грамматика / под ред. М.З. Закиева. Казань: Изд-во ЯЛИ АНТ, 1997. С. 224.
- ⁵ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 126.
- ⁶ Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолиграфия Императорского университета, 1898. С. 313–315.
- ⁷ Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск: Типолиграфия М. Ключникова, 1923. С. 3.
- ⁸ Там же. С. 3–40.
- ⁹ Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 240–272.
- ¹⁰ Там же. С. 240.
- ¹¹ Там же. С. 241.
- ¹² Андреев Н.А. Чӑваш чӗлхен стилистики. 2-мӗш пай. Морфологи. Шупашкар: Чӑваш АССР кӗнеке изд-ви, 1964. С. 111.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 121–122.
- ¹⁵ Сергеев Л.П., Андреева Е.А., Котлеев В.И. Чӑваш чӗлхи. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2012. С. 394.
- ¹⁶ Там же. С. 395.
- ¹⁷ Benzing J. Das Tschuwaschische // *Philologiae turcicae fundamenta*. Wiesbaden, 1959. S. 743–745.
- ¹⁸ Krueger J. R. Chuvash manual. Bloomington, 1961. P. 177.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. P. 162–166.
- ²¹ Parzymies A. Język czuwaski. Warszawa, 2000. S. 148–151.
- ²² Ersoy F. Çuvaş Türkçesi grameri. Ankara, 2010. S. 400–413.

²³ Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М.: Наука, 1969. С. 28.

²⁴ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 126–129; Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 474–487.

²⁵ Ediskun H. Türk dilbilgisi. İstanbul, 1988. S. 253–265; Lewis G.L. Turkish grammar. Oxford; New York, 1991. P. 174–192.

²⁶ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.

²⁷ Там же. С. 487.

²⁸ Там же. С. 484.

²⁹ Андреев И.А. Причастие в чувашском языке. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1961. С. 163.

³⁰ Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 265.

E.Y. Lebedev

ON COMPARATIVE STUDY OF ADVERBIAL PARTICIPLES IN THE CHUVASH AND TURKISH LANGUAGES

Among verbal categories, the category of adverbial participles comprises the most forms presented in the latter. All of them are united with the general meaning of adverbiality. In spite of the fact that many famous Turcologists devoted their researches to study of the forms of adverbial participles, there are still doubts in the question of the structure and meanings of these forms. Very often, the collection of adverbial participles differs greatly at different researchers. The author presents a comparative analysis of adverbial participles traditionally included in this category in the Chuvash and Turkish languages.

Key words: adverbial participles, comparative-typological research, adverbiality, structure of category of adverbial participles, functional-semantic aspect, nonfinite form.

ЧГВ, 2013 г., № 8
© Э.Е. Лебедев

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ПРИЧАСТИЯ
НА -НӐ/-НӖ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются функционально-семантические особенности формы с показателем *-нӐ/-нӖ*, традиционно называемой в чувашском языкознании причастием прошедшего времени. Автором выявлены четыре основные функции этой формы: адъективная, предикативная, субстантивная и адвербиальная. Более подробно представлена из них с точки зрения формальных показателей адвербиальная функция. Ее выполняют несколько как синтетических, так и аналитических форм с различными адвербиальными значениями. В адъективной функции форма на *-нӐ/-нӖ* выражает определение в самом широком смысле – определяемыми при ней могут выступать субъект, объект, место и время действия.

Ключевые слова: причастие, адъектив, предикатив, субстантив, адвербум, функционально-семантический анализ.

Форма на *-нӐ/-нӖ*, традиционно называемая в трудах по чувашскому языкознанию причастием прошедшего времени, обладает определенными функционально-семантическими характеристиками. Одна из основных особенностей этой формы – ее способность узуально выступать в качестве предиката, что позволило некоторым исследователям выделить в чувашском языке особую форму прошедшего времени – прошедшее состояния¹, прошедшее неопределенное² или прошедшее второе время³. Другая немаловажная особенность формы на *-нӐ/-нӖ* – способность принимать аффиксы субстантивации (называемые в грамматической традиции аффиксами выделения) *-и*, *-скер*, создавать новые, производные формы с участием падежных аффиксов и послелогов, выполняя при этом другие, несвойственные причастию синтаксические функции. Указанные особенности формы на *-нӐ/-нӖ* позволяют усомниться в правильности использования в отношении ее дефиниции «причастие».

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

Между тем в современной отечественной тюркологической науке имеются работы, где термин «причастие» относительно тех грамматических форм, которые помимо чисто причастных функций могут выполнять еще и функции, присущие другим глагольным категориальным формам, уже не применяется. В частности, в трудах петербургской школы тюркологии, посвященных грамматикам таких языков, как древнетюркский, древнеуйгурский, староосманский и современный турецкий, прижился новый термин «субстантивно-адъективная форма», или «саф», характеризующий глагольные формы, противопоставленные причастиям по функционально-семантическим признакам⁴. Можно предположить, что подобный подход к описанию языковых фактов, подразумевающий введение новых дефиниций, обоснованное своеобразием грамматической системы тюркских языков, будет полезным и перспективным и для чувашского языкознания.

Однако в нашей статье мы употребляем и сочетание «форма на *-нӑ/-нӗ*», и термин «причастие на *-нӑ/-нӗ*», так как традиции использования этих терминов еще достаточно сильны.

Целью настоящей статьи является исследование функциональных и семантических особенностей формы на *-нӑ/-нӗ* в чувашском языке.

Для выяснения содержания термина «причастие», использование которого сохраняется в традициях отечественного языкознания, обратимся к справочным изданиям по современной лингвистике. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О. Ахмановой мы встречаем следующее определение причастия: «Именная форма глагола, грамматически изменяющаяся (в русском языке) подобно именам прилагательным и обозначающая действие (состояние, процесс), приписываемое лицу или предмету как их признак (свойство), проявляющийся во времени»⁵. Данное определение весьма точно отражает особенности причастных форм в индоевропейских языках. Особо отметим ту часть определения, где говорится о семантической характеристике причастия: «...обозначающая действие... приписываемое лицу или предмету как их признак». Здесь, по нашему мнению, заключена основная суть понятия «причастие».

«Лингвистический энциклопедический словарь» дает такое определение причастия: «Нефинитная форма глагола (вербоид), обозначающая признак имени (лица, предмета), связанный с действием, и употребляемая атрибутивно»⁶. Как мы видим, такие характеристики причастия, как «нефинитная форма» и «употребляемая атрибутивно», не соответствуют полностью тем формам, которые в тюркских языках также по традиции называются причастиями. Это в полной мере относится и к чувашской форме на *-нӑ/-нӗ*.

Термин «причастие» в чувашском языкознании используется уже в первых работах по грамматике чувашского языка. В «Сочинениях, принадлежащих к грамматике чувашского языка», например, упоминается причастие настоящего времени на *-акан/-екен*⁷.

Н.И. Ашмарин со свойственной ему обстоятельностью подробно разбирает множество возможных случаев функционирования причастий в

чувашиком языке. Стоит отметить следующее: несмотря на то, что автор в своих работах скрупулезно отобрал и описал большое количество частных функций и смыслов, передаваемых причастными формами, все же представленные им примеры и их толкования являются не более чем материалом для исследования и нуждаются в дальнейшем теоретическом осмыслении⁸.

В коллективной монографии «Материалы по грамматике современного чувашского языка» (Чебоксары, 1957) глава «Причастие», подготовленная проф. В.Г. Егоровым, входит в раздел, посвященный глаголу. Автором кратко описаны основные функции и значения причастия прошедшего времени на *-нӑ/-нӗ*, однако при этом не дано никаких теоретических объяснений существующим языковым фактам⁹.

И.П. Павлов в монографии «Хальхи чӑваш литература чӗлхи. Морфологи» (Шупашкар, 1965) также выделяет форму причастия прошедшего времени на *-нӑ/-нӗ* («иртнӗ причасти»). По-видимому, по причине ограниченности объема монографии автор довольствуется перечислением функциональных возможностей этой формы¹⁰.

Наиболее подробно интересующая нас форма исследована в работе И.А. Андреева «Причастие в чувашском языке» (Чебоксары, 1961). Здесь представлена попытка теоретического обоснования анализируемых фактов языка, сделаны некоторые выводы, которые не согласуются с существовавшими до выхода этой работы положениями. В частности, И.А. Андреев отрицает наличие так называемого прошедшего неопределенного времени в чувашском языке, считая, что в этих случаях причастие прошедшего времени на *-нӑ/-нӗ* лишь выполняет функции предикатива¹¹. Автор подробно рассматривает все особенности данной формы. Так, в отдельных главах им описаны лексико-морфологические особенности причастия на *-нӑ/-нӗ* и его синтаксические функции. Не обойден стороной вопрос о происхождении этой формы¹².

Подводя итог краткому обзору существующих в чувашском языкознании работ, посвященных причастным формам, отметим, что по сбору и анализу языковых фактов в этой области сделано действительно немало. Трудно найти такое значение или функцию чувашских причастий, которые бы ускользнули от внимания исследователей. Однако в плане систематизации и теоретического осмысления собранного материала предстоит, на наш взгляд, большая работа.

Обратимся к аналогичным формам в других тюркских языках. Такое сопоставление может дать весьма полезную информацию для данного исследования.

В татарском языке формой причастия прошедшего времени считается, наверно, одна из наиболее распространенных в тюркских языках глагольных форм – форма на *-ган/-гән* (*-кан/-кән*). Эта форма выступает как в атрибутивной, так и в субстантивной функциях. Причем в атрибутивной функции, как отмечают авторы «Татарской грамматики» (Т. 2. Морфо-

логия. Казань, 1997), причастие на *-ган/-гэн* может иметь значение адъектива при субъекте действия, объекте действия, месте и времени протекания действия¹³. Данная форма активно функционирует и в качестве субстантива. В этом случае причастие прошедшего времени имеет способность принимать аффиксы различных падежей: притяжательного, направительного, винительного, исходного и местно-временного¹⁴. Отметим также, что форма этого причастия послужила основой для образования некоторых вторичных форм и конструкций (в частности, с предикативными словами *бар* «есть» и *юк* «нет»)¹⁵.

В турецком языке наиболее близкой по своим функционально-семантическим характеристикам к чувашской форме на *-нӑ/-нӗ* является форма причастия прошедшего времени на *-mış/-miş/-muş/-müŝ*. Эта форма также имеет способность выступать в предикативной функции. В данном случае в грамматической традиции ее называют прошедшим субъективным или прошедшим неочевидным временем¹⁶. Форма на *-mış/-miş/-muş/-müŝ* в предикативной функции способна изменяться по лицам. В субстантивной же функции она не выступает.

В грамматиках сибирских тюркских языков (тувинский, хакасский, тофаларский) описаны причастия прошедшего времени, образуемые формой на *-ган/-ген* (*-кан/-кен*). Эта форма также принимает аффиксы лица в предикативной функции и образует субстантивы при помощи аффиксов падежей¹⁷.

Причастие *-быт/-бит/-бут/-бүт* в якутском языке является основой нескольких форм прошедших времен (преждепрошедшего повествовательного, результативного, давнопрошедшего, прошедшего эпизодического). Во всех этих случаях указанная форма изменяется по лицам. Эта форма также активно функционирует в сочетаниях с различными падежными аффиксами¹⁸.

В узбекском языке функции причастия прошедшего времени «осложненного перфективными оттенками»¹⁹ выполняет форма на *-ган*. Интересно отметить, что причастия в узбекском языке, по мнению А.Н. Кононова, «в своем синтаксическом использовании выступают в качестве подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства, т.е. функционально совпадают с именем существительным»²⁰.

Как мы видим, несмотря на различия в формальных показателях, причастия в разных тюркских языках обладают весьма схожими функционально-семантическими особенностями. В первую очередь это касается способности данных форм в большинстве тюркских языков выступать в предикативной функции и способности принимать аффиксы падежей.

На наш взгляд, можно выделить четыре основные функции формы на *-нӑ/-нӗ* в чувашском языке: 1) функция адъектива, 2) функция предикатива, 3) функция субстантива (в сочетании с аффиксами выделения *-и* и *-скер*) и 4) функция адвербума. Последняя функция в отношении своих формальных показателей делится на две группы производных форм: а) синтетические

формы (сочетания формы на -нӑ/-нӗ с падежными аффиксами) и б) аналитические формы (сочетания формы на -нӑ/-нӗ с послелогоми и служебными словами).

1. Рассмотрим варианты функционирования формы на -нӑ/-нӗ в качестве адъектива. Основной особенностью этого функционирования является то, что в данном случае форма на -нӑ/-нӗ может относиться не только к субъекту, но и к объекту действия: *ёсленӗ сын* «работавший человек», *вупланӑ кӗнеке* «прочитанная книга»²¹. Это обстоятельство позволяет говорить о некотором семантическом своеобразии исследуемой формы, так как причастие прошедшего времени, определяющее не субъект, а объект действия, как правило, должно маркироваться аффиксом страдательного залога, как, например, в турецком языке форма причастия на -*miş*: *okumuş adam* «читавший человек», но *okunmuş kitap* «прочитанная книга». В чувашском языке аффикс страдательного залога также может присутствовать в тех случаях, когда причастная форма является определением объекта действия:

Чунӗне Атӑл хӗррине туртӑнман сын *Шупашкарта сук та пулӗ* (Ефимов) – «Наверно, нет в Чебоксарах человека, кто бы всем сердцем **не** тянулся к берегам Волги».

Еще примеры: *юрпа витӗнӗ* уйсем «покрытые снегом поля», *тытӑннӑ* ӗс «начатое дело», *тӑрри хуҫӑлнӑ йывӑҫ* «дерево со сломанной верхушкой». При этом, как пишет И.А. Андреев, «чувашские причастия не противопоставлены ни по признаку переходности и непереходности, ни по признаку активности и пассивности»²². Заметим, что вопрос о семантических факторах, которые могли бы влиять на наличие или отсутствие формы страдательного залога при причастии, имеющем значение признака объекта действия, до настоящего времени открыт и ждет решения. Тем более что форма на -нӑ/-нӗ в функции адъектива не ограничивается передачей значения признака только субъекта и объекта действия. Здесь мы можем лишь согласиться со словами Н.И. Ашмарина: «...чувашское причастие выражает вообще указание на какое бы то ни было отношение предмета к тому или другому действию»²³.

Форма на -нӑ/-нӗ в качестве адъектива может передавать следующие значения:

1) признака субъекта действия

Ыткӑнать вӑл кӗнӗ сын *патнелле* (Алексеев) – «Он бросается на встречу **вошедшему** человеку».

Тамара пырне тулнӑ куҫсульне *сӑтса ячӗ*, *йӑлкӑшса* кулам *пек турӗ* (Артемьев) – «Тамара проглотила комок, **подступивший** к горлу, и, засияв, сделала вид, что улыбается».

Отметим тот факт, что в этом значении форма на -нӑ/-нӗ встречается реже, чем в значении признака объекта действия. По-видимому, в ее семантике все же превалирует, если так можно выразиться, некая «страдательность», которая определяет подобное функционирование формы.

2) признака объекта действия

Пит-куса саппунпа шәлатәп та, иклетнипе сике-сике илекен пуҗа ук аләпа тытса, пәрахса хәварнә сәкәра илме чупатәп (Лисина) – «Вытираю лицо фартуком, обхватив двумя руками голову, которая вздрагивала от икоты, бегу, чтобы забрать **оставленный** хлеб».

Тәлмач Лукарье патәнчен тухрә те хәйсен баракә еннелле утас-шәйнчә, хапхаран чаплә суна кәлнә урхамах тәрлеттерсе кәһине курсан кил хушишинчех чарәһса тәчә (Мранька) – «Переводчик вышел от Лукарьи и хотел было направиться к своему бараку, но, увидев, как в ворота с шумом вбегает конь, **запряженный** в богатые сани, остановился во дворе».

3) признака времени совершения действия

Виләсем вара кәһпа әһса пулнә сулхи евәрлех (Алексеев) – «А покойников – как грибов в **урожайный** год».

4) признака места совершения действия

Хәр ларнә кимә утрав патне маларах ситрә (Кипек) – «Лодка, **в которой** сидела девушка, подплыла к острову раньше».

Салтаксене паләртса хунә тәле илсе ситересчә (Алексеев) – «Солдат привозят в **назначенное** место».

5) существуют особые случаи функционирования этой формы в опосредованных значениях:

Прахәр хәрә каторгәран таврәннә хыпар, вәл патшана ыярәнтан сирпәтти синчен ним хәрамасәр каласать тени ял тәрәх сиҗәрен хәвәрт сарәлчә... (Мранька) – «Весть **о том, что** дочь Прохора **вернулась** с каторги и без страха говорит о свержении царя, подобно молнии разнеслась по деревне».

2. В качестве предикатива данная форма передает в основном значение перфекта, что позволило большинству исследователей причислить ее к глагольным временным формам индикатива²⁴. Правомерно ли считать форму на *-нә/-нә* формой времени? В этом вопросе мы придерживаемся мнения И.А. Андреева, который считал, что отнесение этой формы к формам глагольных времен неправомерно, так как «если форму на *-нә/-нә* в роли определения рассматривать как причастие, а в роли сказуемого как одну из форм прошедшего времени, то в роли обстоятельств пришлось бы считать ее наречием, а в роли подлежащего и дополнения – именем существительным»²⁵.

Халь сәс пәлме сүтатнә прислуга акә мән курчә: йывәс кравате тәшәрсә антарнә, пәр йәкәчә тепәр иккәһине сәре тәһса ырттарнә та хәй вәсем сине утланса ларнә (Мранька) – «Вот что увидела служанка, только что включившая свет в комнате: деревянную кровать **повалили**, один парень **распластал** на полу двоих и сам **уселся** на них верхом».

Хамәр енәмәре, суралнә кәтесәмәре, әпә пәтәм чун-чәререн саватәп, мәһшәһ тесен кәвапам унна сыхәһнә (Артемьев) – «Я люблю всей душой наш край, родимый уголок, потому что кровно **связан** с ним».

Однако, как справедливо указывает Б.А. Серебренников, значение перфекта – не единственное значение этой формы²⁶. Она также может пе-

редавать значение длительного либо многократного действия в прошлом, другими словами, действия, не достигшего своего предела:

Анчах пѣрре пѣхсанах курѣнать: вѣсем пурте сителѣкх тар шѣриланѣ ѣнтѣ, вут-сулѣм ѣшѣнче сахал мар пулнѣ, вилѣме хирѣс куѣа-куѣан тѣнѣ, вилѣм, вѣсене сѣнтереймесѣр, хѣй хѣраса чакнѣ (Агаков) – «Но с первого же взгляда видно: они все достаточно **понюхали** пороха, немало побывали в боях, **смотрели** смерти в лицо, и смерть, не поборов их, от страха **отступила** и сама».

Функции предикатива имеет и форма на *-нѣччѣ/-нѣччѣ*, образованная присоединением к аффиксу причастия на *-нѣ/-нѣ* аффикса формы недостаточного глагола *-ччѣ*. Данная производная форма передает значение плюсквамперфекта – действия, произошедшего до какого-либо момента в прошлом:

Павѣлла Элексеѣ хѣйсене вѣрентнѣ пек калайманишѣн Лаврский питех тарѣхнѣччѣ, халѣх хѣйсем май саврѣнни унѣн кѣмѣлне уѣрѣ (Мранькка) – «Лаврский сильно **рассердился** было оттого, что Павел с Алексеем не смогли сказать так, как их учили, но то, что народ принял их сторону, его воодушевило».

Эта форма может передавать также значение действия, произошедшего давно и не связанного с другим действием в прошлом:

Астѣватѣн, пилѣк-ултѣ сул каялла е ытларах-и, тен, Мускавра пулнѣччѣ ку: *пѣр палламан пике мана урамра пичче тесе чѣнчѣ* (Артемьев) – «Помню, **было** это в Москве лет пять-шесть назад или, может, раньше: одна незнакомая девушка обратилась ко мне на улице, назвав “дядя”».

Некоторые авторы отмечают аналитическую форму прошедшего времени, образуемую сочетанием формы на *-нѣ/-нѣ* и вспомогательного глагола *пул-* «быть, становиться». Так, Н.И. Ашмарин называет эту временную форму «предварительным состоянием»²⁷. Ее значением является действие, произошедшее до определенного момента в прошлом и не наблюдаемое говорящим. Часто выступает в форме сослагательного наклонения:

Амѣшине пулсан, Натюш еѣклѣн те ун чѣрине тивмелле мар сѣмах каланѣ пулѣччѣ (Мранькка) – «Своей матери Наташа **сказала бы** мягко, не рая ее сердце».

– *Эпѣ сав улпутсемне хосподасене пѣкѣ пек авнѣ пулѣттѣм, така мѣйраки еѣр картлѣ-картлѣ туса хурѣттѣм* (Алексеев) – «Я **бы** этих господ и бар **согнул** в дугу, скрутил бы в бараний рог.

3. В качестве субстантива форма на *-нѣ/-нѣ* выступает в сочетании с аффиксами выделения *-и* и *-скер*. В этом случае она может принимать аффиксы родительного, дательного-винительного и исходного падежей и выполнять различные синтаксические функции: подлежащего, сказуемого, дополнения. Как показывают примеры, в роли субстантиватора здесь выступает аффикс выделения – в сочетании с ним форма на *-нѣ/-нѣ* приобретает свойства имени действия или, реже, имени деятеля. Субстантиватор *-скер* передает только значение имени деятеля. Но следует отметить, что степень

субстантивации может быть разной. На это оказывают влияние различные факторы, относящиеся как к семантике глагольной основы, так и к контекстуальному окружению.

Рассмотрим примеры с формой на *-нă/-нĕ* в разных синтаксических функциях:

а) как подлежащее

Вăл вăскани сисĕнет (Ефимов) – «Чувствуется, что он **торопится**».

Хушăран виç хутлă чул сурт сиксе тухни иккĕшине те çаврăнтарса пăхтарчĕ (Мранькка) – «Внезапное **появление** перед ними трехэтажного каменного здания заставило обоих обернуться».

б) как прямое и косвенное дополнение

Ик ситĕннĕ хĕр вĕсене кĕтÿç мĕншĕн чĕннине тин сиссе илчĕç (Краснов) – «Две взрослые девушки только теперь догадались, зачем пастух их **позвал**».

Çил-тăман ўленинчен урăх ним сас-чÿ те пулмарĕ (Мранькка) – «Кроме **завывания** ветра, не было (слышно) никаких других звуков».

Хăйне те е вăл пулни сінчен калакан паллăсене те тупаймарăмăр (Афанасьев) – «Ни его самого, ни каких-либо знаков, говорящих о его **пребывании**, мы не обнаружили».

в) как сказуемое

В этом значении сочетание субстантиватора и формы на *-нă/-нĕ* встречается достаточно редко:

Айăпа пытарни – сълăха кĕни (ваттисен сăмахĕ) – «Скрыть свою вину – значит **грешить**» (пословица).

Сочетание формы на *-нă/-нĕ* с аффиксами выделения *-и* и совместного падежа *-па/-пе* может передавать два семантически не связанных друг с другом значения. Одно из них – адвербиальное значение причины совершения действия (будет рассмотрено в соответствующем разделе статьи). Другое значение встречается в случаях более полной степени субстантивации действия, выраженного глагольной основой. Здесь форма совместного падежа передает одно из своих основных значений – либо орудийность, либо совместность:

Пуш паранпан çапнипе ситет! (Мранькка) – «Хватит **пустозвонить!**» (букв. «хватит **бить** по пустому барабану»).

Субстантивная форма от причастия на *-нă/-нĕ* может передавать значение не только имени действия, но и имени деятеля:

Отставкăна кайнисем кĕрĕк арки йăваламаççĕ («Хыпар») – «**Ушедшие** в отставку не бьют баклуши».

Тыткăна лекнисене сýрма тĕнне пĕр çĕре выльăх кĕтĕвĕ пек хăваласа пухнă (Артемов) – «**Пленных** они согнали, словно стадо, в одну кучу на дно оврага».

Интересны, на наш взгляд, примеры, где форма на *-нă/-нĕ* выступает в качестве имени деятеля в страдательном значении:

– *Пырас текенисене илмерĕм, хам илес тенисем хама тиркерĕç*, – *тавăртăм эпĕ апа куçран пăхса* (Артемов) – «Тех, кто хотел за

меня пойти, сам не взял, а **те, кого я сватал**, мне отказали, – ответил я, глядя ей в глаза».

Всём хушшинче хам палланисене шыратӑн, анчах тупаймастӑн (Артемьев) – «Ищу среди них своих **знакомых**, но не нахожу».

Значение имени деятеля является основным у сочетания формы на *-нӑ/-нӗ* с формой выделения на *-скер*:

Хура халӑх тӗрех, такам хушнӑ майлах, Пугачев ури умне чӗркушленчӗ: «Ҫакас, ҫакас, аттемӗр. Такан ҫине ӑна, йытӑ ҫисе яманскере» (Алексеев) – «Простой народ разом, будто по команде, пал на колени к ногам Пугачева: «Вешать, вешать, отец наш. На виселицу его, **поганого**» (букв.: «**кого даже собака не стала есть**»).

4. Функции адverbума выполняет наибольшее количество производных от причастия на *-нӑ/-нӗ* форм. Как уже было сказано, они делятся на две группы: а) синтетические формы, б) аналитические формы.

а) формы, образованные сочетанием аффиксов причастия на *-нӑ/-нӗ* с падежными аффиксами

– в значении причины совершения действия

Это значение более широко представлено с точки зрения передающих его формальных показателей. Нами отмечено несколько синтетических форм, образованных присоединением к аффиксу *-нӑ/-нӗ* аффиксов причинно-целевого, исходного и совместного падежей.

Шихранов хӑйне сӑйланӑшӑн пуҫ тайса алӑк патнелле утрӗ (Ухли) – «Шихранов, поблагодарив **за угощение**, направился к двери».

Магазина питӗрсе урама тухсан юташӗсем Ванюка хуҫа умӗнче хӑраса тӑманшӑн ырларӗҫ (Мранькка) – «Когда, заперев дверь магазина, вышли на улицу, друзья похвалили Ваню **за то, что тот не сробел** перед хозяином».

Патиша-император янӑ сын пулнӑран ҫеҫ мар, Хлопуша хӑй те вӗсене тӗлӗнтерсе пӑрахнӑ (Алексеев) – «Не только тем, **что был** посланцем государя-императора, удивил Хлопуша, но и сам по себе».

Нимӗҫ ҫарӗ пирӗн ҫӗр-шыва тапӑнса кӗни пурӗ те Николай патша ӑссӑрринчен, ун тавра нимӗҫ шпионӗсем йӑва ҫавӑрнинчен килнӗ имӗш (Мранькка) – «Оказалось, нападение немецкой армии на нашу страну произошло только из-за недалёковидности царя Николая и **из-за того, что** вокруг него **сви́ли** гнездо немецкие шпионы».

Сивӗ ҫӗртен кӗнипе пит-куҫӗ вут тивнӗн хӗмленет (Мранькка) – «**Оттого, что она только что** с мороза, щеки пылают, будто огнём обожгло».

В последних двух примерах форма на *-нӑ/-нӗ* осложнена аффиксом выделения.

– в значении сравнения действия

Значение передается сочетанием формы на *-нӑ/-нӗ* и аффикса *-ӑн/-ӗн* у так называемого орудийного падежа, который в современных грамматиках чувашского языка не включен в парадигму падежной системы.

Сочетается в основном с глаголами со значениями чувственного восприятия.

Вара Михха, сұхалнӑ япала **тупӑннӑн**, арӑмӑ пуррине аса илчӑ (Мранькка) – «Затем Михха вспомнил о существовании жены – и **будто нашлась** потерявшаяся вещь».

— в значении времени совершения действия

Канашилу **вѣснѣннѣрѣннѣ** чылай вѣхѣт иртрѣ пулин те, совхоз директорѣн пѣлѣмѣнче сѣтѣ пур-ха (Ярантай) – «Хотя прошло много времени, **как закончилось** совещание, в кабинете директора совхоза еще горит свет».

В традициях чувашской грамматики данную форму причислять к деепричастиям возможно потому, что процесс адвербиализации здесь зашел достаточно далеко. Аффикс *-na/-ne* представляет в этом случае остаток древнего послелога *berü* «с тех пор, как».

б) формы, образованные сочетанием аффиксов причастия на -н^я/-н^е с послелогом

В отношении грамматического статуса подобных сочетаний форм с послелогоми существуют разные мнения. По нашему мнению, если брать в расчет их семантическую составляющую, то их нельзя однозначно считать лишь синтаксическими конструкциями. Об этом же говорит и И.А. Андреев: «Послелогои и служебные имена употребляются для выражения различных синтаксических отношений. Но, присоединяясь к причастию, они придают им те или иные дополнительные значения. Синтаксическая функция причастия в основном определяется тем значением, которое придается ему последними»²⁸.

Примеры сочетаний формы на *-нă/-нĕ* с послелогоми в различных значениях:

— в значении причины совершения действия

Это значение могут передавать аналитические формы, образованные с помощью следующих послелогов: *пирки* «из-за», *енне* «со» (от *ен* «сторона»), *май* «из-за» (от *май* «способ»), *кура* «из-за» (аффикс деепр. -а от глагола *кур-* «видеть»), *ятпа* «с именем».

Хайй сѣмах хускатман пирки *всѣм ашишнчен фронта мѣнле кай-са килни сѣнчен нимѣн те ыйтма хѣймарѣѣ-ха* (Турхан) – «**Так как** он сам **не завел** об этом разговора, они так и не решились спросить что-либо у отца о делах на фронте».

Тарǎхнǎ енне хура юпана кǎлара-кǎлара та пǎрахнǎ (Мранькка)
– «Со злости черный столб периодически выкапывали».

Килне таврăнсан, савăннă май, сăра туса ёснĕ (Уяр) – «Вернувшись домой, **от радости** сварил и выпил пива».

Лаша савăннине кура Ирка та савăнать... (М. Ухсай) – «**Оттого, что радуется** лошадь, Ира тоже рада».

Формы выделения на *-и* и дательного-винительного падежа здесь обусловлены управлением послелогом *кура* «смотря по».

Авсян заводне патша сынни килнĕ ятпа ёсleme пăрахнă-мĕн (Алексеев) – «Оказывается, бросили работу, **так как** на Авзяновский завод **пришел** человек от государя».

– в значении времени совершения действия

Количество послелогов, участвующих в образовании производных от формы на *-нă/-нĕ* аналитических форм с временным значением, тоже велико. Все они произошли от грамматикализовавшихся слов со значением «время, период, срок, место» – *чух, вăхăт, хушă, сĕр*. Часто они принимают аффиксы местного и дательного падежей.

Гришатка тăна кĕнĕ чух кашĕ ёнтĕ (Алексеев) – «**Когда** Гришатка **пришел** в себя, был уже вечер».

Шăпах сăпла шухăшласа пынă вăхăтра пирĕн умра пĕр урапа курăнса кайрĕ (Илпек) – «Как раз в то время, **когда** мы **шли** и так размышляли, впереди показалась телега».

Вĕсем калаçса тăнă хушăра сисмен сĕртенех каш та пулса ситрĕ (Турхан) – «**Пока** они стояли и **разговаривали**, незаметно наступил вечер».

Эпир урама тухнă сĕре сĕм тĕттĕмех пулнă (Емельянов) – «**Когда** мы **вышли** на улицу, совсем стемнело».

Аналитическая форма с послелогом *хыççăн* «за, после» передает значение действия, по завершении которого происходит другое действие.

Сывлăх комиссариачĕн уполномоченнăйĕ Дмитрий Ильич Ульянов тăрăшинипе Евпаторире Врангеле хăваласа янă хыççăнах малтанхи санаторисем уçăлма тытăннă (Збанацкий) – «Стараниями уполномоченного Комиссариата по здравоохранению Дмитрия Ильича Ульянова в Евпатории сразу **после изгнания** Врангеля стали открываться прежние санатории».

Имеются случаи редупликации этого причастия. Первая часть редуплицированной формы выступает в положительном статусе, вторая – в отрицательном. Значение формы – действие, произошедшее непосредственно перед другим действием.

Чăнах, сұлтан килнĕ ачана пўрте кĕнĕ-кĕменех урлă сăмахна тарăхтарать (Мранькка) – «И действительно, **не успел** сын с дороги **войти** в дом, а он досаждал его своими пререканиями».

– в значении степени совершения действия

Это значение передает аналитическая форма с послелогом *таран* «до, вплоть».

Халăх юрри-кĕввине малтанхинчен те тимлĕрех пухатăп, вĕсенчен хăшине-пĕрне пултарнă таран илемлетме пикенетĕп (Артемов) –

«Народные песни я собираю старательней, чем обычно, принимаюсь некоторые обработать, **как могу**».

– в значении сравнения действия

Формы с этим значением образуют два послелога – *пек* и *евёр* «как». Иногда они могут принимать аффикс усиления *-ах/-ех*.

*Мётри шёллэ хэранине **сиснё пекех**...* (Краснов) – «Дмитрий **будто почувствовал** испуг младшего брата...».

– *Ай, ай, Ванюкэм, тупакран тарса **тухнэ пекех**...– сасэпах йёме тапратнэ Степанида* (Алексеев) – «”Ай, ай, Ванечка, **как будто** из могилы **сбежал**...” – заголосила Степанида».

*Ку инкек-синкексем Анука вут сине **пэрахнэ евёр** сунтарсан та вэл пёр тумлам кушсұль калармасёр тўссе пуранать* (Мранькка) – «Эти несчастья терзают сердце Ани, **как будто** её **бросили** в огонь, но она стойко переносит их, не пролив ни капли слезы».

Отмечены случаи, когда форма на *-нэ/-нэ* в сочетании с послелогом *пек* окказионально передает значение не прошедшего, а настоящего времени:

*Питё сэмэллэн, **вёснэ пек** таишлать* (Артемьев) – «Танцует очень легко, **будто летает**».

– в значении соответствия с действием

*Сынсем хэйсем **каланэ тэрёх**, вёсем пур партизансен отрячсене* кая-кая кёнэ иккен (Агаков) – «**Как рассказали** люди сами, они вступали во все партизанские отряды».

– в значении меры совершения действия

*Атэлкасси тёлнелле **сывахарнэ май** вэл ёлэк вут тивертсе сунтарнэ йываё сурт вырэнне сурма савра тэрёллэ чул сурт ўссе ларнине асёрхарё* (Мранькка) – «**По мере приближения** к Адылкасам он заметил, что на месте деревянного дома, который сгорел в результате поджога, вырос каменный дом с полукруглой крышей».

Завершая исследование функционально-семантических особенностей формы на *-нэ/-нэ*, мы можем сделать следующие выводы:

– факты чувашского языка показывают, что упомянутая форма обладает широкими возможностями для образования различных производных форм и выполняет гораздо больше функций, чем обычное причастие; причастные (адъективные) функции представляют собой лишь часть тех функций, которыми обладает форма на *-нэ/-нэ*,

– аналогичные формы в других тюркских языках, называемые по традиции причастиями, в основном демонстрируют те же самые особенности, что и форма на *-нэ/-нэ* в чувашском языке, что доказывает общее происхождение данных языков;

– можно выделить по меньшей мере четыре функции, которыми обладает форма на *-нэ/-нэ* в чувашском языке: функция адъектива, функция предикатива, функция субстантива и функция адverbума;

– как непроизводная форма на *-нэ/-нэ*, так и производные от нее синтетические и аналитические формы имеют указанные функции;

- в адъективной функции форма на *-нӑ/-нӗ* выражает определение в самом широком смысле – определяемыми при ней могут выступать субъект, объект, место и время действия;
- основные значения, передаваемые формой на *-нӑ/-нӗ* в функции предикатива – это перфект и плюсквамперфект (в сочетании с недостаточным глаголом на *-ччӗ*);
- форма на *-нӑ/-нӗ* в современном чувашском языке может выступать в функции субстантива только в сочетании с аффиксами выделения *-и* и *-скер*, которые обеспечивают в семантическом плане необходимую степень ее субстантивации;
- по количеству производных форм и передаваемых ими значений особо выделяется группа форм с адвербиальной функцией.

Литература

- ¹ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань, 1903. С. 212.
- ² Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. С. 195.
- ³ *Серебренников Б.А.* О значениях прошедших времен в чувашском языке // Ученые записки. Вып. 16. Чебоксары, 1958. С. 185.
- ⁴ *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол. Л., 1990. *Дубровина М.Э., Мухитдинова Х.С.* Сравнительно-типологический анализ причастия с показателем *-gan* в узбекском языке // Российская тюркология. М.; Казань, 2011. № 2 (5). С. 41–47. *Телицин Н.Н.* Инфинитивные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: Существительное и глагол. СПб., 2011. С. 179–230.
- ⁵ *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 363.
- ⁶ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 399.
- ⁷ Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Чебоксары, 2011. С. 49.
- ⁸ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань, 1903. С. 378–470, 470–547.
- ⁹ Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. С. 221–223.
- ¹⁰ *Павлов И.П.* Хальхи чӑваш литература чӗлхи. Морфологи. Шупашкар, 1965. С. 275–278.
- ¹¹ *Андреев И.А.* Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961. С. 103.
- ¹² Там же. С. 71–124.
- ¹³ Татарская грамматика. Т. 2. Морфология. Казань, 1997. С. 202.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 231–233.
- ¹⁷ *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961. С. 299–302. *Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.А.* Хакасский язык. М., 1953. С. 431. *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978. С. 187.
- ¹⁸ Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982. С. 230–233.
- ¹⁹ *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960. С. 238.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Андреев И.А.* Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961. С. 87.

²² Там же. С. 21.

²³ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань, 1903. С. 379.

²⁴ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск, 1923; Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957; *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи. Морфологи. Шупашкар, 1965; *Серебрянников Б.А.* О значениях прошедших времен в чувашском языке // Ученые записки. Чебоксары, 1958. Вып. 16. С. 177–188.

²⁵ *Андреев И.А.* Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961. С. 103.

²⁶ *Серебрянников Б.А.* О значениях прошедших времен в чувашском языке // Ученые записки. Вып. 16. Чебоксары, 1958. С. 184.

²⁷ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск, 1923. С. 234.

²⁸ *Андреев И.А.* Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961. С. 75.

E.Y. Lebedev

FUNCTIONAL-SEMANTIC PECULIARITIES OF THE PARTICIPLE -НӐ/-НӖ IN THE CHUVASH LANGUAGE

The article studies functional-semantic peculiarities of the form with the index -НӐ/-НӖ, traditionally called past participle in the Chuvash linguistics. The author has revealed four principal functions of this form: adjectival, predicative, substantival, and adverbial. From them, the adverbial function is the most represented one in the context of formal indices. Several, both synthetical and analytical forms with various adverbial meanings achieve it. In the adjectival function the form -НӐ/-НӖ expresses a modifier in the widest sense – a subject, an object, a place and time of action may be modified.

Key words: participle, adjective, predicative, substantive, adverb, functional-semantic analysis.

ПРИНЦИПЫ СТИЛЕОБРАЗОВАНИЯ И ПЛАСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ СКУЛЬПТОРА-МОНУМЕНТАЛИСТА А.К. БРЫНДИНА

ЧГВ, 2013 г., № 8
© А.А. Трофимов

Вопросы стиля и стилеобразования, методов и принципов пластической структуры в художественных произведениях тесно связаны с социальной жизнью, культурой общества, наукой об искусстве. Творчество А.К. Брындина, создателя памятников станковой скульптуры и монументального искусства, исходит из пространства времени 60-х гг. XX – начала XXI вв. На этом противоречивом этапе развития Российского государства в сложных условиях поисков художественно-изобразительных средств мастер создал свои, авторские принципы формообразования, на которых основаны образы борцов за свободу, защитников Отечества, деятелей культуры и искусства, чувашского космонавта А.Г. Николаева.

Ключевые слова: скульптор-монументалист А.К. Брындин, искусство и искусствоведение Чувашии, стиль, стилеобразование, методы и принципы пластической структуры в художественных произведениях.

Проблемы стилеобразования и пластическая структура произведений изобразительного искусства в чувашском искусствоведении отдельно не исследованы. Теоретические вопросы и в творчестве А.К. Брындина не получили достаточного освещения. Образная система и стилевые направления скульптора-монументалиста особые. Отличаются и его технические приемы, и используемый им материал. Пристального внимания заслуживают и принципы формообразования. В одних случаях пластический язык, применяемый автором, тесно связан с классической школой искусства скульптуры, в других – он совершенно новый, индивидуальный. В создании образа монументальность часто переплетается с приемами декоративно-скульптурной формы.

Автор исследования наряду со сложными теоретическими вопросами пытается осветить и некоторые стороны жизни и деятельности А.К. Брындина. Сведения о них отрывочны, так как изложение жизненного пути и

Алексей Александрович Трофимов – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник отдела искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: human2000@yandex.ru.

творческой биографии скульптора-монументалиста не входит в нашу задачу. А отдельные упоминания необходимы, ибо без них войти в творческий процесс художника невозможно.

Следующая особенность исследовательского труда заключается в том, что произведения скульптора анализируются сквозь призму того времени, когда они создавались, так как только их первозданное состояние способно дать объективный материал и утверждать художественную правду. Со времени создания ранних работ прошло около пятидесяти лет. Одна эпоха ушла, пришла другая, иными стали социальный строй, политика и идеология. К сожалению, появились неоправданно легковесные «эстетические взгляды» на искусство XX в., особенно на развитие метода и направления социалистического реализма.

В полувековом пространстве существования монументальных произведений А.К. Брындина во многих местах изменилась экстерьерная ситуация сооружений, некоторые памятники разрушаются из-за недолговечного материала, потерялась их первоначальная связь с окружающей средой. Поэтому анализировать произведения, оставляя их первозданную форму в стороне, лишь сквозь призму сегодняшнего дня не только невозможно, но и нельзя. В истории искусствознания творения художников прошлого всегда рассматриваются в связи с той эпохой, когда они создавались.

В процессе восстановления ансамблей в их первоначальном виде и в прежней связи с природой и архитектурной средой города автору исследования пришлось кропотливо работать в архивах, изучать выставочные воспроизведения, вновь и вновь возвращаться к оригиналам, знакомиться с искусствоведческими трудами, альбомами, анализировать публицистические статьи, опубликованные на страницах газет и журналов.

Время и пространство как в философии, искусстве, так и в жизни взаимосвязаны, они находятся в вечном движении. В пространство времени вплетены рождение, первое слово, первые шаги, встреча с судьбой, стремление познать Добро и Зло, этапы творчества и борьба в нем Анатолия Константиновича Брындина.

Годы его учебы в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухомовой (отделение архитектурно-декоративной скульптуры; ныне Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица) и первые опыты в мире прекрасного и жестокого совпали со сложными процессами развития общества и художественной культуры страны. Во время прогулок по Неве в глубоких размышлениях о Времени и Пространстве в мир Анатолия Константиновича органично вписалось учение педагога-профессора В.Л. Рыбалко, которая часто произносила: «...древние мифы повествуют о том, что первый человек на земле был вылеплен Богом из глины, а сам Бог высечен из камня, мрамора и гранита ваятелем». Юноша с берегов Волги избрал себе профессию, явившуюся его призванием, Божьим даром, – профессию скульптора. Атмосфера, в которой развивались в тот период монументальная и

станковая форма искусства ваяния, была противоречивой, даже воинствующей. В центре твердо стояли вооруженные идеологией социалистического строя Н.В. Томский, Е.В. Вучетич, А.П. Кибальников, П.Е. Кербель, М.Г. Манизер, М.К. Аникушин, Ф.Д. Фивейский, М.Ф. Бабурин, Г.А. Йокубонис, Э.Д. Амашукели, З.К. Церетели. Вместе с тем в начале 60-х гг. XX в., с одной стороны, появляется новое направление «кинетизм» (группы художников-кинетистов «Движение», «Мир», «Арго»), а с другой – на арену выходит Э.И. Неизвестный.

Искусство XX в., особенно 60-х гг., представляет собой богатейшее явление. В нем традиции соединились с вновь возникшими формами и направлениями, поисками и открытиями, новыми принципами пластического мышления, формообразования, обобщенными композициями, множеством иносказительных художественных средств, разнообразными приемами использования сложных символов и т.д.

В связи с усложнением структуры этого объемного искусства противоречивый характер принимает и отношение к нему как в теоретических разработках исследователей, так и в политических оценках со стороны властей. Проблемы методологического изучения, возникшие в те годы, такими же острыми остаются и в наше время. Здесь уместно было бы сказать о том, что в эволюции человечества, общественной, социальной и политической систем стран мира огромный интерес представляет XX в., а искусство скульптуры СССР в особенности, так как оно возникло и развивалось в условиях государственного строя, культуры ранее неизвестной человечеству формации многонациональной великой державы.

Сегодня отображение скульпторами жизни этой державы и ее борьбы за свободу и независимость, за самоутверждение на планете Земля, победы в Великой Отечественной войне, строителей новой жизни, грандиозных небывалых строек, то есть всего лучшего, прогрессивного, нельзя рассматривать как проявление метода соцреализма в его негативном толковании, что порою появляется в прессе.

А.К. Брындин – человек и художник двух эпох. Он всегда ратовал за справедливость. Таким же выступает скульптор и сегодня. Его персональные выставки, проведенные в 2012 г. в зале «серебряного века» в Чувашской национальной библиотеке и Новочебоксарском художественном музее, еще раз показали, что творчество автора – явление необычное. Однако некоторые республиканские газеты отказались их освещать по той причине, что будто бы творения скульптора относятся к «прошлой эпохе». Это произошло весной 2012 г., а в XX в. длительное время отказывались принять А.К. Брындину в члены Союза художников.

Еще одна страница: взлелеянная тема дипломной работы «Врубель», которую юный студент мухинского училища вынашивал в течение долгих лет, по неизвестной причине была заменена комиссией на другую. Произведение, созданное в Ленинграде, более полувека простояло в мастерской скульптора в Чебоксарах. Лишь в 2012 г. бронзовый «Врубель» экспониро-

вался на выставке изобразительного искусства Чувашии «Доблестями живы в признательных сердцах», организованной в Санкт-Петербурге.

Ко всему этому скульптора всю жизнь невыносимо мучает боль души... У него нет земли, которая его родила. С образованием плотины Волжской ГЭС она оказалась под морем Куйбышевского водохранилища (среднее течение реки Волга, Республика Татарстан). Однако это не все... В десятилетнем возрасте юноша оказался круглым сиротой. Сначала, когда шел ему всего лишь пятый год, уходит в мир иной мать, а через пять лет – отец.

Мало это или немало для судьбы художника, человека мыслящего, творителя? Несчастья, переживания, преподнесенные событиями двух веков, поместились в одном жизненном пространстве скульптора. Но в нем, в этом пространстве, есть и другое, главное – творчество, супруга, сыновья и тёплые воспоминания о любимой воспитательнице Екатерине Павловне, заменившей дорогую маму.

* * *

Москва. 1962 год. Великая столица – бурлящий город – наполнена событиями, как всегда... противоречивыми. В Кремле разрабатываются очередные задачи, связанные с новым курсом развития культуры. На сей раз «оттепель» входит в русло охлаждения.

В Манеже открывается художественная выставка «XXX лет МОСХ». В первых, почетных залах демонстрируются произведения Дейнеки, Древинова, Лабаса, Лучишкина, Мухиной, Пименова, Тышлера, Фалька и др., входивших ранее в ОМХ, ОРС, ОСТ, «4 искусства» и многие другие художественные организации Москвы.

В верхних, закрытых помещениях показать свои произведения предложено молодым, в основном представителям «сурового стиля» – Н.И. Андронову, А.В. Васнецову, П.Ф. Никонову, В.Е. Попкову, Т.Т. Салахову и др. В экспозиции немало места занимали работы и Э.И. Неизвестного – лидера группы организаторов новой экспозиции.

На нижнем, парадном этаже было много зрителей – гости из разных городов и стран. Вместе с ними рассматривал экспонаты выставки и молодой художник с берегов Волги. Этим человеком, проявившим к произведениям огромный интерес, оказался А.К. Брындин. Здесь он воочию впервые в жизни увидел живые творения Московского отделения Союза художников, что вызвало у него настоящее восхищение. Анатолий Константинович от восторга не смог удержать навернувшиеся слезы.

Между тем, как узнает позднее А. Брындин, в те минуты на втором этаже между генеральным секретарем ЦК КПСС и Э. Неизвестным произошёл спор, названный потом скандалом века. Через несколько лет после этого случая власти принудили Э. Неизвестного покинуть страну.

Анатолий Константинович, работавший художником в Доме политпросвещения в Чебоксарах, преданный своему делу, осведомленный в воп-

росах политической жизни страны, долго не мог понять случившееся, так как все находилось в строжайшей тайне. Но в то же время он хорошо знал: «суровый стиль» – направление в современном искусстве, которое отличалось романтической героизацией людей вдохновенного труда. Для художника современность – прежде всего. Ее представители – главные герои полотен. Они – создатели, волевые, энергичные, решительные. В создании их образов использовались художественные принципы, среди которых преобладали экспрессивные, лапидарные формы и эмоции цветовой палитры.

На А. Брындина все эти приемы действовали сильно. Однако больше всего тянули к себе работы бывшего Общества русских скульпторов (ОРС). Изучая произведения, выполненные на раннем этапе становления Общества, он понял, что в них прослеживаются некоторые противоположные позиции авторов. Для работ последующих лет характерны стилевые изменения. Этим особенно отличаются ваяния 1926–1927 гг. Тенденции, появившиеся в то время, запечатлены и в документах ОРС. В одном из отчетов о деятельности Общества говорится: «...различные изменения наших направлений слить в один общий поток нового стиля... Какой это будет стиль, монументально-реалистический или какой другой, об этом пусть гадают критики и теоретики, это для нас не важно, наши искренние и совместные усилия – выявить в художественных образах смысл современности, выявить его, если в самой современности окажется для этого достаточно плодотворных и своеобразных предпосылок»¹.

В числе лучших работ 20-х гг. XX в. – творения многих скульпторов. Для А. Брындина во власти высшего создания на выставке явились ваяния И.Д. Шадра и В.И. Мухиной. Первый завоевал своей строгостью, экспрессивными принципами, энергией сочетания плавных, ломаных и овальных линий, а вторая – пластикой монументального образа. В произведениях обоих авторов, как четко заметил А. Брындин, невозможно изменить ни объем, ни силуэт, ни контур, то есть в них все на своем месте. Именно эта гармония помогает создать необходимую образную систему и возвеличить сам образ.

Экспозиции «XXX лет МОСХ», посвященные 20–30-м гг., вызвали большой интерес, но в печати искусствоведческих статей о них не было. Вместе с тем в пору возникновения Общества русских скульпторов и на обсуждениях первых его выставок были бурные дискуссии и выступления. В газете «Вечерняя Москва» была опубликована статья А. Бакушинского «Современная скульптура СССР»². Автор, выявляя тенденции развития скульптуры, находит различные течения и направления: импрессионизм, реализм, экспрессионизм, модерн, а в приемах создания образов – скульптурно-графический язык, «примитив», приемы «своеобразного и вольного толкования» народной скульптуры, поиски монументализации и изобразительно-обобщенной формы и т.д. Последние два приема взаимосвязаны, и их использование больше всего проявилось в работах Шадра и Мухиной. Вера Игнатьевна наряду с применением различных способов в

создании монументальных образов занималась также и теоретическими вопросами. Для нее монументализация скульптурной фигуры, если она выполнена как часть памятника или произведения архитектуры, являлась крайне недостаточной и неполной в реализации творческого замысла. В статье «Законы творчества, условия сотрудничества» она писала: «Скульптура в архитектурном сооружении должна быть связана с архитектурными и конструктивными основами сооружения. Она должна не только быть согласована, но и вытекать из четко разработанной архитектурной идеи. Не иллюстрировать чужую мысль призван скульптор, работающий с архитектором, а найти ей возможно более яркую и убедительную форму выражения своими специфическими художественными представлениями»³.

Приводя конкретные мысли, высказанные В.И. Мухиной, фрагменты встречи А.К. Брындина с экспонатами выставки «XXX лет МОСХ» и подчеркивая их роль в развитии искусства скульптуры молодой страны, а также значение знакомства с ними художника на начальном этапе его творческого пути, хочется сказать следующее: творения, исходившие из самого времени Общества русских скульпторов, их стилистические поиски оказали на Анатолия Константиновича благотворное влияние, прежде всего на монументальный дух.

* * *

Скульптура – одна из древнейших изысканных форм искусства. Ей, в отличие от других видов творчества, присущ ряд характерных особенностей. Она в своем зарождении очень рано вбирает в себя представляемую сверхъестественную земную и верховную силу и становится божественной. Мастера, создавая богов, вносили в них красоту фигуры человека, и наоборот. В эпоху возникновения искусства скульптуры светского направления ваятели своим произведениям часто как бы придавали божественную обнаженность и чистоту прекрасного.

История, этапы эволюции ваяния, когда происходило расчленение его на станково-выставочную, монументальную, малую формы, многовековые и сложные. Сложны процессы синтезирования с другими видами изобразительного искусства, архитектурой, вхождения в разные сферы жизни и деятельности человека и т.д.

В развитии цивилизаций мира, общественных, социальных, политических систем государств, народов Земли огромный интерес представляет XX в., а искусство скульптуры Страны Советов в особенности, так как оно находилось в структуре жизни многонациональной державы с неизвестной людям планеты новой формации, нового строя жизни. Изваяния скульпторов Советского Союза, выступая как богатое культурное наследие, предстали перед XXI в. как феноменальное явление. Здесь сосредоточены традиции, возникновение и развитие новых стилевых направлений, поиски и открытия новых обобщенных форм объема в пространстве, новые принципы пластического мышления и формообразования, нестандартные взаимо-

отношения произведений со зрителем, окружающей средой, вновь и вновь возникающие вопросы экспонирования и т.д. В культуре народов СССР появились крупные мастера с мировым именем – создатели шедевров для всего человечества.

В связи с этим, с многогранностью скульптуры в формообразованиях, с ее грациозной масштабностью и образностью перед искусствоведением всегда стояли сложные задачи, заключающиеся, с одной стороны, в объективном подходе к происходящим явлениям, с другой – в более глубоком научном их анализе. В наши дни, когда образовалось определенное расстояние между прошлым столетием и настоящим, лучше виднеется сама скульптура и острее становятся вопросы разработки методологических проблем ее исследования.

В соответствии с требованиями времени Научно-исследовательским институтом теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Научным советом по историко-теоретическим проблемам искусствознания при Отделении историко-филологических наук Российской академии наук и Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина по проблемам искусства скульптуры в XX в. проводилась международная научная конференция (Москва, 2006). В 2010 г. на основе материалов конференции была издана книга «Искусство скульптуры в XX в.: проблемы, тенденции, мастера», которая явилась первым отечественным коллективным трудом в области исследования развития скульптуры прошедшего столетия. В ней наряду с русской скульптурой XX в. анализируются и вопросы теории и истории европейской пластики Новейшего времени, ее истоки, тенденции и этапы развития.

М.А. Бусев (редактор-составитель) и О.В. Калугина (ответственный редактор) подчеркивают: *«Скульптура этого времени представляет собой богатейшее явление. Своими новациями и открытиями она с успехом соперничает с другими видами искусства: недаром многие крупные мастера живописи отдавали ей дань в своем творчестве. Вклад скульптуры в становление и развитие современной художественной культуры весьма весом, а в некоторые периоды она играла лидирующую роль в художественных поисках эпохи»* (курсив наш. – А.Т.)⁴.

В конференции, где выступали известные ученые, к сожалению, не смогли принять участие представители многих регионов России. Не было их и из республик Среднего Поволжья. Изучение их искусства скульптуры, в котором прослеживается немало поисков и достижений, могло бы дать определенный материал в познании теоретических проблем. С такой постановкой, точнее, на основе разработки новой методологии, нуждается изучение и объемной пластики Чувашии.

Чувашское народное ваяние, включающее в себя монументальную скульптуру, скульптуру малых форм, мелкую пластику (изображения богов и богинь из камня, металла, глины и дерева, антропоморфные каменные и деревянные памятники, колонны-постаменты со съёмной скульптурой на

площадках святилищ, культовые фигуры, используемые на жертвоприношениях, детские игрушки и т.д.), уходит в глубь веков. Однако профессиональная скульптура совсем молода. Ее истоки наметились в конце XIX – начале XX вв. На этом, первоначальном этапе не было ваятелей-профессионалов, но работы, как учебные, так и самостоятельные, выполняемые под руководством Н.Ф. Некрасова в мастерских Симбирской чувашской учительской школы И.Я. Яковлева, приобретают профессиональные композиционные формы.

В 1920–1930 гг. появляются мемориальные памятники в Чебоксарах – произведения монументального искусства и профессиональные работы Г.М. Спиридонова, Б.В. Лаврова. Вместе с ними в развитие искусства скульптуры свой вклад внесли А.Ф. Мясников, Г.Х. Харлампьев, Б.В. Воскресенский и молодой талантливый мастер И.Ф. Кудрявцев. 50-е гг. ознаменовались важными достижениями в истории объемной пластики. А. Мясников с его стремлением быть ближе к жизни, быту народа, создает произведения, которые чаще всего носили этнографический характер. Г.И. Кудрявцеву удается выйти из этой среды. Он ищет большие образы и связывает их с принципами большого искусства. В 1949–1951 гг. скульптор работает над созданием памятника К.В. Иванову. В 1952 г. монумент в классическом стиле был воздвигнут на берегу Волги в Чебоксарах (архитектор В.И. Ступин) и оказал основополагающее влияние на реконструкцию кинотеатра «Родина». Таким образом, здание-дворец, сооруженное в стиле конструктивизма, приобретает форму классическую. Во всем этом главенствующим стилем оказалось творчество поэта, развивавшееся в русле классики периода Ренессанса Поволжья.

Творчество И.Ф. Кудрявцева вплоть до конца 60-х гг. XX в. было определяющим в развитии как станковой, так и монументальной форм искусства скульптуры Чувашии.

* * *

Возвращение А.К. Брындина из северной столицы в Чувашию после окончания известного высшего учебного заведения им. В.И. Мухиной совпало с началом нового этапа в истории пластического искусства. В поисках нового мышления, ранее отсутствовавших принципов роль Анатолия Константиновича огромна. Его стилистическое направление индивидуально. Он не уходит от традиционных форм, но в то же время его язык тяготеет к новому пониманию объема в пространстве и времени. Вместе с тем мастер не кидается к авангарду.

С середины 50-х гг. темпы строительства ускоряются, начинают появляться архитектурные произведения. Чебоксары коренным образом меняют свой облик. Новая часть города, становясь главной, находит органичную связь с древней. Вводятся в эксплуатацию здания Чувашского государственного сельскохозяйственного института (1955), Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева (1956), Чуваш-

ской государственной филармонии (1959), открываются новое здание Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова (1961), Дворец культуры им. П.П. Хузангая (1965). В 1960 г. оформляется площадь Ленина, сооружаются Новочебоксарский (1965) и Московский (1966) мосты.

Развитие культуры, появление произведений архитектуры и инженерного строительства способствовали становлению монументальной скульптуры и возникновению почти всех видов монументально-декоративного искусства. Украшаются фасады зданий Академического театра им. К.В. Иванова скульптурными фигурами, филармонии – мозаикой. Стены и потолки залов покрываются народными узорами и различными музыкальными эмблемами, выполненными в технике росписи и лепки. Авторы этих работ в основном монументалисты из Москвы и Ленинграда. Одним из ранних произведений, созданных чувашскими художниками, являются росписи в фойе филармонии (Н.К. Сверчков и П.Г. Григорьев-Савушкин, 1959 г.). Правда, эти работы не смогли выйти за рамки станковых форм искусства и не нашли связи с интерьером, архитектурой, но они свидетельствуют о зарождении в республике настенной живописи.

К наиболее удачным произведениям, созданным в начале 70-х гг. А.К. Брындиным, относится архитектурно-скульптурный мемориал в селе Янгорчино Вурнарского района Чувашской Республики, воздвигнутый в память о воинах-земляках, погибших в Великой Отечественной войне (совместно с А.И. Ивановым; бетон, 1969–1971 гг.). Его авторы, как бы нарушая устоявшиеся каноны, вносят в понятие «памятник» новый смысл. Комплекс, главная часть которого – сооружение из плит с надписями, расположен на возвышенной местности, напоминающей курган. С фасада к памятнику ведет неширокая дорожка. На склонах устроены лестницы с невысокими ступеньками. Композиция решена в виде перевернутой острием вниз трехгранной фигуры. Специально «разрушенная» симметрия придает монументу устремленность вперед. На лицевой стороне памятника изображены солдат в каске и плащ-палатке, с оружием в руке, а также фигуры, олицетворяющие знамена. Воин-пехотинец показан в стремительном движении, как бы в момент атаки в ожесточенном бою. На треугольной плоскости боковой стороны памятника также в беспокойном ритме изображена женщина-мать.

В создании необычного сооружения немаловажную роль сыграли не только новое мышление авторов, но и сам материал, из которого возведен памятник, – бетон. Именно благодаря ему монументалисты смогли сотворить такую, казалось бы, несложную, но в то же время очень смелую конструкцию. Содержание произведения тесно связано с его формой. При помощи таких художественных приемов, как аллегория и символ, авторы воспроизвели синтезированный образ. Наряду со скорбью по павшим в боях через него передано и торжествующее начало – радость победы, за которую боролись наши отцы, братья и сестры.

На конструкцию произведения, как и на его образный строй, повлияло само время – новые тенденции, появившиеся в искусстве конца 60-х гг. Создавая памятник, авторы полностью отказались от его архитектурной части – от постамента: им служит сама земля. В то же время скульптурный объем напоминает архитектурную форму. В изображениях выступает пластика монументально-декоративного искусства, вместе с тем в них присутствует, в хорошем смысле этого слова, и язык плаката, а в техническом исполнении – графичность.

Монумент в Янгорчине, с одной стороны, отражает новаторство молодых монументалистов, а с другой – выступает как яркий пример синтеза видов и жанров изобразительного искусства, развитие которого (синтеза) в этот период идет не только в живописи или графике, но проникает и в монументальное искусство. Подчеркивая эти особенности, необходимо все же сказать, что произведение А. Брындина и А. Иванова не смогло, к сожалению, освободиться от следов риторики и декларативности.

Анализируя «Архитектурно-скульптурный мемориал» А. Брындина и А.И. Иванова, наряду с его положительными сторонами следует отметить и то, что произведение по своему композиционному построению и стилю напоминает не столько монумент мемориала, сколько мемориальную, памятную стелу. Но авторы в своем создании хотели увидеть нечто огромное, величественное, чем стела. Однако здесь, видимо, дело не только в названии, хотя термин в исследовании имеет огромное значение. Главными в памятнике выступают художественно-выразительные средства и образный язык, которыми пользовались авторы. Перед ними стояла ответственная задача – показать героизм бойцов, освободителей от фашизма, при помощи одной фигуры, выступающей символом всех воинов-земляков. При создании образа авторы предпочли использовать графический язык на плоскости, так как его четкость, выразительность, выдержанные линии способствуют созданию реального образа времени.

Метод использования «графики» в скульптуре известен. Так, в 1927 г. на страницах газеты «Вечерняя Москва» была опубликована статья о скульптуре того времени, где критически высказывалось о скульптурно-графических приемах, а авторы произведений названы «экспрессионистами», выступающими против реалистического искусства. Группа «экспрессионистов» Цаплин, Булаковский, Страховская с целью усиления образа подчеркнутой «напряженностью и движением» пользуются «скульптурно-графическим подходом»⁵, что в статье оценивается крайне отрицательно.

Искусствознание в современном мире изменило свои взгляды на экспрессионизм. Однако синтез графического изображения с объемной формой, то есть со скульптурой, рассматривается не всегда одобрительно, так как у каждого свой язык, свой стиль и метод стилеобразования.

Достижением в развитии монументальной скульптуры республики является памятник И.С. Семенову, сооруженный А. Брындиным в Новоче-

боксарске в 1985 г. (архитектор Б.М. Шимарев; медь-выколотка, гранит). Задача, стоявшая перед монументалистом, оказалась трудной: надо было изобразить конкретного человека на месте его перезахоронения, что усложняло поиски композиционных решений, связи произведения с окружающей средой и т.д.

И.С. Семенов, уроженец деревни Ельники-Тохтарово Чебоксарского уезда, один из активных защитников советской власти, мужественно боролся за установление и упрочение её в Чувашии, организовал Алым-касинскую волостную ячейку РКП(б), был председателем исполкома волостного Совета крестьянских депутатов, военным комиссаром. В 1919 г. был зверски убит кулаками. В 1985 г. в Новочебоксарске состоялось перезахоронение его останков.

Комплекс монумента состоит из трех частей: памятника, места захоронения в форме прямоугольника с невысокими ступеньками и мраморной плиты. Композиция представлена в виде портрета объемной погрудной моделировки на высоком четырехгранном постаменте, то есть выступает как бюст. Но по форме и образной структуре произведение выходит за эти рамки, расширяет понятие памятника-бюста.

Взгляд И.С. Семенова спокоен. Черты лица выражают волевой характер. Портрет решен в фас на принципах симметричного силуэта, однако колыхающееся знамя, разрушая эту симметрию, вносит в построение движение. Лозунг «Вся власть Советам!», буквы которого выполнены барельефно и как бы отрывочно друг от друга, способствует еще большему движению. Изображение исполнено пафоса героизма и бессмертия, образ овеян славой. Фигура выполнена из меди, цвет ее придает образу торжественность и символ вечности.

Серьезное внимание автор уделил и мраморной плите, установленной перед местом захоронения. Являясь введением ко всему комплексу сооружения, она знакомит зрителя с данными о жизни И.С. Семенова. Но, наряду с функциональным назначением, плита имеет и художественную сторону: входя в общую композицию как по размеру, так и по стилю оформления и цвету, она удачно сочетается с самой структурой.

В анализе памятника следует выделить еще одну важную сторону. В поисках композиции большое место автором уделено колыхающемуся знамени, выступающему в создании образа чуть ли не самым главным. Левая часть его с надписью более спокойна, а правая – состоит из множества изломов. Найденный прием придает движение и вносит в образ беспокойство, подчеркивая тревожное состояние времени, в котором жил и боролся И.С. Семенов. В изображении знамя представлено как бы фоном объемной фигуры головы персонажа, а сам памятник принимает форму фронтального решения, что делает невозможным круговой обзор монумента. В этом, видимо, слабость автора, но в этом и его сила. Мастерски вылепленный бюст с выявлением портретного сходства героя и его характера обращен вперед, пронзительным взглядом смотрит на зрителя. В художественной

структуре произведения образная сила направлена прямо, в большое зрительное пространство, и она эмоционально, зримо действует очень активно. Эта активность, выраженная во всем, исходит из самой темы и решается автором по-своему.

Во всем этом мы видим, что А. Брындин как бы отходит от норм классической скульптурно-монументальной школы. Фронтальность, отсутствие обозрения с тыльной и боковых сторон, включение фона как декоративно-образной детали явно говорят об этом. Но скульптор выбрал такой способ моделирования намеренно, с целью усиления образного содержания. Итак, метод А. Брындина индивидуален, структура пластического языка связана с его видением и исходит из принципов стилиобразования, выработанных им самим.

Удачно найденное А. Брындиным решение в произведении, посвященном И.С. Семенову, присуще и памятнику Ф.Э. Дзержинскому (архитектор А.Б. Орешников; медь-выколотка, гранит, 1987 г.), установленному в скверике перед зданием Комитета государственной безопасности Чувашской АССР в Чебоксарах (ныне Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Чувашской Республике). Сооружение было открыто накануне 70-летия Великого Октября. Портрет пламенного революционера, как и бюст И.С. Семенова, изображен на фоне знамени. Но здесь ритм складок полотнища спокоен, что гармонирует с характером произведения и местом его расположения. Памятник хорошо связан с окружающей средой и архитектурой. Трехэтажное здание с лжеколоннами, прямоугольными выступами на фасаде отличается чертами строительства административных корпусов 50-х гг. Ему присущи элементы классики. Полугрудная фигура на высоком постаменте по композиции и моделировке также близка к этому стилю. Образ, воплощенный в меди и красном граните, убедителен. Он раскрывает характер человека, беспрдельно преданного делу партии и революции.

Здесь вновь следовало бы остановиться на той детали, которую мы назвали знаменем, хотя она лишь конфигурацией напоминает его. Скульптор, если придерживался бы норм эстетики классики, мог бы смело отказать от него, так как образ революционера как в портретном сходстве, так и в характере достиг желаемого совершенства. Однако нет, автор не намерен отходить от найденного им своего стиля. Полотнище, помещенное с тыльной стороны головы, лишний раз подчеркивает революционное дело изображаемого. В то же время в образной структуре памятника, особенно в построении общей композиции, оно выступает как декоративный элемент.

А. Брындин в своем творчестве больше всего обращается к портрету конкретного человека, что объясняется особым интересом его к психологии изображаемого, к изучению внутреннего мира, характера, места личности в жизни народа. Его работы, выполненные в этом направлении, различны. В отличие от упомянутых памятников большой формы, бюст Ф.Э. Дзержинского, установленный во дворе бывшей Чебоксарской меж-

областной школы милиции, характеризуется камерностью. Здесь, на небольшой площадке (и по масштабам скверика, а самое главное, потому, что памятник предназначен лишь для ограниченного круга зрителей – курсантов школы и ее преподавателей) не было необходимости сооружать произведение крупных размеров. Бюст, выполненный из меди в техникековки, выразителен: убежденность и вера в правоту своего дела слиты в нем воедино. Пластическая четкость головы и невысокого постамента направлена на выявление образа. Окружающая среда, в том числе и зеленые ели, посаженные в скверике, являясь символом, помогают раскрыть содержание произведения и подчеркнуть, что дело революционера живет вечно.

Особенно активно проявивший себя в конце 60 – начале 70-х гг. синтез жанров и видов в развитии советского искусства, о чем уже говорилось, не мог не коснуться и творчества чувашских скульпторов. Тенденция, явившаяся в культуре республики совершенно новой, особенно ярко отразилась в произведении А. Брындина «М. Сеспель», выполненном в тонированном бетоне (1968). Работа создавалась как станковая скульптура, то есть относилась к жанру портрета, предназначенного для экспонирования в выставочном зале музея. В то же время в нее были заложены черты, присущие монументальным формам творчества. Не какое-то особенное желание молодого автора быть в авангарде новой тенденции послужило причиной их проявления, а сказалось само время. Шло как бы естественное развитие, а А. Брындин даже не подозревал о происходящем: осознанность приходит к нему много позднее. Трактовку монументализации подсказали прежде всего начало нового процесса в искусстве и, конечно же, сам образ поэта. Интересно отметить, что в чувашской живописи синтез жанров и видов начался с творчества М. Сеспеля. Первой картиной, где экспрессивно проявило себя это явление, стало полотно Р.Ф. Федорова «Сеспель».

Создавая портрет поэта-революционера, А. Брындин хотел видеть его монументальным в образе, предельно обобщенном в объемной моделировке, что и помогло скульптуре как бы оторваться от камерности, выставочности, и она безущербно и смело выходит из экспозиционного помещения на улицу: в 1969 г. она устанавливается на родине поэта в деревне Сеспель Канашского района (бетон тонированный, мрамор), а в 1980 г. – в микрорайоне Чебоксары города-побратима Эгер Венгерской Республики (алюминий-выколотка, железобетон). Местом для памятника был выбран сквер с деревьями и зеленым кустарниковым насаждением, расположенный между современными пятиэтажными жилыми домами недалеко от здания школы.

Образ борца за советскую власть, поэта-коммуниста отличается целостностью. Он спокоен, но в нем выявлен сильный и сложный характер. Бетонный постамент прост. Форма его, состоящая из прямых плоскостей и линий, строга. Удачно найденная соразмерность верхней и нижней частей фигуры подчеркивает гармонию, которая содержится в самом образе поэта. С выявлением таких черт, как кристальная честность, преданность делу

революции, связаны и обобщенные пластические приемы. Памятник, несмотря на небольшие размеры (его высота около трех метров), благодаря удачному определению места нашел связь с окружающей средой. В отдалении от него, как бы на одной горизонтальной оси, расположен дом, торцовая сторона которого, если смотреть со стороны школы, куда лицом обращен Сеспель, служит своеобразным фоном, усиливая компактность силуэта. Деревья, кустарники и цветы способствуют естественному включению произведения в природную среду. В установлении памятника лицом к зданию школы существует смысловое значение, заключающееся в патриотическом и интернационалистском воспитании: как будто поэт, обращаясь к молодежи, говорит о дружбе наций, об укреплении единства идей.

Скульптурный портрет в сквере микрорайона Эгера, в отличие от экспоната в музее, приобрел окончательную образную завершенность. Он стал пропагандистом, говорящим не только о сыне чувашского народа, о его революционных делах, но и об общественных явлениях, происходивших в 60-х гг. XX в.

Произведение «М. Сеспель», рассчитанное на массовое восприятие, решено как бюст, фигура представлена в нем погрудной. Но по форме и композиционным приемам, по образной структуре оно выходит за эти рамки. Ему присущи черты больших монументальных сооружений.

В творчестве А. Брындина получил распространение и такой портрет, где изображается только голова. Это, с одной стороны, часто связано с повышенным интересом автора к психологии, характеру человека, его внутреннему состоянию, с другой – с самим жанром или видом скульптуры. Одним из произведений, где эти два подхода слиты воедино, стал памятный знак «Дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР А.Г. Николаев» (медь-выколотка, гранит, 1987 г.), сооруженный в Чебоксарах на перекрестке, где пересекаются проспект Ленина и улица, которая носит имя нашего земляка (архитектор Л.Б. Орешников). На постаменте две глыбы красного гранита (в их обработке принимал участие камнеобработчик Мытищинского завода художественного литья С.С. Адаменко), одна из которых венчается скульптурным изображением А.Г. Николаева, выполненным в меди в технике выколотки. Надписи на камнях сообщают о полетах космонавта и о присвоении улице его имени.

О своем произведении А. Брындин говорит: «Эту работу считаю моим вкладом в укрепление интернациональной дружбы народов нашей республики. Многие годы я изучал характер, душу чувашского народа. Итогом стали такие произведения, как портрет народного артиста СССР Б.А. Алексеева, бюст поэта-революционера М. Сеспеля, установленный в городе Эгер Хевешской области Венгерской Народной Республики. Но самой сложной стала для меня работа над Памятным знаком»⁶. Скульптор признается, что поиск был трудный. Самым главным в нем было стремление передать душу человека, его характер.

В словах А. Брындина выражено искреннее отношение к своей работе. Портрет строг и выразителен. Образ космонавта, точнее портретность,

органически слился в произведении с пластическими особенностями гранита. В сочетании матовой зернистой фактуры с полированными поверхностями удачно реализуется декоративная возможность используемого материала, что способствует также созданию символа мужества и вечности.

В принципах стилеобразования и пластической структуре для произведений А. Брындина характерна еще одна важная черта – движение. В одном случае скульптор добивается этого в построении общей композиционной формы; в других – при помощи так называемых декоративных деталей, способствующих созданию в образе ноты символического звучания; в третьих – в решении модели самого объемного изображения в пространстве. Композиция монумента Памятного знака выполнена из двух гармонично сочетающихся гранитных глыб, направленных от центра с объемной фигурой головы космонавта как бы в виде крыльев, что, с одной стороны, способствует передаче движения, с другой – созданию образа, олицетворяющего полет. Этот полет связан с выходом в космос, возвращением на Землю. А материал – гранит и бронза – придают ассоциацию вечности героизма и космонавта в вечном движении, эволюции человечества.

Наряду с этим в планировке и сооружении монумента Памятного знака есть еще и конструктивное решение. Архитектор и скульптор, расчлняя композицию на три части (одна сторона расположена параллельно с проспектом Ленина, другая – с улицей им. Космонавта А.Г. Николаева, третья, то есть сама скульптура, находится в центре, направленная взором на зрителя), пытаются найти ассоциативное *движение*.

Несмотря на эти художественные качества памятного знака, некоторые зрители хотели видеть в нем форму памятника-монумента. Однако задачи, поставленные перед автором, были иными, то есть он должен был создать именно Памятный знак, а не какое-то другое произведение. И нам хотелось бы сказать, что цель скульптора достигнута и не следует его работу относить к монументальной скульптуре в прямом смысле этого понятия, так как она является произведением монументально-декоративной скульптуры. В нем автор частично реализовал свои знания, полученные в *отделении архитектурно-декоративной скульптуры* Высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухиной. В произведении глыбы гранита выступают и как архитектурная часть, и как декоративный элемент самой скульптуры – объемной формы головы космонавта.

Работа А. Брындина несет в себе общественное содержание. Ее действительность и выразительность могли реализоваться наиболее полно лишь в единстве с окружающей средой – природной и архитектурной. В поисках этой связи напротив Памятного знака на противоположной стороне, в углу, на стыке двух жилых домов, расположенных по проспекту Ленина и улице Николаева, следовало установить что-то объемное. Им стали невысокие монолиты естественных камней и источник воды. Так появился цельный ансамбль, обращенный лицом к открытому пространству, в сторону городского парка «Лакреевский лес».

С включением ансамбля в природную среду возникла необходимость поисков связи с экстерьером и архитектурой. В стремлении добиться этой цели было решено покрасить наружные стены и балконы зданий в различные цвета и украсить различными фигурами. В результате появились прямоугольники, круги, плоскости и т.д. К сожалению, это не дало желаемых результатов, а наоборот, появилось самодеятельное оформительство. Построения, утратив признаки гражданской архитектуры, стали легковесными, эклектичными.

В конце 90-х гг. XX в. с появлением «хозяев» угла двух жилых зданий зеленый скверик с деревом, цветами и источником воды – искусственным родником – был разрушен, красавцы природные камни-монолиты вывезены. На месте скверика появились антихудожественные постройки – торговые помещения бизнесменов, что сохраняется по сей день. Таким образом ансамбль варварски подвергся уничтожению.

В творчестве А. Брындина немалое место занимает искусство мемориальной доски, где также ярко выступают принципы стилиобразования, разрабатываемые им самим, и его индивидуальный пластический язык. Памятные доски, установленные в Чебоксарах до него, изготавливались в основном из дерева, мрамора, в лучшем случае из гранита. Надписи выполнялись вырезным способом, покрывались серебром, бронзой, масляными красками, иногда пылью золотого порошка. А. Брындин в искусство мемориальных плит внес новый материал – бронзу, алюминий, а в технику изготовления – выколотку, чеканку, в образную систему – рельеф, барельеф, горельеф и скульптурный объем.

Одной из ранних работ скульптора, созданной как высокообразное мемориальное произведение, является мемориальная доска «Народный артист СССР Б.А. Алексеев» (Чебоксары, ул. К. Маркса). Погрудную фигуру в технике выколотки из меди автор изобразил почти в форме круглой скульптуры, поместив ее как бы на фоне складок театрального занавеса, подчеркивая этим, что жизнь и творчество человека, кому посвящена памятная доска, были связаны со сценическим искусством. В глазах, лице актера выражены доброта, совесть, воля, скромность, трудолюбие. Б. Алексеев достиг в своем творчестве высшей цели. Через исполнительское мастерство он донес до чувашского зрителя образ В.И. Ленина. Отобразить такого человека – задача трудная и сложная. Тем не менее А. Брындин решил ее мастерски: композиция, пластика произведения выглядели удачно, монументальность проявилась четко, художественность стояла высоко. Однако при установлении, удовлетворяя требование заказчика, левую часть доски, которая помогала уравновесить композиционную структуру, углубить содержание, полнее раскрыть образ, пришлось, к сожалению, срезать. В итоге произведение утратило ценные художественные качества.

Как и произведения других видов и жанров монументального искусства, мемориальные плиты тесно связаны с архитектурой здания, на котором они укрепляются. Памятная доска, несущая в себе идейное и эстетическое содержание, должна выступать в единстве с природной средой.

В этом смысле мемориальная доска в честь Б. Алексеева установлена удачно. И само здание (архитектор Ф.С. Сергеев) как произведение обладает лучшими качествами архитектуры: оно покрыто лепными декоративными элементами, верхняя часть высоких окон имеет форму полуовала. Основой плиты служит стена, оформленная «под шубу» в сером цвете. Исходя именно из этих данных А. Брындину пришла мысль сделать свою работу объемной, а фигуру – горельефной. Доска расположена не со стороны площади, хотя она могла быть и здесь, а со стороны сквера с липами, кустарниковыми растениями*. В летнее время у фонтана всегда собираются люди: одни любуются радужными брызгами, другие, особенно гости столицы, знакомятся с чувашским актером. Зимой, когда сквер в белом одеянии, мемориальная плита приобретает иную окраску и порою выглядит еще примечательнее. Гражданин, патриот, стремившийся поднять самосознание народа, смотрит на зрителей фигурой из меди, на фоне медного занавеса.

Плита памяти о Б. Алексееве органично вошла в природную и архитектурную среду, что обеспечивает ей еще большую выразительность и эмоциональную действенность.

Форму, вернее объем, смоделированный в работе А. Брындина, можно обозревать и издали, и вблизи с разных точек.

Среди мемориальных досок своей выразительностью и высокообразностью отличается памятная доска, посвященная народному поэту Чувашии Я.Г. Ухсаю (Чебоксары, бронза, 1989 г.). Установлена она на стене дома (архитектор Ф.С. Сергеев), построенного в 50-х гг. XX в. по проспекту Ленина, где жил и работал поэт в последние годы жизни. Многоквартирное здание не входит в число памятников архитектуры, но сооружено по традициям классического стиля. Стена первого этажа покрыта светло-серым цементным раствором в виде прямоугольных плит. Композиция памятного знака, помещенного на этом фоне, состоит как бы из трех взаимосвязанных, сложенных частей. Основа в виде рамы, прикрепленная к стене, имеет вытянутую по вертикали форму. На ней по горизонтали расположено колышающееся полотнище с надписью на чувашском и русском языках. В центре почти в полном объеме находится горельефная фигура поэта. Он такой же, как в жизни. В анализе больше всего следовало бы отметить ту деталь, которая у исследователей остается незамеченной. Центром полотнища, откуда расходятся его неровные выющиеся концы, служит одеяние с частью галстука. Этим автор подчеркивает интеллектуальность человека, занимавшегося творческим трудом. В то же время прямоугольная рама с

* В статье мемориальная доска подвергается анализу исходя из первоначальных данных, ибо она сооружалась в синтезе с окружающей средой того времени и являлась главным культурным объектом у находящегося вблизи фонтана. В наши дни на месте фонтана возвышается часовня и плита памяти о Б.А. Алексееве приобрела дополнительные эстетические черты.

острыми углами, ассоциируя окно мира творчества, символизирует сложную и трудную жизнь поэта.

В анализе памятного знака необходимо отметить еще одну важную сторону, имеющую теоретическое значение. Детали произведения, о которых шла речь, играют большую роль в создании образа. Вместе с тем их место в произведении этим не завершается. Они несут еще и декоративное назначение, благодаря этому, а также пластической структуре, избранной автором, происходит стилеобразование. Стил, созданный А.К. Брындиным, индивидуален. Мемориальная доска, посвященная поэту Я.Г. Ухсаю, наполнена художественными средствами – метафорой, поэтикой, символом. Она является памятником декоративно-скульптурной формы искусства.

А. Брындин в своем творчестве обращается к образам деятелей искусства, чей прах уже покоится в земле, а имена остались в памяти почитателей их таланта. Надгробный памятник заслуженному работнику культуры Чувашской АССР художнику В.С. Гурину (кладбище Карачуры, бронза, гранит, 1989 г.) включает плиту с изображением портрета художника, выполненного с фотографии. Образ, воплощенный в бронзу, выразителен. Задумчивый, спокойный взгляд его направлен в сторону, художник как бы погружен в себя, не видит посетителя.

При анализе надгробной плиты мы встречаемся с теми же приемами, о которых говорили при рассмотрении предыдущих произведений. Профессионально крепко вылепленный погрудной портрет, отображающий не только внешнее, но и внутреннее сходство, помещен на прямоугольную плоскость средством усиления образной структуры и передачи богатства красоты декоративного обрамления. Углы плиты приподняты от гранитной основы, и это способствует передаче легкости, воздушности и движения.

Из мемориальных памятников, сооруженных на земле предков, лучшим, видимо, надо считать надгробие народного художника Чувашии, заслуженного художника РСФСР М.С. Спиридонова (Чебоксары, мемориальная аллея кладбища по улице Б. Хмельницкого, мрамор, 1988 г.). Памятник по композиции расчленен на три яруса: наземная прямоугольная плита, постамент и портретная фигура головы художника. Скульптор в образе М.С. Спиридонова видит его устремленность и целенаправленность. М.С. Спиридонов в последние годы жизни носил длинные волосы цвета светлого льна. Лицо, глаза и вьющиеся волосы живописца скульптор сумел запечатлеть не только правдиво, но и красиво. Взор художника направлен как бы против ветра – буйного ветра сложной жизни. Форма постамента с прямыми гранями и вырезанной из общего объема вертикальной полоской, на которой нанесен меандрообразный орнамент, подчеркивает любовь М.С. Спиридонова к людям своей нации и творчеству, в котором огромное место было уделено исследованию народного искусства.

Монументальная скульптура и монументально-декоративный жанр в чувашском изобразительном искусстве 60–80-х гг. XX в. – явления новые.

Их возникновение обусловлено достижениями культуры народа и эстетическими потребностями человека. Исследователями-искусствоведами замечено, что монументальное и монументально-декоративное искусство приходит к жизни в тот период, в ту эпоху, когда как и во всей жизни общества, так и в культуре происходят прогрессивные изменения. Произведения монументально-декоративного искусства обогащают культуру и свидетельствуют о быстром развитии изобразительного искусства.

Монументальное искусство отличается от других жанров изобразительного искусства своими специфическими чертами: его произведения должны иметь тесную связь с архитектурными сооружениями, окружающей средой, интерьером, экстерьером.

Из работ, выполненных в 70-х гг. XX в., особого внимания заслуживает синтез произведений музея легендарного героя Гражданской войны В.И. Чапаева в Чебоксарах и «Конница» (авторы А.К. Брындин, А.И. Иванов и В.П. Черепанов; медь-выколотка, 1974 г.).

Прежде чем начать разговор о работах монументалистов, надо сказать о самом здании музея как архитектурном сооружении (архитектор М.Т. Суслов), ибо произведения монументально-декоративного искусства, как мы сегодня понимаем, не должны рассматриваться отдельно, в отрыве от архитектурной формы. Здание музея по композиционной форме выглядит ново, совершенно непривычно. Оно не похоже ни на одно здание в Чебоксарах и вначале некоторым не нравилось: многие считают, что если это музей, то он обязательно должен быть белого цвета, с колоннами и т.д. Но в данном случае архитектор стремился как можно больше оторваться от такого представления. И хотя в планировке здания имеются некоторые просчеты, в целом оно выглядит удачно. Автор умело соединил его с ландшафтом, нашел сочетание с памятником и сквером. И форму здания архитектор решает необычно. Для него это не просто дом, а музей легендарного героя, здание-монумент. М. Суслов при решении объема, вернее в передаче композиционной формы, использует большие плоскости, прямые и наклонные линии. Правая сторона здания уходит вглубь, в сторону парка, а левая расположена параллельно проспекту, ее стена выступает и имеет наклон.

На фасаде такого здания молодым художникам А. Брындину, А. Иванову, В. Черепанову и надо было создать свое произведение. Перед ними встала сложная задача, заключающаяся в том, чтобы изображение было тесно связано с архитектурной формой здания, с одной стороны, а с другой – по композиции и сюжету органично включалось в ансамбль сквера, то есть сочеталось с памятником В.И. Чапаеву и окружающим пейзажем. Не менее трудным был выбор материала. Можно было сделать роспись или мозаику, но художникам виделось нечто объемное, что оказало бы более сильное эмоциональное воздействие на зрителя. Материалом для композиции была выбрана медь, а техникой – выколотка. Темой избрана чапаевская конница.

Произведение состоит из пяти фигур бойцов и коней (разм. 420х1130х50), помещено на наклонной стене фасада. Техника выколотки сложная и трудоемкая. А. Брындин, В. Черепанов и А. Иванов над своим творением работали с 1972 по 1974 г. В «Коннице» воспроизведены конармейцы-чапаевцы: на горячих конях, с саблями в руках устремились они в атаку. В изображении нет какого-то драматического действия, показан момент рядового героизма, исполненного высокого накала и напряженности. «Конница» не требует отдельного рассмотрения каждой ее части, она высокообразна и воспринимается цельно, приобретая черты символичности. Есть и другая сторона, характеризующая эту работу как высокохудожественную и отвечающую требованиям развития монументально-декоративного искусства той эпохи. Эта сторона заключается в синтезе искусств. Произведение взаимосвязано со зданием музея, с ее архитектурой, в то же время в пространстве окружающей среды является как бы сюжетным продолжением памятника Чапаеву, и в этом проявляется синтез жанров и видов искусства.

Горожане, учащиеся, студенты, молодожены, жители районов республики, туристы из городов России, гости из зарубежья и представители народов разных стран при посещении музея В.И. Чапаева долго и молча стоят перед медной «Конницей», любясь ее красотой, восхищаясь мастерством и талантом авторов. И у каждого зрителя возникает чувство гордости за героя Гражданской войны, за его легендарную дивизию.

...Так было в XX в., так есть во многом и сегодня, в XXI столетии. Однако после распада СССР крайне изменились жизненные понятия и представления, отношение к идеалам народа и истории. Даже к борцам за свободу, героям-защитникам Родины появилось неоднозначное отношение, в том числе и к В.И. Чапаеву. Казалось бы, без его сражений и побед не могло приблизиться к цели создание нового государства, не имевшего подобной системы и структуры в мировой истории. В связи с противопоставлением настоящего и прошлого, с изменением взглядов на социальный строй в обществе появились люди, которые с ненавистью относятся к идеалам советской эпохи.

В конце октября 2012 г. совершился акт вандализма: перед празднованием годовщины Октябрьской революции 1917 г. с «Конницы» была украдена сабля всадника-красноармейца. Для культуры республики, для А. Брындина как автора, после случая вторжения торговцев из-за своих личных интересов в ансамбль Памятного знака космонавта А.Г. Николаева, этот акт стал вторым крупным психологическим ударом, имеющим еще и политическое значение.

Через небольшое время стараниями автора деталь «Конницы» – символ побед – была восстановлена (исполнитель – скульптор, мастер по ковке и выколотке В.Д. Немцев).

* * *

Стили, стилевые направления, подчиняясь требованиям времени, появляются, развиваются, умирают, а некоторые из них через определенный период, возродившись, становятся вновь эстетической нормой общества. В истории человечества есть стили, существовавшие на протяжении нескольких тысячелетий. Среди них имеются и такие, которые из жизнедеятельности человека полностью не исчезали никогда. Принципы, разработанные великими мастерами прошлого, продолжают жить вечно. А формы, созданные ими, вновь и вновь проникают в новые стили и занимают в них своё достойное место, участвуя в стилеобразовании в разных частях света, в культуре многих народов.

Стиль и стилеобразование в каждом виде искусства проявляют себя по-особенному. В то же время в объемных и пространственных формах искусства – архитектуре и монументальной скульптуре – в какой-то степени они родственны. Первая может быть самостоятельной, но вторая чаще всего во власти зодчества.

Потребность в стилях зависит от степени цивилизованности общества, правителей и т.д. Между тем в истории немало примеров, когда проявляются промежутки с большими и малыми расстояниями отсутствия стилей, то есть общество продолжает жить без них или даже не зная о них. Время наше относится к тому периоду, когда нет условий, механизмов для стилеобразования (в архитектуре), хотя на уровне профессионалов говорят о них немало. Высокие стили в эволюции человечества всегда связаны с ренессансными высотами культуры. В то же время, как ни парадоксально, стиль, превращаясь в канонические нормы, может оказаться препятствием в рождении других видов стилей.

Время 70–80-х гг. XX в. благотворно повлияло на творчество А.К. Брындина, появление новых форм и возникновение индивидуального авторского стиля. Принципы стилеобразования, выработанные им, сложились за небольшой период, так как в художественно-образное мышление студента они были заложены еще в годы учебы в Ленинграде, а в Чебоксарах, сформировавшись, получают дальнейшее развитие. Искусство «архитектурно-декоративной скульптуры», войдя как новое явление в чувашское изобразительное творчество, обогащает культуру и Чувашии, и многонациональной России.

В начале творческого пути, когда автор работал над образом М. Сеспеля, целиком и полностью входит в скульптурные нормы классицизма. В этом прослеживаются два подхода: первый заключается в том, что скульптор еще не успел «овладеть» той сложной образной структурой, которая проявится позднее; второй – М. Сеспель является классиком чувашско-советской поэзии, значит, изображение поэта в стиле классики более правдоподобно. Так или иначе здесь мы не видим нового стилеобразования, автор в создании и формы, и образа прибегает к давно существующему в изобразительном искусстве стилю.

В середине 80-х гг. XX в. в творчестве А. Брындина произошел существенный перелом. Оставив в прошлом «графическое синтезирование», что характерно было для 70-х гг., начинает создавать произведения, где ярко выступает новое мышление, индивидуальный стиль, основанный на сложных художественно-образных формах. Творчество А.К. Брындина не только высокообразное, это совершенно новое слово в истории развития стилей, принципов и методов стилеобразования.

Литература

¹ Общество русских скульпторов. Отчет о деятельности ОРС за 1926/27 гг. // Борьба за реализм в искусстве 20-х годов: материалы, документы, воспоминания. М., 1962. С. 237.

² Бакушинский А. Современная скульптура в СССР // Вечерняя Москва. М., 1927. 5 октября.

³ Мухина В. Законы творчества, условия сотрудничества // Вопросы синтеза искусств. М., 1936. С. 15.

⁴ Искусство скульптуры в XX веке: проблемы, тенденции, мастера: материалы международной научной конференции (Москва, 2006). М., 2010. С. 8.

⁵ Бакушинский А. Современная скульптура СССР // Борьба за реализм в изобразительном искусстве 20-х годов: материалы, документы, воспоминания. М., 1962. С. 338, 339.

⁶ Шишкин В. Улица зовет на праздник // Советская Чувашия. 1987. 15 августа.

A.A. Trofimov

THE PRINCIPLES OF STYLE FORMATION AND PLASTIC STRUCTURE IN THE WORK OF MONUMENTALIST A.K. BRYNDIN

The questions of style and style formation, methods and principles of plastic structure in art works are closely connected with social life, culture of the society, and art science. The creative work of A.K. Bryndin, author of monuments of sculpture and monumental art, comes from the space of time of 1960s – beginning of the 21st century. At this contradictory stage of development of the Russian state, under complicated conditions of search for artistic-graphic means, the master created his own, authors principles of forming, on which are based figures of freedom fighters, defenders of the Fatherland, workers of culture and people of art, the Chuvash cosmonaut A.G. Nikolayev.

Key words: monumentalist A.K. Bryndin, art and art studies of Chuvashia, style, style formation, methods and principles of plastic structure in art works.

ЧГВ, 2013 г., № 8
© А.И. Мордвинова

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЧУВАШИИ НА ИЗЛЕТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

В изобразительном искусстве Чувашии в 1960–1970-х гг. намечаются значительные перемены. Наряду с методом соцреализма, художники все чаще стали использовать новый изобразительный язык. Прослеживая развитие искусства Чувашии в общероссийском контексте, автор преследует цель показать новые черты в творчестве наиболее ярких и самобытных художников. Особое внимание уделено творчеству А.И. Миттова, чьи произведения стали своеобразной мерой отсчета в развитии изобразительного искусства республики, определили его национальную самобытность.

Ключевые слова: изобразительное искусство, соцреализм, внутренние противоречия, андеграунд, А.И. Миттов, художники Чувашии, новые направления.

Советское изобразительное искусство 1960–1970-х гг. еще в те годы было названо изобразительным искусством развитого социализма. Представляемое на выставках многотысячной армией членов Союза художников, оно действительно было масштабным и целостным в смысле полноты показа достижений страны средствами всех жанров живописи, скульптуры и графики. Его содержание регламентировалось идеологией коммунистической партии и отражало жизнь советского общества в идеализированном ключе. Официальная сторона художественной жизни получила широкое освещение в конкретных постановлениях и указах партии и правительства. В середине 1960-х гг. появляется множество исследований на тему «Социалистический реализм – творческий метод советского искусства». Социалистический реализм насаждался как единственный правильный метод.

К тому времени в советском изобразительном искусстве уже сложился эталонный круг тематических картин, изображающих «колхозные

Антонина Ильинична Мордвинова – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: amordvinova@yandex.ru.

праздники», «счастливые» детство и юность, портреты государственных деятелей, передовых представителей общества и т.п. Процесс этот начался еще в первой половине 1930-х гг. и достиг своего апогея в 1950-х гг. В следующем десятилетии в этом налаженном организме намечаются заметные внутренние противоречия. Сегодня, спустя полвека, можно говорить о том, что при внешней цельности изобразительное искусство этого времени было многогранным и многослойным. Что касается чувашского искусства, то по отношению к доминирующей столичной культуре оно, вне сомнения, находилось в состоянии периферийности, а многие из возникших в столицах направлений и вовсе не нашли здесь отражения. Цель настоящей статьи – выявить внутренние процессы в развитии чувашского изобразительного искусства на излете социалистического реализма. Ведь именно в 1960-х гг. намечается кризис старых и зарождение новых идей и форм в искусстве художников Чувашии.

Развиваясь в контексте реалистической русской школы, чувашское изобразительное искусство не сразу выросло до решения проблемы национального художественного языка, что характеризовало бы его самобытность. В первую очередь отметим, что оно берет свое начало с творчества основоположников чувашской профессиональной школы живописи Н.К. Сверчкова и М.С. Спиридонова, работавших в русле реализма, как они его понимали. Будучи членами Ассоциации художников революционной России, а затем встав во главе созданного ими Союза художников, они основной своей задачей видели создание произведений, прямо и без затей воспроизводящих жизнь советского общества. Это направление искусства в 1960-х гг. разделилось, на наш взгляд, на два течения, которые оставались таковыми вплоть до конца XX в. В авангарде одного из них шел Н.В. Овчинников, наиболее отчетливо воспринявший художественно-политическую программу советской власти. В конечном итоге он на многие годы стал первым лицом чувашского искусства, получив всевозможные награды и почетные звания. Крупные произведения художника появляются сразу вслед за значительными событиями. Так, уже в 1962 г. создается картина «Здравствуйте, земляки!», в 1963 г. – первый вариант картины «Здравствуй, Земля!», посвященные полету в космос А.Г. Николаева. Следуя конъюнктурным интересам, художник тиражирует свои удачные произведения. В 1964 г. появляется второй вариант картины «Здравствуй, Земля!», в последующие годы – еще несколько ее вариантов, которые ныне хранятся в художественных музеях Чебоксар, Казани, Махачкалы, в школьных и общественных коллекциях Чувашской Республики, а также в учреждениях культуры зарубежья. Тиражирует он и другие крупноформатные картины: «Первенец», «Первая борозда», «Подписание В.И. Лениным декрета об образовании Чувашской автономии» и другие, написанные в 1960–1970-х гг.

Н.В. Овчинников выделяется среди художников Чувашии и тем, что создает наибольшее число полотен, посвященных вождю коммунистической партии и основателю Советского государства В.И. Ленину. В традици-

ях, заложенных еще в 1930-х гг., он пишет ряд картин: «Посланцы чувашского народа в Кремле у В.И. Ленина» (1951), «Ленин в Горках» (1960), «В.И. Ленин в рабочем кабинете» (1960), «Ленин с детьми» (1962) и др. Они имели важное значение в утверждении Н.В. Овчинникова как выдающегося живописца своего времени. Выбранная тема была бесприоритетной в советский период истории. Но справедливости ради надо отметить, что его живописное мастерство было в те годы очень высоким.

Судьбоносную роль в творческой среде играла иерархия взаимоотношений. По этому поводу художник Праски Витти, отвечая на вопрос, почему он не вернулся в Чувашию в 1967 г., сразу после окончания института в Ленинграде, высказался следующим образом: «Ведь как было тогда в республике? Определялся – гласно или негласно – Самый Лучший Художник, на вершине Пирамиды. Определялись Отличные Художники – чуть хуже. Потом – третьи, исполнители. И так далее. Пирамида. А на вершине Пирамиды – несколько человек, которые имели право войти к начальству, в высшие партийные органы, другие структуры. Остальные не были в них допущены... Я действительно боялся такой системы»¹. Много размышлял о современном искусстве в своих дневниках и А.И. Миттов. Касательно некоторых чувашских художников он писал: «Многие просто спекулируют именем живописи, продавая государству злободневные сюжеты, шумливые холсты, громкие фразы»². Как видим, понимание того, что происходит расхождение истинных и ложных составляющих искусства, уже в то время приходило на ум некоторым художникам.

При внешнем единообразии искусства, следующего официальным постановлениям, оно и в рамках реализма не ограничивалось заказными темами. Другую линию представляли художники, на чьих полотнах формы окружающей жизни наполнялись глубоким содержанием и красотой. Высокое профессиональное мастерство давало им свободу самовыражения, светлое восприятие жизни придавало полотнам живое чувство. В первую очередь это касается выпускников Ленинградского института живописи, архитектуры и скульптуры им. И.Е. Репина Р.М. Ермолаевой и В.С. Гурина, для которых, людей предельно честных, не существовало понятия конъюнктуры. Реалистическое искусство было для них высоким искусством, и лучшие произведения этих мастеров были далеки от исходящих сверху идеологических установок.

Реальная картина художественных процессов в искусстве Советского Союза уже в конце 50-х гг. стала расходиться с официальной. В его лоне зарождалось движение «художников-шестидесятников», создавших искусство «сурового стиля». На первый план выдвинулись художники московской школы, в основном выпускники Художественного института им. В.И. Сурикова. В творчестве наиболее ярких представителей раннего – героического – этапа этого стиля: А.А. и П.А. Смолиных, П.Ф. Никонова, Г.М. Коржева, Н.И. Андропова, В.Е. Попкова, В.И. Иванова, Д.Д. Жилинского, Т.Т. Салахова, М.К. Аветисяна, И.А. Зариня – отразилось новое понимание

изобразительного искусства, способного рассказать суровую правду о человеке, живущем в далеко не идеальной стране, искусства бескомпромиссного и лишённого всяких иллюзий. Перемены затронули все виды и жанры искусства. В 1962 г. в журнале «Новый мир» была опубликована повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», до этого распространявшаяся в рукописном и машинописном виде. Несмотря на то, что она была вскоре запрещена, ее влияние на умы современников было очень велико.

Картина В.Е. Попкова «Строители Братска» (1961) стала одним из манифестов «сурового стиля». В ней определился общий характер новых героев. Внешняя замкнутость, спокойствие, усталость несут внутреннее напряжение и трагизм. Художники принципиально противопоставляли свое творчество сталинскому так называемому «бесконфликтному» искусству, полному радости и счастливой беззаботности. Знаковой и общепризнанной фигурой в Москве наряду с В.Е. Попковым стал Д.Д. Жилинский. Их произведения можно выделить как наиболее драматичные и эмоционально насыщенные. Интеллектуальная составляющая также становится особым качеством их произведений, так же как отстраненность от какой бы то ни было идеологии. Тем не менее в этот недолгий период относительной демократизации советского общества художники «сурового стиля» были допущены в выставочные залы, они получили некоторую свободу в рамках официального искусства. Нарождающейся оппозиции был дан контролируемый выход. «Хрущёвская оттепель» во второй половине 1960-х гг. завершилась новым усилением идеологического контроля, но власть в дальнейшем уже не смогла остановить процесс превращения ручейков нового искусства в мощные потоки. Вытесненное из выставочных залов, оно ушло в подполье.

Идеи и формы «сурового стиля» пришли в Чувашию вместе с выпускниками художественных вузов страны. Р.Ф. Федоров и В.Д. Чураков, окончив Харьковский государственный художественный институт, приехали в Чебоксары в 1963 и 1964 гг., П.В. Павлов и Н.Е. Егоров – в 1968 г. после Московского «суриковского» художественного института. Молодому поколению не надо было перестраиваться. В студенческие годы они уже восприняли новые веяния в столичных художественных кругах.

Глубокая перестройка художественного стиля начинается и в творчестве молодых художников Чувашии, окончивших художественно-графический факультет педагогического института им. И.Я. Яковлева и Чебоксарское художественное училище. Начиная со второй половины 1960-х гг., набирает силы новое поколение художников. Н.С. Ведерников, К.В. Владимиров, Н.А. Енилин и П.В. Петров как раз были людьми новой формации, не приемлющими идеологические установки в изобразительном искусстве. При сдержанности и лаконичности формы, при ее, можно сказать, благородстве, их произведения предельно насыщаются эмоционально, служат выражению идей – гуманистической, национальной, патриотической.

Удивительным образом вписывается в это время старейший чувашский художник Ю.А. Зайцев (1890–1972). Он стоит несколько особняком в ряду художников старшего поколения, и, пожалуй, его творчество впервые являет собой попытку поиска национального языка в чувашской живописи. «В первую очередь это выразилось в использовании в живописи красочных гармоний и ритмического строя чувашской вышивки. Экспериментирует Зайцев и в области национального колорита³. Действительно, в последний период жизни художник обретает наибольшую смелость в своих экспериментах. Начиная с пейзажей «Утренний час на Волге» (1960), «Над Цивилём» (1962, 1964) и др., он приходит к созданию предельно выразительных и оригинальных портретов. Такие произведения, как «Автопортрет» (1965), «Матери» (1968), «Хмель» (1969) собственно портретами уже и не являются. Эти образы – некая аллегория, через которую художник стремился выразить национальные представления и предпочтения эстетического характера, связать образы прошлого с настоящим, утвердить их актуальность. Женские образы в картине «Матери» несколько стилизованны, декоративны, цвет предельно интенсивен и насыщен блеском серебра и горячих красок, будто облитых закатным солнцем в жаркий летний день. Это некий идеал чуваша. Нарядность и праздничность полотна ассоциируется именно с понятиями праздника, здоровья, плодородия и благополучия – главных ценностей для крестьянина. В целом эта живопись, при всей звучности и яркости цветов, благородна, как в чувашском узорном ткачестве и вышивке. Ю.А. Зайцев пытается реализовать свои идеи и через еще более символические образы. Но в этом случае поиск нового пластического языка проявлялся иногда несколько наивно. Так, в картине «Песня» (1968), эскизах к ненаписанной картине «Вечная мать» (1971) он выстраивает ярусные композиции, а условные, стилизованные фигуры упрощает до возможного, делая их похожими на элементы, характерные для чувашского орнамента. В итоге имеем подобие эскиза какого-нибудь ковра или занавеса. Другие попытки более удачны, например, в картине «Утренний час на Волге» (1960) или в монументальном триптихе «Течет река Волга» (1967) цвет является основным, даже форсированным выразительным средством. Здесь художник практически не использует возможности композиционных, ритмических построений, сюжетного присутствия. Однако приближение его к решению высоких задач национальной школы живописи через цвет очевиден. В этом новаторство и значение его творчества, в данном плане не вполне еще оцененное. Интересно, что в поисках национального художники Чувашии используют в первую очередь графические приемы, отталкиваясь именно от орнаментов вышивки и ткачества, геометрических по характеру. Тогда как Ю.А. Зайцев, а вслед за ним и А.И. Митов сделали попытку реализовать свое понимание и чувство национального еще и через цвет. Этот шаг был сделан благодаря их глубокой интуитивной связи со своей землей, народом и его традициями, с одной стороны, и огромными творческими усилиями – с другой.

Важной в духовной культуре 1960-х гг. стала деревенская тема. В первую очередь, как известно, это проявилось в советской литературе. Так называемая деревенская проза обогатила литературу целым рядом художественных открытий, создав образ человека совестливого, нетерпимого к несправедливости и способного противостоять реалиям «застойного» времени. По большому счету, это тот же бунтарь, который каждый день преодолевал трудности и лишения. Он стал персонажем романов Ф.А. Абрамова, Б.Л. Васильева, П.Л. Проскурина, В.Г. Распутина, В.И. Белова, В.П. Астафьева, В.М. Шукшина и др. Их герои размышляли о жизни, утверждали в ней нравственные ценности, жили в гармонии с природой, были в душе поэтами и часто казались чужаками. Многообразие характеров в созданных произведениях не укладывалось в рамки заданных тем и типических героев. Эти черты характеризуют и творчество чувашских писателей, начавших свой путь в литературе после Великой Отечественной войны. Рождение нового героя с его душевной тонкостью и болью о родной земле видим в произведениях А.В. Емельянова, А.С. Артемьева, Ю.И. Скворцова и др.

Художники также обратили свой взгляд на русскую деревню как на своеобразный морально-этический заповедник, не тронутый фальшью. В первую очередь в их число входят российские художники В.И. Иванов, В.Ф. Стожаров, В.М. Сидоров, братья С.П. и А.П. Ткачевы, произведения которых беспардонны, полны поэтического восприятия мира, неброской красоты русской природы, уважительного отношения к крестьянскому труду.

В Чувашии эта тема стала одной из ярких и значительных благодаря усилиям Н.П. Карачарскова и В.Л. Немцева. Картина «Конюхи» (1963) первого, «Юбилеры» (1966) и «Семья» (1967) второго являли будничную, наполненную трудом жизнь. Образы простых крестьян показаны вне «героических» трудовых подвигов, хотя за их плечами угадывается нелегкий жизненный путь. Оба художника прекрасно освоили академическую школу живописи в стенах Чебоксарского художественного училища, славившегося именно академической системой обучения. Этой творческой манере они остаются верны и по сей день.

В 1960-х гг. определился почерк одного из самых самобытных художников Чувашии В.И. Агеева, который и сегодня работает очень активно. Он вошел в число классиков чувашского изобразительного искусства, своеобразие и глубина которого во многом определяется именно его творчеством. Уже в картине «Автопортрет с чувашскими поэтами» (1963) видим артистичную, широкую манеру письма, колористическое богатство и мастерское владение композицией, ставшие впоследствии индивидуальными качествами художника. Особо подчеркнем, что он всегда стоял в стороне от официальной сферы жизни искусства. На примере его произведений можно проследить путь художественного воплощения основных идей современного чувашского изобразительного искусства, характерного, впрочем, для всех национальных республик России и, более того, для всего ци-

вильзованного общества с его идеями самоидентификации в активно меняющемся мире. Сегодня самобытность каждого народа признана как «жизненное ядро культуры, тот динамический принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая силу в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения, отвечающие его потребностям, осуществляет процесс постоянного развития»⁴. Но в то время, когда начинали свой путь в искусстве В.И. Агеев и А.И. Миттов, эти проблемы не обсуждались. Они оказались первовестниками в вопросе о становлении национальной живописи.

Владимир Агеев вступал на новый путь в привычных формах реалистической живописи. Перефразируя философа, скажем: «Художество его таково, каков сам художник». Сила таланта и цельность натуры Агеева проявились в том, что он определил свою творческую программу исходя из мировоззрения и характера чувашского крестьянина, из его образа жизни и традиционного быта, природного ландшафта, которые органично вписаны в живописные полотна. Картины этого художника кажутся нам полными мощной, из глубины веков идущей, животворящей силы, дают ощущение связи времен, непрерывности рода. К этому он пришел путем размышлений и кропотливой работы, усиливая внешний сюжет внутренней философией. В своем творчестве он выразил эстетические представления чувашского народа.

Поиск своего, родового, исконного стало одной из главных идей гениального Анатолия Миттова, формирование которого как художника происходило со стремительной быстротой в первой половине 1960-х. Он оказался в своих поисках наиболее близким к авангардным течениям времени, а в итоге – наиболее оригинальным в своем приближении к национальному искусству.

В связи с личностью А.И. Миттова к месту вспомнить снова столичное искусство времён «хрущёвской оттепели». Его творчество позволяет нам перебрать тонкие нити, связывающие чувашское искусство с московским андеграундом, и прочувствовать нарождающееся желание свободы в художественной среде. 1960-е гг. – время зарождения российского протестного искусства в Москве и Петербурге. Здесь были сосредоточены лучшие учебные заведения, музеи, выставочные залы, а художественная жизнь предельно насыщена, работали тысячи художников как академического, так и авангардного направлений. Их творчество определяется другими масштабами и осуществляется на другом уровне, нежели за пределами столиц. Для большинства художников это было время первых встреч с европейской культурой на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в 1957 г. в Москве, время известной оттепели, ненадолго приоткрытого «железного занавеса». Во время этого фестиваля работали выставки Д. Сикейроса и П. Пикассо. Затем были организованы выставки «Искусство стран социализма» (1958–1959) и Американская национальная выставка (1959). Последняя стала сильнейшим ударом по

пропагандистской машине СССР. Зрители познакомились здесь с живописью американцев – абстрактных экспрессионистов Дж. Поллока, М. Ротко, Р. Мазервелла, К. Стилла, А. Горки. Советские художники получили мощный импульс для протестного движения. Экспериментами в области живописи и скульптуры были увлечены многие. Но скандал на выставке 1962 г. в Центральном выставочном зале «Манеж», которую посетил Н.С. Хрущёв, положил конец формализму в выставочных пространствах. Однако размеры так называемого подпольного искусства – андеграунда – разрастались. Новыми идеями была охвачена практически вся интеллектуальная молодежная среда. Не имея возможности показать свои произведения на официальных выставках, художники организовывали «квартирные» выставки, выставки русского авангардного искусства в небольших музеях и выставочных залах, которые иногда закрывались уже через несколько часов после открытия. Это время трагического бунтарского искусства. Оно породило сомнения и сопротивление в душах живописцев, музыкантов, поэтов. Г.Н. Айги писал: «В шестидесятые годы, еще в “хрущёвский период”, на переднем плане сопротивления властям стояли не диссиденты, а художники, никому не нужные, бедные, неизвестные, жалкие, но – художники. Они первыми заявили о своей самостоятельности, несогласии с властями и с официальным мировоззрением»⁵. Таким образом, реальная картина художественных процессов в искусстве Советского Союза 1960-х гг. была далеко не тождественна официальной жизни страны.

Главные события происходили в Москве, отчасти в Ленинграде. Искусство других городов соприкасалось со столичным лишь на всесоюзных, всероссийских и региональных выставках. В Чебоксарах, где были сосредоточены практически все художественные силы республики, не происходило ничего, что было бы связано с подпольным искусством. Но отголоски последнего доходили и сюда. Единственный художник, который был знаком с представителями московского андеграунда и даже общался с некоторыми из них, – это Анатолий Миттов. Он прикоснулся к этому миру свободомыслия через поэта Г.Н. Айги, который постоянно жил в Москве и с которым он стал близко общаться начиная с 1966 г. Через него он познакомился в Москве с А.Т. Зверевым, И.А. Вулохом, В.И. Яковлевым и другими, отвергнутыми в то время, но всемирно известными сегодня. Это спасло Миттова от глухой изоляции в чебоксарском художественном сообществе. Мир искусства открывался для него во всем многообразии. Синонимом творческой свободы для этого круга интеллектуалов были имена художников русского авангарда начала XX в. с его главной фигурой – Казимиром Малевичем. Запрещенные советскими чиновниками от искусства, они были совершенно незнакомы большинству советских художников.

В это время Миттов много размышляет об искусстве, человеческих отношениях, о своей неустроенности, вверяя мысли дневникам. Самое важное для него – найти свой путь в искусстве. Он пишет: «Во мне вызывают восторг те работы, где я вижу глубокую мысль, глубокое чувство. Мне

говорят... в жизни так не бывает. Правильно говорят. В жизни так не бывает. Я и не старался показывать, как в жизни бывает. Нет. Это не интересует меня. Собственно, интересует, но с точки зрения противоположной. Если большинство художников показывает жизнь с физической, материальной стороны, то я хочу показывать с духовной стороны. Прежде всего я чувствую идею, всеми способами стараюсь выразить идею, и она воплощается в неожиданную для меня форму...»⁶ В атмосфере непонимания вырабатывается воля художника к самостоятельному творчеству.

В истории чувашского изобразительного искусства, литературы, музыки можно найти и другие примеры формирования яркой индивидуальности художника под всевозрастающим давлением окружающей его социальной среды. Репрессированные в 1937 г. поэт Василь Митта, композитор Степан Максимов, в 1945 г. – художник Юрий Зайцев остались в истории Чувашии как выдающиеся мастера. В 1960–1970-х гг. жестокие репрессии с тюрьмами и выселениями ушли в историю, однако на творческой судьбе Анатолия Миттова сказалось непризнание его таланта многими коллегами и сильными мира сего. Он формировался и работал в условиях жесткого неприятия его творческих поисков и оказался в Чебоксарах единственным художником, чья судьба была схожей с судьбами московских художников, отвергнутых официальной властью. Почти лишенный заказов от издательства и постоянной работы, Миттов был обречен на нищенское существование. Вынужденное отчуждение художника концентрировало его внимание на собственных переживаниях. Он писал: «Думал я искать гармонию внутри самого себя». И еще: «Мое богатство во мне самом». Однако он ясно представлял цель своего искусства и не раз об этом высказывался: «Я стараюсь найти чувашскую форму изобразительного искусства (чтобы можно было говорить о чувашском национальном изобразительном искусстве в такой мере, как существует чувашский язык, чувашская музыка (мелодия), чувашская поэзия, чувашская вышивка)»⁷.

Зарождающийся подспудно в 1960-х гг. интерес к подлинной истории и традиционным ценностям своего народа в 1970-х гг. дает начало серьезному разговору о национальном и в искусствоведении. Проявление самобытности в творчестве художников разных республик обсуждалось на самых разных уровнях. Появляется целый ряд исследований по этим вопросам. В их числе капитальные труды «Искусство народов СССР» в 9 томах (1971) и «Художники народов СССР: библиографический словарь» в 6 томах (1970–1976). В этом ряду и труды крупных советских искусствоведов, таких, как Е.А. Зингер, Ю.С. Яралов – в изобразительном искусстве, Л.Н. Арутюнов – в литературе и Н.Г. Шахназарова – в музыке⁸. Издаются и сборники статей по этим проблемам.

Н.Г. Шахназарова так формулирует понятие «национальное»: «Критерий национального в советском искусстве определялся фактом включения в систему выразительных средств профессиональных жанров элементов традиционного народного художественного мышления, учет широкого

пласта традиций – не только художественных, но традиций быта, образа жизни, обуславливающих его природных условий, особенностей истории, религиозных верований и т.д. Я имею в виду также аспект психологический: ученые начинают обращать серьезное внимание на то, как на типы художественного мышления, формы его проявления воздействует национальная психология. Без учета этих факторов... невозможно определить (хотя можно ощутить) национальную природу некоторых современных явлений искусства, обращающихся к символике, образам огромной концентрации обобщения и т.д.»⁹

В разговоре о национальном своеобразии чувашского искусства Анатолий Миттов занимает особое место. Значение его личности и творчества перешагнуло границы сугубо художественной сферы. В основе оригинального, сложного искусства этого художника – народная философия и психология, эстетические представления, идущие из глубины веков. К национальному он приходит путем интуитивного выхода к архаичным пластам чувашского мира. На начальном пути недолгой творческой жизни – в первой половине 1960-х гг. – наряду с экспериментами в духе русского авангарда начала XX в. (примитивизма, символизма, кубизма) уже прослеживается эволюция композиционных и колористических решений в связи с задачами, сознательно поставленными художником перед собой. К 1963–1965 гг. относятся произведения задуманных им больших циклов «Земля наших дедов» и «Алран кайми аки-сухи». Здесь еще наблюдаются аналогии из восточного, византийского и древнерусского искусств, которые художник тщательно изучил. Причем он не ограничивал себя изучением наследия только изобразительного и прикладного искусств. Западные и восточные традиции литературного и устного творчества, исследования чувашских языковедов, фольклорное наследие расширили его знания, позволили преодолеть так называемый этнографизм, присутствующий в некоторых работах этого времени. В поисках собственного стиля Миттов использовал в своих произведениях достижения чувашского народа в разных видах художественного творчества. «К сожалению, – пишет он, – у чувашского народа сохранилось очень мало памятников изобразительного искусства и архитектуры, в своей работе мне приходится опираться главным образом на чувашскую музыку, на чувашские народные песни, предания, поговорки, на родной чувашский язык»¹⁰. Главное достижение Миттова – это глубина содержания, далекая от словесно-понятийного, как это происходит в реалистическом искусстве. В архаичных пластах чувашского мира он находит идеи, темы и сюжеты, использует цветовую, ритмическую и композиционную систему произведений народного искусства. Именно традиционное народное искусство отражало представление чувашей о мировом всеобщем порядке. Так, одна из самых значительных серий этого периода – «Алран кайми аки-сухи» – рассказывает о фундаментальных основах жизни, о ее истоках, которые художник видит в единении чувашей с природой, в нелегком крестьянском труде, семейных устоях. Потому в про-

изведениях художника появляются архаизированные, статичные силуэты фигур, богатый, иногда очень насыщенный, но сдержанный колористический строй, мир, замкнутый в пределах одного села.

С творчеством А.И. Миттова возникают в изобразительном искусстве Чувашии новые темы и утверждаются новые каноны в изображении сюжетных и пейзажных произведений. Анализ современного искусства дает нам основание сказать, что многие образы, сюжеты и композиционные схемы были введены именно Миттовым. Это его знаменитые хороводы, бытовые, семейные и религиозные сцены, становившиеся под его кистью священным обрядом, таинством, сакральным местом и др. Впоследствии они стали широко использоваться другими художниками и сегодня являются органичной частью произведений разных видов искусства и направлений, посвященных «чувашскому миру».

Очень важно, что в творчестве А.И. Миттова не только мир человека обретает некий архетипический облик. Пейзажи Чувашского края, конкретно села Тобурданово – это образ Вечной природы, вселенского Порядка, Дома. Именно пейзаж выходит на первый план в работах 1967–1970 гг., когда намечается явный перелом в творчестве художника. Основной жанр в чувашском изобразительном искусстве – пейзаж – долго развивался в русле русского реалистического, передвижнического пейзажа. По сути, это один из самых консервативных жанров и является мало развивающейся областью. Пейзажи А.И. Миттова небольшого формата вырастают до картины, до философского обобщения. Изображение природы у художника становится важной частью сюжетных композиций, оно часто существует и как самостоятельный жанр. Это одна из характернейших черт его произведений, которую первым обозначил Н.В. Воронов¹¹. Мировосприятие чувашей через глубокую связь с природой: лесами, полями, всем живым на земле – ярко проявились в мифах и верованиях. Не случайно и отсутствие зимних пейзажей в наследии А.И. Миттова (это первым заметил В.И. Агеев в беседе с Н.А. Ургалкиной 30 января 1977 г.¹²). Цветущая, дающая плоды земля, с чем связаны радости и горести крестьянина, естественно, становится главной темой в жизнеустройстве чуваша.

Другой ряд пейзажных произведений А.И. Миттова также очень важен для обновления в чувашском изобразительном искусстве этого жанра. В графических пейзажах последних лет жизни, выполненных пером и тушью, он снова возвращается к прямой и воздушной перспективе, уходит от декоративности, орнаментальности, насыщенной цветовой палитры, излишней детализации, главное – от конкретизации изображаемого места. В серии работ – «Холмы», «Дорога через холмы», «Дорога через овраг», «Дорога в гору» – лишь характерный ландшафт Чувашии придает им национальный характер. Художник как будто осмысливает через их изображение взлеты и падения в своей судьбе, на тернистом пути творчества.

Новым словом было обращение Миттова к стихам чувашских поэтов – Константина Иванова, Михаила Сеспеля, Васyleя Митта. Это не

только иллюстрации в привычном понятии, многие темпераментные листы созданы «по мотивам», что предполагает активное авторское вторжение в поэтические образы и собственное острое их переживание. Особенно много работал художник над поэмой К.В. Иванова «Нарспи». Очевидно, что он далеко ушел от своих дипломных эскизов, сделанных в стенах Академии художеств, однако тот светлый, нежный и гармоничный образ юной Нарспи невольно прочитывается в некоторых темпераментных листах серий «Весна» и «Подруги», так же как и надрывно трагический ее образ последних глав поэмы в графических сериях «Двое», «Жизнь и смерть». На примере иллюстраций, созданных художниками Чувашии к поэме «Нарспи», можно в какой-то мере судить о значительных переменах в искусстве рассматриваемого времени. Так, выдающиеся иллюстрации И.Т. Григорьева, созданные в 1970–1972 гг., были сделаны совершенно в ином стилистическом ключе, нежели более ранние, созданные им в 1938 г. Меняется почерк даже старейшего графика Чувашии П.В. Сизова – одного из крупных чувашских графиков, который неотступно следовал принципам реалистической школы в самом прямолинейном ее понимании. В 1970 г. он также работает над иллюстрациями к поэме «Нарспи», которые значительно отличаются от того, что им сделано ранее, и от того, что делал в последующие годы. Лаконичность композиционных решений, строгость в отборе деталей, выразительность силуэтов в этих двухцветных линогравюрах позволяют утверждать его восприятие новых веяний в искусстве. В целом, графическое искусство Чувашии оказалось более консервативным. Исключением можно считать только произведения А.И. Миттова и В.И. Агеева, о которых шла речь выше. Во всяком случае, только в 1970-х гг. наметился некоторый перелом в сторону разнообразия, форм и техники исполнения. Так, серия «По мотивам стихотворений М. Сеспеля» Р.Ф. Федорова (1979, офорт) ознаменовала появление графического искусства нового формата.

1960-е гг. для скульптуры Чувашии оказались неяркими. В это десятилетие в станковой скульптуре работал из чувашских мастеров лишь И.Ф. Кудрявцев (1908–1968). Эпизодами в этой области стали приезды выпускников Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина В.И. Бажинова, Э.М. Агаяна и И.Б. Слободовой, проработавших в Чебоксарах от одного до трех лет. Однако их работа в качестве преподавателей на художественно-графическом факультете Чувашского государственного педагогического института пробудила интерес молодого поколения художников к этому виду искусства. Монументальные же памятники Чебоксар были выполнены приглашенными из Москвы и Ленинграда мастерами: памятник В.И. Ленину (1960) – скульпторами Г.Д. Ястребенецким, В.И. Татаровичем и А.И. Даниленко, В.И. Чапаеву (1960) – П.А. Баландиным, И.Я. Яковлеву (1970) – Д.И. Народицким.

Возрождение этого вида искусства начинается с возвращением в Чебоксары А.К. Брындына, окончившего Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухомовой (1968), и Ю.И. Ксено-

фонтова – после окончания им Московского художественного института имени В.И. Сурикова (1972). К ним присоединились В.П. Черепанов, Ф.И. Мадуров и С.Н. Кадикин – выпускники художественно-графического факультета, активное творческое начало которых падает на 1970-е гг.

Такие станковые произведения, как «Колхозный плотник дядя Петя» Ю.И. Ксенофонтова (1974), «Илья Муромец» и «Ю.А. Зайцев» В.П. Черепанова (1972), «Сосед» Ф.И. Мадурова (1971), «Колыбельная» и «Музыкант» С.Н. Кадикина (1977, 1979), а также монументальные произведения А.К. Брындина выразили поиски, направленные в сторону от реалистического искусства, и озаменовали утверждение тех же художественных принципов, что и в живописи этого времени. Своей формальной стороной они были близки, главным образом, к «суровому стилю» второй, более поэтичной, «негероической» волны. Однако наиболее кардинальные изменения происходили в Чувашии все-таки в другом виде искусства – живописи. Причиной тому были отсутствие в Чувашии профессионально подготовленных скульпторов вплоть до 70-х гг. XX столетия и их немногочисленность во все последующие годы.

Итак, 1960–1970-е гг. озаменованы в чувашском искусстве переменами глубинного характера. Вслед за рождением новых идей и настроений в обществе появляются новые формальные решения во всех видах изобразительного искусства. Особенно очевидным это становится в произведениях художников «сурового стиля». Картины «Художник» (1968–1970) и «Ополченцы Красной гвардии» (1969) П.В. Павлова, «Сеспель» (1968, 1969) Р.Ф. Федорова, «Будни 20-х годов» (1969) В.Д. Чуракова, «Саша Баталов – русский солдат» (1969) и «Пограничники» (1974) Н.Е. Егорова стали важным ориентиром в развитии чувашского изобразительного искусства 1970-х гг. На смену помпезным композициям и образам приходят другие сюжеты и лица.

С середины 1970-х гг. на небосклоне чувашского искусства восходит имя П.В. Петрова, выразившего прекрасным языком живописи нарастающий трагизм в мироощущениях своих современников в преддверии краха социалистического строя. Его изобразительный язык, лаконичный в своих формах и пронзительно печальный и нежный в цвете, являет собой продолжение картин А.И. Миттова в поиске художественной истины. Художник философско-метафизического направления, как его определили искусствоведы, Петр Петров не ставил задачи создания национального языка. Проблемы более глобального, общечеловеческого характера – основа содержания его искусства.

Однако по самобытности и оригинальности искусство Анатолия Миттова оставило позади свое время и определило его развитие на последующие, 1980–1990-е гг. Оно было рождено из глубокой любви к родной земле, из народных сказаний и мелодий, из рисунка и ритма чувашской вышивки – из всех составляющих духовного наследия народа. Гениальность Анатолия Миттова еще и в том, что в рамках так называемого реалистического

искусства, к которому он вернулся в последние годы жизни, он поднялся до глубоких человеческих переживаний, до философского осмысления жизни, до пронзительно ясного понимания конца и бесконечности. Он интуитивно пробивался сквозь идеологизированные штампы к «жизненному ядру» чувашской культуры. Но формальная сторона его искусства, новый изобразительный язык стали восприниматься и осмысливаться только после смерти художника. Творчество А.И. Миттова заставляет нас по-новому осмыслить художественный процесс в искусстве Чувашии XX в. Его произведения – это своеобразная точка отсчета в развитии нашего искусства, выражение характера и самих основ жизненных представлений чувашского народа.

Конечно, картины, созданные Николаем Овчинниковым, Виктором Немцевым, Николаем Карачарсковым, составляют сегодня основу коллекции произведений социалистического реализма второй половины XX в. В 1960–1980-х гг. эти художники были полны творческих сил и, будучи воспитанными, взращенными системой, сформированные в ней, они адекватно понимали задачи художника, служившего этой системе. Однако именно творчество Анатолия Миттова привлекло внимание молодого поколения художников на пути поисков наиболее современного, созвучного задачам общества художественного языка. Появление в 1960-х гг. в изобразительном искусстве Чувашии Анатолия Миттова, в 1970-х – Петра Петрова, на рубеже 1980–1990-х – Станислава Юхтара, Александра Федосеева, Виктора Бритвина, Георгия Фомирякова, Игоря Улангина было знаковым. Творчески независимые, свободные от идеологических установок, эти художники определяют лицо искусства нового, XXI в.

Литература и источники

¹ URL: http://mosentesh2.ucoz.ru/publ/praski_vitti_khudozhnik/1-1-0-488.

² Дневники являются собственностью семьи художника.

³ Малинин К.В. А.И. Миттов и чувашское изобразительное искусство // Художник Анатолий Миттов: Дорога в гору: книга-альбом / сост. и науч. ред. А.И. Мордвинова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 10.

⁴ Ерасов Б.С. Самобытность // Культурология, XX век: словарь. СПб., 1997. С. 395.

⁵ Другое искусство. Т. 1. С. 273, 274.

⁶ Анатолий Иванович Миттов. Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи художника / сост., прим. и коммент. О.В. Таллеровой-Миттовой. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 168.

⁷ Там же. С. 170, 174.

⁸ Яралов Ю.С. Национальное и интернациональное в советской архитектуре. М., 1971; Зингер Е.А. Проблемы интернационального развития советского искусства. М.: Советский художник, 1977; Арутюнов Л.Н. Проблемы исследования художественных форм национального сознания // Национальное и интернациональное в советской литературе. М., 1971; Шахназарова Н.Г. Проблемы национального и интернационального // Советская музыка. 1989/5; Бернштейн Б.М. Несколько соображений в связи с проблемой «искусство и этнос» // Советское искусствознание⁷ 78: сб. статей. Вып. 2. М.: Советский художник, 1979.

⁹ Шахназарова Н.Г. Проблемы национального и интернационального. С. 9.

¹⁰ Анатолий Иванович Миттов. Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи художника. С. 168.

¹¹ Воронов Н.В. Путь и судьба (к эволюции творчества Анатолия Миттова) // Анатолий Иванович Миттов: Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи художника. С. 10.

¹² Личный архив Н.А. Ургалкиной // Чувашский государственный художественный музей.

A.I. Mordvinova

PICTORIAL ART OF CHUVASHIA AT THE “END” OF SOCIALIST REALISM

Significant changes begin to take shape in pictorial art of Chuvashia in 1960s-1970s. Alongside with the method of socialist realism, artists began using increasingly a new graphic language. Tracing back the development of art of Chuvashia in the all-Russian context, the author is intended for novation in the creative work of the brightest and original artists. Special attention is paid to the creativity of A.I. Mittov, whose works became a unique counting standard in the development of pictorial art of the republic, and determined its national originality.

Key words: pictorial art, socialist realism, internal contradictions, underground, A.I. Mittov, artists of Chuvashia, new directions.

ЧГВ, 2013 г., № 8
© А.И. Мордвинова

**СОВРЕМЕННОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ
ИСКУССТВО ЧУВАШИИ:
ВЫСТАВКИ 2005–2007 ГОДОВ**

Художественная жизнь Чувашии находит свое отражение в выставках произведений изобразительного искусства, которые дают объективную картину развития всех его видов и жанров, открывают возможность оценить творчество художников в разрезе времени. Экспозиции современного искусства являют уровень и творческие искания нового поколения мастеров, освещают наиболее значимые события. Объектом анализа автора стали выставки, состоявшиеся в Чувашской Республике в 2005–2007 гг.

Ключевые слова. Художественная жизнь Чувашии конца XX – начала XXI вв., выставки произведений изобразительного искусства 2005–2007 гг., классики и новое поколение художников, основные тенденции в развитии изобразительного искусства.

В последние десятилетия XX столетия художественная жизнь Чувашии была бурной и насыщенной: на смену устоявшейся системе советского искусства пришли новые направления и формы искусства, пересматривались оценочные критерии, утверждались как знаковые новые имена, в выставочных проектах стала преобладать концептуальность. Однако в начале нового, XXI в. она вошла в стабильное русло, более того – как и в советское время, отчасти стала похожей на регламентированный и управляемый поток. Промелькнули, почти не оставив следа, выставки современного российского искусства, организованные в рамках проекта «Чебоксары – культурная столица Поволжья 2003». Концептуальные выпады представителей авангарда Москвы, Новосибирска и других городов на этих показах всколыхнули интерес одних и возмутили других зрителей. Но они оказались чуждыми для наших художников. Всевозможные мультимедийные, поп-артистские или акционистские проекты никак не повлияли на художественный процесс в республике и не нашли от-

Антонина Ильинична Мордвинова – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: amordvinova@yandex.ru.

клика у большинства мастеров. На наш взгляд, с одной стороны, такая реакция отразила невысокий художественный уровень показанных выставок. Кроме разрушительных задач по отношению к «старому», реалистическому искусству, они не заключали в себе ни новизны, ни малейшего профессионального усилия. С другой стороны, приходится констатировать, что эксперименты художников Чувашии редко выходят за рамки трехмерного изобразительного языка, что, по большому счету, характеризует в общих чертах искусство республики. Очевидно, что сугубо формальные поиски никогда не стояли в их творчестве на первом плане. Наиболее актуальными сегодня в национальных республиках России – а Чувашия не оказалась в стороне от этого процесса – остаются проблемы иного порядка: поиски национального языка искусства, реализация внутреннего творческого потенциала традиционной культуры, способов реализации художественных интересов чувашского народа. Вытекающие из этого задачи лежат в области профессионального искусства и мастерства, чем в большинстве случаев представители «актуального» искусства не владеют. В их творениях концепция далеко расходится с понятием мастерства.

Обозревая панораму выставок, отметим, что преобладающее их количество представлено произведениями местных мастеров. Задачей нашего исследования стало выявление среди целого ряда художественных событий начала 2000-х гг. наиболее ярких и актуальных эпизодов, имеющих значение для объективной оценки художественной жизни Чувашии начала XXI в. При этом основное внимание нами уделено выставкам, состоявшимся в 2005–2007 гг.

Большая часть выставок художников Чувашии традиционно проходит в залах Чувашского государственного художественного музея. В рассматриваемый период наиболее значимыми и интересными были, на наш взгляд, крупные ретроспективные экспозиции. Среди них в первую очередь надо выделить юбилейные выставки М.С. Спиридонова, Н.К. Сверчкова, А.М. Спиридоновой и П.Г. Григорьева-Савушкина, И.Т. Григорьева, Ф.П. Осипова и др. В их творчестве представлена эпоха Советской России – от ее рождения до заката. Советское искусство, ставшее историей, осмысливается сегодня историками искусства как целостное явление. Это особенно хорошо видно на больших выставках классиков чувашского изобразительного искусства. Очевидно, что все известные художники первой половины XX в. работали в границах реалистического искусства, что не умаляет достоинства их работ. Наоборот, со временем каждое имя становится все более значимым и в контексте своей эпохи составляет важное звено общей картины. Исторические и жанровые, портретные и пейзажные произведения по истечении века приобрели для нас более глубокий смысл. Ярко отразившие задачи советского искусства: поиски социального типа и идеала, отображение важных событий и т.д., они явили подлинное чувство, безграничную веру в силу искусства, искренность и во многом новаторство. При всем единообразии методов искусства «социалистического реализма», почти

каждый из художников выработал узнаваемый, индивидуальный художественный почерк.

Остановимся на творчестве народных художников Чувашии Н.К. Сверчкова (выставка «Обретение “я”». 2006, февраль – июнь) и М.С. Спиридонова (выставка «Певец вечной красоты». 2005, сентябрь – октябрь), которые, как основоположники чувашского изобразительного искусства, занимают в нем особое место. Они принадлежали к тому поколению людей, которые формировались в предреволюционное время, когда русское искусство распадалось на всевозможные течения и направления, когда реализм прославился уже наивысшими достижениями в творчестве Репина и Сурикова, а авангард – Кандинского и Малевича. Однако после окончания учебы в Петербурге Сверчков и Спиридонов оказались в водовороте социальных преобразований, когда задачи отображения революционных событий нового государства ставились выше формальных экспериментов. Содержание их искусства было именно таковым. Заслуга их еще и в том, что они были первыми, кто начинал на родине насаждать профессиональное искусство, организовывать выставки и создавать художественное сообщество.

Творчество этих мастеров не раз было представлено обширными экспозициями, посвященными большим юбилейным датам и включавшими обычно в себя работы всех периодов их творчества. На этот раз автор выставки Н.К. Сверчкова Г.Г. Исаев нашел нетрадиционный ход, продемонстрировав произведения, созданные художником в ранний период (1923–1933 гг.), когда жил на Алтае. Линия интересов мастера определилась уже в этот период жизни. И хотя здесь были представлены и эскизы работ, обращенных к эпохе первобытного человеческого общества, главная линия в искусстве мастера – история и культура чувашского народа – хорошо прочитывалась. Выставка включила работы из фондов не только Художественного, но и Национального музеев. Центральными в экспозиции стали картины «Камень-киреметь» (1924), «Умыкание» (1927), «Хоровод» (1927), «Глубокая старина» (1932) и др., где художник пытается выделить наиболее яркие, знаковые моменты старинной жизни чувашского народа.

Н.К. Сверчков известен и как замечательный портретист: им создано множество образов, среди которых несколько десятков автопортретов. Этот самый сложный жанр всегда являл дух времени, определенный социальный тип и во многих случаях – национальный характер. Написанные темперой, с хорошим живописным мастерством автопортреты Н.К. Сверчкова дают глубокую многоплановую характеристику творческой личности. Во многом экспериментальные, эти автопортреты наполнены огромным внутренним напряжением, «революционные» и несколько напоминают работы К.С. Петрова-Водкина и Г.Г. Ряжского, характеризующиеся лаконичным языком и ярким содержанием, несмотря на то, что почти все они представляют лишь изображение головы Мастера. Композиционная простота, упругие линии силуэта, решенные на контрастах, прямой взгляд – все это позво-

ляет художнику создать яркий, запоминающийся образ. Интересен и пейзажный жанр с видами Алтая пленэрного характера. Работы этюдны, свежи, невелики по размерам. К алтайскому периоду относятся творческие поиски на темы чувашской истории, национального характера и колорита. Наверное, именно в этом далеком крае начинает художник осознавать свою этническую принадлежность.

На выставке М.С. Спиридонова экспонировалось почти 150 работ разных периодов творчества, включающего живопись, графику и произведения прикладного искусства. Мастер жанровой картины, он был богато представлен портретами. Эпоху показали как лица духовной элиты, так и народные образы. Это «Пузырист» (1927), «Чувашка Ирина» (1946), «Герой Советского Союза П. Макаров» (1950), «Портрет народного поэта Чувашии П. Хузангая» (1955) и др. Несомненно, наибольшего внимания зрителей удостоились три дошедших до нас варианта «Невесты» – картины, ставшей классикой нашего искусства. История трагической любви и судьбы чувашской женщины, нашедшая свое воплощение в произведениях литературы, народных сказаниях и легендах, волновавшая лучших мастеров слова, в том числе и К. Иванова, который создал бессмертную поэму «Нарспи», воочию прочитывается в этих трех вариантах. Процесс создания образа, действительно ассоциирующегося с Нарспи, был долог. Известно, что М.С. Спиридонов мучительно искал натуру, одеяние, позу, свет, менял композиционные решения, что нашло отражение в его эпистолярном наследии. Живое чувство позволило мастеру избежать прямолинейного этнографизма. В образах невесты тонко решено психологическое состояние героини. Весь портретный ряд художника свидетельствует о многогранности его таланта: ему были подвластны не только этнографический, но и камерный и парадный портреты.

Со временем произведения этих двух корифеев чувашского искусства приобретают все большее значение, становятся ярким выражением своей эпохи. Вслед за ними можно назвать имена А.М. Спиридоновой и народного художника Чувашии П.Г. Григорьева-Савушкина. Не случайно выставка этих замечательных художников называлась «Голоса времени» (2006, август).

Павел Григорьев-Савушкин был одним из самых ярких чувашских портретистов. Он создал большую галерею графических и живописных портретов выдающихся деятелей литературы, искусства и науки Чувашии. Профессиональный уровень их исполнения так высок, что и сегодня мало кого можно поставить рядом с этим художником. «Портрет М.С. Спиридонова» (1966), графические портреты П.П. Хузангая (1966), Я.Г. Ухсая (1969), «Портрет народной артистки СССР В.К. Кузьминой» (1984) и многие другие являются украшением собрания Художественного музея. Григорьеву-Савушкину, как члену творческой бригады «Сельские зори», принадлежит важная роль в создании галереи ветеранов Гражданской и Отечественной войн в с. Янгорчино Вурнарского района Чувашии.

Августа Моисеевна Спиридонова плодотворно работала в жанрах пейзажа и натюрморта. Талантливейший живописец, она обладала светлым взглядом на жизнь, ее картины всегда несли заряд оптимизма. При этом она часто ставила монументальные задачи: так ее натюрморты нередко становились выражением национального понимания мироустройства и благополучия, а пейзаж – обобщенным, эпическим образом Чувашии. Таковы ее замечательные натюрморты «Чувашский» (1968), «Хмель и пиво» (1969), пейзажи «Голубая весна» (1976), «Родина В.И. Чапаева Будайка» и «Пруд в Янгорчино» (1978).

Народный художник Чувашии Ф.П. Осипов (1917–2009) являлся в рассматриваемый период старейшим среди чувашских мастеров. Его творчество многогранно, разнообразно по видовой и жанровой принадлежности. Оно отличалось уверенным мастерством даже в поздних работах. На выставке были представлены далеко не все работы Федора Прокофьевича, но они в полной мере показали силу его таланта, рыцарского отношения к искусству, что отмечено и в самом названии выставки – «Рыцарь прекрасного» (2007, январь – март). Самой высокой оценки достойны как его живописные полотна, так и графические листы, без которых сегодня невозможно представить чувашское изобразительное искусство. Каждый раз останавливает наше внимание пейзаж «Большая вода» (1949) с его великолепным по смелости письмом и свежестью впечатления. При этом нет ощущения эскизности, здесь все завершено: и форма, и мысль. Художник, большой путешественник, создал замечательный цикл работ «Мое Забайкалье» (1995) – выражение мощи и первозданной красоты дикой природы.

Очень много сделал Ф.П. Осипов в книжной графике. Это иллюстрации к произведениям чувашских писателей А. Калгана («Свинья и гусь»), С. Эльгера («Под гнетом. Бунт»), К. Иванова («Сказки»), которые он исполнил в разнообразных смешанных техниках (бумага, акварель, гуашь, иногда с применением пастели). При всей лаконичности художественных средств, в них сохраняются ощущение жизни, яркость характеров и обстоятельств. Совершенно особняком в чувашской графике стоят листы его серии «Родной край», также выполненной в смешанной технике. Это «Базар в Ишаках», «У родника», «Ярмарка в Цивильске» (все 1969 г.). В них соединились цветовая яркость и прозрачность одновременно. Есть в них та незавершенность, которая заставляет зрителя домыслить, дорисовать эти композиции, и в то же время художник сказал все, что хотел. На такое способен только мастер-виртуоз. И конечно же, совершенно закономерно центральную часть экспозиции венчает картина «Юбиляры (Портрет старейших художников Чувашии М. Спиридонова, Н. Сверчкова, Ю. Зайцева)» (1974). Значение этой картины определяет то, что она составляет золотой фонд чувашского изобразительного искусства.

Столетнему юбилею была посвящена выставка произведений заслуженного художника Чувашии И.Т. Григорьева (2006, октябрь – декабрь). График по образованию, он создал множество замечательных рисунков и

линогравюр, но и в живописи оставил яркий след. Своеобразная манера, соединившая в себе импрессионистические достижения с экспрессией мазка, помогла художнику выразить его позитивный взгляд на мир. Много воображения, творческого вдохновения и радости в натюрмортах и пейзажах, выполненных из окна квартиры, откуда он в последние годы не выходил по состоянию здоровья. В графических листах художник более строг и драматичен, особенно в тех, что посвящено Великой Отечественной войне, и в иллюстрациях к поэме К. Иванова «Нарспи».

В творческом наследии народного художника Чувашии, графика П.В. Сизова также значительное место занимали иллюстрации к произведениям чувашской литературы. Выставка «Нарспи и народный костюм» (2006, июль) из собрания Художественного музея была приурочена к 85-летию со дня его рождения и явилась новым взглядом на творчество мастера. Она обозначила линию эволюции чувашского национального женского костюма в произведениях художника. В экспозицию вошли более полусотни его произведений. Это главным образом иллюстрации, выполненные к изданиям поэмы К. Иванова 1948, 1959, 1967, 1994 гг. Автор экспозиции Г.Н. Иванов-Орков обозначил как главную – тему красоты чувашского народного костюма, который раз от разу осмысливался художником как важная составляющая выразительности и глубины образа. На выставке представлено было и несколько тонких натюрных акварелей, выполненных на родине К. Иванова – в Башкирии. Выставка дополнилась автопортретами художника, фотографиями, каталогами и изданиями поэмы «Нарспи» разных лет.

Из тематических можно выделить выставку «Образ поэта», организованную к 100-летию со дня рождения П.П. Хузангая (2007, январь – февраль). Созданные главным образом при жизни поэта рисунки и живописные полотна воссоздают облик поэта в разное время. Выдающимися можно назвать два портрета П. Хузангая, написанные Ю.А. Зайцевым (оба 1936 г.). Первый, наиболее известный, представляет профильное изображение головы поэта, второй – его полуфигурное изображение. Оба портрета великолепны по цветовому решению – насыщенному и благородному одновременно. Они как будто являют собой разные ипостаси Поэта. Первый, решенный в духе экспериментаторов первых десятилетий XX века, – романтический и, может быть, более драматичный. Второй – более строгий, представлен образом поэта-гражданина. На выставке были показаны и два замечательных графических портрета, выполненные М.С. Спиридоновым (1964) и Ф.П. Осиповым (1970).

80-летие М.Ф. Харитонова, живописца и педагога, также было отмечено выставкой и вечером воспоминаний, устроенными коллегами и учениками. Скромный и поэтичный человек, он оставил после себя множество портретов и пейзажей лирического характера. Закончив факультет живописи Московского художественного института им. В.И. Сурикова, он, следуя веяниям советского искусства 1950–1960-х гг., остался приверженцем социа-

листического реализма в духе А. Герасимова. В его картинах всегда присутствует элемент жанровости, повествования.

Выставка Г.И. Исаева, к сожалению, оказалась последней прижизненной. Влюбленный в природу Чувашского края, художник в основном работал в пейзажном жанре. Обладая суховатой манерой письма и большей приверженностью к монохромной, нежели к красочной палитре, он в некоторых своих работах добивался насыщенности и глубины цвета, умел поднять небольшие полотна до уровня картины. Но в обширной экспозиции были работы разного уровня.

К «старейшинам» относится и председатель Союза художников Чувашии Р.Ф. Федоров. «Цветовой Венец Семидесяти Семи Оттенков в Палитре и Мироощущении Художника», «Цветовой Венец Семидесяти Восьми Оттенков в Палитре и Мироощущении Художника» и далее по восходящей – так теперь называются его ежегодные персональные выставки. В напыщенном названии меняется только количество оттенков, «тактично» отмечая число прожитых лет. Увенчанный многочисленными званиями и властью, художник творчески очень активен. Национальные образы и характеры преобладали в его ранних монументальных картинах «Сеспель», «Фреска о хлебе» и некоторых др. В них проявились типы, характеры, картина крестьянской жизни с ее заботами и радостями. Однако таких полотен в творчестве художника не стало. Рационализм и расчет, органичные для изобразительного языка, повели развитие его живописи по пути декоративности решения. Формальные качества его картин, достаточно артистических в исполнении, не спасают от надуманности композиций с их невнятным образами. Однако художник находится в постоянных поисках новых тем и образов.

Никогда не изменяли себе и высокому служению искусству два замечательных человека и художника – А.В. Акцынов и Л.М. Акцынова, о которых так и хочется сказать, что они жили долго и счастливо и «умерли в один день» (Аркадий Всеволодович Акцынов пережил Людмилу Михайловну на целых три месяца). Название их выставки «Восторгаться тобой не устану, земля!» (2007, ноябрь) было их жизненным девизом. Памяти Л.М. и А.В. Акцыновых было посвящено много выставок: их наследием стали не только многочисленные картины, но и стихи, автобиографические книги.

Традиционно проводятся в Художественном музее большие тематические выставки, включающие в себя множество имен, охватывающие обширные периоды истории. Они посвящаются Дню Республики, Дню Победы и другим важным событиям и датам. Все большую значимость приобретают произведения, посвященные Великой Отечественной войне, созданные ее участниками и современниками тех трагических лет. Организованная к 60-летию Великой Победы (2005, апрель – май) выставка продемонстрировала творения более ста авторов – из Чебоксар, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Волгограда, Саратова, Казани, Ульяновска и Йошкар-Олы. Произведения живописи, графики, скульптуры, посту-

пившие из фондов музея, были дополнены документальными фотографиями. В числе солдат, прошедших дорогами войны, были и чувашские художники: В.М. Макаров, Е.Е. Бургулов, В.С. Гурин, С.Ф. Скрыбин, Б.М. Белоусов, С.Н. Богаткин, П.В. Сизов, О.И. Филиппов, Н.В. Овчинников, Ф.П. Осипов, Г.И. Исаев. Материал первого раздела экспозиции можно назвать художественно-документальным, собранным непосредственно на передовой или в тылу. Это в основном графика – карандашные портреты и зарисовки военных будней. Другая часть выставки посвящена осажденному блокаде Ленинграду. Здесь представлены произведения не только чувашских, но и столичных художников: живопись К.И. Рудакова, литографии народного художника СССР А.Ф. Пахомова, гравюры московских художников Ю.М. Крикловенского и В.В. Дранишникова. Показаны и работы художников, эвакуированных в годы войны в Чувашию: рижанки Л.Ш. Ароновой-Ботвинкиной, москвичей И.М. Рубанова, А.В. Лобанова, С.М. Орлова, И.И. Рождественской, Л.А. Жолткевич, Г.А. Ечеистова, Г.Б. Ингера, В.С. Кизевальтер, М.В. Мыслиной, А.А. Гладун, Н.Н. Волкова, Л.Ш. Ростовцевой (Дойбан), А.П. Петровой – тех, кто участвовал в выставке 1942 г. «Художники Чувашии в дни Отечественной войны».

Яркая плеяда художников, которые могли бы отметить свое 70-летие, но рано ушли из жизни, также была представлена на выставках. Это выставки заслуженного художника Чувашии Н.С. Ведерникова (1937–1994) «Поэзия натюрморта» (2007, декабрь) и художника В.Е. Емельянова (1937–1982) «Волшебство рисунка» (2007, январь – февраль). Оба художника оставили замечательное творческое наследие: один – в живописи, другой – в графике. Что касается выставки Ведерникова, то ее название крайне неудачно: сказать, что натюрморты Ведерникова поэтичны, значит ничего не сказать. В своей монохромности они близки к линии «метафизического» искусства, рожденного в недрах «неофициальной» московской культуры 1960-х гг. Их формальный минимализм служит наполнению содержания, возвышению предмета до символа. Так, и выставку В. Емельянова с его гуашами-иллюстрациями, сатирическими плакатами и острыми карикатурами вряд ли можно было назвать «Волшебством рисунка». В данном случае это лишь искажает характер его творчества, полного патриотизма, остроты ума, тонкости наблюдения. И пусть это искусство в какой-то мере утратило актуальность и общественную значимость в связи с уходом в небытие советского строя, но в свое время оно было очень востребовано. А многие пороки общества живы и сегодня. Талант В. Емельянова, кроме того, был многогранен: высоким профессионализмом отличаются и его книжные иллюстрации, также показанные на выставке.

Нелишне подчеркнуть, что названия выставок в музее придумываются, видимо, без особой заботы об их точности. Многие из них имеют названия, слащавые и неадекватные содержанию: «Поэзия натюрморта», «Волшебство рисунка», «Тихая песня души», «Тихое сияние любви», «Во имя любви».

«Тихая песня души» – это о юбилейной выставке заслуженного художника Чувашии Е.А. Вдовичевой, организованной к 70-летию со дня ее рождения (2007, январь – февраль). Темпераментная живопись художницы всегда привлекала воздушностью и свежестью красок, силой чувства. К этому надо прибавить материальность всего, что изображено. И с ней не поспоришь: земля лежит, ощущается ее твердь, звенит горячий воздух над полем спелой пшеницы, благоухает букет черемухи. Цвет богатый, рефлексирующий. И хотя в экспозиции были представлены старые работы, которые были показаны на предыдущих юбилейных выставках, это не мешает получить от выставки очень большое впечатление. Каждый пейзаж и натюрморт – законченная вещь, картина, какие редко теперь встречаются на выставках.

«Тихое сияние любви» – это уже о выставке В.Г. Милославской (2006, ноябрь). Надо отметить творческое разнообразие художницы, работающей в самых разных жанрах – натюрморта, пейзажа, портрета, подобных часто жанровой картине. Ее работы всегда отличались цветовой насыщенностью и достаточно жесткой манерой письма, что придавало им декоративный характер. Во многих работах последних лет появились мягкость и тональное богатство, волнение и пульс внутренней жизни.

Из пейзажистов свои персональные выставки организовали заслуженные художники Чувашской Республики Н.Г. Егоров (2006, апрель – май) и К.А. Долгашев (2007, май – июнь), а также художники Ю.Н. Романов (2007, март – апрель) и Г.В. Козлов (2007, апрель – май).

Дружбе чувашского и армянского народов посвятил свою юбилейную выставку народный художник Чувашии М.Г. Григорян (2006, декабрь – 2007, январь). Завершился 2007 г. экспозицией «Во имя любви», посвященной 50-летию со дня рождения А.П. Анохина, и выставкой акварелей Е.Е. Бургуловой (обе: 2007, декабрь – 2008, январь). И если для первого это была первая большая персональная выставка, то Бургулова показала свои замечательные акварели уже на четвертой большой персональной выставке.

Из крупных можно выделить выставку «Я родился в Советском Союзе» В.Д. Чуракова (1937–2012), посвященную 70-летию со дня его рождения (2007, июль – август). Долгожданная экспозиция произведений талантливого художника вновь подтвердила его несомненный вклад в живописное искусство Чувашии. Большое полотно «Будни 20-х» принесло ему заслуженный успех и премию им. М. Сеспеля (1968). «Суровый стиль», к которому он принадлежал, определял тематику его произведений. В основном это картины, изображающие без прикрас суровые будни людей труда. Но портретные работы, не лишённые внешней живописной эффектности, ориентированы на раскрытие индивидуальных особенностей человека. Таковы «Лесоруб А. Драговаловский», «Хозяин тайги – Иван Захряпин», «Архитектор В.Д. Шатилов» (автор проекта Художественного музея в Чебоксарах), «Писатель Н.Ф. Ильбеков», «Катя» и многие др.

В отличие от живописцев, скульпторы выставляют свои произведения чрезвычайно редко. В рассматриваемый период случилось только три

вернисажа: В.А. Зотикова (2005, октябрь), С.А. Плешкова (2006, июль – август) и В.П. Нагорнова (2006, декабрь – 2007, январь). В экспозиции заслуженного художника Чувашской Республики В.А. Зотикова были представлены скульптуры от ранних до последних, что дает возможность проследить эволюцию его интересов от лирической «Колыбельной» (1986) до эклектичного «Корабля радостей» (2005). В экспозицию были включены произведения мелкой пластики, станковой и монументальной скульптуры из бронзы, дерева, камня и гипса. Выставка называлась «Знаки эпохи», что отразило увлечение художника изотерикой. Это лишило его произведения последних лет крепкой философской основы, которая присутствовала прежде благодаря пониманию художником народных, исконно чувашских традиций. Сказалось это и на художественном качестве произведений. Более убедительным в этом смысле он остается в работах «бытовой» тематики, в современных деревенских образах, где творческая задача ясна и проста. Оттенок бытовизма всегда был присущ произведениям скульптора.

Первую персональную выставку к своему 50-летию показал Владимир Нагорнов. Его скульптура давно живет на площадях, в скверах и интерьерах и формирует городской ландшафт. Заслуженный художник Чувашии и Башкортостана, недавно получивший звание заслуженного художника России, он подошел к своему юбилею зрелым мастером. Им выполнены монументальные памятники классику чувашской поэзии Константину Иванову, офтальмологу Святославу Федорову (первый в России) и великому чувашскому поэту Петру Хузангаю, монументы Матери в Чебоксарах, жертвам пожара в школе села Эльбарусово Мариинско-Посадского района, просветителю народов Поволжья Ивану Яковлеву в Ульяновске и многие др. Выставка подтвердила его высокий статус и профессионализм. Размышляя о скульптурном портретном искусстве, известный российский искусствовед М.В. Алпатов подразделял его на два вида: достоверный отпечаток человеческого лица, доведенный до художественного совершенства, и другой – «когда его создатель также всматривается в человека, но пропускает его через горнило души и душу свою вкладывает в мягкую глину или твердый камень»¹. Образы В.П. Нагорнова действительно «пережиты» и вышли из его понимания искусства как чего-то высокого и благородного. Не случайно в галерее образов скульптора значительное место занимает тема творческой личности. Некий идеал всегда лежит в основе его произведений.

Петербургские художники снова показали ряд очень качественных выставок. Чаще всего приезжает в родные края Анатолий Рыбкин. В Чебоксарах и Новочебоксарске состоялось несколько его выставок. Наиболее многогранной стала выставка «Индия, Куба, Сирия глазами чувашского художника» (2006, июнь – июль), которая сопровождалась иллюстрированным каталогом с воспоминаниями художника о поездках и дневниковыми записями, что обогатило наши представления о художнике. Его литературный талант очень ярок: он дает великолепные описания архитектурных и ландшафтных пейзажей, объемные портретные характеристики. Жи-

вописный же язык сочен и многообразен, как сама природа южных стран. Много в альбоме и бегло зафиксированных набросков и этюдов, сделанных непосредственно с натуры. «Дико анилиново-розовые, густо-желтые с бахромой по краям и алой серединкой, длинные-предлинные лепестки индийских лилий – ограниченного словарного запаса не хватит, чтобы описать все это даже отдаленно-приблизительно», – пишет художник. Вриндаван и Варанаси, Агра и Кхаджурахо, Джайпур и Гоа, Майсур и Мангалор, Мадрас и Бомбей, джунгли и горы, оазисы и саванны, Джамия и Ганга, Индийский океан, Бенгальский залив и Аравийское море – вот далеко не полный географический перечень его путешествий. Хочется еще раз процитировать художника: «Космические просторы тундры, тревожное северное сияние, яранги и чумы Чукотки, воздушные, легкие дворцы Парижа и солнечного юга Франции, саванны, муссоны, джунгли и оазисы, хижины из тростника и величественные храмы, святая река Ганга в Индии, жизнерадостная, полная света Куба – этот круг для меня на сегодня диапазон сложного, неоднозначного во всех проявлениях мира, всего живого и неодушевленного на огромной и прекрасной нашей Земле. А в центре этого – твой родной родительский дом, единственный на всю планету»². Лучше о творческом кредо А.П. Рыбкина не скажешь.

Художник-монументалист из Петербурга С. Евграфов представил в Художественном музее вторую свою выставку после десятилетнего перерыва (2006, февраль). Экспозиция заняла значительное пространство в центральном зале и фойе. Великолепный колорист, Евграфов представил живопись очень качественную, широкую по манере, тонкую по настроению и состоянию, во многом ассоциативную. Были здесь и знакомые картины – с выставки 1996 г., и мозаика из собрания Чувашского государственного художественного музея. К сожалению, экспозиция центрального зала, где на одной стене разместили картины в теплых тонах (красных и оранжевых), а на противоположной – в холодных, оказалась очень неудачной, затруднившей для восприятия зрителей всю красоту и сложность цветовой симфонии художника.

А.Н. Федоров, окончивший в 2005 г. графический факультет Санкт-Петербургского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, можно сказать, ворвался в художественную жизнь Чебоксар большой выставкой, организованной в Центре современного искусства. Его персональная выставка явила высокий профессионализм, разнообразие жанров и поразительное множество материалов и техник, используемых им в станковой и книжной графике. От «Декамерона» Дж. Боккаччо и листов по мотивам произведений К. Иванова, исполненных еще во время учебы в институте, он приходит к дипломной серии литографий «Чувашская старина», в которой уже нет и следов ученичества. Обращаясь к народным преданиям и истории чувашей, он нашел яркие образы и неординарные сюжеты. Впечатляют и иллюстрации к произведениям западноевропейской и русской классической литературы. Особый раздел составляют портреты и пейза-

жи А.Н. Федорова, исполненные темперой, сангиной, углем, тушью, а также в технике литографии.

Темперные пейзажи Александра Федорова отличаются тонкостью состояний, картинностью композиций, завершенностью. Художник часто использует однотонные, монохромные цветовые гаммы, при помощи которой он усиливает монументальные черты пейзажа, делая его почти «историческим». В целом, его творчество оставляет впечатление не начинающего художника, а, напротив, очень зрелого, со сложившимся мировоззрением и хорошим уровнем мастерства.

Что касается графики, то эта область ознaменована еще одним ярким событием – «Первой выставкой шведской графики» (2006, октябрь). Шесть шведских графиков: Петер Петерсон, Ларс Ньюберг, Хокан Берг, Юрди Аркё, Хелена Бергенруд и Минако Мацуи – показали разнообразные техники и манеры, в том числе инновационные: фотокопии и компьютерные картины. Всего на выставке было представлено более 60 произведений.

Несколько выставок было связано с именем народного поэта Чувашии Г.Н. Айги, который ушел из жизни в феврале 2006 г. Он остался для многих людей, особенно молодого поколения художников и поэтов, образцом творческой личности. Выставка «Отмеченная зима» прошла в Новочебоксарском художественном музее (2007, февраль – март). Здесь были показаны произведения не только чувашских и московских художников, но и работы из коллекции самого поэта. И, как всегда, выставка сопровождалась концертами, поэтическими встречами и другими творческими акциями, посвященными памяти Поэта.

Еще одна выставка также была посвящена Г.Н. Айги. «Апология белого» – так называлась экспозиция М.М. Горлова – художника из Нальчика, который связан с Чебоксарами учебой в Чебоксарском художественном училище (2007, май). Именно поэзия Геннадия Айги стала темой его работ. Она представлена в белых цветовых композициях с абстрактными рисунками и рельефами. Помимо основной части, давшей название выставке «Апология белого», экспозиция состояла также из раздела «Тексты». В него вошли произведения, выполненные в жанре леттризма (от англ. letter – письмо, послание) и графемной живописи, основой изображения которых является шрифт, буква. В этом проявилось особое отношение поэта к пространству книги, вслед за которым идет и художник. М.М. Горлов представил также подготовленное совместно с Г. Айги еще при жизни поэта издание его книги «Здесь».

Заметным явлением стало во многом перенятое из столиц празднование Дня музеев. Особенно ярким оно было в 2007 г., когда посвящалось этнофутуризму (2007, 18–20 мая). Пространство музея было разбито на несколько активных зон, в которых одновременно происходили разные события: мини-выставки, мастер-классы, дефиле, видео- и арт-акции, концерты и спектакли. На стенах центрального зала разместились живописные полотна Ю.А. Зайцева, И.В. Дмитриева, Н.В. Плониш, П.В. Петрова,

Г.Г. Фомирякова, А.С. Розова, картины и эмали Праски Витти, гобелены Р.Ф. Терюкаловой, демонстрируя разнообразие творческих поисков художников Чувашии.

Центр современного искусства Художественного музея тоже не пустует. Здесь традиционно проводятся осенне-весенние, ежегодные пленэрные выставки произведений членов Союза художников Чувашии, которые очень часто удивительно похожи одна на другую. Исключением стала, может быть, выставка «Пленэр-2007», где были представлены работы А.П. Рыбкина, участвовавшего в экспедиционной поездке на родину А.А. Кокеля.

Здесь также состоялась выставка Н. Панковой из Нижнего Новгорода (2006, февраль). Образец современной салонной живописи, картины вызвали интерес у публики. Художница пишет широко, ярко, мозаично. Главным критерием здесь является «дорого продается». Об этом беспрестанно говорили на вернисаже. Кстати сказать, в подобной динамичной манере у нас работают Е. Поляков и Е. Никифорова, у которых чудная, теплая, высокопрофессиональная живопись, очень тонкая по настроению и восприятию ими природы, человеческих отношений и пр.

Интересной показалась выставка Э.М. Мокеева (2006, июнь). Он окончил режиссерский факультет ВГИК, является членом Союзов кинематографистов и журналистов. Это была его третья выставка в Чебоксарах. Экспозиция составлена из акварельных иллюстраций к поэме К. Иванова «Нарспи» в переводе П. Хузангая. Сюжетные и портретные композиции звучат свежо и своеобразно. Изображение природы в них создает необходимый психологический фон, а пейзажи удивительно характерны для Чувашии.

Декоративно-прикладное искусство было представлено в рассматриваемый период достаточно разнообразно. Это керамика, стекло, вышивка, куклы. Очень качественной была выставка «Точка зрения» саратовского керамиста Михаила Садовникова (2007, июнь). Она объединила произведения гончарного искусства и авторскую фотографию, с помощью которых художник выражает свой особый взгляд на этот мир. Собравшиеся на вернисаж зрители могли увидеть своими глазами «первое чудо гончарного процесса» – как из бесформенного комка глины вырастает совершенная, гармоничная форма, по-новому взаимодействующая с пространством. Организатор выставки – чебоксарская художница Ольга Афимкина.

Среди чувашских керамистов Н.В. Сыромятникова – одна из немногих, кто получила высшее специальное образование. Ее выставка «Птицы надежды» (керамика, акварель) – редкий случай познакомиться с ее творчеством. Фигурки чувашек в национальной одежде достаточно стандартны, тогда как расписные блюда и некоторые сюжетные многофигурные композиции очень интересны и оригинальны: живые и теплые по характеру образы удивительно трогательны. Росписи насыщены глубокими, даже «глуховатыми» красками, дающими ощущение настоящей жизни природы, движения света и тени, вечера и утра. Но, в целом, выставке не хвата-

ло масштабности. Видимо, художницу отвлекают от творчества преподавание в детских кружках и работа для салонов. Хотелось увидеть талант художницы в полном объеме, так как она способна на многое. Был представлен десяток гуашей, которые смотрятся, как эскизы росписей к керамике.

Значительной стала выставка известной вышивальщицы, заслуженного художника Чувашской Республики Т.И. Петровой (2007, февраль – март). Она долгое время работала на фабрике чувашской национальной вышивки «Паха тёрё» и сотрудничала в начале своего творческого пути с Е.И. Ефремовой, которая преподавала ей замечательные уроки в постижении тайн чувашских узоров. Художница много работает в области современной моды, в которой используются мотивы орнамента и колорит старинных рубах, обрядовых халатов, головных уборов.

Среди значимых событий культурной жизни республики и выставки произведений известных народных мастеров П. Мазуркина и Е. Жачевой, приуроченные к выходу иллюстрированных альбомов об их творчестве (подготовлены Г.Н. Ивановым-Орковым). Эти издания включили в себя также важные сведения о материалах и технологии создания произведений вышивки и резьбы по дереву – традиционных видов творчества чувашского народа.

Экспозиции выставок дают яркую картину профессионального уровня художников Чувашии, работающих в традиционном уже для нашего искусства реалистическом направлении. Здесь создано множество шедевров, ставших гордостью наших музеев. Но общий качественный уровень произведений всех видов искусства, представленных в экспозиции временных выставок, иногда оставляет желать лучшего. Необходимо говорить и писать об этом, потому что тенденция к широкому письму, которая проявилась среди многих чувашских живописцев, ведет их по легкому пути. Подилетантски освоенная манера дает лишь образцы салонной живописи, коей много в столичных выставочных залах. У нас она часто выдается за новаторство и творческую смелость.

Подводя итоги выставочной жизни 2005–2007 гг., заметим, что, возможно, при перечислении экспозиций и их анализе упущены некоторые имена и события. Не стали предметом рассмотрения и некоторые явления, происходившие в других, кроме Чебоксар, городах и районах республики. Но общую картину происходящего, общие тенденции и особенности изобразительного искусства Чувашии мы постарались отразить. От выставки к выставке приходит убеждение, что заложенные еще в первой половине XX в. основы реалистической школы дали замечательные результаты в области пейзажа и портрета. Этим отличается творчество почти всех работающих ныне живописцев, графиков и скульпторов. Прекрасные композиторские способности присущи выпускникам Санкт-Петербургского института живописи, архитектуры и скульптуры им. И.Е. Репина и художественно-графического факультета Чувашского государственного педагогического уни-

верситета им. И.Я. Яковлева, составляющим значительную часть художников Чувашии.

Одной из главных линий искусства – это становится очевидным – является все более активное обращение художников к тысячелетней истории чувашского народа. Традиционная культура дает отточенную веками прекрасную и наполненную смыслом форму, которую используют не только народные мастера, но и профессиональные живописцы и графики. Они нашли здесь для себя бесконечно богатый материал, позволяющий приблизиться к истинным художественным ценностям. Сегодня это наиболее перспективное направление. Начатое искусством А. Миттова, оно проявляется в творчестве Праски Витти, Станислава Юхтара, Петра Петрова, Георгия Фомирякова и др. Оно обозначилось и в скульптуре, в первую очередь в творчестве Ф.И. Мадурова. В выставках рассматриваемого периода это направление было представлено некоторыми произведениями В.А. Зотикова и В.П. Нагорнова. В мифах и легендах заключена сложившаяся, законченная и цельная картина мира. В них выражен характер традиционного народного художественного мышления, и не только художественного, но традиций быта, образа жизни, обусловленных природными условиями, религиозных верований. Представляется, что эта яркая линия современного искусства, называемая с недавнего времени этнофутуризмом, будет в изобразительном искусстве Чувашии ближайшего времени одной из ведущих.

Литература и источники

¹ Алпатов М.В. Этюды по истории русского искусства. М.: Искусство, 1967. Т. 2. С. 180.

² <http://artmus.culture21.ru/exhibition>.

A.I. Mordvinova

MODERN PICTORIAL ART OF CHUVASHIA: EXHIBITIONS OF 2005–2007

Art life of Chuvashia find its reflexion at the exhibitions of pictorial art works that show objectively the development of all its types and genres, offer opportunities to evaluate the creative activity of artists with a breakdown into time. Expositions of modern art display the level and creative search of the new generation of masters; highlight the most significant events in the context of their epoch. The exhibitions, held in Chuvash Republic in 2005–2007, were a target for analysis of the author.

Key words: art life of Chuvashia of the late 20th – beginning of the 21st centuries, exhibitions of pictorial art works held in 2005–2007, classics and new generation of artists, main trends in the development of pictorial art.

ЧУВАШЕВЕДЕНИЕ В ЛИЦАХ

ЧГВ, 2013 г., № 8
© В.Г. Родионов

ЎСЛАЛĂХ АНИНЧИ ЎРКЕВСЁР
СУХАÇĂ

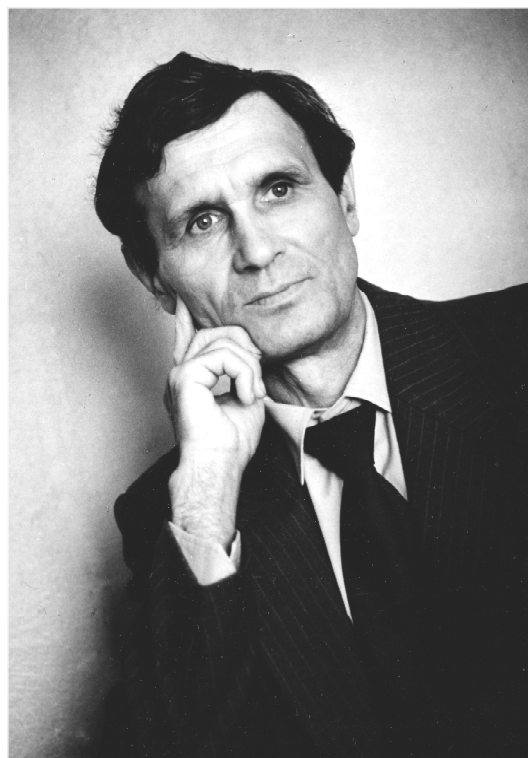
Научная деятельность фольклориста и литературоведа-текстолога Г.Ф. Юмарт (Трофимова) способствовала расширению границ чувашской письменной словесности на несколько веков в глубь истории. Он является опытным текстологом и археографом литературных текстов.

Ключевые слова: Г.Ф. Юмарт (Трофимов), чувашская поэзия, литературоведение, творческие методы, текстология, устаревшие термины.

Геннадий Федорович Юмарт (Трофимов) 1938 ç. су уйăхĕн 5-мĕшĕнче Красноармейски районĕнчи Кайри Карăк ялĕнче суралнă. Мĕн пĕчĕкренех вăл ĕсе тĕплĕн тума, çын хушшинче хайне сăпайлă тытма, тăван сăмахлăхăмăра, юрра-кĕвве юратма хăнăхнă. Çак кашни чăвашрах кăшт та пулин пур пархатарлă пахалăхсем каярах пултаруллă çамрăка поэзи тата тĕпчев, аслăлăх енне туртса кĕрсе кайнă. Паянхи кун Г.Ф. Юмарт аста поэт та, ĕçчен тĕпчевсĕ те. Çак статьяра эпĕ унăн аслăлăхри сۈлĕ-йĕрĕ, чăваш сăмахлăхне тишкерес ĕсри тивĕçлĕ пай-ти пирки çыrsa кăтартасшăн.

Уйрăм сыннăн харкамлăхĕ, тĕнче курăмĕпе туйăмĕ чылай чухне вăл пурнăç авăрне пуçĕпех чăмнă, сын пулса ситнĕ вăхăтран, общество пурнăçĕнчи лару-тăруран килет. Çамрăк Геннадий район центрĕнчи вăтам шкултан вĕренсе тухнă тапхăрта (1956–1957) сĕр-шывра уйрăм сын культне хытах сивленĕ, айăпсăр айăпланă чăваш сыравçисен ячĕсене тўрре кăларма пуçланă. Çак иртнĕ вăхăта сивлесси, Сталин репрессине лекнĕ сынсене пĕтĕм чунтан-чĕререн хисеплесси чи малтан аслă шкулсенче ас пухакан çамрăксен хушшинче анлă сарăлнă. Кайри Карăк каччи вара 1957 ç. пуçласа 1961-мĕшчен И.Я. Яковлев ячĕллĕ Чăваш патшалăх педагогика инсти-

Виталий Григорьевич Родионов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: vitrod1@yandex.ru.

Г.Ф. Юмарт

тутёнке чăваш тата ыраç литературисемпе чĕлхисене вĕрентекен пулма хатĕрленнĕ. Шăпах çав сулсенче пулас сăваç тата тĕпчевсĕ тин кăна лагерьтен таврăннă Митта Ваçлейне курнă, унăн ыра кăмăлне туйма пултарнă. Ун чухне чăваш поэзийĕн чăн улăпĕсем те – Семен Элкерпе Петĕр Хусанкай – туйисемпе Шупашкар урамĕсен асфальтне сивĕчĕн шаклаттарса сÿренĕ-ха. Студентсем тĕрлĕ ыйтусене уççăн сÿтсе явма, вĕрентекенсемпе хăюллăн тавлашма тăрăшнă. Çав вăхăт «хытса ларнă» догмăсене аркатмалли, сĕнĕ хаклăхсене сирĕплетмелли тапхăр пулнă. Шăпах çапла лару-тăрура ситĕнсе аталаннă та Г.Ф. Юмартăн кăмăлĕпе туйăм екки, унăн ас-хакăлĕпе шалти тĕнчи.

Чăваш литература историйĕнче çамрăк (вĕренеке) сыравçăсем хăйсен пĕрлĕхне йĕркеленĕ тĕслĕх сахалах мар темелле. Акă «Çамрăк сăваçсен ушкăннех» (1901–1903) аса илме пулат. Унта Гаврил Кореньков, Гурий Комиссаров (Вантер) тата Роман Иванов поэтсем кĕнĕ, хăйсен малтанхи сăввисене хайланă, поэзи теорине алла илнĕ. Турхан Энтрипе Илле Тăхти те Хусанти учительсен семинарийĕнче пĕр вăхăталлах вĕреннĕ, «Шурăмпус» журнал ёçне хастар хутшăннă.

1957–1961 çç. Чăваш патшалăх пединститутĕнче литература кружокĕ хастар ёçленĕ: студентсем паллă сыравçăсемпе тĕл пулнă, пĕр-пĕрин сăввисене хĕрÿллĕн сÿтсе явнă, стена хаçачĕ тухса тăнă. Чăн-чăн пултарулăх ласши пулнă ёнтĕ. Çав сулсенче сырав ёçне мала хуракан виçĕ вĕренеке (Г. Трофимов, В. Чекушкин тата В. Егоров) хăйсен сăвви-калави айне

пёр псевдоним – Юмарт – лартма шухаш тытаççĕ. Çав вăрттăн ят вĕсен туслӑхне кăна мар, сырас ĕсри шухаш-кăмăл пĕрлĕхне те палăртнă. Виçĕ савăç С. Есенинăн, ыраç поэзийĕн «кĕмĕл ĕмĕрĕнчи» ытти савăçсен хайлавĕсене антӑхса вуланă, Мускавра пурӑнакан Геннадий Айхи савăçпа, самрӑк Юрий Скворцовпа туслӑ сыханусем тытнă. 1960 çç. çав сыравçăсем чăваш литературин авангарчĕ – пултарулӑхра çĕнĕ çитĕнĕсем тӑвакансем – пулса тӑраççĕ.

Литература ани çинче хăйсен сукмакне шыракан самрӑксен умне чылай чăрмав тухса пынă. Кунта чи малтан чăваш критикинче пуç пулса тӑнă тунтер социологсене палăртмалла. Шăпах 1957 ç. вĕсем пичетре Г.Н. Айхин пĕр балладине («Пĕр пуля çинчен сырнă баллада») тиркештерсе сивлеççĕ. Çак факт виçĕ Юмарта чылаях пăлхантарнă, «мăкланса ларнă» ватă критиксене хирĕç сасă пама хистенĕ. Айхи ячĕ çулсерен сумланса пынă, ун çинчен чи малтан ют çĕр-шывсенчи пичетре сырма пуçлаççĕ.

Геннадий Федоровича тĕпчевçĕ пулса тӑма Г.Н. Айхи куçарса кăларнă «Франци поэчĕсем» антологи те (Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1968) сахал мар пулӑшнă темелле. Çав кĕнеке çинчен вăл чăваш, ыраç тата ют çĕр-шыв пичетĕсенче 5–6 рецензи те кăларать, куçару ыйтӑвĕсемпе статьясем сырма пуçлат. 1970 ç. Г.Ф. Юмарт Чăваш кĕнеке издательствинчен тухса Чăваш АССР министрсен советĕ çумĕнчи аслӑлӑх тĕпчев институтне ĕсleme куçать, тӑван литературăпа сӑмахлӑхăмăра тишкерме пуçанать.

Çак вăхăт тĕлне чăваш литература пĕлĕвĕнче улшӑнусем сахал мар пулса иртеççĕ. 1963 ç. Мускав университетĕн аспирантуринчен Г.Я. Хлебников вĕренсе тухать, филологи кандидачĕ пулса Чăваш тĕпчев институтĕнче ĕсleme тытанать. 1966 ç. вăл тĕп хулари çĕнĕ шухашсене асласа сырнă «Чувашский роман» кĕнекине вулавçăсем патне ситерет. Çак ĕç ун чухнехи аслӑлӑхшăн çĕнĕ меслете аша илсе сырнăскер шутланнă. Тĕпчевçĕ унта В. Днепровпа В. Кожиновӑн, француз литературовечĕн П. Дексăн ĕçĕсем сине таянса чăваш романĕн çул-йĕрне тĕплĕн пăхса тухма пултарнă. «Современная чувашская литература» монографийĕнче (Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1971) вăл Ю.И. Скворцовӑн прозипе Г.Н. Айхи поэзине, Г.Ф. Юмартпа ытти самрӑк савăçсен хайлавĕсене ырӑхак парса малалла ĕсleme хавхалантарать.

Çав çулсенче çĕнĕ шухашлавлӑ тепĕр литературовед палăрать: Е.В. Владимиров 1970 ç. «Межнациональные связи чувашской литературы» кĕнеке пичетлесе кăларать. Çак монографи çинчен Г.Ф. Юмарт ашă пиллĕ рецензи сырса пичетлет («Дружба» журналăн 1971 ç. 10-мĕш номерĕнче). Г.Я. Хлебниковпа Е.В. Владимиров чăваш литературинче реализмсăр пуçне романтизм юхăмĕ те паллӑ ырӑн йышӑннă тесе М.Я. Сироткинпа унӑн вĕренекенĕсене хăюллӑн хирĕçленĕ. Ку вăл критикӑллӑ тата социализмлӑ реализмӑ чи пĕлтерĕшлĕ те хаклӑ меслетсем ырӑнне лартнине сивленипех танлашнă.

Юмарт тĕпчевçĕ теори ыйтӑвĕсене хускатман, вăл хăйĕн ĕç анине никамах та кĕрсе курман çĕрте тупнă. Аслӑлӑхра ӑна текстологи теççĕ,

1984 сұлхи пёрлэхлэ экспедицире Ульяновск облащёнчи Вата Тимёрсен ялёнче ўкернё сян ўкерчэк. Сулахайран сылтәмалла: Г.Ф. Юмарт, Е.О. Едифанов (Усәп Ени) такмақсә тата халапсә, В.Г.Родионов

археографи тесе паләрташсә. Урәхла каласан, сав ёс паллә мар сыравсәсен хайлавсәсене шыраса тупса малтанласа тәпченипе, вёсен атрибучёсене усәмлатнипе сыхәннә. Сак телёшрен әна Н.В. Никольскипе Г.И. Комиссаров ёсёсене малалла тәсаканё тесе хак памалла.

Каллех литература теорийсән ыйтәвёсем патне таврәнар-ха. 1960 сс. Совет Союзёнчи литература пәлөвёнче «младописьменные литературы» әнлав сирёплесе ситет. Ку вәл халәхсемпе вёсен литературисене тёрлө «сортсем» сине уйәрнине пёлтернө: авалхи сыруләхлисем, самрәк сыруләхлисем тата сыруләхё пачах та пулманнисем... Чәваш литературине мордва, мари, удмурт, коми, калмәк халәхёсен литературисемпе пёр ушкәна кёртетчёс ун чухне. Калмәкпа коми сыруләхёсем вәтам ёмёрсенчех пулнине те шута илместчёс, чәваш сырәвё те авалах аталаннине, руна палисене тәпе хунә сыру мён XVIII ёмёрчченех упранныне те йышәнашән марччө. Тепёр тесен, кәркәс халәхён хайсән сыруләхё революцичченех пулман, сав хушәрах вәл «Манас» эпоса суратнә, Ч. Айтматова ситёнтерме пултарнә. Урәхла каласан, илемлө пултаруләхри ситёнүсем сыруләх ёмөрөпе пачах сыхәнмасан та пултарасчө.

М.Я. Сироткинән, әсләләх ёсёсене вәрсәчченех явәснәскерсән, хайсән тәпчевёсенче тўнтер социологи витёмне пусёпех сирсе яма май килмен. Сав хушәрах вәл чәвашсен литератури XVIII–XIX ёмёрсенче йёркеленсе аталаннине Г.И. Комиссаровән пичетленмен (архивра упранакан) ёсёсенчен аван пёлсе тәнә. Пёлекен фактсене ун чухнехи тёрлө «сортлә» теорипе

сурастарас тӗллевпе вӑл «литература одиночек» ӑнлав шухӑшласа кӑларать. Сапла вара, чӑваш литератури, тӗпрен илсен, революци хысҫӑн кӑна аталанать, малтан уйрӑм сыравҫӑсен (Мих. Федоровӑн, К. Ивановӑн т.ыт.те) литератури ҫеҫ пулнӑ-ха текен шухӑш пуҫ пулса тӑрать. Ҫак теорин суялӑхне ӗнентерекенсенчен чи хастарри – Г.Ф. Юмарт тӗпчевҫӗ. 1970–1990 ҫҫ. вӑл тем чухлӗ паллах мар сӑвӑҫпа, пӗлмен-илтмен хайлавпа паллаштарчӗ пире: Ибн Фадлан ҫыrsa хӑварнинчен пуҫласа XVI–XIX ӗмӗрсенчи ятсӑр-шывсӑр юрӑҫсен юррисем таранах тӗпчерӗ вӑл. Н. Бичурин, П. Таллиев тата ытти чӑвашсен хайлавӗсене, Хветипе Якур юрри-такмакӗсене шӗкӗлчерӗ, М. Арзамасов, Н. Ефимов, Г. Филиппов сӑввисене шыраса тупрӗ, Турхан Яккӑвӗпе Хӗветӗрӗ тата Энтри ячӗсене мӑнаҫлатрӗ. Т. Кирилловпа Г. Кореньковӑн сӑввисене уйрӑмшар кӗнекен кӑларчӗ, XX ӗмӗр пуҫламӑшӗнче ҫырнӑ вуншар сӑвӑҫ хайлавӗсене пичетлерӗ (вӗсем пурте виҫӗ кӗнекеллӗ «Революциченхи чӑваш литератури» хрестоматине кӗнӗ). Тӗрӗссипе каласан, пӗр Юмарт тӗпчевҫӗ литературӑмӑрӑн тымарӗсене вунӑ ӗмӗр авалрахри вӑхӑтра курма хал ҫитерчӗ (текстсем тупса пичетленипе), ун хысҫӑн ытти тӗпчевҫӗсем пычӗҫ. Паянхи кун чӑваш ҫыруллӑ сӑмахлӑхӗ XIII–XIV ӗмӗрсенчех пулнине хирӗҫлекенсем ҫукрах пулӗ. Пӗр вӑтӑр ҫул каялла вара Е. Рожанские те вӑл тӗн ҫынни пулнӑ тесе хытах сивлетчӗҫ. Юман Мӗтрипе А. Милли, Г. Комиссаровпа Турхансен ячӗсене каялла тавӑрнӑ вӑхӑтсене (1980 ҫҫ.) аса илер-ха тата. Кунта та патакӗ ытларах Г.Ф. Юмарт лекнӗ. «Революциченхи чӑваш литературин» иккӗмӗш томне (Шупашкар: Чӑваш кӗнеке издательстви, 1988) кӑларнӑ чухне пирӗн ал ҫырава тӑватӑ (!) рецензент вуласа тиркештерчӗ, вӗсем чӑваш эсерӗсемпе «националисчӗсен» хайлавӗсене кӑларса пӑрахтарасӑн тапӑсланчӗҫ. Г. Юмарт Г. Айхипе туслӑ пулнӑшӑн та хытах хӗстеретчӗҫ. Ҫав ӗҫсене «шалти хӗвӗшӗсем» тесе калама май ҫук, вӗсене «литература пӗлӗвӗнчи киввипе ҫӗннин кӗрешӗвӗ» тесе хакламалла.

Сапла вара, 1950 ҫҫ. Г. Айхипе унӑн ӗҫтешӗсем, 1960 ҫҫ. ҫамрӑк кандидат (Г.Я. Хлебников) тата сыравҫӑсем (Ю. Скворцов т.ыт.те) тӑрӑшнипе, 70–80-мӗш ҫҫ. Г.Ф. Юмарт тата унӑн хастар ӗҫтешӗсем (А.В. Васильев, Ю.М. Артемьев т.ыт.те) ҫине тӑнипе чӑваш литературипе литература пӗлӗвӗ ҫӗнӗ ӗҫӗмсем тума пултарчӗҫ. Чӑваш текстологийӗ те чылай ҫитӗнӗсем турӗ, ӑна пуҫарса ертсе пыраканӗ Г.Ф. Юмарт пулчӗ. Ӑслӑлӑх анинче вӑл паян кун та пӗр ӗркевсӗр те тӑрӑшуллӑн, суха кассине пӑсмасӑр сухалать.

V.G. Rodionov

A TIRELESS PLOUGHMAN IN THE FIELD OF SCIENCE

The scientific activity of folklorist and theorist of literature – textologist G.F. Yumart (Trofimov) promoted expansion of the Chuvash written literature for several centuries into history. He is an experienced textologist and archeographer of literary texts.

Key words: G.F. Yumart (Trofimov), Chuvash poetry, literary studies, creative methods, textology, archaic terms.

ЧГВ, 2013 г., № 8
© Е.П. Ключевская

ЗАМЕТКИ ОБ УЧИТЕЛЯХ РИСОВАНИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЧЕБОКСАР, ЯДРИНА, ЦИВИЛЬСКА, АЛАТЫРЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Освещаются вопросы истории преподавания графических искусств в начальных учебных заведениях в XIX в. Показана ведущая роль Казанского университета в определении профессионального уровня художников, претендующих на занятие должности учителя рисования. Приведены краткие биографические сведения об учителях, работавших в учебных заведениях трех чувашских уездов Казанской и г. Алатыря Симбирской губерний.

Ключевые слова: художественное образование, рисование, педагогика, Академия художеств, Казанский университет.

В истории художественной жизни за сведениями о творчестве художников, истории и бытовании отдельных произведений искусства, их коллекционировании, реставрации, выставочной и музейной деятельности, традиционно в тени остаются вопросы художественного образования, как специального, так и еще в большей степени – общего, которое составляет первую, столь необходимую ступень на длительном пути постижения детьми рисовального искусства и приобщения к эстетическому воспитанию. На протяжении XIX – начала XX вв. в средних учебных заведениях и уездных училищах трудились учителя рисования, деятельность которых не оставила материальных следов в виде созданных ими произведений, учебных пособий или педагогических трудов – их имена в большинстве своем затерялись в истории. Именно это обстоятельство и побуждает к собиранию сведений об их биографии и деятельности.

Значительную роль в истории художественной культуры и образования в обширном Средневолжском регионе сыграл Казанский университет, основанный в 1804 г. Он представлял собой исторически наиболее раннюю фазу становления высшего образования в крае, в том числе и художест-

Екатерина Петровна К л ю ч е в с к а я – кандидат искусствоведения, г. Казань;
e-mail: epk47@mail.ru

венного, функционировавшего на высоком профессиональном уровне и, что не маловажно, непрерывно довольно длительный срок. Разносторонняя деятельность рисовальных классов университета – учебно-педагогическая, творческая, коллекционерская и музееведческая, теоретическая и книгоиздательская, экспозиционно-выставочная и оформительская, просветительская в области изобразительного искусства (каждый их этих аспектов имел практические формы реализации) осуществлялась под руководством художников высокой профессиональной культуры, способных к столь широкому универсализму. Творчество университетских преподавателей рисовальных классов – Л.Д. Крюкова и академика живописи А.Н. Раковича в исторической перспективе не утратило своей значимости. Следование в художественной жизни ведущим эстетическим тенденциям своего времени, осуществляемым посредством прямых связей с Императорской Академией художеств, высокий профессиональный и интеллектуальный уровень преподавателей «изящных искусств», чья творческая деятельность отмечена разносторонностью, наконец, отчетливо просветительский характер художественных акций университета – все это вместе взятое выводят его в число лидеров художественной жизни обширного региона Среднего Поволжья.

Кроме того, на университет были возложены экспертные обязанности по оценке профессионального уровня художников, претендующих за звание учителей рисования в уездных училищах Казанского учебного округа. Университет, согласно уставу 1804 г. «имея надзирание за учением и воспитанием во всех губерниях, округ его составляющих, прилагает особенное и неутомимое попечение дабы гимназии, уездные и приходские училища везде, где оным быть положено учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособиями, дабы порядок учения соблюдается был неослабно»¹. Для непосредственного руководства учебными заведениями округа, а он включал 14 губерний, в 1811 г. был создан училищный комитет, подотчетный Совету университета. Он просуществовал до 1836 г., когда новый устав освободил университеты от непосредственного руководства школами. Но с 1811 г. по 1836 г. число приходских училищ возросло с 7 до 77, уездных – с 14 до 64, были открыты 3 новые гимназии, 3 главных народных училища преобразованы в гимназии. Без преувеличения, открытие уездных и приходских училищ можно считать самым заметным и характерным событием культурной жизни того времени. Профессор П.С. Кондырев в течение трех лет ездил по округу, приглашая к пожертвованиям население и «всюду встречал живое сочувствие к делу просвещения и собирал средства, открытие училищ сопровождалось крестным ходом, колокольным звоном и пушечной пальбой. При училищах старались заводить огороды и сады, библиотеки, запас книг для продажи по дешевой цене, математические и физические пособия и т.п.»². О том, какое значение придавалось созданию сети начальных учебных заведений, можно судить по тому факту, что священника Бельского из с. Ягод-

ного близ Казани, построившего дом и учредившего народную школу, император Александр I приказал наградить наперсным крестом. В свою очередь учебные заведения округа доставляли в университет разнообразные сведения, обогащали естественноисторическими и этнографическими экспонатами университетские музеи и коллекции. Для вновь создаваемых учебных заведений, естественно, требовались учителя, в том числе – рисования, которое как предмет было впервые включено в программу средних общеобразовательных учебных заведений. Только для Казанского учебного округа требовалось 159 преподавателей рисования и чистописания³.

Утвержденное Министерством народного просвещения «Положение об учителях рисования и черчения в гимназиях и уездных училищах» (1832), направляемое в училищные комитеты университетов, свидетельствовало о том значении, которое придавалось искусству в общей системе образования. Поэтому интересно заглянуть в его содержание. В первой главе определялось место искусства в общей системе образования, намечалась системная непрерывность в его обучении от низшей ступени к высшей: «Рисование более или менее полезно для всех состояний и сословий, потому что оно способствует развитию понятий об изящном, образованию вкуса и усовершенствованию искусств. Из сего следует, что на обучение сему искусству надлежит обращать особенное внимание». «В уездных училищах, сообразно цели их учреждения искусство рисования и черчения необходимо в такой степени, чтобы приучать учащихся к правильности, соразмерности и, некоторым образом, к навыку отличать и изображать предметы, употребительные в искусствах и ремеслах». «В гимназиях рисование и черчение должно быть поставлено на высшую ступень, нежели в училищах, и потому – дать учащимся основательное понятие о вкусе и красоте форм вообще, и в особенности, о фигуре человека, научить черчению архитектурных ордеров и главных пропорций других архитектурных деталей, ... способствовать рисованию с фигуры человека, ландшафтов, различных животных». Контроль за соблюдением уровня преподавания согласно «Положению...» осуществляла Академия художеств: «Каждая гимназия должна доставлять в Академию художеств через посредство университетов ежегодно 2–3 лучших рисунка», за которые предусматривались и награды. В «Положении...» приводился и список учебных пособий и руководств, в числе которых «Лосенкова пропорция человека», «Рисовальная школа Ревердена и образцы для начинающих в гимназиях», «Антропометрия профессора Шебуева» (готовящаяся к изданию), а также труды по архитектуре Виньоли и Нормана.

Во 2-й главе «Положения ...» определялись права и обязанности учителей рисования, намечались возможные пути «для удостоверения достаточных познаний», для чего была разработана соответствующая испытательная программа, результаты которой университеты должны были направлять в Академию художеств для выдачи соответствующего свиде-

тельства. «Для предупреждения на будущее время недостатка в искусных учителях рисования можно определять способнейших учеников гимназий для усовершенствования в Академию художеств за счет Министерства просвещения», кроме того, должность учителя рисования согласно этому «Положению ...» предоставляла учителям рисования перспективу творческого роста: «Всякий учитель рисования имеет право просить о возведении его в академическое звание по Академии художеств, как-то – академика, профессора (по правилам по установлению Академии). Таким образом, «Положение ...» открывало одаренным людям низших сословий возможность поступления на государственную службу и повышения, таким образом, своего социального статуса.

Благодаря наличию профессионально подготовленных учителей рисование в уездных училищах Казанского учебного округа – Семеновском, Пензенском, Симбирском, Тетюшском, Лаишевском, Спасском, Чебоксарском, Бузулукском, Мензелинском, Елабужском, Буинском, Мамadyшском, Ядринском, Свияжском, Алатырском, Царевококшайском, Цивильском и других было поставлено на должную высоту. Совет университета определял в учителя рисования людей свободного состояния в качестве вольнонаемных, «обращая строгое внимание на их нравственность». Руководителю рисовальных классов университета Л.Д. Крюкову постоянно приходилось принимать участие в деятельности комиссии при испытании лиц, сдававших особый экзамен на звание учителей рисования: И. Черкасова, А. Иванова, П. Смирнова, И. Житнова, В. Щеголькова, З. Иванова, С. Юшанцева, П. Соловьева, Н. Сосипатрова, Пяткина, А. Сорокина, Сибирякова, С. Лебедева. Таким образом, рисовальный класс постоянно пополнялся произведениями, представленными претендентами «для опыта» на звание учителей рисования в учебных заведениях округа⁴.

В ходе предпринятой автором работы по составлению словаря художников Казанской губернии второй половины XVI – начала XX вв. были выявлены имена художников-педагогов, работавших в Чебоксарском, Ядринском, Цивильском и Алатырском уездных училищах в период 1824–1866 гг. По-разному сложились их судьбы, одни канули в безвестность, другие, как например, З.И. Иванов, заняли свое место в истории русского искусства. Выявленные биографические сведения позволяют составить общее представление об уездных учителях рисования: их социальном происхождении (главным образом это были мещане, «отпущенники», обер-офицерские дети), материальном положении, способах их профессиональной художественной подготовки (от частного домашнего, либо гимназического обучения до знаменитой Арзамасской школы академика А.В. Ступина), а также их дальнейшей деятельности на преподавательском поприще (многие стремились сменить службу в уездном городе на службу в губернской столице – Казани). Мало кому из учителей удавалось подняться по служебной лестнице выше чина губернского секретаря. Тем не менее, в совокупности, эти сведения позволяют говорить о достаточно высокой степени профессиональной подготовленности уездных учителей рисования.

Ниже приводятся биографические справки учителей в алфавитном порядке. Они могут послужить отправной точкой для дальнейших изысканий в сфере истории народного образования, так и развития культуры в крае.

Вяткин Матвей Афанасьевич (1821 – не ранее 1858) – художник–педагог. Из обер-офицерских детей. Обучался в доме родителей. Первоначально служил в духовном ведомстве. В 1843 г. после испытания и получения свидетельства за звание учителя рисования определен в Чебоксарское уездное училище, в 1845–1858 гг. учитель рисования в Казанском уездном училище с годовым окладом в 57 руб. Жил при училище в приходе Крестовоздвиженской церкви Первой гимназии г. Казани⁵.

Дольник Иосиф – художник-педагог. Губернский секретарь. В 1824 г. определен в Ядринское уездное училище учителем рисования⁶.

Иванов Зиновий Иванович (1808/1815 – 1865) – живописец, из «отпущенников» помещицы Нижегородской губернии Е.П. Яковлевой. Обучался живописи в 1819–1829 гг. у художника П.П. Веденецкого. В 1829 г. получил «вольную». Подал прошение в Училищный комитет Казанского учебного округа на должность учителя рисования уездного училища. По отзыву члена комитета, учителя рисования Казанского университета Л.Д. Крюкова, в чьи обязанности входила экспертная оценка работ соискателей, произведения З.И. Иванова: «Весьма хороши как по правильности, так и по тщательности отделки». Получив звание учителя, преподавал в Курмышском, с 1835 г. – в Чебоксарском уездных училищах. В 1839 г. получил от Императорской Академии художеств свидетельство на звание учителя рисования в гимназиях за представленный натурный «Портрет первого казанского ахуна». В судьбе З.И. Иванова принял участие попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин. Он ходатайствовал перед министром народного просвещения о приеме З.И. Иванова в Академию художеств для усовершенствования на три года, но получил отказ. В 1843–1845 гг. преподавал рисование во Второй казанской гимназии, в 1844 г. утвержден в чине коллежского секретаря. Среди сохранившихся произведений «Казанский книгопродавец А.Г. Мясников» (1839), «Портрет казанского прокурора Г.И. Солнцева» (1838), «Портрет архитектора М.П. Коринфского» (1839), «Портрет игумении Свияжского женского монастыря Каллисты» (1845), «Бабушка с внучкой» (1848, копия с этюда «Старуха с девочкой» Н.С. Иванова (1800), пейзаж «Усадьба» (1852). Из произведений историко-религиозной живописи известны его иконы Архангела Михаила и Архангела Гавриила на боковых дверях иконостаса в церкви университетской клиники во имя Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость».

Произведения художника хранятся в Государственном Русском музее, Калининской областной картинной галерее, Национальном музее Республики Татарстан, Государственном музее изобразительных искусств РТ⁷.

Китаев Александр Виссарионович (? – не ранее 1915) – художник-педагог, график. В 1906–1911 гг. состоял вольнослушателем Казанской

художественной школы. Сотрудничал с частным издательством А.Ф. Мانتеля (Н.Н. Андреева) «На рассвете», с редакцией литературно-художественного журнала «Волжские дали», исполнил его обложки №№ 7, 8, 10, 13, 14 за 1908 г. Удостоен премии на конкурсе, объявленном редакцией журнала на лучшую обложку 1908 г. Оформил книгу А.Ф. Мантеля «О Кнute Гамсуне» (Казань, 1914). В 1915 г. получил свидетельство Академии художеств на звание учителя рисования в низших учебных заведениях. Преподавал рисование в городском училище, женской гимназии и на педагогических курсах г. Чебоксар. С 1899 г. участник выставок казанских художников⁸.

Мартынов Николай Павлович (1837 – не ранее 1866) – художник-педагог. Из мещан. Обучался в Чебоксарском уездном училище. В 1856 г. преподавал рисование в Свияжском уездном училище. В 1858 г. перемещен в Казанское уездное училище, где преподавал, по имеющимся сведениям, до 1866 г., состоял в чине губернского секретаря⁹.

Михайлов Петр Евграфович (1816 – не ранее 1845) – художник-педагог. Из мещан г. Арзамаса. Учился в Арзамасской школе живописи академика А.В. Ступина. С 1839 г. преподавал рисование в Алатырском уездном училище¹⁰.

Рост Иосиф (Осип) Мартынович (1815 – не ранее 1856) – художник-педагог. Из мещан г. Саратова. Обучался в Астраханском уездном училище. В 1840 г., после получения свидетельства Императорской академии художеств на звание учителя рисования, определен в Ядринское уездное училище. С 1854 г. – в той же должности в Тетюшском уездном училище. Имел чин губернского секретаря¹¹.

Суроэнко Осип (? – не ранее 1857) – художник-педагог. Из мещан Вятской губернии. Учился в Вятской гимназии. В 1857 г. определен учителем рисования в Ядринское уездное училище с годовым окладом в 178 руб.¹²

Щепетильников Василий Дмитриевич (1825 – не ранее 1866) – художник-педагог. Из мещан г. Балахны. Обучался в Нижегородской гимназии. С 1845 г. состоял учителем рисования в Чебоксарском уездном училище с годовым окладом в 157 руб. В 1849 г. произведен в губернские секретари. С 1866 г. учитель рисования в Цивильском уездном училище. Жена – Анисья Дмитриевна, сыновья – Дмитрий (1851), Николай (1853), дочь – Людмила (1856)¹³.

Даже этот краткий, не претендующий на полноту список учителей рисования, работавших в XIX – начале XX вв. в учебных заведениях на территории современной Чувашии, дает представление о том значении, которое отводилось графическим искусствам в сфере общего образования. Для многих художников статус учителя служил своего рода социальным «лифтом», позволяя повысить свой общественный статус. А наличие среди преподавателей таких художников, как Зиновий Иванов и Александр Китаев, чье творческое наследие получило высокую оценку современников, дает представление о высоком уровне профессионализма в преподавании. В целом, этот мало изученный аспект исторического краеведения еще ждет своих исследователей.

Литература и источники

- ¹ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам. Ч. 1. СПб., 1904. С. 12.
- ² Аристов Н.Я. Состояние образования России в царствование Александра I-го. Киев, 1878. С. 7.
- ³ Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 67.
- ⁴ Подробнее см.: Ключевская Е.П. Изящные искусства в Казанском университете. Казань, 2008. 125 с.
- ⁵ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 5425. Л. 30, 40, 50, 69, 91 (1843 г.); Д. 5654. Л. 879 (1845 г.); Д. 5657. Л. 207; Д. 5730. (1846 г.). Д. 7257. Л. 163 (1857 г.); Ф. 160. Оп. 1. Д. 71. Л. 10 (1857 г.); Ф. 4. Оп. 80. Д. 222. Л. 8 (1848 г.).
- ⁶ Казанский вестник. 1825. С. 71.
- ⁷ Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. Т. 4. Кн. 1. С. 413 (даты рождения и места службы указаны ошибочно); Государственный Русский музей. Живопись XVIII – начала XX века. Каталог. Л., 1980. С. 125; Казанский вестник, 1831. № 47. С. 380; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3045. Л. 16–20 (1830 г.); Д. 4063. Л. 3, 43 (1834 г.); Д. 4668 (1837 г.); Д. 5425. Л. 69, 72–73, 77 (1843 г.); Д. 5654. Л. 765 (1845 г.); Д. 5657. Л. 219; Ф. 87. Оп. 1. Д. 4575. Л. 41 (1841 г.); Ф. 160. Оп. 1. Д. 50. Л. 58 (1837 г.); Д. 54. Л. 193 (1838 г.); Д. 65. Л. 80 об., 101, 106 об., 155 об. (1843 г.).
- ⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 789. Оп. 13. Д. 202 (А.В. Китаев); Арский В. Ученическая выставка летних и отчетных работ в Казанской художественной школе // Волжские дали, 1908. Вып. 16. С. 15; Хроника // Волжский вестник, 1899. 2 февраля. С. 3.
- ⁹ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 71. Л. 111 (1857 г.); Ф. 92. Оп. 1. Д. 7257. Л. 169. (1857 г.); Ф. 428. Оп. 1. Д. 329 (1858 г.); Памятная книга Казанской губернии на 1866–1867 гг. Казань, 1866. С. 29.
- ¹⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5655. Л. 1770 (1845 г.); Корнилов П.Е. Арзамасская школа живописи первой половины XIX века. Л.–М., 1947. С. 192 (назван Петром Евграфовым).
- ¹¹ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 4575. Л. 43 (1841 г.); Д. 4585. (1842 г.); Ф. 92. Оп. 1. Д. 5425. Л. 1, 13 (1844 г.); Д. 5654. Л. 935 (1845 г.); Д. 5658. Л. 41, 55; Д. 5790. Л. 934. (1846 г.).
- ¹² Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 71. Л. 15 (1854 г.).
- ¹³ Там же. Л. 12 (1857 г.); Ф. 92. Оп. 1. Д. 7257. Л. 174 (1857 г.).

E.P. Klyuchevskaya

NOTES ABOUT DRAWING TEACHERS WHO WORKED AT EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF CHEBOXARY, YADRIN, TSIVILSK, AND ALATYR IN THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURIES

This article gives coverage to the questions of history of teaching graphic arts in primary educational institutions in the 19th century. A leading role of Kazan University in definition of the professional level of artists, making a claim for the position of drawing teachers, was shown. There are short biographies of teachers, who worked in educational institutions of three Chuvash uyezds of Kazan gubernia, and the town of Alatyr of Simbirsk gubernia.

Key words: art education, drawing, pedagogics, Academy of arts, Kazan University.

БЫТ И НРАВЫ ЧУВАШЕЙ В ПИСЬМАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЧУВАШСКОЙ ДУХОВНОЙ

ЧГВ, 2013 г., № 8

© Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
Н.И. ИЛЬМИНСКОМУ*

Деятели чувашского просвещения вели обширную переписку с ученым, педагогом и православным миссионером Н.И. Ильминским. Данный комплекс источников до настоящего времени должным образом не изучен. Сохранившаяся в архивах переписка дает в многоцветье красок живую картину быта и нравов волжского населения. Авторы вводят в научный оборот документы, написанные двумя яркими представителями чувашской духовной интеллигенции, – Григорием Филипповичем Филипповым и Алексеем Васильевичем Рекеевым.

Ключевые слова: Н.И. Ильминский, духовная интеллигенция, Г.Ф. Филиппов, А.В. Рекеев, духовная и религиозная трансформации, быт и нравы чувашей.

Пореформенный период ознаменовал собой начало новой эпохи в истории крещеных нерусских народов Восточной России. В это время, в силу целого ряда культурных и социальных причин, происходят качественные изменения в жизни местных социумов, характеризующиеся вступлением их в этап формирования национальных общностей, развитием у них «высокой» (национальной) культуры. Большую роль в этих процессах сыграли деятели православной миссии. Для укрепления христианской православной традиции в регионе они использовали стремление местных народов к культурному развитию: на основе православно-миссионерских институтов учредили начальные учебные заведения, преподавание в которых осуществлялось на родном языке учащихся; создали и ввели в практику национальные алфавиты на кириллической

Радик Равильевич И с х а к о в – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра изучения культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: ishakov83@rambler.ru.

Халида Зиннатовна Б а г а у т д и н о в а – научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: halida12_61@mail.ru.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-11-16010.

графике, необходимые для обучения и переводов православных текстов. Православные миссионеры стали привлекать к просветительской деятельности представителей самих «инородцев», из числа которых впоследствии сформировалась прослойка духовной и светской интеллигенции, ставшая проводником новых культурных идей среди народной массы.

Одним из направлений деятельности местной «инородческой» интеллигенции становится изучение жизни своих соплеменников, протекавших в их среде этнокультурных и религиозных процессов, что являлось важным условием для успешной религиозно-просветительской деятельности. Не были исключением и представители чувашской интеллигенции. В сохранившихся отчетах, записках и письмах чувашских учителей, церковно- и священнослужителей можно обнаружить массу любопытных фактов из социокультурной жизни сельского чувашского населения. Одним из наиболее интересных источников комплексов по данной проблеме может считаться обширная переписка деятелей чувашского просвещения с ученым, педагогом и православным миссионером Николаем Ивановичем Ильминским (1821–1891). В рукописных фондах и коллекциях Н.И. Ильминского, хранящихся в архивах Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, нами было выявлено несколько десятков тысяч документов от более чем тысячи корреспондентов, в числе которых можно выделить как всесильных министров империи и руководителей духовного ведомства, так и обычных сельских жителей: малограмотных крестьян и учеников начальных школ. К сожалению, этот комплекс источников, несмотря на их значимость, до сих пор не введен в научный оборот и в должной мере не изучен. Значение этой переписки определяется содержащейся в ней важной информацией. Она интересна тем, что дает яркую, живую картину быта и нравов местного населения, их культурного развития «изнутри», глазами непосредственных участников событий. Предлагаемые читателю документы, написанные двумя яркими представителями чувашской духовной интеллигенции Григорием Филипповичем Филипповым (1850–1914) и Алексеем Васильевичем Рекеевым (1848–1932), посвящены одному из важных сюжетов истории чувашского народа второй половины XIX в. – культурной и религиозной трансформаций чувашского общества под воздействием просветительского движения и межэтнических контактов с русским и татарским населением.

Первое письмо, написанное сельским чувашским священником Г.Ф. Филипповым во второй половине 1880-х гг., представляет собой небольшой очерк, в котором содержатся его детские воспоминания о жизни чувашей Ядринского уезда Казанской губернии в дореформенный период. Автором нарисована красочная картина повседневности чувашского хлебопашца, его отношений с волостным начальством, показана система обучения в сельских школах Министерства государственных имуществ. В документе приводятся мысли просветителя о путях развития чувашского народа, лучшей постановки школьного и миссионерского дела в сельской местности (см. приложение 1).

Жизнь Г.Ф. Филиппова, типичная для представителя сельской «ино-родческой» интеллигенции второй половины XIX – начала XX в., в то же время необычна. Г.Ф. Филиппов родился в д. Тухор-Таги Ядринского уезда Казанской губернии. Благодаря своим неординарным способностям успешно окончил Чебоксарское уездное училище, затем педагогические курсы при Казанском уездном училище и школу регентов. До 1872 г. работал учителем в Бичуринском двухклассном начальном училище, а в 1872–1875 гг. – в двухклассном начальном училище в с. Аликово Ядринского уезда (одновременно состоял псаломщиком в церкви). В 1875–1884 гг. преподавал в Тюрлеминской школе Чебоксарского уезда, а также замещал должность псаломщика в местной церкви. В середине 1880-х гг. был посвящен в сан иерея и служил в церквях сёл Шигали Цивильского и Бичурино Чебоксарского уездов Казанской губернии. Кроме педагогической и религиозно-просветительской деятельности, Г.Ф. Филиппов занимался переводами православных текстов на чувашский язык, писал стихи и собирал произведения устного народного творчества. В последние годы своей жизни, по данным В.Г. Родионова, он сложил с себя сан священника и занимался крестьянским трудом в д. Эльбарусово¹. Приводимое в публикации письмо – одна из немногих работ Г.Ф. Филиппова, дошедшая до нас.

Письмо, написанное А.В. Рекеевым, содержит впечатления, вынесенные автором из поездки по Уфимской и Симбирской губерниям, совершенной летом 1879 г. по поручению директора Казанской учительской (ино-родческой) семинарии Н.И. Ильминского с целью ознакомления с религиозно-нравственным и культурным положением местных чувашей. В данной записке содержатся интересные этнографические сведения о быте восточных чувашей, дается оценка культурного влияния на них татарского населения, освещается развитие в их среде школьного и религиозного просвещения (см. приложение 2).

Фигура А.В. Рекеева занимает особое место в ряду деятелей чувашской культуры второй половины XIX в. Являясь первым учеником И.Я. Яковлева, Рекеев всю жизнь посвятил просветительской деятельности. В 1874 г. по настоянию своего учителя и друга он переезжает в Казань, где становится одним из ближайших соратников Н.И. Ильминского: занимается переводами православного богослужения на чувашский язык, преподает в начальной образцовой чувашской школе при Казанской учительской семинарии. 21 ноября 1878 г. по ходатайству Ильминского он был рукоположен в диакона домовою Захарие-Елизаветинской церкви при семинарии. 25 сентября 1881 г. Рекеев посвящен в священники и назначен в чувашский приход с. Байглычево Тетюшского уезда Казанской губернии. Вся последующая его жизнь была связана с этим селом и приходом². Кроме сложной многолетней пастырской службы, Рекеева активно занимала общественная и научная деятельность. Внимание исследователя особенно привлекали древние чувашские верования и обряды³. Кроме того, хорошо зная татарский язык, Рекеев активно занимался изучением чувашско-татарских отно-

шений, процесса исламизации и «отатаривания» чувашей в контактных зонах Среднего Поволжья. Большинство работ этого религиозного просветителя не опубликовано, они хранятся в различных коллекциях в архивохранилищах г. Чебоксары и Казани.

Предлагаемые читателю письма, адресованные Н.И. Ильминскому, хранятся вместе с другими документами его переписки в архиве Казанской учительской (инородческой) семинарии. На основе этой коллекции впоследствии был сформирован одноименный фонд в Национальном архиве Республики Татарстан (ф. 93), где они и находятся в данное время.

Публикация писем осуществляется в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990). Текст воспроизводится по современным правилам орфографии, с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинников. Пропущенные в документах слова, а также сокращения воспроизводятся в квадратных скобках. В квадратные скобки заключен и необходимый перевод чувашских текстов, который дан за цитатой или словосочетанием. Чувашский и татарский тексты авторов выделены курсивом. Погрешности текста, не имеющие смыслового значения, устранены без оговорок в примечаниях.

Литература

¹ Чувашская энциклопедия // URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=4129>.

² Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. Изд. 2-е, доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 478 с.

³ Рекеев А.В. Из чувашских преданий и верований. Казань, 1898. 48 с.

Приложения

№ 1

Вторая половина 1880-х гг. – Из письма чувашского священника с. Старые Шигали Г.Ф. Филиппова Н.И. Ильминскому с воспоминаниями о своей жизни

Думаю, что мне было не более десяти лет, как помнится следующий поступок одного волостного головы из грамотных чуваш. В нашей деревне¹ пасли стадо сыновья одного русского крестьянина из села местной приходской церкви, одного из которых укусила собака чувашина нашей деревни. По жалобе русского крестьянина для исследования дела приезжал оный голова и, остановившись в доме моего отца, вызванного чувашина начал спрашивать так: «Зачем ты держишь такую злую собаку? Я тебя посажу в тюрьму!..» Чувашин молчит. Голова: «А! Ты молчишь! Виноват! Я тебя проучу!» Замахнувшись рукой, хотел было ударить по щеке, но, будучи мал ростом, не мог достать рукой высокорослого чувашина и поэтому, потребовав под свои ноги стул, начал бить чувашина, сколько ему хотелось; и на-

конец, не получив в ответ ни слова, вызвал и, получив с чувашина одну золотую, отправился в правление.

Какой-то русский человек занимался письмоводительством то у станового пристава, то в городе, а впоследствии, будучи уволен от своей должности, к пропитанию себя придумал следующий способ: бывало, говорят чуваш, он из города пойдет по чувашским деревням и, увидав собак, свалится на землю и начнет кричать «караул». Затем, записав имена хозяев собак, сдерет с чуваш по рублю за каждую собаку и отправится дальше.

Было мне около десяти лет; я, с дозволения своего отца, со сверстниками пошел купаться в имеющийся в нашей деревне мелкий пруд. Случилось такое несчастье, что один мальчик утонул; а мы, испугавшись, разбежались по домам и не сказали о случившемся. Вынули утопленника и нас до прибытия пристава отдали под надзор родителей. К приезду пристава закупили вина и белого хлеба бесчисленно; но, к прискорбию, все последнее за несколько дней прибывшие пьяные писцы пристава истощили и, таким образом, миру вновь привелось закупать. Приехал и сам пристав на шести лошадях. Нас, мальцов, всех взяли под арест в пивоварню. В переводчики приглашали нашего села священника. Пьяные все – и пристав, и священник – начали спрашивать нас по одному мальчику. Священник меня спрашивает: «Григорий! Ты ведь не один, а все вместе Петра столкнули в воду?» Таким образом неоднократно спрашивали нас; но, ничего не выведав, нас, невинных, просидевших двое суток в пивоварне, увезли по домам, а с родителей наших пристав получил через священника, кажется, по тридцати рублей ассигнациями. Вероятно, дело подвели в число с намерением лишивших себя жизни, так как утопленника предали земле без христианского погребения.

Один русский крестьянин нашего села, будучи расторопным и зевяком² на сходе, за что его называли «коштан³ Сергушка», находился с сельскими и военными властями в таких отношениях, что между последними в полном смысле был агентом: для наживы властям и себе мог всякого подкупить и выкупить. Однажды по настоянию коштана Сергушки моего отца записали в сборщики податей. Отец мой, как единственный работник в семье, не желая служить, обратился к коштану Сергушке с просьбой ходатайствовать пред властями сельскими и волостными, коими тогда в нашей волости были все из чуваш. Отец мой последним всем роздал, сколько было нужно; а вот требует за труды и коштан Сергушка. Отец мой, взяв с собой сырчики для закуски, отправился к коштану Сергушке и напоил его до того, что его рвало. На другой день является к отцу моему сын Сергушки и говорит: «А ты хотел уморить нашего отца: в сырчики положил яд, ладно, вырвало! Вот тебя в тюрьму за это, рвотина собрана!...» Дело кончилось тем, что мой отец отправился снова, напоил его опять и деньгами дал три рубля.

В нашем волостном правлении был помощник писаря из нашего прихода, по приглашению которого я однажды в правлении занимался не более

недели списыванием каких-то бумаг. Памятно мне то, как поступали с чувашами старшина и писарь, хотя и сами были из чуваш. Является в правление вызванный за ничтожный поступок чувашин, обращается то к писарю, то к старшине с просьбой избавить от беды; но писарь ссылается на старшину, а последний – наоборот. Таким образом до тех пор не отпускают, пока не получают тот и другой домогаемого.

В бытность свою учителем в Аликовском двухклассном училище Ядринск[ого] уезда рассказывали мне следующее об одном из чуваш – волостном голове, который, впрочем, и сам рассказал мне, так как я с ним был хорошо знаком через его сына⁴, кончившего курс впоследствии в Казанской учительской семинарии. Писаря, желая погулять, выдумали такой способ. В отсутствие головы нашли какую-то более-[менее] приличную шляпу, в которую воткнули петушьи перья, запечатали в особый ящик и затем также запечатали сочиненную бумагу в пакет. Возвратившемуся вскоре голове Михаилу Козмину говорят: «Михаил Козмич! На твое имя получили вот ящик и пакет, которые без тебя нельзя распечатать». Из распечатанного по просьбе Козмина пакета читают бумагу такого содержания: «По указу Его Императорского Величества Ядринского уезда Аликовской волостной голова Михаил Козмин за пятнадцатилетнюю беспорочную и отличную службу награждается сею павлинными перьями изукрашенной шляпою». Вынув из ящика, говорят: «Но, Михаил Козмич! Ты один только на свет[е] заслужил такую награду: надо поздравить тебя!...» Не успел М. Козмин в своей комнате уложить шляпу с указом и вынуть деньги для покупки напитков, как вдруг подъехал и очутился в правлении помощник окружного начальника. Последний, вероятно, понимал и прощал шутки. М. Козмину говорят: «Начальник приехал, явился скорее в шляпе!» М. Козмин, надев шляпу, явился к начальнику. Начальник, подшепнутый писарем, говорит: «Что, Михаил Козмич?!» М. Козмин, начальнику поклонивший[ся] в ноги, говорит: «Благодарю, Ваше благородие, за дорогую награду». Начальник, чтобы Козмин не заметил в нем улыбку, сказал: «Но и впредь служи также!» По проводе помощника окружного начальника начались поздравления. Погулявши в самом правлении, Михаила Козмича в шляпе повели в кабак. Видит в окно священник, недоумевает, и всем встречным говорят: «Михаил Козмич от царя получил шляпу». Погулявши день, а на другой день Михаила Козмина взяли к обедне, внушив ему «в церкви шляпу держать левой рукой, а правой молиться». А после обедни повели М. Козмина к священнику, где, [по] внушению писарей же, он шляпу положил на самый передний в горнице стол. Священник спрашивает: «Что у вас за пирушка?» Мих[аил] Козмин: «Батюшка! Я ведь в награду получил шляпу эту, как не погулять!» Выбегает из комнаты матушка и рассматривает шляпу. Узнав, в чем дело, матушка говорит: «Поверил ты, Михаил Козмич, озорникам? Ведь это перья моего петуха! Ах вы, озорники, какой петух-то был красивый!» Тут-то и понял Козмин обман, стоивший ему шести рублей.

Подобных фактов было немало, но, к прискорбию, есть и ныне, припоминая и видя которые невольно приходится думать, почему инородцам

грамотность не принесла той пользы, какой желало правительство. Причина не что иное, что русский-то народ, как проживающий в среде их, так окружающий их, смотрел на них как на каких-то рабов, забыв религиозно-нравственный обряд жизни прадедов. Этому примеру последовали и обрусевшие чуваш; так как последних в школах не учили тому, что такое вера православная и что такое Библия⁵. Наставникам, какими были сельские священники, думалось, к чему знать все это, знал бы он русский язык и [мог] писать сколько-нибудь правильно на русском языке. Вследствие этого не более как тому назад двадцать лет обрусевшие чуваш на своих единоплеменников смотрели всячески чуждо и пред ними последнему нравственно испорченному русскому человеку давали преимущество.

В шестидесятых годах в нашем селе Малая Шастма⁶ Ядр[инского] уезда [Казанской губернии] открыли школу, куда в ученики записывали детей прихожан. Но только последние на запись детей своих смотрели, во-первых, не иначе, как на лишение рабочей силы и, во-вторых, как на будущих конфусчиков свой род. Ибо действительно каждый учившийся в школе чувашин, попрактиковавшийся несколько лет письмоводителем, поздно или рано поступал в сельские и волостные писаря; а затем, прослужив несколько лет, вследствие либо преданности пьянству, либо подпадения подсудности лишался должности и, как лишенный знания о хлебопашестве, превращался в нищего, что служило родителям в позор. Около двадцати лет тому назад в Ядринском уезде почти на половину уезда писарями были из чуваш, из числа которых в настоящее время не более человека три имеют свои дома и живут достаточно, а остальные, вследствие нетрезвой жизни, бедствовали; так, напр[имер], один из них поступил в церковные сторожа, хотя земли имеет на четыре души, но, будучи неспособен к земледелию, всю землю сдает чувашам в аренду.

Во вновь открытую школу в нашем селе я поступил не в числе записанных, а добровольно, за что от своей матери терпел немало побоев. В школе учил сам священник, а в отсутствие его нередко посещала школу жена его. Учение шло по складам, что давалось нелегко. Это видно из того, что по прошествии более двух лет учения мы едва были в состоянии прочитать без складов односложные слова. По Закону Божию⁷ проходили молитвы, символ веры⁸, священную историю⁹ и катехизис¹⁰ краткий. Все это проходило «наизусть», не понимая, что такое «молитва» и «Иисус Христос»¹¹; ибо не было объясняемо на нашем родном языке. Бойким учеником считался, кто знал «наизусть». Поощрительных мер никаких не существовало, кроме за незнание урока телесного наказания. Для последнего церковный сторож по приказанию наставника-священника обязан был иметь и хранить... целыми пучками березовые ветви. Не проходило ни одного дня, чтобы не было наказываемо по несколько учеников розгами. При этом замечательно, что в иной раз иному ученику священник говорил: «Еще больше надо тебе: не будешь по отце, который исправно не платит руги». Особенно доставалось, когда священнику, в пьяном виде являющемуся в школу и

закричавшему: «Знаете ли урок?», от страха ни один из нас не мог отвечать «наизусть». Вообще в школе не было объяснительного преподавания, не делалось сравнение хорош[его] с нехорошим; не говорилось, что и у русских, и у чуваш есть обычаи [и] хорошие, и нехорошие. Такое-то ведение дела в школах и образ жизни наставников-священников не могли не отразиться на учениках, и бесполезность таких школ в Ядринском уезде впоследствии служила тормозом при открытии вновь школ того же уезда. На сходах, созываемых для составления приговоров, чуваша единогласно кричали: «Без того много коштанов!» Если в настоящее время имеются школы в Ядринском уезде, то они [своим] открытием обязаны бывшему мировому посреднику Михаилу Павловичу Суворову, который немало положил трудов по делу просвещения чуваш Ядринского уезда.

В Цивильском уезде в настоящее время в некоторых приходах имеются школы почти в каждой деревне. Не в похвальбу сказать, размножение школ зависело и от нас троих¹², определенных в один из углов Цивильского уезда священниками. Сначала мы учили по несколько учеников на своих квартирах или домах; наши ученики заученные молитвы на чувашском языке пели в церкви. Наши единоплеменники, видя успехи учеников, принялись составлять приговоры и открывать от земства по одному училищу на приход. Учителями были определяемы все из чуваш, окончившие курс в Симбирской центральной школе. С последними мы преподавание вели рука об руку. Молитвы заучиваются посредством пения и объясняются законоучителем и учителем. Священную историю проходим – учитель Ветхий Завет¹³, а законоучитель Новый Завет¹⁴, касаясь, где и когда нужно, и Ветхого Завета. Таким путем связанная история проходится не в разное время, а в одно и то же время. Законоучитель и учитель стараются искоренить языческие у чуваш обычаи, между прочим и тот обычай, по которому, «если учить чужого, то убавится ума своего». Поэтому наши ученики по окончании курса в школах сами принялись открывать школы грамотности под нашим наблюдением.

На наших единоплеменников немало влияют и беседы наши, под которыми разумеваем как собеседования и поучения, произносимые в церкви. Для обсуждения о результатах от последних мы съезжаемся поочередно друг к другу. В настоящее время через практику мы пришли к тому убеждению, [что,] чтобы расположить своих единомышленников, нужно вести беседы сначала о нравственных обязанностях человека в отношении к человеку, а затем уже о нравственных обязанностях человека в отношении к господу Богу как Создателю, Промыслителю и Искупителю. Для выполнения всего этого беседы должны быть ведены сперва на последние шесть заповедей Синайского законодательства¹⁵, а затем на первые четыре заповеди, с присоединением символа веры, который последними 11-м и 12-м чинами служит дополнением и повторением первых бесед. Вообще же чувашам должна быть проповедана цель, а потом путь к цели. Так, напр[имер], не будет пользы, если будут ведены беседы на таинство покаяния¹⁶ прежде, чем на та[инство] св. причащения¹⁷.

К сожалению, такой образ действий передать сельскому русскому духовенству мы не в силах. Ибо сельское русское духовенство на такое же из инородцев смотрит не иначе, [как] на не получившее образование семинарское, без которого, по мнению их, инородцы не проповедники. Такое отношение к нам сельского русского духовенства особенно чувствуется в двухштатных селах, где русский священник с такими же псаломщиками всеми мерами старается в глазах наших единоплеменников уронить нас, выставляя на вид свою ученость. Поэтому желательно было бы, в видах успеха, в двухштатных селах иметь обоих священников из инородцев, имея одного напрактикованного, а другого для практики около первого. Вообще желательно, чтобы, где священник из инородцев, и остальные члены причта были из инородцев же.

Цивильского уезда села Старые Шигали¹⁸ священник из чуваш Григорий Филиппов.

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 93. Оп. 1. Д. 128 г. Л. 251 – 257об. Подлинник. Рукопись.

Примечания

¹ Имеется в виду д. Тухор-Таги Ядринского уезда Казанской губернии.

² Здесь: в значении «крикун, горлопан, горлан».

³ *Коштан* – верховод в общине, ходок по мирским делам, мироед.

⁴ Прокофий Михайлов.

⁵ *Библия* (греч. «книги») – собрание «священных» книг христиан и иудеев. Включает две части: Ветхий Завет и Новый Завет. Первое собрание почитается и христианами, и иудеями, второе – только христианами.

⁶ Здесь ошибка. Правильно: Малая Шатъма (до 1923 г.). В настоящее время с. Исаково Красноармейского района Чувашской Республики.

⁷ *Закон Божий* – здесь: учебный предмет в начальных и средних учебных заведениях царской России.

⁸ *Символ веры* – здесь: краткий свод главных догматов христианского вероучения. Составлен «отцами церкви» и утвержден на Никейском (325 г.) и Константинопольском (381 г.) соборах.

⁹ Здесь: церковная дисциплина, посвященная изучению истории христианского вероучения. Включает в себя два главных периода: историю ветхозаветных событий (от сотворения мира до рождения Иисуса Христа) и историю Нового Завета.

¹⁰ Катехизис (греч. «поучение, наставление») – книга, содержащая изложение догматов христианского вероучения.

¹¹ *Христос*, Иисус Христос – основатель и центральный образ христианства. Жил и проповедовал в Палестине в I в.

¹² По всей видимости, автор, кроме себя, имеет в виду священников с. Подгорные Тимяши Митрофана Дмитриевича Дмитриева (1847–1906) и с. Мусирмы Филимонова Данила Филимоновича (впоследствии епископ Чебоксарский, викарий Чувашской епархии Даниил; 1855–1938).

¹³ *Ветхий Завет* – первая, древнейшая из двух (наряду с Новым Заветом), часть христианской Библии, общий священный текст иудаизма и христианства, составленный предположительно в период с XIII по I в. до н.э.

¹⁴ *Новый Завет* – часть Библии, являющая собой собрание «священных» книг: 4 Евангелия, книга Деяний апостолов, 7 соборных посланий и 14 посланий св. Апостола Павла, а также «Откровения Иоанна» (Апокалипсис).

¹⁵ В иудейской и христианской традициях под Синайским законодательством подразумевалось десять заповедей (предписаний, запретов), данных Богом пророку Моисею, в присутствии сынов Израиля, на горе Синай на пятидесятый день после исхода из Египта.

¹⁶ *Покаяние*, исповедь – христианское таинство, в ходе совершения которого верующий кается (признается) в своих грехах священнику, после чего тот от имени Бога отпускает (прощает) их.

¹⁷ *Святое причастие*, Евхаристия – христианское таинство, в ходе совершения которого верующие под видом вина и хлеба вкушают «тело и кровь Христа».

¹⁸ Современное одноименное село Урмарского района Чувашской Республики.

№ 2

1879 г., июнь – Из записок, составленных законоучителем начальной чувашской школы при Казанской учительской (инородческой) семинарии диаконом А.В. Рекеевым о культурно-религиозном положении чувашского населения Уфимской и Симбирской губерний

Ваше Превосходительство! Исполняя Ваше приказание, я в течение одного месяца объехал почти все чувашские селения, указанные в маршруте, данном Вами мне. Поездку свою по чувашам я совершил таким образом. Первого июня сего 1879-го года отправился на пароходе по рекам Волга и Кама до села Набережные Челны¹, потом приехал в деревню Верхний Мелекес², где по случаю сильного холода и сильных дождей пробыл четверо суток. Из Верх[него] Мелекеса я отправился в деревню Кадряково³ Мензелинского уезда. В этой деревне я узнал, что в трех верстах от нее находится чувашская деревня, называемая Караназиково⁴. Эта деревня причислена к приходу села Николаевка, а к волости – Богодарской Мензелинского же уезда. В этой деревне числится 159 душ мужского пола, 48 домохозяев. Они окружены почти со всех сторон татарскими деревнями, впрочем, вблизи их находятся деревни и крещеных татар. Чуваша деревни Караназиково говорят по-татарски очень свободно, так что начинают составлять свой природный чувашский язык и между собой почти постоянно объясняются на татарском языке. Костюмы на них, особенно на женщинах, чисто татарские. Женщины у них на голове *сурбан*⁵ (вроде полотенца) не носят, *хушпу*⁶ также не надевают, а повязываются только одним платком, как татарские женщины. Девушки так же повязываются, как и женщины, так что никак нельзя отличить девушку от женщины. Прием гостей, устройство внутренности избы такие же, как и у татар. При встрече с гостями подают обе руки; первым долгом угощают чаем, причем [ставят] сливочное масло, черный хлеб, растягивается по коленам гостей длинное полотенце, и при угощении употребляют слова татарские. Внутренность избы украшается несколькими полотенцами, развешанными на нескольких шестах. Одним словом, вся обстановка их точь-в-точь татарская. При первой встрече с этими чувашами особенно удивила меня одна женщина оставлением своего природного языка. Когда я вошел в избу, тогда, кроме этой женщины, в избе никого не было...

В селе Шаран⁷ я заехал к священнику Димитрию Кириловичу Малышеву. Здесь есть земская школа; учителем в этой школе состоит о. Малышев, а помощником его состоит Василий Мартынов, из чуваш, который несколько лет учился в Симбирской чувашской школе, откуда по болезни был исключен. При определении Мартынова на место он от уралкинского учителя (Оренбургской губернии) Василия Прокопьева получил чувашские книги, но во все время они были почти без употребления, что видно из того, что ученики сей школы, дети чуваш, не умеют читать их. Уезжая на свою родину на вакат⁸, Василий Мартынов заложил чувашские книги одному мужику за деньги, о чем мне говорил священник Малышев, которому я советовал взять книги, записать в училищный каталог и раздать ученикам читать, как в школе, так и в домах. После посещения с о. Малышевым его приходской деревни Наратаста⁹ Никольской волости мы поехали с ним же в другую деревню Базгиево¹⁰. В Базгиеве есть чуваша крещенные и некрещенные; всех чуваш с некрещеными 158 душ; сверх сего, есть четыре дома мордвов¹¹. Чуваша эти переселились из Чебоксарского уезда, они здесь живут больше 120 лет. В этой деревне я заезжал к чувашину Сергею Ефремову Борисову, который заявил мне, что его прадед переехал из деревни Санарбусь¹² Чебоксарского уезда. Здесь в народе резко замечается сильный татаризм. Подобно караназиновским. Так, между собою стараются больше говорить по-татарски; некоторые из молодых людей носят костюм чисто татарский, только головы не бреют, чувашские слова произносят они на татарский лад. Например, [при] мне один молодой человек говорил о мухе, что она от вина может опьянеть и умереть, а потом через три дня может опять ожить. Этот рассказ он передавал так: *Çав шăна виç кунтан вара [ч]ĕрĕлет, элле йепле хал тупать ул!* – [Эта муха через три дня оживает, как только она находит силы!]. И вообще здесь молодые ребята чувашские слова уродуют на татарский манер. Вышеупомянутый человек умеет читать и писать по-русски. Что он прежде лучше читал и писал, а теперь стал забывать, это он по-чувашски выразил так: *Эпĕ ĕлкĕ пĕт аван вулаттăм, хаçĕр алă пăсăлчĕ.* – [Раньше я очень хорошо умел читать, а теперь разучился]. Вот из переведенных мною примеров до очевидности видно, что татарский язык здесь сильно влияет на чуваш. Они много вводят целиком татарских слов. При разговорах оборот речи делают чисто татарский. Я спрашивал, бывает ли у них учук и прочие моления. Они сказали: *Учук тăваççĕ, вилĕсене хываççĕ.* – [Учук делают, усопших поминают]. Здесь, кстати, приведу один интересный пример, из которого ясно видно, что татары сильно стесняют чуваш и этим самым желают привести их в магометанство. Один чувашин заявил, что татарское давление на чуваш такое: если у татарина быть в доме, да не есть конины, то татарин говорит, что после этого не будет вести знакомство с этим чувашиним, и гонит его из своего дома, называя его поганым и свиньей. Если есть свинину при глазах татарина, то этот чувашин к татарину и не являйся: они непременно постараются обидеть его. Если чувашину приходится купить что-нибудь у та-

тарина, то нужно непременно ему говорить по-татарски, а не по-русски или по-чувашски, тогда татарин продаст вещь [на]много дешевле; если же чувашин будет говорить по-русски, например, побожится или перекрестится или просто выразится по-русски, то татарин выгонит его из своего дома, говоря: *бозолган нестэ*¹³, *тунгыс*¹⁴, *крешен*¹⁵ и проч[ее], даже готов бывает убить его. Если чувашин ест свинину, то татары считают его большим грешником и с ним никогда чай не пьют и не едят. Здесь чувашаи говорят: «Если бы нас татары не стесняли, мы стали бы прилежно посещать храмы Божии и стали бы лучше принимать священников; но мы боимся татар потому, что они нам грозят за это различными угрозами: *Чёл хёсёрлещё пи-ре*. – [Очень стесняют нас]. Особенно заинтересовал меня подобными рассказами один чувашин, который вез меня из деревни Базгеево в деревню Сардык. Он, между прочим, желает отдать свою последнюю дочь куда-нибудь учиться. Я записал его имя и советовал ему отдать дочь в Симбирскую чувашскую школу; его зовут Василием Антиповым, из деревни Базгеево Кичкиняшской волости. В деревне Базгеево явились ко мне два грамотных чувашина. Я поучил их читать чувашские книги и подарил им по несколько экземпляров чувашских книг. Из деревни Базгеево приехал в деревню Верхний Сардык¹⁶, здесь чуваш только 12 домов, а остальные татары-тептяри¹⁷ домов 70. В этой деревне я видел старуху, переехавшую [из] Казанской губернии Чебоксарского уезда, из деревни Салтаныкасов¹⁸ или Падыр-яле, недалеко от села Ишак¹⁹; ее зовут Софьей Ивановой. Сардыковские чувашаи еще больше стеснены татарами, чем чувашаи деревни Базгеево, потому что они живут вместе с татарами. Приходская церковь от них верстах в двадцати. Здесь грамотных людей я никого не нашел. В деревне Верхний Сардык я переночевал у крестьянина Ефима Андреева. Читал им чувашские книги, и они отлично понимают читанное. Из деревни Сардык я поехал в деревню Никитинский Починок²⁰. Один чувашин, который меня вез из деревни Сардык в Никитинский Починок, на дороге рассказал мне одно интересное происшествие: будто один чувашин, старик деревни Юмашево²¹ Яков (*Кёнерпуç Якку*) помер и пролежал одни сутки; ему, мертвому, явился человек верхом на белой лошади, в белой рубашке, *вут нек, хём нек килчё тет*, т.е. как огненный предстал и сказал этому старику: *Тавёрёнса кала ачусене, ял-йышсене; эрнекун ёсе ан тухчёр, кән-тёрла иртмесёр вут ан чёртчёр, кукар ан ёнччёр, така пуçёсене кәма-кана ан пәрахчёр, кукар шәрши тухать, çавна чәтса пүлмась, – тесе калать тет. – Чук таврашине хёрлө, кәвак тәхәнса ан тухчёр, шуря пултёр, – тесе калать тет. Çак эпё каланине сынсене кала, – тесе каларё тет. – Çав старик чёрёсен сынсене калама хәтланнә та, ывәлёсем калаттарман, çапах та нумай сын илткеленё йна ёнтё.* – [Возвратившись, скажи своим детям и одножителям своим, чтобы они в пятницу работы не работали, до полудня огня не разводили, головы и ноги зарезанной скотины не палили, бараньи головы в печь не бросали, потому что паленым сильно пахнет; вот это-то переносить трудно мне. Выходя на мольбу, крас-

ные, синие рубашки не надевали, а пусть все белое будет. Вот это мною сказанное расскажи всем людям. Когда этот старик ожил, то хотел рассказать другим, но сыновья его воспретили ему говорить; но все-таки многие узнали о его сновидении.]

От деревни Сардык к городу Белебей²² чувашаи встречаются в кафтанах со сборами, т.е. русского покроя, а не татарского. Таких чуваш сначала я увидел в деревне Никитинский Починок. В Никитинский Починок приехал я 18-го числа июня. Когда я приехал в эту деревню, то спросил: «Почему эта деревня называется Никитинским Починком?» Они мне сказали: *Паварни ячĕне хучĕç, пирĕн паварни Миките ятлă*, то есть «по имени поверенного называли, нашего поверенного зовут Никитой». Я поинтересовался: что это у них за поверенный; оказалось, что переселенцы из среды себя избирают одного человека поверенным, и он хлопочет за всех и обо всем: находит землю удобную, ездит в город, ходатайствует пред начальством или перед каким-нибудь обществом, чтобы им дали земли под поселение, и потому он всегда бывает в большом почете. В этой деревне считается 75 душ мужского пола, приписанных; да есть еще несколько душ безземельных, которые недавно переехали. Все чувашаи этой деревни переехали недавно из Ядринского уезда (Казанской губ[ернии]), из деревень: *Кăкшăм*²³, *Карай*²⁴, *Сырма-пуç*²⁵, *Кюль-хĕрри*²⁶, *Убей*²⁷, *Аликова*²⁸, *Сугут*²⁹ и проч. <...> Так как они переселились недавно и были обижены башкирами, поэтому они и живут очень бедно. Селение это не походит на деревню: дворов почти нет, стоят только одни избы и анбарушки, а многие живут в плетневых хлевах или мазанках, деланных на скорую руку. Сначала они жили в землянках, но в первую же весну стали сильно страдать лихорадкой и различными другими болезнями, отчего многие померли. Узнав об этом, Белебейское земство приняло меры, чтобы эти чувашаи выстроили себе избышки. Приезжали также и врачи, лечили их, был и губернатор уфимский. Теперь эти чувашаи живут благополучно; но только жалуются на то, что учить детей негде, и приходское село отстоит от них в 25 верстах. Здесь на чувашах костюм чисто ядринских чуваш, то есть рубашки белые, онучи черные; говорят так же, как и ядринские чувашаи. Грамотных чуваш нет, а учить-ся желают. Из деревни Никитинский Починок я поехал в село Верхнее Троицкое³⁰ или (село Кибаш), переночевал у священника Георгия Васильевича Орфенова, с которым на другой день поехали в чувашскую деревню Суккул³¹ (на границе Бугульминского уезда). В этой деревне около 200 душ мужского пола и 120 домов. Живут смешанно с татарами, чуваш больше, а татар меньше. По заявлению о. Орфенова, эти чувашаи не очень радивы к церкви, они стараются отатариться. Из этой деревни к о. Орфенову ходят несколько мальчиков учиться. Когда мы с о. Орфеновым приехали в деревню Суккул, то о. Орфенов послал за своими учениками, вместе с которыми явилось к нам много чуваш. Грамотных явилось четыре человека: Сергей Петров, Федор Николаев, Даниил Иванов, Иван Григорьев, которых я поучил читать чувашские книги и подарил им несколько экземпляров чувашских

книг. Всем пришедшим чувашам я прочитал из Священной истории³² на чувашском языке о потопе. Они читанное понимали хорошо и сами говорят языком низовых [чувашей] – с прибавлением, много татарских слов. Эти чуваша неаккуратно исполняют христианские обряды, но все-таки не отказываются исполнять их, напр[имер], детей крестят, с молебнами принимают, венчаются и проч. О религии и о религиозных обрядах есть у них затаенные мысли, о которых священник не знает. Об этом мне сообщил на дороге мой подводчик, крестьянин из этой деревни, который маленьким переехал из Козьмодемьянского уезда [Казанской губернии]. Здесь, в Суккуле, есть чуваша, давно переселившиеся из разных мест Казанской губернии около 1871 года. Есть еще переселившиеся около 1830-х годов. Первые больше стараются отатариться, то есть готовы быть не то магометанами, не то чувашами, а только желали бы не иметь никакого дела со священниками. Другие, приехавшие не позже, желают жить так же, как и в Казанской губернии: даже еще хотят ближе встать к церкви. Вышеупомянутый мой подводчик рассказывал мне на дороге, как он по-христиански похоронил своего отца – с выносом, а потом его примеру последовали и другие чуваша. Этот чувашин рассказ свой вел очень живо, с воодушевлением и большим интересом, так что я удивился. Он сказал, что отец его не любил башкир и магометанство и ему не велел связываться с башкирами; в свою очередь и этот чувашин желает заповедать своим детям, чтобы и они жили так, как теперь он живет. Рассказ его так заинтересовал меня, что я хотел было [за]писать его целиком, но [у него] не было времени, потому что он торопился на пашню. Из его рассказа я заключил, что он сам истинный христианин и искренне желает, чтобы и другие чуваша были такими, каков он сам. В деревне Суккул мне сообщили, что недалеко от них, в Бугульминском уезде, есть чувашская деревня Алексеевка³³, по-чувашски *Усăлă*. Чуваша этой деревни живут почти по-татарски: соблюдают татарскую уразу, ходят в мечеть, женятся на татарках, только головы не бреют, а некоторые бреют усы и обстригают бороду и носят тюбетейки. Из деревни Суккул я уехал в деревню Кожаево³⁴, откуда 20-го числа уехал [в] Бугульминский уезд, в деревню Тумбарлы, Потапов тож³⁵. В Тумбарлы чуваш около 100 домов, 250 душ мужского пола. Эти чуваша живут вместе с вотяками³⁶; одеваются, как симбирские чуваша, и говорят так же. Народ бедный, некоторые избы сложены из диких камней. В Тумбарлы есть человека три грамотных, которые ко мне приходили, и я с ними занимался чувашским чтением и снабдил их чувашскими книгами. Неграмотным чувашам прочитал историю об Иове³⁷. В восьми верстах от них, в их приходском селе Риково³⁸, есть земская школа; но только эти чуваша мало отдают своих детей туда учиться. Из деревни Тумбарлы я отправился в тот же день через село Риково в деревню Семеново-Наратлы³⁹ Спасской волости Бугульминского уезда. Здесь видел двоих грамотных чуваш, поучил их читать чувашские книги и снабдил их чувашскими книгами. В этой деревне, как и в других деревнях, собралось ко мне много чуваш, которым я прочитал ис-

торию Иосифа в Египте⁴⁰, что их очень заинтересовало. После моего чтения чувашки стали просить меня, чтобы я оставил им эту чувашскую книгу. Надеялись на грамотного одножителя Евстафия Мартынова, что он после меня прочтает им эту книгу. Услышав от них это, я попросил их пригласить Евстафия Мартынова, что и было ими исполнено. Явившийся Евстафий Мартынов оказался человеком лет сорока пяти; мы с ним поздоровались и познакомились, после чего я стал с ним заниматься чувашским чтением; он с большим вниманием слушал мое наставление и отлично понимал мною объясняемое на чувашском языке. После разных указаний в чтении он сам уж порядочно стал читать по-чувашски, и я снабдил его тоже чувашскими книгами. За всю беседу с ним он поблагодарил меня и похвалил за то, что я люблю говорить с чувашами. Из деревни Семеново-Наратлы я отправился в город Бугульма⁴¹, где переночевал; а на другой день уехал в деревню Алешкино⁴² или Верхние Лещи, а по-чувашски *Йалтан йалё* Каратаевской волости Бугульминского же уезда. Здесь я заехал к одному богатому крестьянину, бывшему голове, Афанасию Михайловичу и переночевал у него. Этот чувашин чрезвычайно толковый; в своей деревне пользуется большим почетом, собственно, потому, что он не мироед, не пьяница, а человек трезвой жизни. С ним всю ночь мы не спали, а сидели и беседовали. Я прочитал ему из чувашских книг несколько историй, но он этим не удовольствовался, а попросил меня еще кое-что прочитать о великих праздниках⁴³, что я с удовольствием исполнил. По приезде моем, вечером, ко мне собралось много чуваш, слушали с интересом мое чтение и отлично понимали читаемое. Между собравшимися чувашами явился один молодой грамотный чувашин лет 20, по имени Алексей Федотов. Я пригласил его сесть с собою рядом; спросил его, видел ли он эти чувашские книги, на что он ответил мне, что он не видал их и не желает иметь чувашских книг, так как он уже выучился читать и писать по-русски, поэтому не нуждается в чувашских книгах. Я все-таки стал объяснять ему чувашскую азбуку, и он все время только приговаривал: «да-с», «понимаю-с», «знаю-с» и т[ому] под[обное], а сам вовсе не слушал. Когда мы с ним таким образом прошли всю азбуку, то я попросил его прочитать по-чувашски, как это делалось в других деревнях, но он стал отговариваться различным образом: говорил, что он по-русски все это знает, все это понимает, а что понимает, того и сам не знает; только и говорил одно: «понимаю», «знаю», «что мне читать!» Потом я стал говорить ему, что по-чувашски не мешает уметь читать, так как не все чувашки хорошо по-русски понимают. На это он ответил, что нет ему никакого дела до других чуваш. Тогда за него принялись стоящие тут неграмотные чувашки, стали говорить ему: «Мы по-русски не понимаем, ты на своем языке прочтешь бы нам, ты по-русски хорошо знаешь, а мы плохо знаем, а женский пол положительно не знает, поэтому ты стал бы толковать нам. А какая польза, что ты знаешь много, а нам не говоришь?» Подобные упрёки сыпались на него со всех сторон, а он только сидит да отвечает грубостями то тому, то другому. После этого я оставил его, и он через

несколько времени со стыдом подальше двинулся от меня. Неграмотные чуваши просили меня, чтобы я этому Алексею Федотову оставил несколько чувашских книг, но я сказал им, что у меня книги священные и поэтому без разбору всякому раздавать их не следует, а если я оставлю, то это будет все равно, что я бросил бы книгу. После сказанного мною Алексею Федотову захотелось получить книгу, что было видно из его взгляда, но я не оставил. Такого противника из чуваш я увидел первого; обыкновенно все чуваша интересуются чувашскими книгами. Вышеописанная картина подействовала на меня очень скверно. Надобно заметить, что здесь грамотных чуваш очень мало и из тех малых попадаются еще такие субъекты; после этого можно ли ожидать, чтобы религиозность могла скоро привиться в народе?!

22-го числа июня я проехал через деревни Чертанлы Сродно тож⁴⁴, по-чувашски *Тишме*, Новое Суркино⁴⁵, по-чувашски *Пўсрек*, Мордово-Ивановской волости [Бугульминского уезда], где встретился с одним грамотным некрещеным солдатом, которого зовут Соландай Искинеев. Я с ним познакомился, [познакомил с] чувашским чтением и снабдил его чувашскими книгами. 22-го же числа я приехал в Старое Суркино⁴⁶. Как в деревне Чертанлы и в Новом Суркино, так и в Старом Суркино почти все чуваша-язычники и притом народ богатый. В деревне Чертанлы 174 души мужского пола, в Новом Суркино 130 душ, а в Старом Суркино 260 душ. Старое Суркино по-чувашски называют *Патраклă*. Здесь есть семь душ крещеных чуваш. Все чуваша этих деревень одеваются и говорят так же, как и симбирские чуваша. Еще раз приходится вспомнить деревню Бахметево Мензелинского уезда. Оказывается, бахметевские чуваша – отступники от христианства и распространяют свой яд на далекие деревни, например, здесь, в деревне Старое Суркино, хорошо знают бахметевских и караназиковских чуваш, даже некоторые имеют в тех деревнях родных, хотя Бахметево от Старого Суркина находится на далеком расстоянии. Не знаю, чем объяснить это, но мне представляется, что бахметевские чуваша-отступники желают этих некрещеных чуваш сманить за собою в магометанство. Я видел и в Старом Суркино одного некрещеного чувашина, перешедшего в татары. Вот что я могу об этом человеке сообщить: когда я заехал на квартиру в деревне Старое Суркино, то ко мне собрались некрещеные чуваша, которым я прочитал на чувашском языке о казни городов Содом и Гоморра⁴⁷. Чуваша-язычники слушали чтение с большим вниманием, лучше, чем крещеные чуваша. Считаю нужным заметить, [что] во время чтения моего один чувашин что-то заговорил было, но остальные чуваша в один голос закричали на него, чтобы он замолчал и слушал читаемое; потом опять стали слушать. Чуваш было здесь очень много. По прочтении поблагодарили меня и удивлялись тому, как это до сих пор чисто чувашских книг они не видали. Потом я спросил, нет ли у них грамотных людей; тогда они привели ко мне одного грамотного мальчика, который учился в деревне Калейкиной⁴⁸ Мензелинского уезда, где учителем состо-

ит ученик Казанской крещенотатарской школы Е.В. Этому мальчику я стал показывать чувашскую азбуку, а народ слушал нас. Познакомившись с азбукой, этот некрещеный мальчик стал читать по-чувашски. Потом из среды народа подходит ко мне один чувашин, лет около 50 и приглашает меня в свой дом. Я сначала удивился этому, но после узнал, что этот чувашин есть отец этому мальчику, и он пригласил меня посоветоваться со мной. Когда мы с ними шли через один овраг, то кто-то стал кричать за нами. Я оглянулся и вижу одного татарина. Говорю чувашину, что татарин за нами что-то кричит, а чувашин на это и не обращает внимания, идет себе вперед. Эта картина мне показалась странною, но я чувашину еще не напоминал, а шел за ним. Когда пришли к нему в дом, я поместился в одной из двух изб. У себя в доме он стал говорить мне, что он желал бы учить сына грамоте получше, но не знает, где учить его, и просит указать ему дорогу. Я посоветовал ему отдать в Казань в мою школу. При этом сказал, что окончательно я не могу сейчас принять его, но предварительно посоветуюсь об этом с начальником. Пока мы с ним говорили, тот татарин пришел к нему и вошел в другую избу. Потом мы с этим чувashiном вышли на двор, куда вышел и татарин. Татарин стал чувашину что-то говорить, но чувашин ему сказал, что он с ним после поговорит. Я поинтересовался и спросил у этого чувашина, что это за татарин. Он секретным образом сообщил мне, что этот человек был некрещеным чувashiном, потом стал одеваться по-татарски, выучился татарской грамоте, дочерей своих так же выучил, в недавнее время перешел в магометанство, ушел из своей деревни и приписался в одну татарскую деревню. Теперь этот субъект и других чуваш заманивает в магометанство. Узнав о цели моего приезда, он испугался, думая, что я приехал разрушать его план.

НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 145. Л. 52, 54–58 об. Подлинник. Рукопись.

Примечания

¹ Современный одноименный город в Республике Татарстан.

² Современное одноименное село в Мелекесском районе Ульяновской области.

³ Современное одноименное село в Агрызском районе Республики Татарстан.

⁴ Современное одноименное село в Мензелинском районе Республики Татарстан.

⁵ *Сурпан* [сурбан] – национальный головной убор чувашек в виде полотенца из белого домотканого тонкого холста, украшенный вышивкой. Сурпан закрывал шею, его концы укладывались по спине двумя параллельными полосами.

⁶ *Хушту* – традиционный головной убор замужней женщины-чувашки, богато украшенный серебряными монетами и бисером. Одевался в первые годы после свадьбы, а также во время обрядов и праздников.

⁷ Современное одноименное село в Шаранском районе Республики Башкортостан.

⁸ Имеются в виду каникулы.

⁹ Современное одноименное село в Шаранском районе Республики Башкортостан.

¹⁰ Современное одноименное село в Шаранском районе Республики Башкортостан.

¹¹ Так в тексте документа. Правильно: мордвы.

¹² Надо полагать, д. Шанары, *Шанарпуш*. Современное сельское поселение Мариинско-Посадского района Чувашской Республики.

¹³ Перевод: испорченный.

¹⁴ Перевод: свинья.

¹⁵ Перевод: крещеный.

¹⁶ Современная одноименная деревня Туймазинского района Республики Башкортостан.

¹⁷ *Тептяри* – особая этносоциальная группа, известная с XVII в. Проживала на территории современной Республики Башкортостан и в восточных районах Республики Татарстан. Первоначально в состав тептярей, наряду с татарами, входили марийцы, удмурты и чуваша, по разным причинам мигрировавшие из мест компактного проживания на земли башкир. К началу XX в. основная часть тептярей говорила на татарском языке и имела устойчивую татарскую этническую идентификацию.

¹⁸ Надо полагать, с. Богатырево (Салтыганово), *Патърель, Чиркүллэ Патърель*. Современное сельское поселение Цивильского района Чувашской Республики.

¹⁹ Русское и чувашское названия – Ишаки (Байзарино), *Ишек*. Современное одноименное село в Чебоксарском районе Чувашской Республики.

²⁰ Возможно, современная деревня Никитинка Туймазинского района Республики Башкортостан.

²¹ Современная одноименная деревня Баймакского района Республики Башкортостан.

²² Современный одноименный город в Республике Башкортостан.

²³ Русское и чувашское названия – Кукушумы, *Кăкшым*. Современное одноименное село в Ядринском районе Чувашской Республики.

²⁴ Русское и чувашское названия – Караево (Вурманкасы), *Карай, Чиркүллэ Карай*. Современное одноименное село в Красноармейском районе Чувашской Республики.

²⁵ Русское и чувашское названия – Сирмапоси, *Сырмапуç*. Современная одноименная деревня в Красноармейском районе Чувашской Республики.

²⁶ Русское и чувашское названия – Кюльхири, *Кӱлхӳрри*. Современная одноименная деревня в Вурнарском районе Чувашской Республики.

²⁷ Русское и чувашское названия – Убеево, *Упи, Чирккасси, Çавалкасси, Чиркүллэ Упи*. Современное одноименное село в Красноармейском районе Чувашской Республики.

²⁸ Русское и чувашское названия – Аликово, *Элк, Чиркүллэ Элк*. Современное одноименное село в Аликовском районе Чувашской Республики.

²⁹ Надо полагать, Сугут-Торбиково, *Сăкӳт*. Современная одноименная деревня в Вурнарском районе Чувашской Республики.

³⁰ Современное одноименное село в Туймазинском районе Республики Башкортостан.

³¹ Надо полагать, с. Суккулово. В настоящее время входит в Ермекеевский район Республики Башкортостан.

³² Здесь: церковная дисциплина, посвященная изучению истории христианского вероучения. Включает в себя два главных периода: историю ветхозаветных событий (от сотворения мира до рождения Иисуса Христа) и историю Нового Завета.

³³ Современное одноименное село Бавлинского района Республики Татарстан.

³⁴ Возможно, современная деревня Кожаяевка Спасского района Республики Татарстан.

³⁵ Современное село Потапово-Тумбарла Бавлинского района Республики Татарстан.

³⁶ Вотяки – удмурты.

³⁷ Сюжет из Библии («Книга Иова»), рассказывающий о страданиях праведника Иова. В православной традиции повествования из «Книги Иова» читаются в церквях в дни воспоминания о страданиях Иисуса Христа на Страстной седмице.

³⁸ Здесь ошибка. Речь идет о с. Рычково Спасской волости Бугульминского уезда Самарской губернии. Во второй половине XIX в. в нем имелись церковь и земская школа. См.: Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 года. Самара, 1890. С. 82.

³⁹ Правильно: д. Семенова Наратла. Современное одноименное село Бавлинского района Республики Татарстан.

⁴⁰ Сюжет из Библии («Книга Бытия»). Повествует об испытаниях праведника Иосифа, сохранившего веру в единого Бога в среде египтян-язычников.

⁴¹ Современный одноименный город в Республике Татарстан.

⁴² Современное одноименное село Лениногорского района Республики Татарстан.

⁴³ *Великие праздники* – наиболее значимые и важные праздники православной церкви. К ним обычно относят следующие религиозные торжества: Пасху, двенадцатые праздники, Обрезание Господне, Рождество Иоанна Предтечи, День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла, Усекновение главы Иоанна Предтечи, Покров Пресвятой Богородицы.

⁴⁴ Правильно: д. Чертанла (Сходнево тож). В настоящее время: д. Сходнево-Чертанла. Входит в Лениногорский район Республики Татарстан.

⁴⁵ Современное одноименное село Альметьевского района Республики Татарстан.

⁴⁶ Современное одноименное село Альметьевского района Республики Татарстан.

⁴⁷ Согласно Библии, жители городов Содом и Гоморра были уничтожены Богом за свои грехи.

⁴⁸ Современное одноименное село Альметьевского района Республики Татарстан.

R.R. Iskhakov, Kh.Z. Bagautdinova

WAY OF LIFE AND MORALS OF THE CHUVASHES IN LETTERS OF REPRESENTATIVES OF THE CHUVASH CLERICAL INTELLIGENTSIA TO N.I.ILMINSKII

Public figures of Chuvash enlightenment held extensive correspondence with scientists, educator and orthodox missionary N.I. Ilminskii. This complex of sources has not yet been studied thoroughly so far. The correspondence preserved in the archives gives a colorful living picture of the way of life and morals of the Volga population. The authors introduce in science the documents written by two bright representatives of the Chuvash clerical intelligentsia – Grigorii Filippovich Filippov and Alexey Vasilyevich Rekeyev.

Key words: N.I. Ilminskii, clerical intelligentsia, G.F. Filippov, A.V. Rekeyev, spiritual and religious transformation, way of life and morals of the Chuvashes.

РЕЦЕНЗИИ

ЧГВ, 2013 г., № 8

© М.Г. Кондратьев. Рец. на: Маклыгин А.Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья: становление профессионализма / Казанская гос. консерватория. – Казань, 2000. – 311 с.

Во введении к книге казанского музыковеда Александра Маклыгина «Музыкальные культуры Среднего Поволжья: становление профессионализма» внимание останавливает маленькая сноска на странице 23 – о том, что автор в какой-то мере принимает методологическое замечание Е. Зинкевич (со ссылкой на Ю.М. Лотмана) об изучении современных национальных музыкальных культур России как некой «донаучной стадии» на пути от незнания к знанию». В самом широком плане этот тезис, безусловно, имеет под собой основание. Речь идет о краеведческом накоплении материала «на местах», при котором собственно научно-теоретические вопросы и задачи, характерные для музыковедения, остаются вне поля зрения и порой вне компетенции исследователя.

Книга же самого А.Л. Маклыгина в данном контексте обозначает заявку на переход от такого «краеведения» к научному изучению национальных музыкальных культур Поволжья.

В историко-культурологическом плане исследование А.Л. Маклыгина заставляет задуматься над динамикой одной из характерных особенностей российской цивилизации.

На протяжении столетий в России перманентно существует контраст (или, если угодно, разрыв) Центра и периферии: концентрация сил и средств – как материальных, так и интеллектуальных – совершается в отдельных динамично развивающихся столицах, а на огромных пространствах за их пределами жизнь течет замедленно, как бы в другом измерении. Сосредоточение высоких профессиональных форм художественной культуры в столицах приводит к тому, что на долю многочисленных провинций остаются любительские подражания, зачастую откровенно вторичные. Соответственно, и искусствоведческая рефлексия «на местах» не поднимается выше местного краеведения, этого школьного подражания науке и художественной критике. В то же время в центрах почти не замечают художественную культуру провинций.

Михаил Григорьевич Кондратьев – доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: mikh-kondratev@yandex.ru.

Такой контраст время от времени становится побудительным мотивом для усилий просветителей и реформаторов. Так, в эпоху Петра Великого была основана вторая столица, поощрялось предпринимательство на далеком Урале; тогда же начались и попытки научно познать огромный полиэтнический и поликонфессиональный мир, открывшийся на восток и юг страны, – в многочисленных экспедициях Российской академии наук в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Во второй половине XIX и в начале XX в. в этих процессах обнаружились новые социокультурные доминанты: вслед за «золотым веком» русской художественной культуры переживали свои «эпохи Просвещения» с зачатками профессионального литературного, музыкального, театрального творчества и культуры других крупных народов империи.

И наконец, в XX в. многие национальные провинции России конституируются в республики. Ускоренное развитие художественной культуры в них подстегивается обостренным чувством самосохранения в бурных перипетиях исторического развития и, соответственно, стремлением к национально-культурной самоидентификации. Приобщение к европейской цивилизации означает включение их культуры в общемировые процессы Нового времени. В частности, в музыкальном искусстве обозначается унаследованный от классико-романтической эпохи «композиторцентризм», сквозь призму которого рассматриваются и оцениваются все культуры Нового времени. В истории музыки XX в. суть этих процессов лаконично охарактеризовала В.Дж. Конен: «От Кавказа и Средней Азии до Северной Америки, от Японии до Африки, от Ближнего Востока до латиноамериканских стран – всюду (или почти всюду) в наше время возникают местные композиторские школы, развивающиеся в русле оперно-симфонической традиции (или появляются хотя бы отдельные произведения), в которых “ориентальные” музыкальные черты органически сплавлены с европейскими»¹.

Таковы всемирные последствия «смены культурной парадигмы, начавшейся приблизительно в XVIII веке», о чем напоминает А.Л. Маклыгин (с. 3), переходя к Поволжью, где с некоторым запозданием или почти синхронно наблюдаются точно такие же явления. Изучаемая им эволюция здешних национальных культур – это «время романтически ярко-красочной первопреходческой деятельности великих национальных музыкантов... В этом контексте фигура художника – первого профессионального деятеля культуры, основоположника – становится олицетворением...» (с. 5). Эти первопреходцы, при всей их многогранности, входят в историю прежде всего как композиторы. Вокруг их деятельности расцветает и местное музыкально-исполнительское искусство, складывается инфраструктура современной музыкальной культуры. Исследование А.Л. Маклыгина раскрывает механизмы в духовной жизни народов региона на этапе глубочайших инноваций: становления профессионализма европейского образца в культурах, которые на исторически обозримых отрезках времени были принципиально бесписьменными в своем музыкальном искусстве.

Практика национальных художественных культур России второй половины XX в. в ряде направлений перешла от ускоренного («догоняющего» или имитирующего) развития к внутреннему развитию – *саморазвитию*. Это создало почву для появления в каждой республике музыкальной критики и науки, более или менее успешно отображающих местный музыкально-исторический процесс.

А.Л. Маклыгин – один из немногих исследователей музыкального искусства народов Поволжья, базирующихся не на монокультурном («мононациональном») подходе. Учитывая и анализируя специфику каждой из рассматриваемых национальных культур, он подводит их под типологические характеристики, объединяющие внешне независимые параллельные движения в единый музыкально-исторический поток. Исследование посвящено начальному этапу процессов, продолжающихся уже больше столетия в музыкальном искусстве Средневолжского региона, на примере трех крупнейших коренных неславянских народов России – татар, чувашей и марийцев. Автор не оговаривает причины и критерии выделения этих культур из большого числа представленных в регионе, характеризующемся своей полиэтничностью (во введении к книге названы семь народов, населяющих Среднее

Поволжье; думается, это число – не предел). Остается предполагать, что, с его точки зрения, татарская, чувашская и марийская культуры в совокупности репрезентируют основные грани как традиционного, так и профессионально-письменного музыкального искусства всего региона.

Актуальность темы тем более ощутима по завершении XX в., в котором *непознанность* самобытного культурного потенциала народов Поволжья не только сохранилась, она – усугубилась в советский период. Ибо в нем доминировала установка не на познание культурных традиций самих по себе, а на диктуемое «сверху» «развитие» в свете теории «двух культур в каждой национальной культуре». Иначе говоря, предлагались преодоление, отказ от «отжившего» (с точки зрения классовых позиций) наследия, так или иначе функционирующего в каждом сообществе. Государство не жалело сил и средств, чтобы «нового человека» и всю «единую интернациональную общность» обеспечить искусством, унифицированным по моделям искусственно культивированного метода социалистического реализма. Результаты такой политики закономерно вызывали и вызывают двойственное отношение. Наряду с безусловным прогрессом, в каждой культуре (в том числе и великорусской) часто налицо и очевидная вторичность вновь создававшихся художественных ценностей. Конкретная задача для исследователя – выделить в рассматриваемом процессе случайное и необходимое, существенное и несущественное, вечное и преходящее. Иначе говоря, понять его структуру и найти контекстуальные критерии для оценок его результатов. Конечною цель автор формулирует как «теоретическую разработку принципов генезиса новых культурных традиций» в многонациональном регионе, рассматриваемом во всей сложности его специфики.

Александр Маклыгину одному из первых удалось музыковедчески вскрыть целые пласты интонационной практики, замалчиваемые ранее ввиду прямой связи их с религиями – как православной, так и мусульманской. Если о музыкальной практике в условиях ислама, имеющей в Поволжье свою специфику, уже написано несколько исследований, то по поводу роли регентского музицирования в культуре христианизированных народов региона именно Маклыгин первым переходит от констатаций к анализу. Ему удалось найти оптимальную композиционную структуру для раскрытия многоаспектности проблемы. Рецензируемая книга состоит из четырех глав, разбитых на подразделы, посвященные важнейшим факторам генезиса рассматриваемых явлений и важнейшим аспектам проблемы. Автор проявил себя как теоретик, притом самостоятельно мыслящий, когда четко ограничил свой предмет и не пошел по достаточно шаблонному пути описания традиционных свойств устной музыки изучаемых культур – в книге такие разделы просто отсутствуют. Из всего тысячелетнего «фонда» музыкальных традиций народов региона во введении коротко обозначены самые необходимые и общеизвестные – пентатонность и монодичность. В четвертой главе именно проблемы формирования многоголосной вертикали в условиях пятизвучковой музыкальной системы и станут главным объектом музыковедческого анализа. Вместе с тем было бы небесполезно и для содержания глав «культурологического» характера лаконично охарактеризовать и другие общетипологические стороны традиционной системы, существенные в той же степени, что и пентатоника.

Имеется в виду, например, следующее. Одно из ключевых понятий монографии – профессионализм. Сущность его рассматривается последовательно на протяжении всей книги, начиная с введения. Совершенно справедливо А.Л. Маклыгин отмечает ограниченность обиходного понимания профессионализма только в его «европейской» (композиторской, наиболее полно выраженной в величайшей исторической фигуре Людвиг ван Бетховена) разновидности. Здесь он опирается на современную концепцию типологии профессионализма, разработанную в трудах П.Г. Богатырева, М.Г. Харлапа, Н.Г. Шахназаровой, М.А. Сапонова (я бы добавил в этот перечень книгу В.Д. Конен с ее анализом музыки «третьего пласта»²). Одним из серьезных обобщений современного музыковедения Татарстана (в частности, в работах самого Маклыгина) является открытие существования здесь своеобразных форм профессионализма устного типа. Автор последовательно отмечает его проявления в культуре татарского городского населения. О чувашах и мари, видимо, вследствие запаздывающего развития у них городской культуры, он осторожно высказывается, что на основании *имеющегося материала* о нем говорить «представляется сложным» (с. 18).

Спорить с этим не приходится. Но если расширить подход, снять самоограничение и теоретически рассмотреть собственно *музыкально-поэтическую систему*, отчетливо сохраняемую в устной культуре народов региона, то появляется основание для дальнейших размышлений. Весьма высокий уровень рационализации структуры, например, относительно хорошо исследованной чувашской народной музыкально-поэтической системы (укажу строго организованный и легко классифицируемый квантитативный ритм, пентатонную систему, сохраненную волжскими народами, как писал К.В. Квитка, «в еще более чистом виде, чем китайцы»³, наконец, доминирующий в характерных формах обобщенно-афористический тип сюжетосложения) позволяет с большой степенью вероятности предполагать в тысячелетнем прошлом интенсивные взаимодействия с архаичными музыкально-поэтическими цивилизациями Востока и пластами профессионального творчества в них⁴.

Одна из огромных трудностей стадийного характера на пути изучения проблематики, занимающей А.Л. Маклыгина, – малая «потревоженность» глазами и руками исследователей обширнейшей источниковой базы. В связи с тремя изучаемыми культурами в научный оборот до сих пор весьма неравномерно вовлекались лишь отдельные пласты архивных и разнообразных отчетных и статистических материалов Казанской и Симбирской губерний (а к ним можно добавить соседящие Вятскую, Самарскую, Уфимскую, Оренбургскую) и архивы современных трех республик. Автору удалось собрать и обобщить данные большого количества источников по истории культуры края. Немало накопилось также собственно музыковедческих исследований, которые освещают отдельные грани проблемы. Список использованных источников содержит свыше трех с половиной сотен наименований разного характера. В целом перечень источников довольно велик, хотя понятно, что исчерпывающе полным он не может быть в принципе.

Из трех названных культур на страницах монографии наиболее подробно освещены татарская и марийская. В меньшей степени освоена автором чувашская, хотя в плане исследуемой темы она не только равнозначима, но и сравнительно хорошо изучена. Ощущается некоторая недооценка масштабов самостоятельной деятельности И.Я. Яковлева – на фоне более известного всей России Н.И. Ильминского – и, соответственно, уровня музыкальной подготовки в основываемых им народных школах (таковых было не менее четырехсот). В книге отсутствуют ссылки на источники, характеризующие музыкальные грани деятельности этой выдающейся просветительской фигуры. В частности, он лично руководил работой по составлению первого симбирского нотного сборника чувашских народных песен и написал к нему предисловие⁵. Кроме них, работу обогатит хотя бы упоминание таких заголовков: «Музыкальное воспитание и обучение в Симбирской чувашской школе» (Ученые записки ЧНИИ. Вып. 42. Чебоксары, 1969. С. 104–115. Автор – Ю.А. Илюхин); «Поездка воспитанников Симбирской чувашской учительской школы и воспитанниц женского при ней училища в Казань, Нижний Новгород, Кострому, Ярославль, Сергиеву Лавру и Москву летом 1896 г. в сопровождении инспектора И.Я. Яковлева и друг.» (Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1896. Октябрь. № 10. С. 494–509); «Чувашские народные песни в исполнении воспитанников Симбирской чувашской учительской школы» (Циркуляр по Казанскому учебному округу. Приложения. 1909. Январь. № 1. С. 5–7); «Опера у чуваш» (Симбирян. 1913. 26 февр.).

В свете этого представляется недостаточно обоснованным высказанный во второй главе некоторый скептицизм А.Л. Маклыгина по поводу распространенности у «инородцев» пения по нотам. Косвенно об этом можно судить по тому, что тиражи изданий партитур «Хоровых церковных песнопений» на чувашском языке объемом в 162 страницы после 1887 г. (300 экз.) полностью повторялись в 1893–1894, 1898–1900, 1904, 1910 гг. и составляли уже по 3000 (три тысячи) экземпляров.

Рецензируемый труд родился в Казани, в одном из самых «восточных» – не буквально географически, а по своему духовному наполнению – центров России. Со своей стороны этот регион и сам теперь вносит новые штрихи в общую картину отечественной культуры. Так, значительно расширилось представление о деятельности выдающегося хоровика и исследователя древнерусской музыки С.В. Смоленского, придававшего настолько важное значение своей музыкальной работе в «инородческом» крае, что лично занимался пе-

реводами (это известно и по другим исследованиям) и собственноручно вписывал в оригиналы для литографии подтекстовки на чувашском языке – что становится известным только после исследований Маклыгина. Кстати, через эту работу, как показал автор книги, Смоленский сумел понять и некоторые важные моменты освоения церковных песнопений и в древнерусской культуре.

Особо хочется отметить прекрасный, образный, меткий литературный язык, которым написана книга А.Л. Маклыгина, чем нечасто отличаются музыковедческие работы. Читается она, без преувеличения, с удовольствием. Мелкие технические недоработки и опечатки в таком тексте вызывают даже не досаду, а сожаление. Они же нередки. Так, псевдоним историка культуры А.И. Иванова пишется *Ехвет*, а не *Эхвет* (многократно повторено в тексте, начиная со с. 20); источник «Н. Егоров, 1985» отсутствует в списке литературы (с. 17); музыкант-этнограф «Т. Филиппов» (кстати, инициал его Т., не Т.) описывает не «жанровые гибриды», а молькеевскую культуру – особый этнокультурный феномен, хорошо известный в этнологии и этномузыковедении (с. 37); перечисляя «новые инструменты» в народном быту («гармоника, скрипка, балалайка», с. 39), неправомерно называть в этом ряду скрипку, поскольку смычковые инструменты употреблялись «инородцами» (особенно кочевниками в прошлом) столетиями; «наиболее активно» христианизация народов Поволжья шла не с XVI, а с XVIII в. (с. 76); о «терпимости» булгарских мусульман к христианству (с. 76) есть свидетельства и иного рода: в летописях зафиксирован и факт убийства купца-христианина, приехавшего по торговым делам в их город и не желавшего отречься от своей веры; Казанская инородческая семинария не была «единственным учебным заведением», доступным «инородцам» во второй половине XIX в., рядом следовало бы назвать Казанскую крещено-татарскую и Симбирскую чувашскую учительскую школы, последняя возникла в 1868 г. (с. 83); В.П. Воробьев не учился в Симбирской школе (с. 135); фамилия известного музыкального критика – В.А. Чечотт, не «Чеччот» (с. 207); в списке литературы в одной позиции смешаны два разных издания сочинений Ф.П. Павлова (с. 292). И т. п.

Приходится вспомнить, что издание книги приурочивалось к защите докторской диссертации талантливого казанского музыковеда. Прошла она блестяще в стенах Московской консерватории. Однако диссертация и монография – разные жанры научной работы. Сложившаяся с 1990-х гг. практика *предварительного* издания монографии по диссертационной теме имела негативную сторону, особенно в становлении молодых ученых. Степень выношенности текста книги должна быть иной, по сравнению с «квалификационным» текстом, особенно в гуманитарных науках. Не случайно ведь присуждение ученой степени за монографию – сравнительно редкое явление.

Итак, по прочтении рецензируемого труда можно сделать вывод, что региональное музыковедение, как и само творчество, поднимается на новую ступень, претендуя быть наукой. С тех пор, как музыкально-издательское дело перестало быть монополией столиц, появление музыковедческих монографий в провинции никого не удивляет. Разумеется, это не отменило факта, что некоторые новые книги (если не большинство таковых) имеют недолгую жизнь, не входя в орбиту активного функционирования в культуре. Другие же с годами все более раскрываются в своем значении. Книга А.Л. Маклыгина «Музыкальные культуры Среднего Поволжья: становление профессионализма» среди музыковедческих изданий Казанской консерватории представляется едва ли не наиболее востребованной. За годы, прошедшие с момента выхода в свет, стало очевидным, что ее значение возрастает, изложенные в ней идеи по-прежнему актуальны и получают отражение во многих новых исследованиях. Уже по этой причине хочется пожелать автору не оставлять без внимания свой труд. Думается, и новые поколения читателей с интересом будут знакомиться с эпохой парадигмальных перемен в национальных культурах Волго-Уральского региона по его книге, особенно если появится ее второе – «исправленное и дополненное» – издание.

Литература и примечания

¹ Конен В.Д. Очерки по истории зарубежной музыки. М.: Музыка, 1997. С. 493.

² Конен В.Д. Третий пласт: Новые массовые жанры в музыке XX века. М.: Музыка, 1994. 160 с.

³ Квитка К.В. Избранные труды: в 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 281.

⁴ К сожалению, автор, по-видимому, не знаком с нашей статьей «О предыстории и зарождении профессиональных форм в чувашском музыкальном искусстве» (Чувашское искусство: вопросы теории и истории. Вып. 1. Чебоксары, 1994. С. 145–156).

⁵ Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. Симбирск, 1908. 116 с.

ЧГВ, 2013 г., № 8

© **Е.В. Голышенкова**. Рец. на: Трофимов А.А. **Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура**. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – 256 с., ил.

Одной из особенностей культуры начала XXI в., века глобализации, является повышенный интерес к этнической архаике, к духовной силе предков, восходящей из жизни веков и помогающей сохранить яркую национальную индивидуальность народам, шагнувшим в эпоху универсализма. Отечественные историки, философы, культурологи, искусствоведы, художники стремятся постичь и осмыслить это актуальное изначально как в своей ментальности, так и в культуре этноса.

Проблема поиска духовных ценностей в новых условиях и подчас невозможность их обретения сегодня заставляют ученых проникать в глубины человеческого духа, отправляться в архаическое прошлое своего народа, стремясь постичь национальные архетипы, погружаясь в интуитивный внутренний образ исторического бытия, хранящийся в памяти этноса, разыскивая конкретный фактологический материал, подтверждающий этот образ. В связи с современным процессом возрождения самосознания и национальной идентичности народов России весьма актуальны и значимы исследования их древнекультурных истоков.

Известный чувашский ученый, доктор искусствоведения, профессор, вице-президент Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук Алексей Александрович Трофимов в своей монографии «Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура» обращается к крупному, еще не исследованному пласту культуры камско-волжских суваро-болгар раннего доисламского этапа и чувашей дохристианского времени – создателей Великой Болгарии Приазовья и Причерноморья и самого раннего государства в Восточной Европе – Волжской Болгарии на землях Волго-Камья. Их религию, культовую архитектуру, скульптуру, декоративно-прикладное творчество, священные знания автор сопоставляет с зороастрийскими верованиями Большого Ирана и искусством народов Евразии. Предлагаемые им к научному рассмотрению памятники позволяют утверждать, что предки чувашей находились в едином русле развитых цивилизаций и зороастризм был их религией.

Зороастризм («Благая вера почитания Мудрого») – одна из древнейших религий, берущая начало в откровении пророка Спитама Заратуштры. В основе его учения – свобода нравственного выбора человеком благих мыслей, благих слов и благих деяний. А.А. Трофимов в русле изучения культуры суваро-болгар, в стремлении глубже познать некоторые стороны зороастризма и его проникновения в мировоззрение народов Евразии подходит к рассмотрению культуры некрещеных чувашей как к научному феномену, что составляет суть научной новизны исследования. В целом, это первый труд в науке, который ставит проблемы религии ранних суваро-болгар Волго-Камья и их потомков – чувашей. Автор стремится

Елена Всеволодовна Г о л ы ш е н к о в а – член Союза художников России, старший научный сотрудник Мордовского музея изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи; e-mail: erzia@mail.ru.

доказать, что карта зороастризма довольно обширна, она охватывает области Восточной Европы вплоть до Урала.

В монографии впервые представлен комплексный культурологический, исторический, искусствоведческий анализ около 300 произведений монументальной и малой форм скульптуры, культового зодчества, памятников археологии, современных обрядовых действий. Воспроизведение этого конкретного фактологического материала логично и богато сопровождает текстовую часть книги, являясь несомненным ее достоинством. Колоссальный фактический материал автор собрал во многих музеях на территории бывшего Советского Союза, частных коллекциях, архивах, редких публикациях. Подкупают смысловая глубина и риторическая четкость монографии, где сделано немало смелых обобщений. К одному из них относится суждение о том, что благодаря тому, что зороастризм являлся стержнем жизни многих народов Волжской Болгарии и средоточием принципов миропонимания, отношения к соседям, направления развития искусств, доктрины этой религии нашли место в культуре финно-угров Поволжья и Приуралья – предков мордвы, марийцев, удмуртов, что способствовало созданию их духовного единства, являлось одной из первооснов развития дружественных и родственных взаимосвязей.

Обращают на себя внимание принцип и структура построения монографии, эстетика ее оформления. Каждая страница книги разбита на широкую колонку основного текста и иллюстраций и поля. На поля вынесены цветные и черно-белые репродукции исследуемых произведений с названиями и комментариями. Текст снабжен схемами, таблицами, чертежами культовых сооружений святынь, развернутыми планами археологических раскопок. К достоинствам монографии относятся также стройная компоновка и стиливая выдержанность подачи материала, четкое следование заявленным темам, отраженным в главах, приведение античных сведений о суваро-болгарах, присутствие карт-схем распространения зороастризма, фотографий современных обрядовых действий, глоссарий, полный список произведений с расширенными комментариями, большой альбомный формат книги, высококачественная полиграфия.

Актуальность и новизна, высокая научная и прикладная значимость книги А.А. Трофимова «Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура» несомненны.

ЧГВ, 2013 г., № 8

© Э.Е. Лебедев. Рец. на: **Dr. Feyzi Ersoy. Şuvak Türkçesi Grameri.** – Ankara: Gazi Kitabevi, 2010. – 490 s. [**Фейзи Эрсой. Грамматика чувашского языка.** – Анкара: Изд-во «Гази», 2010. – 490 с.]

Монография «Грамматика чувашского языка» издана в 2010 г. в издательстве «Гази» в г. Анкара турецким исследователем, профессором Анкарского университета, доктором наук Фейзи Эрсоем. Настоящий труд – уже не первый опыт подобного исследования фонетической и грамматической систем чувашского языка в турецком чувашеведении. Автор приводит ссылки на работы таких турецких исследователей чувашского языка, как Э. Джейлан (Историческая фонетика чувашского языка. Анкара, 1997), Б. Байрам (Чувашско-турецкий словарь. Конья, 2007), О. Дурмуш (неопубликованная диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук «Морфология чувашского языка». Защищена в 2009 г. в г. Эдирне), М. Йылмаз (неопубликованная диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук «Глагол в чувашском языке»). Защищена в 1996 г. в г. Анкара) и др. Кроме этого, Ф. Эрсой при подготовке своей монографии использовал классические труды по чувашскому языку российских и зарубежных исследователей. Наиболее значимые из них – работы Н.И. Ашмарина, И.А. Андреева, Й. Бенцинга, Л. Кларка, М.Р. Федотова, Дж. Крюгера, Л.С. Левитской, И.П. Павлова, Г. Рамстедта, А. Рона-Таша, Л.П. Сергеева, В.И. Сергеева, В.Г. Егорова и др.

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

По своей структуре работа делится на предисловие, введение, три основные главы и приложение. Стоит отметить, что все примеры, названия работ, имена и фамилии их авторов на чувашском языке даны при помощи графем латинского алфавита. Специфические звуки чувашского языка, передаваемые особыми графемами и не имеющие эквивалентов на латинице, в работе Ф. Эрсой отмечены с помощью дополнительных диакритических знаков. Например, звук *ă* передан графемой *ĩ*, звук *ě* при помощи графемы *i*, а звук *ç* – *ş*. Можно сказать, подобное обозначение этих чувашских звуков стало традиционным в современном турецком чувашеведении, так как встречается и у других турецких авторов, в частности у О. Дурмуша и М. Йылмаза.

Введение рецензируемой работы содержит в себе основные сведения о географическом расселении и численности чувашей, их истории, религии, языке и литературе. Автор дает краткий обзор грамматик чувашского языка, вышедших на русском и других языках, начиная с первой печатной работы «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (Санкт-Петербург, 1769). В завершении введения представлена таблица с транскрипционными знаками, используемыми в монографии.

Первая глава работы посвящена фонетическому строю чувашского языка. В ней Ф. Эрсой дает описание классификации гласных и согласных звуков, при этом их объяснения, где это возможно, даются с опорой на турецкие звуки. Интересно отметить, что автор представляет также исторический сравнительный анализ звуков в эквивалентных словах чувашского и древнетюркского языков, с тем чтобы читатель мог увидеть характерные особенности чувашской фонетики по отношению к фонетике языков общетюркской группы и понять пути их развития. В целом можно сказать, что в этой главе представлен традиционный взгляд на фонетическую систему чувашского языка, который признан в современной тюркологии.

Во второй, наиболее обширной главе монографии описывается морфология чувашского языка. Структура главы также выстроена в традиционном ключе: сначала рассматриваются словообразовательные аффиксы имен и глаголов чувашского языка, затем даны словоизменительные категории знаменательных частей речи, в завершении перечислены служебные части речи. Что касается категорий имени существительного, то в качестве основных автором выделены три категории – множественности, принадлежности и падежа. Отрадно отметить, что все грамматические формы проиллюстрированы большим количеством контекстных примеров с параллельным их переводом на турецкий язык. При рассмотрении аффикса множественности *-сем* Ф. Эрсой обращается к наиболее известным гипотезам о его происхождении. Среди них он упоминает гипотезы В. Шотта, Г. Рамстедта, М. Рясянена, Н.И. Ашмарина, М.Р. Федотова, Н. Поппе, Л.С. Левитской.

Категория падежа в чувашском языке, по мнению автора, представлена формами основного, родительного, дательно-винительного, местного, исходного, совместного, причинно-целевого и направительного. В этот ряд Ф. Эрсой не включил так называемый лишительный падеж (образуемый при помощи аффикса *-căp/-cěp*), который традиционно присутствует в грамматиках чувашского языка. Эта форма рассматривается в разделе именных словообразовательных аффиксов по аналогии с турецкой формой на *-sız/-siz/-suz/-süz*. В исследовании отмечены многие частные значения падежных форм. Так, у местного падежа перечислены такие значения, как местонахождение, принадлежность, состояние, у исходного падежа – удаление, исход, сравнение, трансгрессивность (в терминологии автора «обозначение средства»), объект происхождения, место, время и др. Также богато представлены и проиллюстрированы частные значения формы совместного падежа. В конце раздела о категории падежа даны таблицы парадигм склонения основ с разным ауслаутом и возможными сочетаниями аффиксов.

Помимо имени существительного в разряд именных частей речи автором включены имя прилагательное, наречие, местоимение с перечислением их основных разрядов.

Следующая часть этой главы посвящена словоизменительным категориям глагола и производным от глагола субстантивным (имена действия), адъективным (причастия) и адвербиальным (деепричастия) формам. К категориям глагола отнесены категории лица, времени и наклонения. Категория времени и наклонения разбита на две основные группы.

К первой группе принадлежат простые времена изъявительного наклонения (прошедшее очевидное, прошедшее неочевидное, настоящее и будущее), а также простые формы косвенных наклонений: условного, желательного, долженствовательного, повелительного. Интересно отметить, что в разряд желательного и долженствовательного наклонений, помимо синтетических форм на *-ин*, *-асийн/-есиён* или *-малла/-мелле*, включены и аналитические формы, такие, как на *-ас/-ес кил-*, *-ма/-ме кирлӗ*, *-ас/-ес пул-*. Вторая группа включает в себя сложные (составные) формы времен и наклонений. Вот некоторые из форм, которые автор посчитал необходимым рассмотреть в данной группе: *-нӑччӗ/-нӗччӗ*, *-сатчӗ/-сетчӗ*, *-атчӗ/-етчӗ*, *-ӗтчӗ*, *-санччӗ/-сенчӗ*, *-асийнччӗ/-есиёнччӗ*, *-ас/-ес килетчӗ*, *-маллаччӗ/-меллеччӗ*, *-нӑ/-нӗ пулнӑ* и др. Как видим, в эту группу включены не только временные формы глагола, но и формы, которые традиционно в грамматиках чувашского языка рассматривают в разделе причастий (*-асийнччӗ/-есиёнччӗ*, *-маллаччӗ/-меллеччӗ*). Кроме этого, Ф. Эрсой включает сюда и некоторые аналитические формы, например форму давнопрошедшего времени на *-нӑ/-нӗ пулнӑ* или форму с модальным значением желания совершения действия на *-ас/-ес килетчӗ*. С точки зрения традиционных грамматик чувашского языка это не совсем обычно.

В отдельном подразделе рассмотрены так называемые *составные глаголы*, которые, по нашему мнению, вслед за А. Юлдашевым правильнее было бы назвать *аналитическими формами*. Опираясь на работу И.П. Павлова «Хальхи чӑваш литература чӗлхи» (Шупашкар, 1965), автор дает список вспомогательных глаголов, образующих аналитические формы со значениями способов действий (или с *акционсартowymi значениями*).

В разделе, где представлены именные отглагольные формы в чувашском языке, такие, как имена действия (инфинитивы), причастия и деепричастия, Ф. Эрсой ограничивается перечислением указанных форм с примерами из художественной литературы. К сожалению, никакого теоретического анализа этих форм и форм, производных от них, не дается. Состав включенных в этот раздел форм в целом традиционен, что позволяет нам опустить их описание, так как они присутствуют в большинстве чувашских грамматик. Некоторое исключение, пожалуй, составляют формы на *-нӑран/-нӗрен*, *-нӑшӑн/-нӗшӑн*, *-нӑ/-нӗ чух* (чухне), упомянутые автором в разделе «Деепричастия». В связи с этим возникает вопрос: если Ф. Эрсой считает указанные формы деепричастными, то почему им проигнорированы другие аналогичные формы, производные от причастий, например: на *-асран/-есрен*, *-нипе*, *-нӑ/-нӗ хысӑн*, *-ас/-ес умӑн* и др.?

Завершает вторую главу раздел о служебных частях речи, к которым отнесены послелоги, союзы и междометия.

Третья глава «Синтаксис» разделена по принципу, используемому в большинстве грамматик тюркских языков, на два основных раздела – «Словосочетания» и «Предложения». Синтаксис чувашского языка рассмотрен автором очень кратко, в реферативном ключе. Возможно, причиной этому послужило то, что, как объясняет сам Ф. Эрсой, порядок слов в чувашском языке практически полностью совпадает с таковым в турецком языке, за исключением некоторых случаев его нарушения под влиянием русского языка. Раздел «Словосочетания» содержит в себе такие подразделы, как «Изафетные сочетания», «Определительные сочетания», «Сочетания с послелогами», «Сочетания с числительными». В разделе «Предложения» автор дает только случаи явных различий в построении предложений в чувашском и турецком языках, что выглядит вполне оправданным.

В заключение даны несколько текстов в латинской транскрипции на чувашском языке с их переводом на турецкий язык, а также список использованной литературы. Тексты представляют собой образцы народного творчества, отрывки из сказок и сказаний. Также имеется несколько диалогов из учебников по чувашскому языку. Завершает данный раздел список некоторых употребительных фраз.

Если судить в целом о концепции и структуре работы, то можно сказать, что «Грамматика чувашского языка» Ф. Эрсой представляет собой весьма удобный, подробный и добротный составленный справочник по основным грамматическим категориям и формам чувашского языка. Одно из достоинств настоящей грамматики, по нашему мнению, – проводимое на протяжении всей работы сопоставление чувашских и турецких грамматических

форм, выражающееся часто в переводе чувашских примеров на турецкий язык. Подобное сопоставление имеет большое практическое и теоретическое значение для развития тюркологической науки. Считаем, что этот труд будет полезен для турецкого читателя, интересующегося чувашским языком, а также для всех специалистов-тюркологов, владеющих турецким языком. Недостатком работы, на наш взгляд, является то, что автор в большинстве разделов не предлагает никакого теоретического осмысления грамматического материала. В тех случаях, где есть попытки подобного осмысления, Ф. Эрсой ограничивается приведением известных теорий и гипотез происхождения тех или иных форм, не внося ничего нового от своего имени. Возможно, это связано с тем, что целью автора было представить грамматику чувашского языка в качестве справочника для практического использования.

ЧГВ, 2013 г., № 8

© С.В. Видяйкин. Рец. на: Кочетков В.Д. *Город-крепость на Суре: очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI–XVII вв.* – Чебоксары, 2012. – 283 с.

В 2012 г. г. Алатырь отметил очередную юбилейную дату – 460-летие с момента его первого упоминания в письменных источниках. В свете этого события символичным выглядит выход книги историка В.Д. Кочеткова, посвященной истории Алатыря и его уезда в XVI–XVII вв. Несмотря на то, что современный Алатырь является районным центром Чувашской Республики, данное издание для мордовских историков представляет ценность в связи с тем, что прошлое города, являвшегося центром одного из старинных мордовских уездов – Алатырского, непосредственно связано с историей Мордовского края и мордовского народа.

В последнее время в отечественной историографии появилось значительное число работ по локальным проблемам региональной истории. Это объясняется настоятельной потребностью исследовать проявления общероссийских политико-экономических и социокультурных процессов в конкретной местной истории, а также высоким общественным спросом на серьезную информацию по истории родного края как важнейшей составляющей национального культурного наследия. Появление таких исследований не только является необходимым этапом на пути к созданию обобщающих трудов по отечественной истории, но и служит важным показателем интереса местной научной общественности к истории своей «малой родины». Таким образом, современный уровень развития региональных исследований непосредственно связан с теоретическим обоснованием важности специального рассмотрения явлений местного масштаба.

В рецензируемой работе, явившейся итогом многолетнего исследовательского поиска, рассматриваются основные аспекты эволюции уездного города Алатыря. Издание охватывает период со времени царствования Ивана IV до конца XVII в., представляющий значительный интерес для историков многообразием событий внутренней жизни Поволжского региона. В работе всесторонне освещается социально-экономическое и культурное развитие Алатырского уезда – одного из крупнейших административных образований феодальной России.

Вышедшая в свет книга основывается на множестве опубликованных источников и архивных документов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. С учетом новых теоретико-методологических подходов автором обобщен и систематизирован большой фактический материал, охватывающий значительный пласт истории Алатыря и его уезда. В ходе проведения исследования автор работал с источниками, хранящимися в государственных архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ульяновска, Че-

Сергей Васильевич В и д я й к и н – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия; e-mail: otel_istorii@mail.ru.

боксар и Саранска. Они представлены делопроизводственной документацией, историко-географическими описаниями, фискально-налоговой и церковной статистикой, законодательными и частноправовыми актами, источниками личного происхождения и периодической печатью. Предметно-смысловая и критическая обработка обширного документального материала позволила исследователю не только оценить причины и глубину социокультурных процессов, но и выявить главные векторы исторического развития города и региона.

Предваряет издание вводный раздел, посвященный вопросу происхождения названия города Алатыря, а также проблеме датировки основания поселения. Последующие разделы книги автор посвятил рассмотрению узловых вопросов социально-экономической истории и административной жизни города и уезда: основных этапов строительства Алатыря, устройства крепости и Алатырской засеки, службы на ней казачества, стрельцов, пушкаррей, землепользования служилых людей, их правового положения и повседневности; социально-экономического положения и правового статуса посадского населения, размеров их тягла и повинностей; основания и жизни монастырей уезда, их вотчин и крестьян, земельных споров; системы воеводского управления, компетенции и деятельности «мордовских дел воевод»; участия населения региона в событиях Смутного времени; службы и землепользования дворян и детей боярских, их участия в Смоленской войне, крымских и азовских походах; деятельности в Алатыре воеводы и сыщика, князя И. Дашкова; массовых крестьянских побегов в XVI–XVII вв., мер борьбы, предпринимаемых правительством по борьбе с ними; событий крестьянского восстания 1670–1671 гг., происходивших на территории Алатырского уезда, и их последствий для населения края.

Удачно дополняет рецензируемое издание значительное по объему приложение, содержащее богатый справочный материал – список алатырских воевод с подробнейшими комментариями к нему; именной указатель; списки стрельцов, землевладельцев, «грацких жителей» и т.д., а также массив архивных документов, таких, как фрагменты писцовых книг, списков дворян и детей боярских, различных сказок. Несомненным достоинством книги является представленный автором солидный иллюстративный материал, значительно обогативший издание. Книга снабжена картами и генеалогическими схемами, в которых обобщены историко-географические, хронологические и генеалогические данные, фотографиями и рисунками предметов материальной культуры. Их использование позволило автору более ярко показать сложную, самобытную и противоречивую историю жизни населения Алатырского уезда XVI–XVII вв.

Научные материалы издания сочетаются с личностными, сопровождающимися порой лирическими интонациями, когда автор пишет о судьбах земляков и отчего края. Вся книга пронизана чувством любви, памяти и признательности к родной земле и ее жителям.

Рецензируемый труд не лишен отдельных недостатков. Не все положения работы бесспорны, некоторые фактологические наблюдения автора нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении. По нашему мнению, автор гораздо меньше внимания уделил наиболее многочисленной категории населения уезда того времени по сравнению с другими социальными категориями, – крестьянству, которое упоминается на протяжении почти всей книги, но не удостоилось отдельного, посвященного ему раздела. Слабо затронуты в книге и вопросы повседневной жизни и функционирования крупной феодальной вотчины, её крестьянского населения.

В целом же, данное исследование является заметной вехой в изучении отечественной региональной истории. С выходом его в свет российская историография обогатилась достойной работой, хотя и не претендующей на звание научной монографии. Данная книга способна выступить ценным источником для тех, кто хотел бы больше узнать о прошлом Поволжского края и истории его городов. В целом, она представляет собой исключительно интересное, добротное научно-популярное издание по актуальной в научном и практическом отношении проблеме и призвано сыграть важную роль в осмыслении событий прошлых столетий российской истории.

ЧГВ, 2013 г., № 8

© А.Ф. Мышкина. Рец. на: Ильина Н.Г. Чăваш лирики (1960–1990 çулсем): сăвва тишкерес ыйту тата стиль шыравĕсем. – Шупашкар, 2012. – 40 с. – (Ăслăлăх докладĕсем / Чăваш патшалăх гуманитарĕн институтĕ; 8-мĕш кăларăм)

Как показывает история литературы, литературные роды, жанры и стили в художественном творчестве развиваются не равномерно и постепенно, а прерывисто и подобно вспышке. И здесь возникает закономерный вопрос о том, что же влияет на подобное развитие словесного творчества. Историческое время? Социально-политический строй? Личность художника? Вероятно, однозначного ответа на этот вопрос нет и быть не может. Для каждого отдельно взятого произведения первичным может быть тот или иной критерий либо же все сразу. Не вызывает сомнения лишь та истина, что личность художника – его эстетическое мировоззрение – гармонично концентрирует в себе, как в неразрывном клубке, все факторы (эпоху, политические идеалы, социальные проблемы и т.д.), которые в конечном счете проявляются в художественном произведении.

Научный доклад Н.Г. Ильиной интересен именно с этих позиций. 60-е и 80-е гг. XX в. для чувашской литературы, а если взять шире – и для всех литератур народов СССР и России, были десятилетиями эстетического прорыва в культуре и искусстве. Этому способствовали в первую очередь изменения в социально-политической жизни государства: смерть Сталина (1953) и период хрущевской оттепели, а также эпоха горбачевской перестройки (1985) и развал СССР. Следствием таких преобразований стало то, что во второй половине 1950–1960-х гг. в художественном творчестве происходит ослабление канонов соцреализма и, как следствие, усиление интимного, лирического начала, а также явное преобладание в литературе конца 1980–1990-х гг. публицистического мышления. Вместе с тем, если преобразования 60-х гг. способствовали глубокому развитию чувашской поэзии (именно в этот период появляется целая плеяда талантливых и неординарных чувашских поэтов), то в 80-х гг. на передовую выходит проза.

В научном докладе Н.Г. Ильиной затронуты и изучены три значимые и все еще не решенные проблемы чувашской поэзии: обоснование новых подходов и методов изучения поэтического творчества, подробный анализ творчества малоизученных поэтов 1960–1990-х гг. (П. Эйзин, Л. Мартынова, П. Яккусен, А. Агтил, Г. Федоров, М. Сунтал, М. Карягина, Н. Сельверстрова), поиски мировоззренческой основы эстетики поэта и его лирического произведения. Следует признать, что автор тонко чувствует поэзию, умело оперирует научно обоснованными фактами и терминами. Работа, бесспорно, актуальна и наталкивает читателя на определенные размышления и полемику.

Нет сомнения, что любой исследователь имеет право на выбор объекта своего научного исследования. Тем не менее обоснование критериев выбора, на наш взгляд, – это показатель объективности автора, что весьма немаловажно для исследования. В рассматриваемой работе не определена четкая позиция при выборе предмета исследования. Основным аргументом является малоизученность творчества выбранных поэтов 1960–1990-х гг. Бесспорно, малоизученность должна быть в основе критерия выбора, но этого явно недостаточно. Хотелось бы увидеть и научное обоснование подобного выбора. Невольно задаешься вопросом: что общего между поэтами (к примеру, П. Яккусен и Н. Сельверстрова), которые принадлежат к разным поколениям: П. Яккусен был уже зрелым поэтом, когда на поэтический путь вступала Н. Сельверстрова.

Некоторым ответом на данный вопрос и обоснованием выбора стал третий раздел научного доклада «Лирика геройĕсен тĕнче курăмĕн синкерлĕхĕн хăш-пĕр сăлтавĕсем» (Некоторые причины трагизма в мировоззрении лирических героев). При этом автор свои научные поиски справедливо проводит в плоскости чувашской национальной философии и эстетики:

Альбина Федоровна Мышкина – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: alb2091@yandex.ru.

устремления к гармонии и согласию, стремление жить достойно в глазах окружающих, понимание и проживание в рамках границ национального мира.

Следующий весьма немаловажный вопрос, возникающий вполне уместно в ходе ознакомления с работой: как же эволюционировало творчество представленных в исследовании поэтов? Сохранились ли эстетические тенденции 60-х гг. творчества П. Эйзина, Л. Мартыановой, П. Яккусена, М. Сунтала в их творчестве 90-х и последующих годов? Автор доклада проводит тщательный анализ многих произведений чувашских поэтов. Однако по причине неуказания даты написания этих произведений уловить развитие эстетической мысли поэтов очень проблематично. Творчество каждого поэта изучается не панорамно, в контексте развития всей чувашской поэзии и литературы, а автономно. Вследствие этого создается впечатление, что вычленение из исследования того или иного поэта никоим образом не нарушит общей композиции работы, а также ее содержания.

Наряду с вышеизложенным импонирует умение Н.Г. Ильиной уловить как в отдельном произведении, так и во всем творчестве поэта его стержнеобразующие факторы: это не принятая миром правда лирического героя П. Эйзина, не понятая окружающими героиня Л. Мартыановой, мир глазами ребенка в поэзии А. Агтила, тоска по родному дому в творчестве П. Яккусена, переживания о несказанном слове у Г. Федорова, одиночество, гибель мира в стихотворениях М. Сунтала, глубокие любовные переживания лирического героя Н. Сельверстовой, боль, рожденная дисгармонией души и тела, в стихах М. Карягиной. Примечательно и то, что в исследовании затронуты проблема сочетания в творчестве чувашских поэтов восточного и западного (европейского) мировосприятий, а также проблема отражения в художественном произведении «состояния межстоянья» лирического субъекта и лирического героя.

Таким образом, следует констатировать факт, что научный доклад Н.Г. Ильиной состоялся. В нем предпринята попытка, причем удачная, изучить вопросы теории анализа лирического произведения, проведен конкретный анализ творчества отдельных поэтов, выявлены и сформулированы философские основы поэтического творчества современных поэтов.

ЧГВ, 2013 г., № 8

© Г.Б. Матвеев. Рец. на: **Клементьев В.Н. Истоки государственности чувашского народа: исторические и социокультурные предпосылки** – Чебоксары, 2012. – 40 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 9)

Доклад В.Н. Клементьева посвящен историческим и социокультурным предпосылкам, определившим возникновение и развитие чувашского национального движения, просветительства как фактор формирования национального самосознания и идеологии чувашского народа, его этнической консолидации и общественно-политической мобилизации в начале XX в. В соответствии с поставленной задачей текст работы разделен на три части. Вначале – небольшой экскурс в этническую историю чувашей, затем последовательно по историческим периодам рассмотрены условия, факторы и предпосылки, определившие, говоря словами докладчика, «тренд национальной эмансипации» чувашей на протяжении почти половины тысячелетия. Нижний хронологический рубеж автором ограничен вхождением чувашей в состав Русского государства, а верхний связан с Первой русской революцией, заложившей организационные основы и идеологию их национального движения.

Первый исторический период в докладе очерчен временем после присоединения чувашей к Русскому государству по XVII в. включительно. Анализу подвергнуты соци-

Георгий Борисович М а т в е е в – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии и социальных исследований Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: matveev.georgij@yandex.ru.

ально-экономическая и национальная политика московских царей, отношение подвластных народов к московской власти. Следующий исторический период охватывает XVIII в. За данный отрезок времени имели место ликвидация сословия служилых чувашей Петром I, унификация юридического статуса Среднего Поволжья с другими регионами, христианизация, сопротивление чувашского общества проводимой политике. Далее анализируется внутренняя политика Екатерины II и последующих правителей в первой четверти XIX в., позитивные явления культурной жизни чувашей и других народов Поволжья под влиянием идей Просвещения. Докладчик указывает, что либеральная и культурная политика этого этапа сопровождалась угнетением и дискриминацией чувашского населения. Вторую четверть XIX в. он находит насыщенной конфликтообразующими факторами, в первую очередь выражавшимися наступлением на традиционные верования чувашей, ассимиляционным давлением на них. Далее показаны социально-экономические, культурные и политические предпосылки, определившие возникновение и развитие национальных движений во второй половине XIX в.

В целом одобряю проведенное исследование. Вместе с тем не могу полностью согласиться с некоторыми суждениями докладчика. В частности, В.Н. Клементьев не скрывает своего отрицательного отношения к процессу исламизации чувашей. Попробуем оценить данное положение с точки зрения мусульманина. Можно думать, что бывшие чуваша, ныне татары-мусульмане, в чем-то ущемлены. Более корректной, на наш взгляд, является такая формулировка мысли об «избавлении от исламизации» (с. 4): «Чувашский народ избежал сплошной исламизации и сохранил себя как этнос, как историко-культурная общность, сохранил свои древние корни, богатое материальное и духовное наследие». Думаю, мусульмане возражать против этого не будут, ведь каждый народ Земли имеет право на существование. Кроме того, функционирующее у крещеных татар и чувашей общее наследие до-исламской культуры болгарских предков не игнорируют и татарские исследователи.

Трудно согласиться с мнением докладчика о том, что традиционное религиозное мировоззрение было искоренено в рассматриваемом хронологическом рубеже. Исключение составляет, как я полагаю, поколение, прошедшее школу христианского просвещения.

Цивилизационные ориентиры, в том числе усиление воздействия славяно-христианского культурного мира, хотя и оказали стрессовое, кризисное влияние на судьбу этноса, как отмечает докладчик, но вряд ли затормозили процесс формирования национального самосознания, а скорее, усилили, что мы наблюдаем как на рубеже XIX–XX вв., так и в XX – в начале XXI в. (с. 5).

По поводу термина «иноземцы» хотел бы заметить, что следовало бы проследить также его эволюцию: когда он вытесняется из лексикона по отношению к нерусским этносам России и заменяется терминами «инородцы», «иноверцы» (с. 5).

Говоря об агрессивном вмешательстве имперского государства в связи с насильственным крещением, что пробудило мощные силы сопротивления, можно было бы упомянуть об известных организаторах движения сопротивления, о зарождении национального самосознания в XVIII в. (с. 6–7). Например, в Чебоксарском уезде такое движение возглавил Охадер Томеев, по призыву которого представители многих деревень и всех волостей уезда в феврале 1744 г. провели съезд по вопросу об отношении к христианизации насильственными методами. Делегаты избрали О. Томеева и еще двух чувашей для подания в Синод прошения о мирном распространении православия с использованием их родного языка. Поскольку опубликована статья В.Д. Димитриева о Томееве, нет необходимости говорить о нем подробно. Лишь хотел бы обратить внимание на то, что Охадер Томеев, знавший русский язык, чиновников, «заобычайных нашему чувашскому языку», был предшественником С.М. Михайлова, И.Я. Яковлева, Н.В. Никольского, выступавших за добровольное крещение, за христианскую проповедь на родном языке, за проведение акта крещения людьми, знающими чувашский язык. Чувашский общественный деятель второй четверти XVIII в. писал: «...при том крещении быть мне, могу... иноверцев к лучшему исправлению христианския веры побудить и всякими добрыми о христианской вере жития словами уговаривать»¹. Только после введения Государственным советом Российской империи в 1870 г. системы

христианского просвещения нерусских народов на родном языке, разработанной Н.И. Ильминским, к началу XX в. основная часть чувашей усвоила христианское учение.

Заслуживает внимания и такое событие, как созыв в 1767 г. Екатериной II так называемой Комиссии для составления проекта нового Уложения, в которой участвовали избранники от различных народов Поволжья, в частности, от чувашей 7 чел. Они предлагали дать крестьянам право свободной торговли, «правителей крестьян – дворцовых, государственных и др. – отменить, вместо них учредить старост и выборных людей из волостей, кого крестьяне пожелают; установить институт выборных судей, учредить школы, восстановить в правах инородческую аристократию, не принуждать к крещению»².

Что касается старых тяжб в землевладении и землепользовании с русским дворянством, такое явление действительно наблюдалось, как правило, там, где наделы чувашских крестьян соприкасались с помещичьими, но более всего это было характерно для чувашских анклавов за пределами метрополии (с. 9).

Выпадает из поля зрения докладчика такой массив, как удельные крестьяне, статус и положение которых определялись во многом удельными властями (с. 9). Этнические процессы в их среде имели свой оттенок. Это подчеркивали Г.Т. Тимофеев, Д. Месарош и другие исследователи.

Освещая наступление православия на традиционные верования, когда среди новокрещеных наблюдалось массовое движение за возврат к вере предков, следовало бы наиболее существенные моменты процесса вытеснения элементов древней культуры и религии указать (с. 9). К примеру, ликвидацию священных мест, объединявших этнолокальные территории, и в этой связи уменьшение влияния на общество предводителей общественных обрядов, проводимых в масштабе округа или групп деревень. Мне думается, что на удельных территориях процесс насильственного вытеснения «язычества», как и управления населением, носил менее драматический характер, чем у государственных крестьян, среди которых выступления происходили почаще.

Можно ли вести речь об окончательном закреплении православия в чувашской среде во второй половине XIX в., ссылаясь только на официальные данные, в частности на материалы переписи 1897 г.? Вопрос. В действительности, хотя крещенные составляли 98,9 % от численности всех чувашей, реальная конфессиональная ситуация в их среде все же была несколько иной (с. 10). Священнослужители выделяли в числе православных чувашей и «строгих православных», и «двоеверов», и «полуязычников» и т.д. Степень приверженности к «русской вере» коррелировала с половой принадлежностью (женщины, по общему признанию, были гораздо консервативнее в смысле сохранения традиций), возрастом (старшее поколение отличалось от молодого своей консервативностью), грамотностью (большинство приверженцев традиционных верований было среди неграмотных) и т.д.

Факторами, способствовавшими, в частности, развитию школьного образования и грамотности, служили, наряду с указанными докладчиком, и такие, как «возникновение очагов индустрии, развитие торговли в национальных районах» и др. (с. 11). Размыванию замкнутости, росту мобильности способствовало также ускоренное развитие транспорта, особенно железнодорожного, что имело место в России в конце XIX – начале XX в. Через Чувашию в 1891–1894 гг. была построена линия железной дороги Москва – Казань через Рязань. На строительство железной дороги потянулись жители окрестных селений, в годы Первой русской революции они в составе работников железной дороги включились в революционное движение. Из этой среды вышли затем организаторы – председатели волсполкомов, депутаты Казанского губернского совета и т.д. Не только получая образование в уездных и губернских городах, являясь педагогами или священниками, но и участвуя в отраслях производства, передовых для того времени, активная часть чувашей становилась участниками строительства государственности. Этот аспект также не надо было бы упускать из виду, поскольку докладчик отмечал фактор малоподвижности, отсутствия стремления к изменениям социального статуса, что тормозило модернизацию экономики и общественных отношений. Если уж такое положение затронуто, думается, следовало бы назвать и его причины.

Утверждение докладчика о том, что «этничность репродуцировалась в крестьянском сообществе самой повседневностью» (с. 11), можно и нужно оспаривать, ибо не все, что

составляет этничность, укладывается в рамки понятия «повседневность». Кроме повседневности, есть и другая сторона этнического бытия – цикличность. Это календарный и семейный обрядовый и праздничный циклы, с которыми связаны бытование обрядовой и праздничной одежды и пищи, общение, этикет, устное народное творчество (многие его жанры выходят за рамки повседневности), народная музыка, танцы и т.д. Эти далеко не повседневные, не будничные элементы культуры, к которым сопричастны члены этноса, и составляют главное содержание этничности. А что же представляет собой повседневность? Это – хозяйство, земледельческие и неземледельческие занятия, ношение будничной одежды, приготовление будничной пищи, соблюдение элементов обычного права (кстати, в праздники они могут временно не действовать), лечение от болезней и пр.

Периодом, когда «глубинные архетипические стороны национальной культуры не подверглись значительной трансформации и отличались устойчивостью», считается середина XIX в., а не вторая половина XIX, когда традиционная культура уже подверглась значительной эрозии (с. 11). На данном этапе начинаются важные изменения: к примеру, из кучевого в уличный план были перестроены селения, современную по планировке форму приобрела крестьянская усадьба (по состоянию середины XX в.), трансформировались архитектура и интерьер жилища, материал и покррой одежды, вытеснилась вышивка, внедрялись в быт покупные изделия, которые затронули всю материальную культуру и хозяйство. Изменения происходят и в духовной культуре, в последней четверти подверглись трансформации самые консервативные стороны – религия, обрядовая культура. Этих примеров достаточно, чтобы не согласиться с докладчиком. Причины им указаны. Таким образом, к началу XX в., по сравнению с серединой XIX в., традиционная культура успела претерпеть значительную эволюцию.

Была ли чувашская сельская община столь патриархальной к началу XX в.? Если обратиться к теме семьи, то можно констатировать, что от полигамии и сорората ничего не осталось. Муж уже был старше жены (я говорю в среднем статистическом значении), сыновья, как правило, сами выбирали для себя будущих супругов, старшие сыновья отделялись и жили своими семьями, над которыми ни старший мужчина (отец женатых сыновей), ни старшая женщина (мать) не столь уже довели. Что касается умыкания как формы бракозаключения, то чаще оно совершалось по взаимному согласию брачующихся сторон, чтобы уменьшить расходы, какие бывали при полной свадьбе. Патриархальные устои внутрисемейных отношений в связи с распространением грамотности, внедрением христианского сознания, а также отходничеством, появлением технических новшеств и по другим причинам подрывались. За бытование патриархальности чувашской сельской общины, регулировавшей все основные сферы жизни, несло ответственность прежде всего правительство.

Приводимые докладчиком цифры о сети учебных заведений в сельской местности Чувашии, чувашских школ в Поволжье и Приуралье, конечно, выходят за указанные хронологические рамки исследования. Если нет данных за 1907 г., то надо это оговаривать или округлить приводимые цифры, относящиеся к более позднему времени (с. 12).

Во втором разделе доклада анализируются просветительские идеи, касавшиеся развития национального образования, литературы, общественно-политической мысли. Поскольку речь идет о второй половине XIX в., приведенный список писателей и ученых надо бы уточнить, например, сюда не войдут А.А. Фукс, В.А. Сбоев (середина XIX в.). Можно добавить в данный список А.И. Артемьева, востоковедов И.Н. Березина, П.С. Савельева (с. 13).

Характеристика просветительства, его главных направлений отличается емкостью, достаточной четкостью. Докладчик стремится дать интерпретацию просветительских взглядов национальной интеллигенции, опираясь на мнения разных исследователей. Что же касается анализа научной деятельности Н.В. Никольского, то хотелось бы отметить, что он эволюционировал в своем мышлении и деятельности: сфера его научных интересов расширилась. Главное, развитие знаний по разным отраслям науки он связывал с практическими задачами национально-политического и культурного строительства поволжских народов. На подъем национального самосознания были направлены все стороны деятельности ученого.

Не совсем я согласен с мнением автора, что Н.В. Никольский никогда не связывал себя с Симбирской чувашской школой. Он был в курсе дел школы, переписывался с ее деятелями.

Мне понравились стиль изложения, логические рассуждения, богатство и емкость мыслей автора. У него можно поучиться концентрированному выражению мыслей.

Литература

¹ Димитриев В.Д., Леонтьев А.П., Матвеев Г.Б. Н.В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 108.

² Никольский Н.В. Конспект по истории народностей Поволжья // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 66.

ЧГВ, 2013 г., № 8

© В.П. Иванов. Рецензия на: Егоров Н.И. Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному. – Чебоксары, 2012. – 43 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 10)

Татары и чувашы – два крупных этноса не только Волго-Уралья, но и России в целом. Но так сложилось, что они же и имеют, скажем мягко, не совсем внятные и, главное, достаточно научно обоснованные концепции своего этногенеза. Так и кажется, что во всем этом кроется какая-то своя историческая интрига. Возможно, что это неспроста, ибо и татары, и чувашы по своему происхождению, с одной стороны, имеют общие базовые этногенетические корни и, с другой, представляют в научном плане продукты грандиозных ассимиляционных процессов в Средневолжском регионе, происходивших на протяжении многих веков, а то и не одного тысячелетия. Отсюда и острота вопроса их этнической идентификации.

Доклад Н.И. Егорова посвящен анализу ключевой для современного общественного сознания проблемы – определения идентичности. Предпринята попытка пролить свет на возникновение и формирование татарской и чувашской национальной идентичностей, а также проанализировать факторы, которые определили их параметры. В принципе, сегодня уже никто не оспаривает тезис, что идентичности в общем и целом представляют собой конструкты. С. Хантингтон пишет: «Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению. ...Идентичности – воображаемые сущности: то, что мы думаем о самих себе, то, к чему мы стремимся»¹.

С докладом Н.И. Егорова ознакомился с удовольствием. Тема, что называется, из сферы деликатных, одна из «горячих», актуальных как для татарских, так и чувашских ученых. И это не удивительно, ибо, собственно говоря, поиски истоков идентичности и составляют суть проблематики изучения этногенеза двух народов.

Доклад написан в стиле дискуссии. Причем она ведется в основном с достаточно известными положениями публикаций одного из ведущих татарских исследователей, доктора исторических наук Д.М. Исхакова², активного сторонника так называемой «татаристской» концепции происхождения поволжских татар. В попытках обосновать свое видение процесса формирования национальной идентичности татар Н.И. Егоров более чем часто обращается к концепции американского исследователя данной проблематики А. Франка³.

Следует отметить, что будучи языковедом, автор сумел изложить содержание работы как профессиональный историк, что, конечно же, не может не imponировать. Н.И. Егоров

Виталий Петрович Иванов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом этнологии и социальных исследований Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: arsen_coop@mail.ru.

охватывает и добулгарскую эпоху и так же последовательно останавливается на специфике состояния этнической идентичности татар в разные периоды истории – во времена Волжской Булгарии и Золотой Орды, затем Казанского ханства, Российской империи и советского строя. Рассматривая феномен идентичности на каждом историческом этапе, особое, первоочередное внимание автор уделяет выяснению роли и места религиозного фактора как одного из самых главных. Общепризнано, что религия была и остается ключевым элементом татарской идентичности. По всем признакам и сегодня татары представляют гораздо более религиозный этнос, нежели другие народы Средневожско-Приуральского региона.

Конечно, по вопросу истоков национальной идентичности и особенностей ее формирования у татар написано уже достаточно, в то время как применительно к чувашам публикаций на эту тему крайне мало. В последнем случае обсуждение до сих пор идет вокруг известных тезисов о полностью булгарском, или только суварском, или булгаро-марийском, или вовсе только финно-угорском происхождении чувашей. При этом один из важнейших аспектов данной проблематики – происхождение этнонима чувашей – обычно всегда сводили (и продолжают сводить) к названию суваров/сувазов. Правда, при этом нельзя не обойти предположений В.Ф. Каховского о некоем доисторическом характере этнонима «чăваш», т.е. увязывание его с названиями племен *чеши/чаши*, *билу/нулей* и т.п. в Центральной Азии⁴.

Структура доклада выстроена логично. Первый раздел краткий и посвящен проблеме феномена идентичностей, их типологий.

Второй раздел, самый пространственный, занимает почти две трети объема доклада. Здесь рассматриваются вопросы становления идентичности казанских татар с учетом исторических, региональных, культурных и языковых факторов. Говорят, язык – это кровь духа. Но всякий народ определяет себя через религию не в меньшей степени, чем через язык. Неудивительно, что особо пристального внимания автора заслуженно удостоился мусульманский фактор формирования казанских татар в отдельный этнос.

Н.И. Егоров в одном полностью солидарен с Д.М. Исхаковым, что проблема идентичности поволжских татар во второй половине II тысячелетия н.э. «из-за крайне слабой изученности остается во многом мифологизированной»⁵. В частности, по мнению автора, это относится к вопросу о принятии поволжскими мусульманами аллоэтнонима «татары», который в ряде работ казанских коллег, в особенности сторонников булгаро-татарской теории этногенеза, вполне обоснованно считается принятым окончательно лишь с начала XX в. В подтверждение сказанного Н.И. Егоров ссылается на слова Ю. Шамилоглу, что сложная и противоречивая цепь современной самоидентификации татарской нации (волжские булгары – мусульмане – татары) «была канонизирована в качестве национальной исторической традиции или национальной мифа казанских татар в XIX в. Ш. Марджани (1818–1889), отцом национальной истории казанских татар» (с. 8).

Н.И. Егоров убежден, что булгарской идентичности у казанских татар (равно как и у всех других субэтнических подразделений татар) никогда не было и не следует выдавать книжно-литературную пропаганду гипотетической идеи о булгаро-татарской преемственности (скорее конфессиональной, чем этнической) ранними татарскими просветителями (Х. Муслими, Т. Ялчигуловым, Ш. Марджани и их последователями) за этническое самоопределение народных масс. Сама форма этнонима «болгар» (чит. *балгар*) выдает, что мусульманские просветители позаимствовали этот этнополитоним у средневековых арабских и персидских авторов, а не из живого народно-разговорного языка (с. 38).

Вывод Н.И. Егорова о том, что этноса татар как такового не было, а были разрозненные тюркские группы, которые благодаря этноконфессионализму «мусульманин» сплотились в цельное этническое образование под названием «татары», не вызывает сомнений. Об этом историко-культурном феномене достаточно много пишут и казанские коллеги. Так, в одной из дискуссионных публикаций известные татарские историки открыто заявляют: «...татарские политики рассуждают так: давайте примем, что мы – волжские булгары, и все у нас будет хорошо. Но дело в том, что есть Пенза, Нижний Новгород, Саратов, Астрахань, которые не имеют к булгарам никакого отношения. Тамашние жители – служилые татары и такими были от века. С чего бы им вдруг записываться булгарами? Получается, что у нас тут будут какие-то непонятные булгары, вокруг – татары. Это прямая диверсия против татарского народа. Ничто

другое так не расколет нацию» (И.Л. Измайлов)⁶. В этом же духе выдержана реплика Д.М. Исакова: «Если идти вслед за этими конструкциями, мы упустим тему изучения религиозной ситуации в золотоордынский период. Как я уже говорил, существует очень мощный компонент суфийского ислама, связанный со Средней Азией и пришедший к нам оттуда. Если мы отрицаем это направление, заикливаясь на булгарах, сам процесс формирования татарского ислама в этом случае будет непонятен. В научном плане это нонсенс, так изучать вопрос нельзя»⁷.

«Татары», конечно же, политоним, здесь нет вопросов, повторяем, это своеобразный историко-культурный конструкт. Как известно (и это практически никем не оспаривается), термин «татары» имел хождение задолго до появления Казанского ханства и обозначал огромный малосвязанный массив населения, исповедовавшего в основном ислам и говорившего на тюркских языках. По мнению С.В. Соколовского, данная «историческая композитная категория никак не может именоваться “народом”, поскольку состояла и продолжает состоять из нескольких не связанных общим происхождением и самосознанием сообществ. Лишь неразличающий взгляд извне, ассоциирующий тюркоязычность, магометанство и “восточный облик” с принадлежностью к “татарам”, лежал в основе этого конгломерата»⁸.

Основываясь на множестве историко-культурных материалов, Н.И. Егоров убежденно заявляет, и с ним трудно не согласиться, что никакого «булгарского» самосознания у казанских татар ни в XVIII в., ни даже в начале XX в. не было; «булгарская региональная идентичность» является плодом кабинетных измышлений татарских ученых-мулл XVIII в., и готовила она, главным образом, на страницах сочиненных ими научных трактатов». Поэтому, как подчеркивает автор, он солидаризуется с Д.М. Исаковым и полагает, что «правильнее будет говорить о специфическом “мусульманском” самосознании татар в этот период»⁹ (с. 19). Подтверждается это и тем, что в XVIII–XIX вв. среди казанских татар особую устойчивость приобретает мусульманское самоопределение «меселман», соответственно, вплоть до второй половины XIX в. этноним «татары» в среде поволжских мусульман еще не стал самоназванием, и представители татарского этноса в быту широко пользовались конфессионимом «меселман».

На мой взгляд, Н.И. Егоров поступил совершенно правильно, придавая большое значение обсуждению в данном разделе одной из «щекотливых» для татарских исследователей проблем – содержания этнической и социальной сущности заказанских «ясачных чувашей». Как известно, мнения об этнической принадлежности данной группы населения Заказанья у татарских и чувашских историков сильно расходятся, прежде всего по вопросу о том, что из себя она представляла – собственно этническую, или этносословную, или этноконфессиональную группу. Между тем все историко-культурные и языковые данные говорят о том, что чуваше Казанского уезда были чувашами именно этнически. В Казанском ханстве по традиции и после его присоединения к России, во второй половине XVI – начале XVII в., как свидетельствуют писцовые книги Казанского и Свияжского уездов 1556–1558 гг. и Казанского уезда 1602–1603 гг., чувашами называлось булгарское население, не относившееся к господствовавшей татарской народности. Как известно, в Казанском ханстве ясак платили только подчиненные народы, татары не являлись ясачными, да и после присоединения ханства к России вплоть до XVII в. из татар ясачных людей не было. «Если чуваш – социальный термин, то почему же были ясачные черемиса и вотяки, и лишь в XVII в. – ясачные татары?» – вопрошает В.Д. Димитриев¹⁰. Татарскими коллегами не берется во внимание еще один из доводов чувашских коллег. Речь идет об исторически достоверных сведениях о том, что многие селения в Чувашском крае основаны булгаро-чувашскими переселенцами из районов Заказанья и Приказанья, что даже после переезда мигранты продолжали числиться в Казанском уезде. Уже этим подтверждается факт, что в Заказанье и Приказанье этнические чуваше действительно жили.

И наконец, в совсем небольшом третьем разделе Н.И. Егоров сделал попытку обосновать свою концепцию не столько по вопросу формирования идентичности, сколько по самоназванию чувашей. Автор однозначно придерживается мысли, что этноним «чуваш» (чув. *чăваш*) сформировался в татарском языке на базе собственно чувашского конфессионима *сăваç* «язычник», «жертвоприноситец».

Как известно, исходя из того, что луговые марицы в прошлом чувашей называли *суас*, затем этот термин перенесли на сменивших их в Приказанье и Заказанье татар, Н.И. Ашмарин

предполагал, что слово *чăваш* последовательно прошло через стадии: *јуас* – *суас* – *чуас* – *чуаш* (*чуаш*) – *чйваш* (*чйваш*)¹¹. По мнению В.Д. Дмитриева, орфографирование в Мешхедской рукописи записок А. ибн Фадлана этнонима в форме *суваз* (зетацированная форма *сувар*) подкрепляет высказывание Н.И. Ашмарина. «В первой половине XIX в. востоковед и нумизмат академик Х.Д. Френ и арабист, нумизмат П.С. Савельев название города на суварских монетах X в. расшифровывали в форме *Суваз*, указав, что в куфическом письме буквы *с*, *ш* и *р* не отличаются»¹². В.Д. Дмитриев полагает, что *суваз* произносился в форме *суясъ* (в марийской орфоэпии – *суаз*), что впоследствии перешло в *чăваш*, *чуаш*.

Вызывает удивление факт, что в тексте перевода А.П. Ковалевского «Книги Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.»¹³ все исследователи как один продолжают рассматривать, что называется, «через лупу» только одно слово – фадлановскую форму *суваз* и пытаются квалифицировать его как явную опisku вместо реального *сувар*, представленного во всех других источниках той эпохи. Мол, переписчики какие-то точки не так поставили, и получился отсюда этнотермин «суваз». Ничто другое в так называемой Мешхедской рукописи ибн Фадлана не вызывает такого внимания, как якобы некая ошибка в представлении точек именно в слове «суваз». Скорее всего, это и не описка. Возможно, какая-то, причем значительная часть *сувар* (сувазов) в свое время, не желая принимать ислам, держалась особняком и, естественно, в процессе полного поглощения *суваров* булгарами идентифицировалась как «сувазы».

Логично предположить, что этноним «чăваш» не появился, как говорится, ни с того ни с сего, т.е. собственно чуваша издревле себя именно так идентифицировали. Было бы иначе, такой этноним не мог бы буквально внезапно получить широкое распространение среди огромного по тем временам (первая половина XVI в.) массива населения Среднего Поволжья, которое вплоть до начала XVIII в. превышало численность собственно казанских татар (по данным ревизии 1719–1723 гг., чувашей в России насчитывалось 218 тыс. чел., казанских татар – 175 тыс.; да и в целом всех татар в империи было зафиксировано 295 тыс. чел.)¹⁴.

Нельзя не согласиться с Н.И. Егоровым в том, что в исторических источниках XVI–XVIII вв. такие названия этносоциальных объединений, как, скажем, *болгары*, *чуваши*, *черемиса*, *бесермяне*, *татары*, переплетались друг с другом и с понятием конфессионального, социального, регионального и прочего характера. Это значит, что методологически некорректно прямое отождествление современных этнонимов и объединяемых под ними этнических и субэтнических групп с этносоциальными названиями и сообществами источников XIII–XIX вв. (с. 6). Вместе с тем в докладе отмечается многовариантность этнонима «булгар» на чувашской почве, что «свидетельствует, таким образом, об относительно позднем (не ранее рубежа XIX–XX вв.) появлении булгарского исторического сознания в среде преимущественно творческой чувашской интеллигенции (историков, лингвистов, писателей, художников, театральных деятелей). В толще трудящихся масс булгарское историческое сознание не привилось до сих пор. Тем не менее, в отличие от урало-поволжских татар, этническое самосознание и идентичность на основе этнонима *чăваш* у чувашей утвердились рано, как минимум уже во времена Казанского ханства» (с. 43).

В докладе не то что впервые, но в очередной раз сделана попытка вывести, как уже отметили, название «чăваш» из *сăваç* («жертвоприносите́ль», по трактовке автора). Отсюда же делаются выводы о процессе формирования национальной идентичности чувашей в условиях пребывания их булгарских предков в состоянии язычества и, соответственно, становления на этой основе особой «чувашской» идентичности, отличной от идентичности татар, основанной на исламе. Видимо, еще в конце золотоордынской эпохи, полагает ученый, формировалась идентификация предков чувашей по конфессиональному признаку на базе чувашского термина *сăваç* «жертвоприносите́ль», то есть «язычник» (что засвидетельствовано марийским *суас* «чуваш», «татарин»), а в эпоху Казанского ханства этот конфессионим в татаризированном звучании *чуаш* (*č' äwaš*) приобрел статус этнонима и в таком качестве проник в чувашский и русский языки (с. 43). Других самоидентификаций у чувашей, по крайней мере у той их части, которая сохранила доныне чувашскую идентичность, по-видимому, как пишет Н.И. Егоров, никогда и не было.

Тут я согласен с Н.И. Ашмариным, который в своем исследовании «Болгары и чуваш» сформулировал следующие принципиальные выводы: 1) «Язык волжских болгар тождествен с современным чувашским» (с. 38); 2) «Современные нам чувашы представляют из себя не что другое, как прямых потомков волжских болгар» (с. 49). Позже Ашмарин писал: «Все данные языка и истории говорят за то, что чувашы – потомки древних болгар, но если это так, то следует думать, что древние волжские болгары были известны под этим названием только у других народов, сами же называли себя чувашами»; 3) «Смешение тюркских болгар с жившими по соседству с ними финнами и обращение их в особую смешанную расу, которая однако сохранила болгарский язык и болгарское национальное название (чуваш), началось весьма рано, во всяком случае ранее X века... Не будет никаких препятствий к тому, чтобы считать тех болгар, которые жили на Волге... весьма близкими по их этническому составу к современным чувашам»¹⁵ (с. 123).

По поводу «*сăваç*». Впервые об этом открытии Н.И. Егоров публично заявил в своей публикации «Откуда род чувашей?» в газете «Советская Чувашия» от 26 февраля 1989 г. В порядке научной дискуссии на данную тему в сборнике статей ЧНИИ «Чувашский язык: история, этимология, фонетика» в 1991 г. появилась статья известного лингвиста Г.Е. Корнилова. В ней все построения Н.И. Егорова были подвергнуты, что называется, зубодробительной критике. То, что, мол, сначала было *сăваç*, а затем стало *чăваш*, по мнению Г.Е. Корнилова, «фонетически абсолютно невозможно!» Переход *сăваç* в *чăваш*, кроме всего прочего, немислим для чувашей и в плане историко-физиологическом¹⁶. Спор у оппонентов велся профессионально, «на равных», ибо оба автора – видные специалисты в области языкознания. Я же человек далекий от тайн языковых, тем не менее как у историка-этнографа у меня в первую очередь возникает вопрос: неужели сами чувашы себя так и идентифицировали, как *сăваç*, т.е. буквально «кладбищенские» (с. 26, 36 и т.д.) и именно этот термин впоследствии стал их этнонимом? А что, татары-мусульмане не приносили жертву? Делают они это в день Курбан-байрам и сегодня, даже более выразительно, чем чувашы. Массовый забой баранов происходит похлеще, чем у язычников!

Главная формула Н.И. Егорова заключается в том, что, мол, название *сăваç*, которым чувашы себя внутри своего этноконфессионального сообщества обозначали, подхватили татары, «маленько» переименовали (т.е. на *чăваш*) и вернули самим чувашам в качестве их этнонима (с. 20). Чувашей татары никогда не называли язычниками, они для последних были просто иноверцами. Язычниками чувашей называли русские, притом актуальный характер это приобрело лишь с началом христианизации чувашей. До этого времени и татары-мусульмане, и чувашы-язычники для русских были лишь иноверцами, «поганцами».

Н.И. Егоров ни разу не касается вопроса адекватного значения термина «*сăваç*», который на самом деле означает не «жертвоприношитель», не «язычник», а буквально «кладбищенец». Поразительно, но факт: термин «*сăваç*» не значится ни в одном чувашском словаре!¹⁷ По Г.Е. Корнилову, *сăваç* – «кладбищенский сторож». Что такое жертвоприношение? Согласно словарям, «парне пани», «чүк туни». Логичен вопрос: почему тогда чувашы назывались *сăваç*, а не *чүкчĕ*?

И еще. Уж коли автор доклада апеллирует к татарам как «фазносчикам» этнонима *сăваç* в значении «язычник»/«жертвоприношитель», то возникает и такой вопрос: а почему *сăваç*, а не *масарсă*, ибо *масар* – тоже «кладбище», слово арабское и для лексики татар-мусульман более обычное, привычное, чем *сăваç*? Опять же нет логики.

Г.Е. Корнилов справедливо указывает, что автору предложенной версии этнонима «чуваш» следовало бы, соблюдая элементарные процедурные правила науки этимологии, привести из 5 тыс. языков Земли хотя бы один пример-аналогию в подтверждение возможности этнонима-самоназвания со значением «язычник». «Обращаем внимание, – подчеркивает он, – наименование народа по религии, идеологии со стороны соседей – обычное явление, нужен пример именно этнонима-самоназвания, а не этнонима-переосмысления»¹⁸.

Законным представляется и такой вопрос: почему же ни один из соседних этносов региона (тоже, кстати, весьма выразительных «язычествующих») не назвал себя, как говорится, исходя из религиозно-обрядовой специфики – «жертвоприношителями», «кладбищенскими» и т.п., а назвал просто «человеками», как принято во всех доклассовых, первобытных состояниях

народов мира. Возьмем, к примеру, соседей, и не только: мари́йцы – от *мари* «человек», удмурты – от *мурт* «человек», манси – «человек», ханты – «народ», мокша – от названия реки Мокша, татары – от *тат.* «чужой» (хотя бы так), украинцы – от *краина* «окраинные», узбеки – от имени монгольского хана *Узбек* и т.д., и т.п.

Безусловно, прав Г.Е. Корнилов, когда указывает, что свое самоназвание любой народ четко и осознанно противопоставляет всей совокупности этнонимов-прозвищ, всегда обидных, даваемых ему другими народами, если и не открыто враждебными, то всегда соперничающими. Веками мари́йцев именовали черемисами, эрзю и мокшу – мордвой, картвелов – грузинами, удмуртов – вотами, ханты и манси – вогулами и остяками, суоми – чухонцами и финнами, украинцев – хохлами и малороссами и т.д., но ни один народ никогда не допускал мысли о возможности замены самоназвания на прозвище¹⁹.

Вряд ли кто может оспорить, что этническая самоидентификация – это во все времена сознательный акт самоопределения человека, в той или иной мере осмысленного отнесения самого себя к определенной этнической общности. И, как показывает историческая практика, обычно люди причисляют себя к тому народу, к которому принадлежат их родители. И потому, как бы странно это ни выглядело для осмысления рассматриваемой проблемы, тем не менее скорее правы те, кто утверждает, что общественные группы объединяются происхождением, а не культурой: «На протяжении жизни все люди меняют одежду, политические убеждения, жен и мужей, веру, философию и так далее, однако они не могут поменять предков, – указывает Х. Каллен. – Ирландец всегда остается ирландцем, еврей всегда будет евреем... Ирландцы и евреи – явления природы, а граждане и прихожане – артефакты цивилизации». Иначе говоря, люди могут сменить культуру, но не в силах поменять этническую принадлежность²⁰. Есть над чем призадуматься тем, кто увлечен изучением феномена этнической идентичности.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что доклад Н.И. Егорова, несмотря на специфический формат и объем, явился своевременным, долгожданным трудом. Автором сделана необходимая для чувашеведения попытка «пощупать» неосознанный, я бы даже добавил – сюрреалистический, символ этноса. По наблюдениям Н.И. Егорова, «после тихого всплеска в 1960–1970 гг. болгарская тематика в трудах чувашских ученых постепенно стала угасать, хотя и продолжает тлеть в паранаучных публикациях. Профессиональные историки предпочитают новую и новейшую эпохи истории чувашского народа и всячески стараются обходить болгарскую тематику» (с. 42). И, ссылаясь на справедливые слова А.П. Хузангая, добавляет, что в конечном итоге мы имеем то, что имеем: болгарская традиция даже в узких рамках X–XIV вв. (не говоря уже о более ранних, глубинных этапах истории) «почти совсем не осмыслена нами и воспринимается как нечто чуждое чувашской культуре», хотя «определенные следы ее наличия можно обнаружить (как в языке, так и в конфигурации мифологических представлений)»²¹.

В целом, Н.И. Егоров прав в том, что проблематика этногенеза чувашскими историками разрабатывалась вяло, впрочем, касается это практически всех этапов истории республики. Думается, это было связано и с пассивной позицией республиканских властей в этом вопросе, отсутствием своеобразных «пассионарно» настроенных политических лидеров, руководителей высшего уровня, в то время как недостатка в них Татарстан не испытывал начиная со времен «перестройки». Как пишет А.В. Овчинников, «в последней четверти 1980-х гг. гуманитарной интеллигенции Татарии, видимо, была дана “команда” на актуализацию этнонационалистического дискурса... В 1990–2000 гг. мощью всей идеологической системы населению доказывалось, что существует «единая татарская нация» со своей древней этнополитической историей и современной государственностью в виде Татарстана, а национальные «ценности и идеалы призваны утверждать государственные чиновники, рекрутируемые данной нацией» (здесь ссылка на Р.С. Хакимова)²².

Методологическая проблема в деле изучения этногенеза и особенностей формирования идентичностей не только татар и чувашей, но и соседних финно-угорских народов, заключается в том, что даже солидные авторы пытаются нынешнее состояние этносов перенести в Средневековье, а то и в древность. В результате вместо объективной картины получают искаженные, а то и нередко выдуманные искусственные конструкции. Так, содержание

вышедшего в свет 7-томного издания «Татары» полностью построено на основе переноса современных казанских татар в болгарское прошлое. В Чувашии также отмечается разгул экзотических версий происхождения чувашей, что, конечно же, в немалой степени обусловлено наличием значительных пробелов в исследовании этнической истории и культуры народа.

Доклад Н.И. Егорова должен настроить насущные интеллектуальные ресурсы чувашеведения на более активное и, главное, разностороннее исследование условий и механизмов воспроизводства и трансляции феномена идентичности у чувашей. Впрочем, как показывает разворачивающиеся буквально на наших глазах далеко не позитивные этнонациональные процессы в стране, не меньше, если не больше, внимания требует и современность. Пожалуй, действительно, прав выдающийся теоретик Л. Визельтир, сказавший, что идентичность как грех: сколько бы мы ей ни противились, избежать ее не в силах²³.

Литература

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ МОСКВА, 2008. С. 51.

² Исаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997; *Его же*. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Дайн, 1998; *Его же*. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. М.: Наука, 2001; *Его же*. Татары: популярная этнография (этническая история татарского народа). Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.

³ Франк А.Дж. Исламская историография и «болгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань: РИУ, 2008.

⁴ Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Изд. 3-е, перераб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 138–139.

⁵ Исаков Д.М. Этнополитические... С. 144.

⁶ Булгаризм возрождается // Газ. «Звезда Востока». Казань. 2010. 12–18 августа.

⁷ Исаков Д.М. Этнополитические ... С. 144.

⁸ Соколовский С.В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. 2-е изд. Набережные Челны: КряшИздат, 2009. С. 51.

⁹ См.: Исаков Д.М. Этнополитические ... С. 147.

¹⁰ Димитриев В.Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 149.

¹¹ Ашмарин Н.И. Болгары и чуваш. Казань, 1902. С. 132.

¹² Цит. по: Димитриев В.Д. Указ. соч. С. 166–167.

¹³ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

¹⁴ Иванов В.П. Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 128.

¹⁵ См.: Димитриев В.Д. Указ. соч. С. 53.

¹⁶ Корнилов Г.Е. Против искажения истории этнонима чуваш // Чувашский язык: история, этимология, фонетика: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1991. С. 119, 121.

¹⁷ Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1985.

¹⁸ См.: Корнилов Г.Е. Указ. соч. С. 119.

¹⁹ См.: Корнилов Г.Е. Указ. соч. С. 119.

²⁰ См.: Хантингтон С. Указ. соч. С. 206.

²¹ См.: Вестник Чувашской национальной академии. Чебоксары, 1994. № 2. С. 46.

²² Овчинников А.В. «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия...»: археология идей дискурса и институты воспроизводства // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI –

начало XX вв.)», Казань, 5–6 октября 2011 г. Вып. 2. Казань, 2011. С. 320; *Хакимов Р.С.* Сумерки империи (к вопросу о нации и государстве). Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. С. 11.

²³ См.: *Хатингтон С.* Указ. соч. С. 49.

ЧГВ, 2013 г. № 8

© Р.Р. Исхаков. Рец. на: **Кобзев А.В. Татары и чувашы на перекрёстке вер: Тюркоязычное исламо-христианское пограничье в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века: монография.** Чебоксары: ЧГИГН, 2013. – 204 с.

Одной из важных, малоизученных тем истории многонационального населения Среднего Поволжья XIX – начала XX в. является вопрос взаимодействия культур и религиозных традиций местных народов, приведшее к формированию неповторимого этноконфессионального ландшафта региона. В условиях современных масштабных преобразований в стране этнорелигиозная проблематика приобрела особую актуальность. Религия, составлявшая одну из основ мировоззрения и духовности народов, после нескольких десятилетий гонений вновь претендует на восстановление своей исторической роли в обновленном качестве. Сегодня наблюдается рост религиозной активности и небывалый интерес к историческому опыту межконфессиональных отношений, что объясняется его непреходящим значением в понимании многих исторических процессов, протекавших в нашем регионе.

Работа А.В. Кобзева представляет собой один из первых опытов освещения истории исламо-христианского пограничья в Симбирском Поволжье. Основным объектом внимания исследователя являются проживавшие здесь группы крещеных татар (мишарей) и чувашей (христиан, мусульман и последователей традиционных культов). На обширном фактологическом материале автор рисует красочную картину процессов, приведших к отходу крещеных татар от православия в мусульманство и к усилению исламизации местных чувашей, проживавших в контактных зонах.

Исходя из проблематики автор разделил книгу на две основные части: «отпавшие» крещеные татары и чувашы-мусульмане. В первом разделе подробно анализируются ре-исламизация крещеных татар, их расселение и численность, особенности соблюдения норм исламского вероучения, формирование у них махалля (мусульманских общин), религиозные отношения с «официальными» мусульманами и мусульманским духовенством. Большой интерес представляет авторская реконструкция культурной жизни «отпавших», оценка их юридического положения в имперском пространстве России. «Отпавшие» в ислам вплоть до начала XX в. оставались наиболее бесправной и маргинальной в юридическом отношении группой податного населения региона. Они не имели возможность свободно соблюдать предписания исламского вероучения, посещать мечети, обращаться для исправления треб к указным муллам, отдавать детей в татарские конфессиональные школы. Не могли также открыто жениться и выходить замуж за своих соплеменников из числа «официальных» мусульман, вынуждены были скрывать своих «незаконнорожденных» детей, в любое время за несоблюдение предписаний православной церкви и отход от христианства могли подвергнуться судебному преследованию, административному или уголовному наказанию. Автору удалось показать весь трагизм положения представителей данной конфессиональной группы, объективно проанализировать эволюцию позиции государства по отношению к этим лицам.

Во втором разделе основное внимание уделяется переходу чувашей в ислам, их социальному и религиозному быту, изменениям их культуры и этнической идентичности под влиянием мусульманского вероучения и взаимодействия с татарами. Материалы и выводы,

Радик Равильевич И с х а к о в – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории крещеных татар и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; e-mail: ishakov83@rambler.ru.

приводимые в этой части работы, значительно дополняют труд известного чувашского этнографа Е.А. Ягафовой «Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI вв.» (Самара, 2009), дают новое видение проблемы. Как совершенно справедливо отмечает исследователь, одной из побудительных причин смены конфессиональной идентичности чувашами стали принудительные действия местных чиновников по насаждению христианства среди последователей традиционных культов. Таким образом, это движение можно рассматривать как некую форму рефлексии, направленной в том числе и на сохранение своего прежнего религиозного состояния. А.В. Кобзев на разнообразном документальном материале раскрывает эволюцию этнокультурного самосознания чувашей-мусульман. Центральным сюжетом здесь выступает неоднозначный выбор представителями данной конфессиональной группы дальнейшей парадигмы культурного развития, определение своего места в полиэтническом пространстве региона. Приводимые в книге данные позволяют по-новому взглянуть на проблему, показывают, что названный процесс не сводился только к ассимиляции и окультуриванию, а имел более сложный характер. Рассмотреть и беспристрастно проследить все эти моменты – задача очень непростая, требующая от исследователя такта и широкого научного кругозора. Можно констатировать, что автор с ней успешно справился.

Рассмотрение этих двух этноконфессиональных групп в рамках одного исследования вполне обоснованно, так как только в общем контексте можно понять причинно-следственные связи этих явлений, приведших к существенным изменениям конфессиональной архитектуры в Симбирской губернии, повышению присутствия исламских элементов в религиозной традиции нерусских народов края. Исламизация чувашей и их соседей, несмотря на свой локальный характер, имела значимые последствия для местных жителей. Кроме непосредственной смены религиозной идентичности отдельных групп нерусского населения, этот процесс имел и другое важное значение, ускользающее от внимания многих современных исследователей. Боязнь явной или мнимой исламизации «иностранцев» привела к формированию в пореформенный период новой религиозно-просветительской идеологии Н.И. Ильминского, ставшей в дальнейшем основным фактором культурной и национальной мобилизации чувашей, удмуртов, мари, мордвы и крещеных татар.

Для данной книги, как, впрочем, и для других работ этого автора, характерно привлечение широкой источниковой базы. По сути, А.В. Кобзев использовал весь имеющийся в местных архивохранилищах материал по теме, что позволило ему всесторонне глубоко рассмотреть историю образования групп «отпавших» крещеных татар и чувашей-мусульман, особенности их жизни, быта, культуры, идентичности, религиозности. Не может не импонировать научная добросовестность автора: все приводимые в труде факты, суждения и выводы основываются на документальных материалах. По объективным причинам автор не смог привлечь документы личного происхождения (письма, путевые записки, воспоминания) и делопроизводственные материалы (отчеты), написанные на татарском, чувашском и отчасти русском языках представителями чувашской и крещенотатарской интеллигенции (учителями и православным духовенством), в разное время командировавшимися в Симбирскую губернию для ознакомления с положением дел у «отпавших» татар и чувашей. В отличие от официальных источников, показывающих картину «со стороны», глазами сторонних наблюдателей, не имевших возможность заглянуть во внутренний мир общин «новых» мусульман, эти материалы дают совершенно иную картину явления, глазами непосредственных участников, показывают причины изменения конфессионального и этнического статуса этих лиц. Другим интересным историческим нарративом, который обогатил бы труд, могут считаться работы иностранных ученых и путешественников, посещавших Симбирскую губернию, в частности книга известного венгерского этнографа и религиоведа Д. Месароша «Памятники старой чувашской веры» (Чебоксары: ЧГИГН, 2000), переведенная на русский язык и изданная усилиями чувашских ученых. Она написана под впечатлением путешествия по Казанской и Симбирской губерниям в начале XX в., где ученый знакомился с бытом и культурой чувашей, в том числе «отпавших» в ислам или же находившихся под сильным мусульманским влиянием.

Одной из особенностей источникового комплекса по этой теме является наличие большого количества документов, в основном церковно-миссионерского характера, с явной

идеологической направленностью. Основываясь на некоторых внешних признаках, их авторы делали определенные выводы, подтверждающие те или иные идеологические суждения, например об исключительном фанатизме приверженцев ислама, их широкой прозелитической активности и т.д. Некоторые такие «горячие факты» и суждения без достаточной критической оценки вводятся в научный оборот. Не исключение в данном плане и рецензируемая монография. Автор выдвигает тезис о пренебрежительном отношении татар-мусульман к «отпавшим» крещеным татарам и чувашам, как к мусульманам «второго сорта». Данное мнение основывается на том факте, что во время торжественных богослужений в мечети представители вышеназванной конфессиональной группы были вынуждены всегда стоять в задних рядах молящихся. Как известно, наиболее почетные места в мусульманских культовых учреждениях в передних рядах, а задние предназначаются для младшего поколения. Действительно, эта практика применялась повсеместно как в Симбирской, так и в Казанской губерниях, что подтверждается многочисленными документами. Но это вовсе не означало дискриминацию «отпавших». Эти действия были продиктованы прагматичными целями. Как известно, до 1905 г. мусульманскому духовенству запрещалось исполнять духовные требы у «отпавших», пускать их в мечеть. За нарушение этого предписания муллы могли подвергнуться тюремному заключению, ссылке в Сибирь. В этих условиях действовало негласное правило, согласно которому «неофициальные» мусульмане стояли в задних рядах, которые не были видны для имама, что позволяло ему в случае обвинения заявить о своей непричастности к этим действиям. Кроме того, и самим «отпавшим» в случае необходимости было легче покинуть мечеть. Надо отметить, что наряду с документами, в которых отмечается негативное отношение татар-мусульман к «отпавшим», существует масса свидетельств о том, что «официальные» мусульмане относились с большим уважением к последним, считая их мучениками за веру, помогали им морально и материально, несмотря на возможность преследования со стороны властей.

Хочется отметить еще один момент. На наш взгляд, неполно и неточно определены в работе и некоторые термины. Например, в монографии для обозначения «отпавших» в ислам крещеных татар и чувашей применяется термин «неофиты-мусульмане». Если в отношении чувашей этот термин вполне приемлем, то в отношении крещеных татар он может считаться некорректным. Как признает сам автор, до официального «отпадения» многие крещеные татары втайне продолжали исповедовать ислам. По сути, ислам в форме народных представлений продолжал иметь в их жизни большое значение, несмотря на официальную принадлежность к другой конфессии. Схожую ситуацию можно наблюдать среди некоторых групп крещеных чувашей, которые, несмотря на номинальное принятие православия, в действительности оставались приверженцами народных верований. Таким образом, формальный акт «отпадения» крещеных татар не означал, что они принимают ислам, так как фактически они уже были мусульманами, поэтому их вряд ли можно назвать неофитами.

Высказанные частные замечания, впрочем, не снижают высокой оценки монографии в целом. Ее автором была проведена кропотливая работа, результатом которой стало появление комплексного, серьезного исследования. Оно, не сомневаемся, внесет заметный вклад в разработку темы межконфессиональных отношений в Среднем Поволжье, задаст новый вектор в изучении истории многонационального населения нашего региона. Думаю, книга будет полезна не только для узкого круга специалистов, но и для всех, кто интересуется вопросами развития конфессиональной и национальной политики государства, историей религий, представленных в Среднем Поволжье, чувашско-татарскими культурными взаимоотношениями в прошлом.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

СЕРГЕЕВ ТИХОН СЕРГЕЕВИЧ

(к 75-летию со дня рождения)

28 февраля 2013 г. исполнилось 75 лет док-

тору исторических наук, профессору кафедры отечественной и региональной истории Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (ЧГПУ), действительному члену Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики Тихону Сергеевичу Сергееву.

Т.С. Сергеев родился в д. Новые Маеи Канашского района Чувашской АССР в 1938 г. в семье сельского учителя С.М. Михайлова и колхозницы А.Я. Якимовой. Его отец пропал без вести на фронте в июле 1941 г., мать одна вырастила троих детей, которым дала возможность получить высшее образование.

Тихон Сергеев учился в Новомамеевской семилетней школе (1944–1951), Цивильском педагогическом училище (1951–1955), на историко-филологическом факультете Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева (1955–1960), отслужил два года срочной службы в Куйбышеве (Самара) и Москве. Проработав учителем истории и физкультуры в течение 1962/63 учебного года, поступил в аспирантуру при кафедре истории СССР Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Культурное строительство и формирование социалистического быта в чувашской деревне в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 годы)» и был направлен преподавателем на кафедру истории в родной вуз – Чувашский пединститут, где преподавал отечественную историю до перевода в 1967 г. во вновь созданный Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧГУ).

В стенах ЧГУ им. И.Н. Ульянова Т.С. Сергеев трудился 33 года. Здесь он прошел путь от старшего преподавателя до профессора кафедры средневековой и новой истории Отечества, в 1991 г. в Уральском университете защитил докторскую диссертацию. С восстановлением через тридцать лет исторического факультета в ЧГПИ (с 1998 г. – педагогический университет) профессора Т.С. Сергеева пригласили заведовать кафедрой истории и права (2000–2006). С 2006 г. по настоящее время Т.С. Сергеев – профессор кафедры отечественной и региональной истории исторического факультета ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.

В годы работы в вузах Чувашии Т.С. Сергеев преподавательскую деятельность успешно сочетал с научной работой. Почти полвека он посвятил изучению истории культуры Чувашии, Поволжья и России Нового и Новейшего времени, «перелопатил» множество архивных фондов в Москве, Казани, Ульяновске и Нижнем Новгороде. По истории культу-

ры народов Поволжья им опубликовано свыше 400 работ, в том числе 21 монография и учебное пособие. Он более 200 раз выступал с научными докладами и сообщениями на международных, всесоюзных, всероссийских и региональных конференциях.

Закономерным итогом исследовательской работы ученого по избранной теме стала докторская диссертация на тему «Культура Чувашии (1917–1990 годы)», где он осветил основные отрасли и главные аспекты культурно-созидательного процесса от октябрьских событий 1917 г. до конца двенадцатой пятилетки, показал особенности и своеобразие, которые наряду с общими закономерностями культурного прогресса страны были свойственны процессу созидания культуры чувашского народа. При этом исследователь отошел от приевшегося за долгие годы отраслевого подхода в изучении вопросов истории культуры, заменив его системным. В этом прежде всего научная новизна диссертационной работы.

Различные аспекты истории культуры отражены в монографических работах Т.С. Сергеева: «Культурное строительство в советской Чувашии в годы предвоенных пятилеток» (1976), «Культурное строительство в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» (1975), «Социалистическая культура Чувашии» (1984), «Канашцы – доктора наук» (2000), «Историки Чувашии – доктора наук» (2002), «Формирование и развитие технической интеллигенции Чувашской АССР в 1920–1991 годах» (2002, в соавторстве), «Дореволюционная российская историография христианизации народов Среднего Поволжья» (2009, в соавторстве) и др.

Наиболее основательно изучается историком один из важнейших аспектов культуры – история народного образования и просвещения чувашского народа и родного края, по которой им изданы книги и брошюры: «Мечта сбылась. К 100-летию Ходарской школы им. И.Н. Ульянова» (1969), «Республиканская библиотека им. М. Горького Чувашской АССР, 1871–1971: путеводитель» (1971), «Илья Николаевич Ульянов и просвещение народов Поволжья» (1972), «Детище педагога-демократа И.Н. Ульянова. К 100-летию Поречской учительской семинарии» (1972), «Музей И.Н. Ульянова: путеводитель» (1983; 1988), «Родник знаний и культуры» (1997), «Факел знаний» (1998, в соавторстве), «Страницы истории высшей школы Чувашии» (1992, в соавторстве), «Храм мой – библиотека» (1999), «Горизонты сельской школы. К 130-летию Ходарской школы им. И.Н. Ульянова» (2000), «На пути к всеобщей грамотности Чувашии (1917–1941 годы)» (2003, в соавторстве), «Возрожденный исторический (к 75-летию ЧГПУ им. И.Я. Яковлева)» (2005, в соавторстве), «Школа поисков и инноваций (к 70-летию Чебоксарской школы-гимназии № 4)» (2006), «Научно-педагогическое наследие И.Н. Ульянова и современность» (2009) и др.

В статьях, опубликованных в центральных и рецензируемых научных журналах «Фундаментальные исследования», «Вопросы истории», «История СССР» (ныне «Российская история»), «Советская педагогика» (ныне «Педагогика»), «Образование и общество», «Народное образование», «Педагогическое образование и наука», «Наука и школа», «Вестник Университета Российской академии образования», «Библиотекословие», «В мире книг», «Волга», «Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта», «Сибирский педагогический журнал», «Казанский педагогический журнал», «Известия Волгоградского государственного педагогического университета», «Известия Самарского научного центра Российской академии наук», «Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева», а также в местных журналах «Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики», «Чувашский гуманитарный вестник», «Марийский археографический вестник», «Халӑх школӑ. Народная школа», «Тӑван Атӑл» (Родная Волга), «Ялав» (Знамя), в республиканских газетах он поднимает и анализирует на современном уровне актуальные проблемы просвещения, культуры, духовной жизни общества. В 2004–2006 гг. Т.С. Сергеев входил в состав редколлегии «Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева», на страницах которого регулярно печатал научные статьи.

Т.С. Сергеевым в течение четырех лет проводилась кропотливая исследовательская работа по созданию музея И.Н. Ульянова при ЧГУ. С 1971 г. он в течение трех десятилетий оставался бессменным научным консультантом этого очага культуры. Принимал также участие в организации ряда музеев и краеведческих уголков в учебных заведениях Чувашии.

Являясь пытливым краеведом-общественником, Т.С. Сергеев принимал активное участие в сборе материалов для «Краткой чувашской энциклопедии» (2001). Отметим, что из трех тысяч тематических и библиографических статей этого издания 152, или каждая двадцатая, принадлежат перу Т.С. Сергеева. Впоследствии в четырехтомном издании «Чувашской энциклопедии» (2006–2011), где он являлся одним из 17 отраслевых редакторов (ему поручался раздел «Культура»), опубликовал 210 таких же статей. Вклад ученого в краеведение края не остался незамеченным: Чувашской народной академией наук и искусств ему присвоено почетное звание «Халăх асчахĕ» («Народный академик»).

Т.С. Сергеев является одним из ведущих библиографов республики: он стал инициатором систематического библиографического описания и публикации в виде научно-вспомогательных указателей литературы всех вышедших в свет книг, брошюр, сборников, журнальных и газетных статей по истории культуры Чувашии. Среди них: «И.Н. Ульянов и просвещение чувашского народа: указатель литературы» (1972), «Культурное строительство в Чувашии: научно-вспомогательный указатель литературы» (1976), «Развитие социалистической культуры Чувашии: научно-вспомогательный указатель литературы» (1983), «Развитие культуры Чувашии (1981–1990 гг.): научно-вспомогательный указатель литературы» (2000). Эти издания помогают исследователям-краеведам ориентироваться в «безбрежном море» информации.

Неутомимый профессор оставил определенный след своими знаниями и творческим горением в жизни 5 тыс. студентов, которые прошли через его лекции и практические занятия за 47 лет работы ученого в вузах Чувашии. В последние годы Т.С. Сергеев активно участвует в подготовке и аттестации научно-педагогических кадров. Он являлся членом специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора исторических наук при ЧГУ и специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата педагогических наук при ЧГПУ, участвует в приеме кандидатских экзаменов у аспирантов, читает им цикл лекций, пишет отзывы о диссертациях и авторефератах. В 1998–2012 гг. под его научным руководством подготовлены один доктор и девять кандидатов исторических наук.

За многолетнюю добросовестную научно-педагогическую и общественную работу Т.С. Сергеев награжден медалями «За освоение целинных земель» (1957), «Ветеран труда» (1987), «100 лет профсоюзам России» (2005), удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры Чувашской АССР» (1990). В его трудовой книжке более двадцати благодарностей руководства вузов. За серию статей по истории народного образования в Чувашии ему в 2003 г. была присуждена премия им. Н.Я. Бичурина, учрежденная Национальной академией наук и искусств Чувашской Республики. Накануне своего семидесятилетия (2008) удостоен нагрудного знака «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Кандидат в мастера спорта, экс-чемпион Чувашии в беге на 30 км, имеет ряд грамот и дипломов за достижения в спорте.

Основные научные труды

Старые и новые Ходары (Историко-этнографический очерк). – Чебоксары, 1965. – 52 с.

Мечта сбылась (К 100-летию Ходарской школы им. И.Н. Ульянова). – Чебоксары, 1969. – 30 с.

К 100-летию Ходарской школы им. И.Н. Ульянова // Советская педагогика. – 1970. – № 1. – С. 96–101.

Илья Николаевич Ульянов и просвещение народов Поволжья. – Чебоксары, 1972. – 29 с.

Детище педагога-демократа И.Н. Ульянова (К 100-летию Порецкой учительской семинарии). – Чебоксары, 1972. – 64 с.

Илья Николаевич Ульянов и просвещение чувашского народа: указатель литературы / сост. Т.С. Сергеев. – Чебоксары, 1972. – 81 с.

Роль г. Горького в культурном подъеме чувашского народа // 750-летие города Горького. – Горький, 1973. – С. 74–80.

Культурное строительство в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Деп. в ИНИОН АН СССР 14.07.1975 г., № 535.75. М., 1975. – 237 с.

Культурное строительство в советской Чувашии в годы предвоенных пятилеток. – Чебоксары, 1976. – 192 с.

Культурное строительство в Чувашии: научно-вспомогательный указатель литературы / сост. Т.С. Сергеев. – Чебоксары, 1976. – 327 с.

Культурное строительство в Чувашской АССР в годы восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития социализма (1945–1958 гг.). – Деп. в ИНИОН АН СССР 5.03.1976 г., № 693. – 216 с.

На кафедре истории СССР Чувашского университета // История СССР. – 1980. – № 5. – С. 229–231.

50-летие Научно-исследовательского института // История СССР. – 1981. – № 2. – С. 248–249.

И.Н. Ульянов – выдающийся борец за просвещение и культуру народов Поволжья // Советская педагогика. – 1981. – № 7. – С. 25–32. – Совместно с Н.А. Андреевым, Я.И. Ханбиковым.

Н.К. Адрианов – первый врач-чуваш // Советское здравоохранение. – 1981. – № 11. – С. 65–67. – Совместно с Г.А. Алексеевым.

Развитие социалистической культуры Чувашии: научно-вспомогательный указатель литературы / сост. Т.С. Сергеев. – Чебоксары, 1983. – 124 с.

Музей И.Н. Ульянова: путеводитель. – Чебоксары, 1983. – 14 с.

Роль Нижегородского (Горьковского) края в подготовке кадров для народного хозяйства и культуры автономных республик и областей Поволжья (1929–1936 гг.). – Деп. в ИНИОН АН СССР, № 10153. – М., 1983. – 37 с.

Социалистическая культура Чувашии. – Чебоксары, 1984. – 160 с.

Об историографии истории культуры советской Чувашии // Вопросы истории современной исторической науки. – М., 1984. – С. 60–61.

Вопросы интернационального воспитания в курсах истории СССР педагогических институтов // История СССР. – 1984. – № 1. – С. 219–221.

Роль Нижегородской партийной организации в подготовке рабочих и инженерно-технических кадров для автономных республик и областей РСФСР // Роль русского рабочего класса автономных республик РСФСР. – Чебоксары, 1984. – С. 47–54.

Музей И.Н. Ульянова в университете // Вестник высшей школы. – 1985. – № 4. – С. 65–67.

Вклад трудящихся Горьковского края в просвещение и культуру нерусских народов региона в период строительства социализма // Социалистическая революция и социалистическое строительство в Волго-Вятском регионе: межвуз. сборник. – Чебоксары, 1985. – С. 92–101.

Культура советской Чувашии. К 70-летию автономии республики. – 2-е изд. – Чебоксары, 1989. – 325 с.

Массовая культурно-просветительная работа // Чувашской АССР 70 лет. – Чебоксары, 1990. – С. 107–117.

Культура Чувашии (1917–1990 гг.): автореф. дис. д-ра ист. наук. – Свердловск, 1991. – 32 с.

Историография культурных преобразований в национальных республиках Российской Федерации // Духовная культура: история и тенденции развития: тезисы докладов. – Сыктывкар, 1992. – С. 30–31.

Ликвидация неграмотности населения. Развитие общеобразовательной школы // Из истории культуры Чувашии, 1917–1985. – Чебоксары, 1992. – С. 49–84. – Совместно с Н.Е. Егоровым.

Академик В.Д. Димитриев: (В связи с 70-летием со дня рождения) // Вестник Чувашского университета. – 1995. – № 1. – С. 128–132.

История Марий Эл и марийского народа: заметки с научных конференций 1994 года // Марийский археологический вестник. – 1995. – № 5. – С. 206–207.

- Родник знаний и культуры. – Чебоксары, 1997. – 64 с.
- Изучение дореволюционного культурного наследия Чувашии // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. – 1997. – №1. – С. 14–23.
- Изучение истории культуры Чувашии Новейшего времени // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. – 1998. – № 1. – С. 115–132.
- Факел знаний (К 125-летию Поречкой учительской семинарии и 40-летию школы-интерната им. И.Н. Ульянова. – Екатеринбург, 1998. – 147 с. – Совместно с А.К. Красновым.
- Храм мой – библиотека (История становления и развития Национальной библиотеки Чувашской Республики). – Чебоксары, 1999. – 148 с.
- Вклад трудящихся Горьковского края в просвещение и культуру нерусских народов региона в 1929–1936 гг. // Марийский археографический вестник. – 1999. – № 9. – С. 126–132.
- Народное образование среди чувашей России и в Чувашской республике в 1918–1928 годах: к историографии проблемы // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. – 1999. – № 2. – С. 48–55.
- Канащцы – доктора наук. – Чебоксары, 2000. – 168 с.
- Подготовка боевых резервов Красной Армии в годы Великой Отечественной войны через курсовую форму обучения (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской республик) // Марийский археографический журнал. – 2000. – № 10. – С. 121–132.
- Вопросы историографии истории образования, науки и культуры Чувашии. – Чебоксары, 2000. – 232 с.
- Горизонты сельской школы: к 130-летию Ходарской школы имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2000. – 308 с.
- Возрожденный исторический (к 75-летию ЧГПУ им. И.Я. Яковлева). – Чебоксары, 2005. – 398 с. – Совместно с Л.А. Ефимовым.
- Художественная интеллигенция Чувашии в 1920–1941 гг.: монография. – Чебоксары, 2005. – 205 с. – Совместно с Е.В. Агаевой.
- Школа поисков и инноваций (к 70-летию Чебоксарской гимназии № 4): справочное издание. – Чебоксары, 2006. – 396 с.
- Гаврилова Людмила Михайловна // Чувашский гуманитарный вестник. – 2006. – № 1. – С. 231–234.
- Чувашская областная организация КПСС: хроника 1898–1991: в 2 кн. – Кн. 2 (1956–1991). – Чебоксары, 2007. – С. 219–568. – Составление.
- Из поколения созидателей // Жизнь и деятельность Ивлева Данила Осиповича (к 100-летию со дня рождения). – Чебоксары, 2007. – С. 15–24.
- Деятельность И.Я. Яковлева по преобразованию Симбирской чувашской школы в учительскую семинарию // Вестник Ленинского мемориала. – Вып. 9. – Ульяновск, 2007. – С. 418–423.
- Формирование творческой интеллигенции Чувашии: проблемы и поиски. – 2-е изд. Чебоксары, 2008. – 205 с. – Совместно с Е.В. Агаевой.
- Научно-педагогическое наследие И.Н. Ульянова и современность: историография проблемы и анализ источников // Известия Академии наук Чувашской Республики. – 2008. – № 1. – С. 137–156.
- Научно-педагогическое наследие И.Н. Ульянова и проблемы современной российской школы // Materialy IV mezinárodní vědecko-praktická konference «Nastolení moderní vědy – 2008». Díl. 6 : Pedagogika. – Praha : Publishing House «Education and Science», 2008. – Р. 15–21.
- О времени, о себе (о былых годах в прозе и стихах). – Чебоксары, 2008. – 272 с.
- Российская историография христианизации народов Поволжья: монография. – Чебоксары, 2009. – 168 с. – Совместно с А.В. Зайцевым.
- Научно-педагогическое наследие И.Н. Ульянова и современность: монография. – Чебоксары, 2009. – 388 с.
- Административная и инспекторская деятельность И.Н. Ульянова // Образование и общество. – 2009. – № 4 (57). – С. 110–114.
- Симбирская чувашская школа – центр подготовки творческой интеллигенции // Фундаментальные исследования. – 2009. – № 7. – С. 84–85. – Совместно с Е.В. Агаевой.

Семья Ульяновых и благотворительность // Успехи современного естествознания. – 2009. – № 7. – С. 29–30.

Музей И.Н. Ульянова в Чебоксарах (К 40-летию Чувашского государственного университета) // Чувашский национальный музей: Люди, события, факты (2008). – Чебоксары, 2009. – С. 16–21.

Отец, учитель, фронтовик (к 100-летию со дня рождения Сергея Михайловича Михайлова). – Чебоксары, 2010. – 119 с.

Библиотечная книга в педагогической деятельности И.Н. Ульянова // Библиотечноеведение. – 2010. – № 5. – С. 73–80.

Музей И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева как средство пропаганды их научно-педагогического наследия // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 12. – С. 104–107.

И.Н. Ульянов – организатор Порецкой учительской семинарии // Личность, культура, общество. – 2010. – Т. 13, вып. 1. – № 61–62. – С. 228–233.

Деятельность И.Н. Ульянова по привлечению средств общественности для организации народных училищ // Вестник Университета Российской академии образования. – 2011. – № 1. – С. 133–136.

Ходарская средняя школа имени И.Н. Ульянова Чувашской Республики // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 4. – С. 41–43.

О степени религиозности И.Н. Ульянова // Наука и школа. – 2011. – № 5. – С. 154–156.

Идея национальной школы в педагогической системе И.Н. Ульянова // Казанский педагогический журнал. – 2011. – № 1. – С. 171–179.

Совместная деятельность И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева по просвещению чувашского народа // Фундаментальные исследования. – 2010. – № 8, ч. 1. – С. 53–55.

И.Н. Ульянов и И.Я. Яковлев – организаторы женского образования в Симбирской чувашской школе // Наука и школа. – 2011. – № 3. – С. 147–149.

Ульяновские традиции трудового воспитания в Порецкой школе-интернате им. И.Н. Ульянова // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 3. – С. 229–235.

О взаимоотношениях И.Н. Ульянова с властями // Наука и школа. – 2011. – № 1. – С. 138–140.

В.С. Григорьев.

БАТЧЕНКО ЕЛЕНА ИГНАТЬЕВНА

(К 60-летию со дня рождения)

1 июня 2013 г. исполнилось 60 лет Елене Игнатьевне Батченко, лаборанту-исследователю отдела словарей, серийных изданий и электронной энциклопедии Чувашского государственного института гуманитарных наук, одному из составителей генеральной словарной картотеки чувашского литературного языка и авторов «Толкового словаря чувашского языка».

Е.И. Батченко родилась в 1953 г. в с. Ивашкино Черемшанского района Республики Татарстан в семье колхозника. Ее отец, Игнатий Никитович Денисов, на постоянное место жительства в Татарскую АССР переехал из г. Красноярск, работал сварщиком. Мать Елены Игнатьевны, Ольга Федоровна Денисова, всю жизнь проработала в родном колхозе, среди односельчан славилась не только как ударница-полевод, но и как мастерица-исполнительница чувашских песен и танцев.

После окончания школы Елена Игнатьевна три года работала в родном колхозе на разных должностях, старшей пионервожатой в школе. В 1972 г. по совету подруги решила поступить на подготовительное отделение Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. Елена Игнатьевна поселилась на квартиру известной в интеллигентских кругах города семьи Гордон. Хозяйка квартиры, Дина Семеновна, была заведующей кафедрой гистологии медицинского факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ), а ее супруг, Меер Борисович, заведовал кафедрой

машиностроительного факультета того же университета. Гордоны оказали большое влияние как на внутреннее личностное развитие девушки, так и на всю ее судьбу. Они познакомили Е.И. Батченко с классиками чувашской словесности С.П. Горским и И.И. Одюковым, помогли определиться с выбором профессии. По их совету она поступила на отделение чувашской филологии ЧГУ, которое закончила в 1980 г.

В 1978 г. Е.И. Батченко приняли на работу в Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР на должность корректора. С этого времени начинается путь профессионального становления на научном поприще. Институт стал настоящим домом для Елены Игнатьевны, где она нашла друзей, познакомилась со многими известными языковедами и другими гуманитариями, составляющими гордость чувашской науки. Она работала на должностях лаборанта, старшего лаборанта, младшего научного сотрудника, научного сотрудника. За успехи в профессиональной деятельности неоднократно удостоивалась благодарностей дирекции Чувашского государственного института гуманитарных наук, награждена Почетной грамотой Министерства культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики (2008), Почетной грамотой администрации г. Чебоксары (2010). Ее имя включено в справочник «Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук» (2005).

Работой всей жизни Е.И. Батченко без преувеличения можно назвать участие в создании генеральной картотеки чувашского литературного языка, которая в настоящее время включает около двух миллионов карточек с цитатами из лучших образцов художественной и популярной литературы на чувашском языке. Картотека послужила базой для создания «Толкового словаря чувашского языка», первый том которого вышел в 2011 г. А сколько диссертационных и дипломных работ было написано с использованием базы данных этой картотеки, и сосчитать не представляется возможным.

Второй важной вехой в научной жизни Елены Игнатьевны стало составление и издание двухтомного библиографического указателя «Чувашское языкознание» (Чебоксары, 2004), куда вошли сведения о публикациях по всем отраслям чувашского языкознания, изданных в нашей стране и за рубежом в период с 1730 по 2002 г. Этот указатель на данный момент представляет собой самое полное, систематизированное собрание названий работ по чувашскому языкознанию, по праву пользуется большой популярностью в научной среде и является настольной книгой каждого исследователя чувашского языка.

В 2009 г. вышел еще один указатель трудов по чувашскому языкознанию, автором-составителем которого стала Е.И. Батченко, – «Путеводитель аннотированный по научному архиву Чувашского государственного института гуманитарных наук по отделу языкознания». На подготовку этого издания у автора ушло несколько лет. Елена Игнатьевна, можно сказать, вложила в него всю свою душу. В результате выполненной работы также был опубликован цикл статей, посвященных выявленным и проанализированным архивным материалам. Из них мы хотели бы здесь привести следующие: «Топонимические материалы по данным научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук» (1997) и «Научное наследие Н.А. Андреева (Урхи) в фондах научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук» (2002).

В настоящее время Елена Игнатьевна продолжает трудиться на ниве чувашской библиографии и лексикографии. Идет напряженная работа по подготовке второго тома «Толкового словаря чувашского языка», в планах – переиздание библиографического указателя по чувашскому языкознанию с включением в него названий работ, изданных за последнее десятилетие.

Е.И. Батченко имеет большой авторитет среди своих коллег – сотрудников института. Она по праву пользуется уважением у дирекции, так как за многие годы работы в институте показала себя как квалифицированный специалист, добросовестно выполняющий свои обязанности. Ее работу отличают особая тщательность и скрупулезность. Отметим также, что на протяжении ряда лет она была членом профкома – возглавляла культурно-массовый сектор.

Коллеги от души поздравляют Елену Игнатьевну с юбилеем, желают ей крепкого здоровья, неувядающего долголетия, дальнейших творческих успехов.

Основные научные труды

Чувашское языкознание: библиографический указатель = Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕ: библиографи кăтартмăшĕ (1730–2002). – Чебоксары, 2004. – Ч. 1. – 192 с. – Ч. 2. – 204 с.

Путеводитель аннотированный по научному архиву Чувашского государственного института гуманитарных наук: отдел языкознания. – Чебоксары, 2009. – 280 с.

Чăваш чĕлхин ăнлантарулă сăмах кĕнеки («Д», «Е», «Ж»). – 1 том. – Шупашкар, 2011. – 383 с.

Ю.Ф. Ефимовăн пичетленĕ тĕпчев ĕçĕсем // Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕ: ЧПГĂИ статьясен пуххи. – Шупашкар, 1999. – С. 171–173.

А.П. Хусанкайăн пичетленĕ ĕçĕсем // Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕ: ЧПГĂИ статьясен пуххи. – Шупашкар, 1999. – С. 182–197.

Топонимические материалы по данным научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук // Ономастика и языки Урало-Поволжья (Материалы региональной конференции, Чебоксары, 13–14 ноября 1997 г.). – Чебоксары, 2002. – С. 130–134.

Научное наследие Н.А. Андреева (Урхи) в фондах научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) // Урхи Наумĕ: чăваш чĕлхеси Наум Андреевич Андреев 110 çул тултарнă май: статьясен пуххи / ЧПГĂИ. – Шупашкар, 2002. – С. 71–75.

Библиографический указатель по чувашскому языкознанию как свод памятников народов Урало-Поволжья // Актуальные проблемы чувашского языка и литературы: Всероссийская научно-практическая конференция, Стерлитамак, 25–27 ноября. 2004 г. – Стерлитамак, 2004. – С. 44–50.

Краткий обзор библиографических трудов по чувашскому языку // Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕ = Вопросы чувашского языкознания: сборник статей / ЧГИГН. – Чебоксары, 2006. – Вып. 2. – С. 268–274.

Сравнительный анализ некоторых лексем генеральной словарной картотеки ЧГИГН и их подача в чувашско-русских словарях // Чăваш чĕлхи: аваллăхран малашлăха / ЧПГĂИ. – Шупашкар, 2007. – С. 62–71.

Цели, задачи, источники и подача материалов в планируемом «Историческом словаре чувашских топонимов XVII–XX вв.» // Чăваш чĕлхи тата алтаистикăн хальхи сивĕч ыйтăвĕсем = Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: сб. материалов Международной научной конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященной 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февраля 2009 г.) / ЧГИГН. – Чебоксары, 2009. – Ч. 1. – С. 101–102.

Э.Е. Лебедев.

ГУСАРОВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

(К 50-летию со дня рождения)

20

июня исполнилось 50 лет историку

Ю.В. Гусарову. Юрий Владимирович родился в 1963 г. в пос. Урмары Чувашской АССР в семье служащих. Кроме сына, его родители Владимир Васильевич и Гаяния Григорьевна воспитали двух дочерей. Интерес к гуманитарным наукам проявился у пытливого будущего исследователя ещё в школьные годы. Он вспоминает, что в пятом классе, выслушав его ответ у доски, учительница А.Г. Матвеева сказала: «Ребята, наш Юра станет историком». Так и случилось.

В 1980–1981 гг., после окончания Урмарской средней школы № 1, Юрий работал столяром-сборщиком на мебельной фабрике – старейшем и самом крупном предприятии

посёлка. К тому времени он уже имел трудовой стаж, так как с 12 лет в летние каникулы подрабатывал маляром и плотником. В те годы для сельских ребят это было делом обычным.

В 1981–1986 гг. Ю.В. Гусаров учился на историческом отделении историко-филологического факультета Чувашского государственного университета. Это была золотая эпоха факультета, где блистал цвет гуманитарной науки республики: В.Д. Димитриев, П.В. Денисов, В.Ф. Каховский и др. Юбиляр тепло отзывается о многих преподавателях той поры: Л.Ю. Браславском, Д.М. Макарове, В.Г. Шаркове, В.Г. Беляеве и др., раздвигавших перед студентами горизонты знаний. Позднее он тесно общался с ними как коллега по преподавательскому цеху, перенимая их знания и опыт.

В стране назревали эпохальные перемены, а студенты жили полной жизнью: играли в футбол, ходили в кино, влюблялись. Студент-историк находил время для занятий в ансамбле танца ДК Агрегатного завода и, как многие сокурсники, подрабатывал – сначала дворником в Чувашском академическом театре, затем сторожем-дворником в детском саду Электроаппаратного завода. Три сезона выезжал со студенческими отрядами на строительство береговых укреплений в Заволжье, свинофермы в Мариинском Посаде и школы в Ядрине. А ещё годы учёбы запомнились ему практикой в музее атеизма (Казанский собор) в Ленинграде, участием в студенческих конкурсах и богатыми на впечатления туристическими поездками по большой тогда стране. Например, в 1983 г. прогуливающих по Невскому проспекту студентов из Чебоксар пригласили в «Ленфильм» на массовку фильма «Челюскинцы». Съёмки эпизода проходили в Таврическом дворце, где до революции заседала Государственная дума. Студенческие годы подарили ему верных друзей, с одним из которых – В.Н. Клементьевым – они ныне работают вместе.

В 1986 г. Ю.В. Гусаров с отличием закончил вуз и поехал по распределению в Чувашскую среднюю школу родного района. Работа с детьми вдохновляла и приносила радость. Молодого учителя даже отметили в числе передовых педагогов на августовском районном педагогическом совещании. Но его влекло в науку. В 1987 г. он поступил в очную аспирантуру ЧГУ по кафедре истории СССР. Научный руководитель П.В. Денисов, посоветовавшись с В.Д. Димитриевым, предложил изучить биографию и творчество малоизвестного дореволюционного историка Н.С. Арцыбышева. Юбиляр вспоминает, что его увлекла перспектива быть первопроходцем. Историография требует глубоких знаний и широкого кругозора, которые нарабатываются годами. Эпоха была доинтернетовской, поэтому много времени ушло на поездки в крупные города для сбора архивного и литературного материала.

В 1991 г., после окончания аспирантуры, Ю.В. Гусаров был принят на работу в университет, на созданную П.В. Денисовым кафедру археологии, этнографии и региональной истории, которая пополнялась в основном его учениками. Здесь в разные годы преподавали Б.В. Каховский, Л.М. Гаврилова, Л.А. Таймасов, С.В. Владимиров, продолжают работать С.Н. Кодыбайкин, Н.А. Петров, О.В. Егорова, О.Г. Вязова и др. В 2002 г. Ю.В. Гусаров защитил кандидатскую диссертацию, в 2006 г. получил ученое звание доцента.

На гуманитарных и технических факультетах он преподавал общие и специальные дисциплины: «История Отечества», «История и культура Чувашии», «Историческая демография», «Историография чувашской истории до 1917 г.», «История книги в Чувашии», «История религии» и т.д. Одновременно работал и в других подразделениях университета: гимназии (1994–2009), Вурнарском лицее (1997 – 2003), на подготовительных курсах. В 1991–1994 гг. заведовал этнографическим музеем ЧГУ, выезжал со студентами в этнографические и археологические экспедиции. Народ в те времена по большей части «выживал», поэтому, чтобы прокормить семью, приходилось подрабатывать в школах Чебоксар и Новочебоксарска, заниматься репетиторством.

Немало сил и времени было отдано учебно-административной работе. В 1996–1997 гг. он работал заместителем ответственного секретаря приемной комиссии университета, в 1998–2000 гг. – председателем предметной приемной комиссии по истории России, в 2004–2008 гг. – председателем предметной комиссии олимпиады ЧГУ для старшеклассников. Много лет участвовал в жюри республиканских научно-практических конференций для студентов и школьников, в 2004–2005, 2007–2009 гг. – в республиканской комиссии ЕГЭ по истории. В 2006–2012 гг. был членом комиссии по аттестации учителей истории и обществознания при Республиканском институте образования; с 2006 г. участвует в предметной комиссии по истории республиканского этапа олимпиады для школьников.

В сентябре 2011 г. Ю.В. Гусаров перешёл на работу в Чувашский государственный институт гуманитарных наук, где был назначен на должность заведующего отделом истории. Одновременно в 2011–2013 гг. продолжал по совместительству работать в университете.

Областью научных интересов юбиляра является историография отечественной и чувашской истории, история культуры и политическая история Чувашии XVIII – начала XX вв., по которым он опубликовал более 60 научных и учебно-методических трудов. Вкладом в историографию стала его монография об историке и писателе Н.С. Арцыбышеве. С лёгкой руки исследователя материалы об историке вошли в региональные энциклопедии, школьные учебники и хрестоматии по истории Чувашии, календари знаменательных дат. Работа над исследованием во многом сформировала творческое лицо учёного: тема персонифицированной истории так или иначе проявляется во всех его трудах.

В творческий багаж юбиляра входят статьи по истории народного образования, учреждений культуры, исторические портреты деятелей культуры, общественно-политических деятелей России и Чувашии, многие из которых относятся к числу малоизвестных или забытых. Он разрабатывает новую для чувашской историографии проблему истории книги (дореволюционного периода), опубликовал ряд источников по тематике своих исследований и сборник документов по Отечественной войне 1812 г. (в соавторстве). Расширяя исследовательское поле, обращается к социально-экономической истории, истории городов и т.д. Как исследователя Ю.В. Гусарова отличают научная дотошность, глубина проникновения в тему, внимание к неисследованным проблемам.

Он являлся членом отраслевой редакции по истории «Чувашской энциклопедии» и одним из её активных авторов, опубликовав 400 статей по историографии чувашской истории, истории монастырей, библиотек, чувашского национального движения начала XX в., дворянских и купеческих родов, персоналиям и др. Многие из них написаны на основе архивного материала, то есть опережают историографию. Имеет опыт совместных творческих проектов с учреждениями и организациями Чувашской Республики: Национальной библиотекой, Государственным историческим архивом, Чувашским республиканским институтом образования, Алатырским краеведческим музеем.

Исследователь убеждён, что тот, кто занимается наукой, обязан быть её популяризатором. Он регулярно публикуется в газетах, журналах, научно-популярных изданиях, не чурается и краеведческой тематики.

Многосторонняя и плодотворная работа историка не остаётся без внимания. В 2004 г. он был награждён Почётной грамотой Чувашского государственного университета, в 2007 г. – Почётной грамотой Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики, в 2012 г. отмечен Благодарностью Главы Чувашской Республики.

Широкий кругозор, высокая работоспособность, оригинальность научного мышления и любовь к своему делу вселяют надежду на то, что юбиляр ещё не раз порадует нас работами, проливающими свет на малоизвестные страницы нашей истории.

Основные научные труды

К вопросу о частных книжных собраниях в Чувашском крае первой половины XIX века. Библиотека Н.С. Арцыбышева // Из истории дореволюционной Чувашии. – Чебоксары: ЧНИИ, 1992. – С. 104–116.

Дневник провинциального помещика первой четверти XIX века // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья: материалы региональной научной конференции [Чебоксары, 10–11 января 1994 г.]. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. – С. 64–70.

О Павленковских библиотеках в Чувашском крае // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: материалы научной конференции. Чебоксары, 23–24 июня 1997 г. – Чебоксары: ЧГИГН, 1998. – С. 167–179.

Гражданский затворник: Очерк жизни и творческой деятельности Н.С. Арцыбышева. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – 184 с.

Библиотека В.К. Магницкого // Археология и этнография Чувашии: материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – С. 186–203.

О книжной торговле в Чувашском крае во второй половине XIX – начале XX вв. // Поволжье в системе всероссийского рынка: материалы научной конференции, Чебоксары, 5–6 октября 1999 г. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – С. 140–179.

Иностранное предпринимательство в Чувашском крае в конце XIX – начале XX вв. (О деятельности некоторых яичных торговцев) // Мир предпринимательства Поволжья в исторической ретроспективе: материалы научной конференции, Чебоксары, 15–16 ноября 2001 г. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – С. 41–96.

Малоизвестная эпиграмма на Н.С. Арцыбышева (Эпизод полемики вокруг «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина) // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – С. 191–195.

Цивильский уездный музей – первый музей Чувашии // Чувашский национальный музей: Люди. События. Факты (2003). – Вып. 4. – Чебоксары: ЧНМ, 2004. – С. 13–25.

О личных библиотеках Чувашского края в XVII–XVIII веках // Формирование региональных сводов книжных памятников: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 28–29 октября 2004 г. – Чебоксары: Нац. б-ка Чувашской Республики, 2005. – С. 42–56.

Новые мемуарные источники об историке Н.С. Арцыбышеве // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. – Вып. 4. – Чебоксары: ЧГИГН, 2006. – С. 3–15.

Геолог Н.А. Головкинский // Архивный вестник Чувашии: информационный бюллетень. – 2006. – № 1. – С. 65–71.

Общественно-политические деятели Чувашии начала XX века А.Ф. и П.А. Фёдоровы // Личность, общество, власть в истории Чувашии, XX век. – Чебоксары: ЧГИГН, 2007. – С. 5–41.

Анна Ефимовна Алфимова (Анатолия) // Чувашский гуманитарный вестник. – 2007. – №1. – С. 142–153.

Первые парламентарии Чувашии (К.В. Лаврский, Я.А. Абрамов) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья. – Чебоксары: ЧГИГН, 2008. – С. 215–233.

Дмитрий Алексеевич Кушников // Чувашский гуманитарный вестник. – 2007–2008. – № 3. – С. 118–141. – 2009. – № 4. – С. 150–169. В соавторстве.

«Всё, что сохранилось в памяти...»: Воспоминания Н.В. Джемс-Леви о Цивильске и Казани в 1910–1920-е годы // Чувашский гуманитарный вестник. – 2011. – № 6. – С. 158–188.

«Чебоксарский сборник» со стихами А.С. Пушкина и других поэтов первой половины XIX в. // Архивы и наука: теория и практика взаимодействия: материалы II межрегиональной научно-практической конференции (архивных чтений). – Чебоксары: Новое Время, 2011. – С. 32–37.

Отечественная война 1812 года: документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики / сост. Ю.В. Гусаров, А.А. Чибис. – Чебоксары, 2012. – 390 с.

Посещение Екатериной II Чебоксар и Алатыря в 1767 году // Особенности развития российской государственности: исторический опыт и перспективы (к 400-летию воцарения династии Романовых): материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 28 февраля 2013 г.). – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. – С. 136–142.

С.Н. Кодыбайкин.

ДЕНИСОВ ПЁТР ВЛАДИМИРОВИЧ

(К 85-летию со дня рождения)

П.В. Денисов – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Чувашской Республики, один из ярких представителей чувашского народа.

28 августа 2013 г. Петр Владимирович отметил свое 85-летие. Его ученики по праву могут гордиться своим учителем: несмотря на солидный возраст, он полон творческих замыслов и идей, мыслями и душой весь в любимой работе, щедро делится своими планами на

будущее. Всего он добивался сам, хотя мальчишке из простой крестьянской семьи нелегко было прокладывать дорогу в науку, завоевать уважение и авторитет в научном мире. Из д. Бахтигильдино Батыревского района Чувашской АССР он шестнадцатилетним подростком уехал в Казань. Уже этот поступок характеризует П.В. Денисова как личность неординарную: не каждый мальчишка из чувашской глубинки смог бы решиться на такое – отправиться в незнакомый, далекий город в военное лихолетье с одной твердой целью – поступить учиться в вуз. Любовь к учению, стремление к знаниям привили ему родители – все семеро детей Денисовых получили высшее образование. Успешно выдержав вступительные испытания, юноша поступил в Казанский государственный университет. В годы учебы студент Петр Денисов проявил свои лучшие качества. С детства приученный к труду, он подолгу сидел в архивах и библиотеках, среди сокурсников выделялся превосходными познаниями в области источниковедения и историографии.

Эрудированного и прилежного студента трудно было не заметить. Огромную роль в судьбе будущего ученого сыграл известный исследователь этнографии народов Поволжья и Приуралья профессор Н.И. Воробьев. Он на долгие годы стал для него не только наставником, но и старшим товарищем. Учитель брал его в свои этнографические экспедиции, помог определиться с кругом будущих научных интересов. Предметом особого внимания для молодого исследователя стало изучение истории и этнографии родного чувашского народа. При поступлении в аспирантуру Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР П.В. Денисов выбрал специальность «Этнография народов СССР». Формирование молодого ученого происходило под влиянием казанской исторической школы, богатой своими научными традициями. П.В. Денисов близко знал патриарха чувашской исторической науки Н.В. Никольского, жившего в те годы в Казани. Годы общения с ним и другими учеными стали для него вторым университетом. Никольский много рассказывал ему о жизни, о науке, об ученых, известных и малоизвестных. В последующем Денисов охотно передавал эти истории своим ученикам. Автору этих строк также доводилось часто слушать увлекательные, познавательные рассказы о Н.В. Никольском, Н.И. Воробьеве и др. По рекомендации Н.В. Никольского темой будущей диссертации Петр Денисов выбрал религию чувашей.

В 1952 г. П.В. Денисов вернулся в родную Чувашию. Научные центры здесь нуждались в квалифицированных исследователях. Четыре года проработал научным сотрудником Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете министров Чувашской АССР, затем пять лет трудился старшим редактором Чувашского книжного издательства. Плодом многолетних изысканий молодого ученого явилось исследование «Религиозные верования чуваш», вышедшее отдельным изданием в 1959 г. В монографии прослеживается эволюция религии чувашей с древнейших времен до начала XX в. Она стала крупным вкладом в историко-этнографическую науку и вызвала большой интерес у специалистов и общественности. Для историков, религиоведов и лекторов по сей день эта книга служит в качестве настольной. Данное исследование в то время, в условиях господства атеистической идеологии, поистине было пионерным, так как ставило сложные вопросы истории религии. Труд Петра Владимировича открыл целую серию аналогичных работ во многих регионах страны.

В 1962 г. после защиты кандидатской диссертации П.В. Денисов перешел на научно-педагогическую работу в Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева, где до 1967 г. проработал старшим преподавателем кафедры истории. Прекрасное владение материалом, умение доступно преподнести его до слушателей делали его лекции интересными и содержательными.

После открытия Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова дальнейшая научно-педагогическая деятельность ученого была связана с этим вузом. Вначале он работал доцентом и активно занимался исследованием истории религии чувашского народа начала XX в. В 1973 г. П.В. Денисов защитил докторскую диссертацию «Религия и атеизм чувашского народа», материалы которой легли в основу фундаментальной монографии, ставшей продолжением книги «Религиозные верования чуваш». Вскоре Петр Владимирович получил ученое звание профессора. Много лет, с 1973 г. по 1988 г., руководил кафедрой истории СССР. С 1990 г. был заведующим новой кафедры – археологии, этнографии и ре-

гиональной истории. В 1992 г. ученого избрали действительным членом Академии наук Чувашской Республики (с 1995 г. Национальная академия наук и искусств). Более 40 лет профессор П.В. Денисов занимался преподавательской деятельностью в вузах республики. Он разрабатывал лекционные курсы, вел семинарские занятия по этнологии и историографии отечественной истории, читал спецкурсы по отраслям этнологии, методике полевых этнографических исследований. П.В. Денисов был инициатором создания музея этнографии народов Чувашии, существенной была его помощь и в сооружении этнографического музея под открытым небом в пос. Ибреси.

П.В. Денисов опубликовал более 120 научных работ, в том числе 11 монографий, а также десятки газетных статей на исторические и этнографические темы. Под его научной редакцией издано свыше 50 научных монографий, учебников, тематических сборников по вопросам истории и этнографии чувашского народа. Он проявил себя как многопрофильный исследователь. Его важнейшие труды посвящены этногенезу, религии, атеизму, истории культуры и этнографии чувашей, исследованию жизни и деятельности Н.Я. Бичурина, Н.М. Охотникова и др. Они стали большим вкладом в этнологию и отечественную историю, получили признательность не только в России, но и за ее пределами. Значительную лепту П.В. Денисов внес в изучение сложной проблемы этногенеза чувашей. Обширный фактический материал проанализирован им в статье «Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашской народности», опубликованной в 1957 г. Результаты сравнительных этнографических наблюдений и исследований, проведенных в Болгарии и Чувашии, анализа и синтеза выявленных новых фактов изложены ученым в книге «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей» (Чебоксары, 1969). Большим подспорьем в решении вопросов чувашского этногенеза служат его исследования «Древнетюркские черты в религиозных верованиях чуваш» (1979) и «Древнетюркские элементы в религиозно-мифологических представлениях чувашей» (1984). Труды П.В. Денисова, подтверждающие теорию болгаро-чувашской этнической преемственности, заслужили высокую оценку специалистов и широко используются в научных публикациях, посвященных проблемам этногенеза народов Поволжья, дунайских болгар и венгров.

Значительную часть своей творческой жизни П.В. Денисов посвятил всестороннему исследованию жизни и научной деятельности основоположника российского востоковедения Н.Я. Бичурина (1777–1853): в 1977 г. издал книгу «Никита Яковлевич Бичурин», в 1998 г. его «Слово о монахе Иакинфе Бичурине» стало лауреатом конкурса Ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года» (Санкт-Петербург) в номинации «Диалог со временем». С большим интересом была встречена читателями и книга «Никифор Охотников» (Чебоксары, 1986). Значительную научную ценность представляет осуществленная П.В. Денисовым публикация материалов первой чувашской газеты «Хыпар» (1906–1907). Статьи по вопросам материальной и духовной культуры чувашского народа П.В. Денисовым опубликованы в журналах «Советская этнография» (1982. № 6), центральных изданиях «Очерки общей этнографии. Европейская часть» (М., 1968) и «Народы Поволжья и Приуралья» (М., 1985). Ученый представлял доклады на многих международных, всесоюзных и региональных научных конференциях. Он внес свою лепту в укрепление творческих связей между чувашскими и болгарскими учеными. Его работы хорошо известны научной общественности страны и зарубежья.

Профессор П.В. Денисов воспитал плеяду научно-педагогических кадров. Под его руководством и консультированием защищено 16 кандидатских, 6 докторских диссертаций. Из его воспитанников сформировались школы ученых-этнологов (О.В. Егорова, Е.Н. Мокшина, А.К. Салмин, Ю.Н. Сушкова, Л.А. Таймасов и др.), успешно занимающихся исследованием истории и этнографии народов Среднего Поволжья. В течение 8 лет он был членом диссертационного совета по истории в Горьковском госуниверситете, с 1993 г. по 2005 г. являлся заместителем председателя диссертационного совета по историческим специальностям в Чувашском государственном университете. Более 30 раз выступал официальным оппонентом по кандидатским и докторским диссертациям. П.В. Денисов активно участвовал в распространении научных знаний среди населения, состоял и состоит членом ряда ученых советов и комиссий, являлся председателем Чувашского филиала Географического общества

СССР, состоял членом правления Российского международного фонда культуры (1989–1998), возглавлял его отделение в Чувашской Республике.

Заслуги П.В. Денисова в научно-педагогической деятельности отмечены наградами: почетными грамотами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, Чувашского обкома КПСС, Министерства высшего образования СССР, почетным званием заслуженного деятеля науки Чувашской Республики. Указом Президента Чувашской Республики от 22 июня 1998 г. ему присуждена Государственная премия Чувашской Республики за монографию «Жизнь монаха Иакинфа Бичурина». П.В. Денисов награжден медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», «Ветеран труда».

П.В. Денисов с супругой Розалией Тарасовной вырастили двух дочерей, которые по примеру отца выбрали научную стезю. Сегодня в историко-этнографической науке хорошо известны имена Нарспи Петровны Зильберг, являющейся одним из ведущих этнографов Иерусалимского университета, и Олеси Петровны Вовиной, работающей в одном из университетов Нью-Йорка. Некоторые из внуков Петра Владимировича также занимаются научными исследованиями. Дочери Петра Владимировича часто приезжают к родителям и поддерживают связь с учеными Чувашии.

Коллеги и друзья Петра Владимировича, его многочисленные ученики желают ему благополучия, здоровья и долголетия.

Основные научные труды

Проблемы устного народного творчества и этнографии чуваш в произведениях Н.И. Ашмарина // Ученые записки ЧНИИ. – Вып. 10. – Чебоксары, 1954. – С. 147–182.

Быт и культура чувашского крестьянства юго-западных районов Чувашской АССР: автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1955. – 16 с.

Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР // Ученые записки ЧНИИ. – Вып. 11. – Чебоксары, 1955. – С. 210–251.

Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 гг. (Документы и материалы). – Чебоксары, 1956. – 320 с. – В соавторстве.

Крестьянское движение в Чувашии в период первой русской революции // Чувашия в первой русской революции. – Чебоксары, 1956. – С. 104–164. (Ученые записки ЧНИИ; вып. 13). – В соавторстве.

Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа // О происхождении чувашского народа: сб. статей ЧНИИ. – Чебоксары, 1957. – С. 71–95.

Чуваши // Большая советская энциклопедия. – Т. 47. – М., 1957. – С. 446–447. – В соавторстве.

Чувашская АССР (Разделы: общие сведения; государственный строй; население; изобразительное искусство и архитектура) // Большая советская энциклопедия. – Т. 47. – М., 1957. – С. 447–450.

Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. – Чебоксары, 1959. – 408 с.

Хыпарсӑсем [Вестники: произведения чувашских писателей, напечатанные в первой чувашской газете «Хыпар»] – Шупашкар, 1961. – 272 с. – Составление, предисловие.

Чӑн та хӑватӑш-ши турӑшсем? [Действительно ли чудотворны иконы?]. – Шупашкар, 1961. – 53 с.

Чуваши // Советская этнография. – 1962. – № 6. – С. 105–118. – В соавторстве.

Тӗн пусланса кайни [Происхождение религии]. – Шупашкар, 1962. – 148 с.

Никифор Михайлович Охотников: (Очерк жизни и деятельности) // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. – Чебоксары, 1963. – С. 3–30.

Рецензия на: Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства в России в начале XX века. – М., 1963. – 599 с. // Вопросы экономики и истории ЧАССР. – Чебоксары, 1963. – С. 260–269. (Ученые записки ЧНИИ; вып. 23). – Соавтор – И.Д. Кузнецов.

- Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти // Ученые записки ЧНИИ. – Вып. 40: История, этнография, социология. – Чебоксары, 1968. – С. 299–308.
- Чуваши // Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. – М., 1968. – С. 387–397. – В соавторстве.
- Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. – Чебоксары, 1969. – 176 с.
- Антиклерикальные выступления чувашского крестьянства и церковная контрреволюция в период между буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.) // Вопросы истории Чувашской АССР. – Чебоксары, 1970. – С. 72–95. (Ученые записки ЧНИИ; вып. 52).
- Антиклерикальные выступления чувашского крестьянства и православная церковь накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март – сентябрь 1917) // Вопросы истории и историографии чувашского народа. – Вып. 1. – Чебоксары, 1970. – С. 60–115.
- Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти // Советская этнография. – 1971. – № 6. – С. 28–37.
- С очите на этнографата (Глазами этнографа: о научной командировке в Болгарию) // Троянский глас. – 1971. 10 марта.
- Религия и атеизм чувашского народа. – Чебоксары, 1972. – 477 с.
- Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти // Советская этнология и антропология сегодня. – Нидерланды: Изд-во «Мултон», 1974. – С. 86–95.
- Атеистическое воспитание учащихся на уроках истории СССР в процессе изучения крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. (На материалах истории Чувашской АССР) // Актуальные проблемы научно-атеистического воспитания учащихся и работающей молодежи: материалы научной конференции. – Чебоксары, 1975. – С. 59–64.
- Чуваши // Советская историческая энциклопедия. – Т. 16. – М., 1976. – С. 86–87.
- Рецензия на: Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М., 1973; Из мира религиозного сектантства. – М., 1974 // История СССР. – 1976. – № 3. – С. 181–183.
- Иван Данилович Кузнецов // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1976. – С. 5–18. (Труды ЧНИИ; вып. 68). – В соавторстве.
- Никита Яковлевич Бичурин: очерк жизни и творческой деятельности ученого-востоковеда. – Чебоксары, 1977. – 126 с.
- Чуваши // Большая советская энциклопедия. – Т. 29. – М., 1978. – Стб. 239.
- Проявления языческо-православного синкретизма в религиозных верованиях чувашского крестьянства конца XIX – начала XX вв. // Проблемы религиозного синкретизма и развитие атеизма в Чувашской АССР. – Чебоксары, 1978. – С. 120–131. (Труды ЧНИИ; вып. 86).
- Древнетюркские черты в религиозных верованиях чувашей // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. – Чебоксары, 1979. – С. 109–131. (Труды ЧНИИ; вып. 93).
- Чуваши // Большая советская энциклопедия. – Изд. 3-е. – Т. 29. – М., 1979. – Стб. 239.
- Взаимен интерес // Днес утре. – София. – 1979. – № 21. – С. 21.
- Развитие научно-атеистической мысли в Чувашской АССР // Развитие общественных наук в Чувашии за годы Советской власти. – Чебоксары, 1980. – С. 70–86. (Труды ЧНИИ; вып. 100).
- Древнетюркские элементы в религиозно-мифологических представлениях чувашей // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. – Чебоксары, 1984. – С. 39–59.
- Никифор Михайлович Охотников: (Очерк жизни и деятельности) // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. – Чебоксары, 1984. – С. 3–30.
- Историко-этнографические исследования Н.М. Охотникова // Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода. – Чебоксары, 1985. – С. 70–89.
- Чуваши // Народы Поволжья и Приуралья: историко-этнографические очерки. – М., 1985. – С. 175–199. – В соавторстве.

Никифор Охотников. Очерк жизни и творческой деятельности. – Чебоксары, 1986. – 127 с.

Академик В.Д. Дмитриев (В связи с 70-летием со дня рождения) // Вестник Чувашского университета. – 1995. – № 1. – С. 128–132. – В соавторстве.

Иван Данилович Кузнецов (К 90-летию со дня рождения) // Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII–XX веках. – Чебоксары, 1996. – С. 3–7. – В соавторстве.

Кафедра археологии, этнографии и региональной истории // Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (1967–1997). – Чебоксары, 1997. – С. 78–87. – В соавторстве.

Вклад Н.Я. Бичурина в историко-этнографическое изучение тюркских народов Востока // Материалы юбилейной итоговой научной конференции Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Секция проблем археологии, этнографии и истории Чувашии. – Чебоксары, 1997. – С. 3–5.

Жизнь монаха Иакинфа Бичурина. – Чебоксары, 1997. – 272 с. – (Замечательные люди Чувашии).

Роль Н.Я. Бичурина в становлении российского востоковедения // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. – 1998. – № 1. – С. 10–20.

Члену-корреспонденту НАНИ ЧР А.К. Салмину – 50 лет // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. – 2000. – № 1. – С. 156–157. – В соавторстве.

Религиозный фактор в истории и традиционной культуре народов Поволжья // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение: материалы региональной научной конференции (Йошкар-Ола, 23–24 ноября 2000 г.). – Йошкар-Ола, 2001. – С. 3–10.

Кузеев Раиль Гумерович // Справочник «Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики». – Чебоксары, 2002. – С. 60–62.

Церковные реформы и их реализация в Среднем Поволжье в 60–80-е гг. XIX в. // Волжские земли в истории и культуре России: материалы региональной научной конференции, Чебоксары, 20–21 июня 2003 г. – Ч. 1. М., 2003. – С. 57–65.

И.Д. Кузнецов – неутомимый ученый, труженик исторической науки // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: сб. статей Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). – М., 2006. – С. 42–46.

Болгария глазами чувашского этнографа: страницы воспоминаний // Лик. № 1. – Чебоксары, 2006. – С. 48–65.

Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Изд. 2-е, доп. – Чебоксары, 2007. – 335 с. – (Замечательные люди Чувашии).

Чувашия глазами этнографа: поиски и находки: статьи, очерки, рецензии / сост. А.П. Данилова, Р.Т. Денисова. – Чебоксары: Новое Время, 2008. – 324 с.

Межэтнические отношения чувашей и татар // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 2. – С. 20–26. – В соавторстве.

Л.А. Таймасов.

КЛЕМЕНТЬЕВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

(К 50-летию со дня рождения)

18

октября 2013 г. исполнилось 50 лет ведущему научному сотруднику отдела истории, кандидату исторических наук Клементьеву Владимиру Николаевичу.

В.Н. Клементьев родился в г. Чебоксары. Интерес к истории у будущего исследователя проявился уже в школьные годы. Он был выражен в чтении книг на исторические темы. В 11 лет, школьником четвертого класса, запоем прочитал роман «Петр Первый» А.Н. Толстого, затем последовали проза К. Гамсахурдиа («Десница великого мастера», «Давид Строитель»), исторические повести и романы Айни, О. Форш, В. Скотта и др. В 13 лет «косилил» 6-томную историческую эпопею А. Антоновской «Великий Моурави». Стоит ли удивляться тому, что проблема выбора профессии перед Владимиром не стояла – стать только историком. В 1981 г. поступил на историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ). Учился на «отлично», проявил интерес к исследовательской работе, был председателем студенческого научного общества факультета. В студенческие же годы определилось и основное направление будущей научно-исследовательской работы – проблематика государственного строительства Чувашии в советский период. Под руководством В.Д. Данилова защитил дипломную работу по истории Советов Чувашии в 1980-е гг. Закончив учебу с красным дипломом, был направлен в качестве стажера-исследователя в Ленинградский государственный университет (ЛГУ). С 1981 г. по 1990 г. являлся аспирантом кафедры истории КПСС ЛГУ, где в 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Коммунистическая партия и Советы: опыт взаимоотношений 1926–1936 гг. (по материалам Чувашской АССР)». Его научным «шефом» был известный специалист в области истории Ленсовета доктор исторических наук А.Ф. Калинин.

По возвращении из аспирантуры стал преподавателем кафедры всеобщей истории ЧГУ. В 1993 г. перешел на работу в Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН), где последовательно прошел ступени от научного до ведущего научного сотрудника (в 2001–2011 гг. был заведующим отделом истории ЧГИГН) и где в полной мере раскрылся его научно-исследовательский потенциал. В.Н. Клементьев стал признанным специалистом в области истории Чувашского края 1920–1930 гг., национально-государственного строительства, органов государственного управления и населенных пунктов Чувашской Республики. Он автор трех монографий: «Козловка: исторический очерк» (Чебоксары, 1997), «История Чувашии Новейшего времени» (Кн. 1. Чебоксары, 2001; в соавторстве), «Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы» (Чебоксары, 2010; в соавторстве), 30 научных статей, редактор 11 научных сборников и одной монографии. Весом его вклад в подготовку многотомной «Чувашской энциклопедии» (ЧЭ): как члена редакционной коллегии, руководителя отраслевой редакции «История», редактора почти 3000 статей и автора 180 тематических и биографических энциклопедических статей. Внес основной вклад в создание тематического словника ЧЭ, разработал его концептуальный замысел, координировал работу многочисленных авторов, рецензировал статьи по отрасли «История». Как автор В.Н. Клементьев написал цикл концептуальных статей по истории Чувашии XX в. – «Новая экономическая политика», «Военный коммунизм», «Индустриализация» и др. Некоторые из них являются пионерными в разработке проблем истории Чувашии и чувашского народа, в частности «Чувашское национальное движение», «Чувашское просветительство» и др. В связи с подготовкой ЧЭ впервые в исторической науке Чувашии разработаны методика исследования, концептуальная модель и структура статей по истории населенных пунктов Чувашской Республики. Под непосредственным руководством и при авторском участии В.Н. Клементьева создан свод знаний о них: он редактор и фактический соавтор исторической части около 2000 статей по населенным пунктам Чувашии.

Параллельно с научно-исследовательской работой на протяжении многих лет В.Н. Клементьев занимался и педагогической деятельностью в высших учебных заведениях Чувашии. Им читались курсы лекций по истории Отечества, истории мировых цивилизаций, государственно-правовых учений. В.Н. Клементьев пользуется заслуженным авторитетом в коллективе института, в среде научной общественности республики. Свидетельством признания заслуг исследователя является присуждение ему в 1998 г. молодежной стипендии Президента Чувашской Республики за особую творческую одаренность, в 2010 г. он был отмечен благодарностью Министерства культуры, по делам национальностей, информации и архивного дела Чувашской Республики, а также награжден Почетной грамотой Государственного Совета Чувашской Республики.

Основные научные труды

Советы Чувашии и массовая коллективизация деревни (1929–1932 гг.): переосмысление традиционных подходов // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке: преобразования, проблемы и перспективы развития: сб. статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 1997. – С. 64–72.

Советы Чувашии на завершающем этапе формирования административно-командной системы (1930–1936 гг.) // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей. – Вып. 1. – Чебоксары: ЧГИГН, 1997. – С. 130–151.

Козловка: исторический очерк. – Чебоксары: ЧГИГН, 1997. – 239 с.

Предпринимательство в цензовой промышленности Чувашии в годы новой экономической политики // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: материалы научной конференции, Чебоксары, 23–24 июня 1997. – Чебоксары: ЧГИГН, 1998. – С. 233.

Деятельность государственных органов Чувашии по поддержке и развитию нетитульных национальностей республики (1924–1930 гг.) // Проблемы национального развития чувашского народа: сб. статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 1999. – С. 53–70.

История Чувашии Новейшего времени. – Кн.1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. – 263 с. – В соавторстве.

Формирование и развитие советской государственности Чувашии (ноябрь 1917–1993 гг.) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX века: сб. статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – С. 47–76.

Избирательные кампании в Советы Чувашии второй половины 1920-х годов как отражение политических противоречий нэпа // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей. – Вып. 3. – Чебоксары: ЧГИГН, 2004. – С. 142–194.

Чувашия от автономной области к республике // Чувашская Республика: проблемы национально-государственного строительства (история и современность). – Чебоксары: ЧГИГН, 2005. – С. 6–75.

Образование Чувашской автономной области: этнотерриториальный аспект // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: сб. статей Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). – М., 2006. – С. 352–361.

Проекты административно-территориальной реформы внутриобластного районирования Чувашии (первая половина 1920-х гг.) // Становление и развитие парламентаризма в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 30–31 марта 2006. – Чебоксары: ЧКИ, 2006. – С. 102–111.

Установление административных границ Чувашии с Марийской республикой (1920–1941 гг.) // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей. – Вып. 4. – Чебоксары: ЧГИГН, 2006. – С. 78–143.

Чувашия и проекты укрупнения регионов РСФСР в первой половине 1920-х гг. // Чувашский гуманитарный вестник. – 2006. – № 1. – С. 21–37.

Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917–1919 годы) // Чувашский гуманитарный вестник. – 2007. – № 1. – С. 23–44.

Этнотерриториальные факторы создания Чувашской республики (1920–1925 гг.) // VII конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления, Саранск, 9–14 июля 2007 г. – Саранск, 2007. – С. 46.

Формирование советской системы в Чувашии: начальный этап (ноябрь 1917 г. – первая половина 1920 г.) // Личность, общество, власть в истории Чувашии, XX век: сб. статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 2007. – С. 70–127.

Отдел по делам национальностей Казанского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его деятельность (1918–1920 гг.) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: региональная научная конференция. – Чебоксары: ЧГИГН, 2008. – С. 297–309.

Просветительство И.Я. Яковлева как фактор формирования национального самосознания чувашского народа // И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – С. 16–39.

Зарождение идеи автономии // КИЛ. – 2010. – № 2. – С. 56–74.

Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. – 192 с. – В соавторстве.

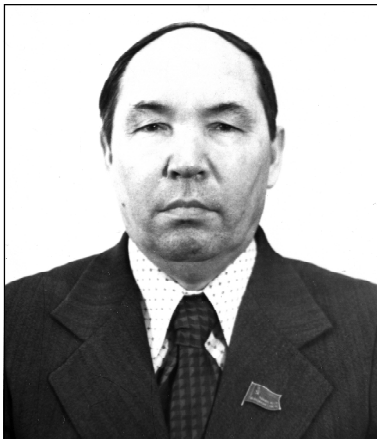
Областное экономическое совещание в системе органов управления Чувашской автономии: опыт функционирования (1921–1923) // Национальная государственность чувашского народа: история и современность: сб. статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С. 98–115.

Административно-территориальное размежевание между Чувашией и Татарской республикой (1920–1925): проекты и решения // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 5. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 95–130.

Национальная психология и уровень притязаний чувашской политической элиты начала XX века // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности и 400-летию освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (Чебоксары, 8–9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 32–43.

В.П. Иванов.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

ДИМИТРИЕВ ВАСИЛИЙ ДИМИТРИЕВИЧ
1924–2013

8 января 2013 г. не стало крупного ученого, выдающегося чувашского историка В.Д. Дмитриева. Один из ведущих специалистов в области дореволюционной истории России, член Австрийской академии наук Андреас Каппелер, соболезнуя о смерти В.Д. Дмитриева, назвал его «лучшим историком не только Чувашии, но и всего Поволжья».

В.Д. Дмитриев родился 11 января 1924 г. в д. Новое Сюрбеево Цивильского района в крестьянской семье. В 1940 г. закончил Чурачикскую среднюю школу и поступил на исторический факультет Чувашского государственного педагогического института (ЧГПИ). С августа 1942 г. по август 1946 г. служил в Советской армии, в годы войны участвовал в форсировании Днепра, освобождении Украины, Прибалтики, изгнании фашистов из Восточной Пруссии. В ходе боёв был ранен.

Демобилизовавшись из армии, продолжил учебу и в 1948 г. с отличием окончил ЧГПИ. В 1948–1951 гг. работал младшим научным сотрудником Чувашского НИИ языка, литературы и истории (с 1994 г. Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН). С 1951 г. (с перерывом) обучался в очной аспирантуре Московского госуниверситета. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономическое развитие Чувашии в первой половине XVIII в.». В 1968 г. в Ленинградском госуниверситете по совокупности трудов защитил докторскую диссертацию под названием «История Чувашии периода феодализма». В 1970 г. В.Д. Дмитриеву было присвоено ученое звание профессора. Своими наставниками в науке он считал П.П. Епифанова, В.В. Мавродина, А.А. Зими́на, Н.И. Павленко, С.О. Шмидта. Тесные творческие и личные отношения связывали его с коллегами из Москвы, Ленинграда, Йошкар-Олы и других городов.

В 1955–1968 гг. ученый работал заместителем директора по научной работе – ученым секретарем ЧНИИ, а в 1968–1988 гг. – его директором. Одновременно преподавал: сначала в должности доцента (1967–1968), а затем и.о. профессора (1969–1970) и профессора (с 1970 г.) в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова (ЧГУ). В конце 1988 г. возглавил в ЧГУ кафедру истории СССР (с 1992 г. отечественной истории, с 1994 г. – средневековой и новой истории Отечества), в 2000 г. организовал и возглавил кафедру источниковедения и архивоведения, в 2007–2008 гг. работал заместителем её заведующего, в 2008–2011 гг. – профессором кафедры источниковедения и документоведения. Одновременно в 1989–1990 гг. по совместительству работал в ЧНИИ. С сентября 2011 г. являлся главным научным сотрудником отдела истории ЧГИГН.

Как крупный организатор науки и преподаватель высшей школы В.Д. Дмитриев внес большой вклад в развитие гуманитарных наук, подготовку квалифицированных научных кадров Чувашии. В 1992 г. избран действительным членом и руководителем отделения гуманитарных наук Академии наук ЧР. После ее реорганизации в НАНИ ЧР (1994) до 2003 г. исполнял обязанности академика-секретаря ее отделения исторических, экономических и философских наук. Руководил специализированными советами по защите кандидатских (1993–1998) и докторских диссертаций (1999–2000) по отечественной истории при ЧГУ. Административную и педагогическую деятельность успешно сочетал с исследовательской работой. В научном наследии учёного 29 книг и брошюр, 6 учебных пособий, 630 научных и газетно-журнальных статей и др.

В круг научных интересов учёного входил широкий перечень тем по истории чувашского и других народов Среднего Поволжья с древних времен до середины XIX в. Он решил ряд фундаментальных научных проблем, касающихся происхождения и этнической истории чувашского народа. Заметное место в творческом наследии учёного занимают труды по историографии чувашской истории, источниковедению, а также археографическое наследие – публикации источников по истории Чувашии и народов Среднего Поволжья XVI–XVIII вв.

В.Д. Дмитриев – летописец истории г. Чебоксары. Ей посвящены капитальные труды учёного «Чебоксары: очерки истории города конца XIII–XVII веков» и «Чебоксары: очерки истории города XVIII века» (в соавторстве с С.А. Селивановой). Он гордился званием почётного гражданина Чебоксар, которого был удостоен в 2012 г.

Учёный обосновал историческую преемственность между Чувашской Республикой и Волжской Болгарией, что позволило в 1995 г. официально отметить 1100-летие чувашской государственности – Волжской Болгарии. Его труды и изыскания подвели научную базу под официальное празднование в 1969 г. 500-летия г. Чебоксары, в 1976 г. – 425-летия присоединения Чувашии к России. Официальное признание общероссийской датой 450-летия вхождения Чувашии в состав России также состоялось во многом благодаря теоретическому и практическому вкладу ученого в подготовку сопроводительных материалов, на основании которых Президент РФ В.В. Путин подписал соответствующий указ 31 мая 2001 г.

За долгую творческую жизнь учёный собрал научный архив, насчитывающий 206 томов разнообразных документов из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Ульяновска и др., который с 2004 г. хранится в ЧГИГН. Личный архив историка по его завещанию поступил в ГИА ЧР.

В.Д. Дмитриев широко реализовал себя и на общественном поприще. Продолжительное время он являлся членом советов Центрального государственного архива Чувашской АССР, Чувашского республиканского краеведческого музея, ЧГУ, членом Президиума Чувашской республиканской организации Общества охраны памятников и культуры, ответственным секретарем Чувашского республиканского отделения Общества советско-венгерской дружбы (1970–1991) и др. В 1969–1975 гг. исполнял обязанности депутата Чебоксарского городского совета народных депутатов, в 1975–1990 гг. – депутата Верховного Совета Чувашской АССР, где возглавлял постоянную комиссию по народному образованию, науке и культуре. С 1968 г. являлся бессменным членом археографической комиссии Академии наук СССР (ныне Российская академия наук), с 2005 г. – геральдической комиссии ЧР. Это только малая толика его многочисленных общественных должностей.

В годы работы в ЧГУ В.Д. Дмитриев передал свои знания около 3 тысячам историкам-преподавателям и историкам-архивистам. Ученый участвовал в подготовке 6 докторов исторических наук из республик Урало-Поволжья; 9 его аспирантов стали кандидатами наук.

Родина высоко оценила ратные и научные заслуги В.Д. Дмитриева. Он был удостоен высоких званий заслуженного деятеля науки Чувашской АССР (1974) и РСФСР (1980), почетного работника высшего образования России (1997), дважды – лауреата Государственной премии ЧР в области науки и техники (1994, 2001). Был награжден орденами Красной Звезды (1945), Трудового Красного Знамени (1976), Отечественной войны I степени (1985), Дружбы (2005), «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2008), золотой медалью митрополита Макария, медалью «За доблестный труд», более чем 20 юбилейными медалями и др.

Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев.

26 сентября 2013 г. в г. Чебоксары состоя-

лась Всероссийская научная конференция «Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья». В ее работе приняли участие исследователи Москвы, Чебоксар, Новочебоксарска, Казани, Йошкар-Олы, Кирова и Нижнего Новгорода, представляющие разные отрасли гуманитарных знаний. Всего было заслушано 17 докладов, 5 – на пленарном заседании, остальные – на секциях «Веда Суар – Шупашкар – Чебоксары и его округа» и «Чебоксары – русская крепость».

Форум открыл Ю.Н. Исаев, директор Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН). В своей речи он отметил актуальность темы и выразил надежду, что конференция даст новый импульс развитию городоведения. С приветственными речами выступили С.В. Кудряшов – зам. министра образования и молодежной политики Чувашской Республики, А.Н. Абдюшов – зав. сектором архива Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, А.Н. Петров – глава Московского района г. Чебоксары, архимандрит Василий (Паскье) – наместник Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря и др.

В центре внимания участников конференции были выступления на пленарном заседании. К.А. Аверьянов (Институт российской истории РАН, Москва) в своем докладе «О времени возникновения города Чебоксары» дал глубокий анализ имеющимся по теме архивным источникам, данным археологических раскопок, а также изысканиям российских исследователей по данной проблематике. Докладчик не исключил, что начало Чебоксарам могло дать сезонное (временное) поселение рыбаков. В докладе Н.И. Егорова (ЧГИГН, Чебоксары) «Ранняя история города Чебоксары в зеркале топонимики» получил освещение вопрос о формировании топонимов г. Чебоксары. В своем выступлении «Население города Чебоксары XVI века по данным одонтологии» Н.В. Харламова (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) отметила, что материалы могильника, обнаруженные на территории Чебоксарского кремля, дают основания считать, что исследованная группа жителей поселения относится к западному одонтологическому стволу и характеризуется метисными признаками. Доклад И.В. Назаровой (Казанский государственный архитектурно-строительный университет) «Город Чебоксары как оборонительно-крепостной комплекс середины XVI–XVII веков» был посвящен анализу топографического расположения, планировочным, композиционным и конструктивным особенностям Чебоксарского града XVI–XVII вв. По мнению исследователя, они отвечали, прежде всего, фортификационным требованиям этого периода – времени, когда понятия «город» и «крепость» были тождественны. Развитие архитектуры Чебоксар в Новое время было отражено в докладе И.К. Кугуракова (ЧГИГН, Чебоксары) «Реконструкция Чебоксарской крепости XVIII в. и планирование города XVIII–XIX вв.». Резуль-

таты его многолетних научных исследований были воплощены в компьютерной, объемной модели города. Пленарные доклады завершились дискуссией.

Работу секции «Веда Суар – Шупашкар – Чебоксары и его округа» открыл Ю.В. Гусаров (ЧГИГН, Чебоксары), представив аудитории доклад на тему «История изучения возникновения и развития города Чебоксары». Обзору исторических преданий об основании города предками чувашей был посвящен доклад С.В. Гончаровой (ЧГИГН, Чебоксары). В сообщении Д.В. Басманцева (ЧГИГН, Чебоксары) были впервые представлены архивные материалы, позволяющие реконструировать место и роль государева (воеводского) двора в городе Чебоксары в XVI–XVIII вв. Ряд выступлений был посвящен археологии округа г. Чебоксары. Совместный доклад Н.С. Березиной (ЧГИГН, Чебоксары), В.Г. Харитоновой (ЧГИГН, Чебоксары) и Д.Ю. Ефремовой (Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Йошкар-Ола) был посвящен болгаро-чувашскому Шинер-посинскому святилищу, которое исследовано пока небольшими площадями, но представляет большой научный интерес. Крупный культовый комплекс, охватывавший большую округу, ранний этап которого датирован рубежом IX–X вв., продолжал существовать до XIX в. Особенности планиграфии и найденных предметов позволяют говорить о преемственности болгарской и чувашской культовых традиций. В совместном докладе археологов Е.Е. Воробьевой (Марийский государственный университет – МарГУ, Йошкар-Ола), Ю.А. Зеленева (МарГУ, Йошкар-Ола) и М.И. Федулова (Чувашский государственный университет, Чебоксары) на основе анализа Анаткасинского могильника, археологического памятника, восстановлен этнокультурный облик населения округа г. Чебоксары. Культурные связи Поволжья эпохи Средневековья на примере марийских височных колец рассмотрены археологом А.В. Акилбаевым (МарНИИ, Йошкар-Ола). Е.П. Михайлов (ЧГИГН, Чебоксары) выступил с докладом «Металлические предметы из археологических раскопок в Чебоксарах», в котором проанализированы материалы раскопок разных лет, произведена их классификация, выделены комплексы, связанные с металлургическим производством. Результаты изучения стеклянных изделий и клейм на них из археологических раскопок средневековых Чебоксар были обобщены в выступлении А.О. Кайсина (Вятский государственный гуманитарный университет, Киров). Отдельный сюжет данной темы, посвященный рыбам и птицам, был отражен также в совместном докладе И.В. Аськеева, Д.Н. Галимовой и О.В. Аськеева (Институт проблем экологии и недропользования АН РТ, Казань). Большой интерес вызвал также совместный доклад И.Р. Газимзянова, Е.В. Макаровой (Институт истории АН РТ, Казань) и Е.П. Михайлова (ЧГИГН, Чебоксары) «Антропологический состав населения города Чебоксары в XVI–XVII вв.: по материалам раскопок 2006 г.». Авторы пришли к выводу, что средняя продолжительность жизни исследованной ими группы населения составляет 25,5 лет, по морфологическим характеристикам группа относится к европеоидному кругу с примесью монголоидности поволжско-приуральских истоков. Неподдельный интерес у аудитории вызвал доклад и И.К. Кутуракова (ЧГИГН, Чебоксары) о ранних этапах формирования планировочной структуры и застройки города Чебоксары. В докладе Н.И. Казариной (Нижегородский государственный историко-архитектурный музей, Нижний Новгород) подробно проанализированы найденные в археологических раскопках г. Чебоксары изразцы XVI–XVII вв., проведены их систематизация и сравнение с балахнинскими изразцами. Уникальной находке – штампу для производства складня, хранящемуся в фонде Чувашского национального музея, был посвящен доклад Д.В. Спрыжкова (Историко-художественный музейный комплекс, Новочебоксарск).

Работа конференции прошла в деловой, творческой атмосфере. Ее участники совершили экскурсию на проводившиеся в исторической части г. Чебоксары археологические раскопки.

Н.С. Березина.

* * *

В 2013 г. ЧГИГН продолжил социологические исследования по программе «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике». Работы проводились по договору с Министерством культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики в рамках реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации в Чувашской Республике.

Основной целью обследования стало изучение проблем сохранения и развития культурного наследия, укрепления общегражданской идентичности, межнациональных отношений, толерантности, общественного согласия, прогнозирование и предупреждение ситуаций, приводящих к межнациональной конфликтности. Мониторинговый режим исследования позволил проследить основные тенденции и динамику этнокультурного развития, состояния межнациональных и межконфессиональных отношений. Частью исследования стало изучение новых научных аспектов темы.

В июне – июле 2013 г. был проведен расчет выборки по опросу, в августе – завершен опрос 610 чел. – жителей городов Чебоксары, Новочебоксарск, Канаш, Козловка, Алатырь, Шумерля, Цивильск, Ядрин и сельских населенных пунктов Алатырского, Батыревского, Вурнарского, Ибресинского, Канашского, Комсомольского, Козловского, Чебоксарского, Шумерлинского и Ядринского районов. Основные итоги социологического обследования будут представлены органам исполнительной власти республики.

В рамках программы «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике» ЧГИГН провел социологический опрос по теме «Социальная и культурная адаптация мигрантов в полиэтническом пространстве Чувашской Республики»: по методике экспертного опроса опрошено около 100 респондентов, прибывших в Чувашию из других регионов и стран.

По заданию Министерства информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики был проведен еще один опрос населения. Его цель – изучить основные тенденции в развитии средств массовой информации (СМИ) Чувашии. Анкета включала следующие блоки вопросов: представленность региональных средств массовой информации (газеты и журналы, телевидение и радиовещание, Интернет) и их востребованность; языковой и историко-культурные аспекты востребованности информационных ресурсов; социально-демографический портрет пользователей СМИ; оценка работы республиканских СМИ. В ходе исследования в 18 административно-территориальных единицах, отражающих этногеографическую картину республики, опрошено 620 чел.

В.Г. Харитонова.

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25% объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом. Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования аббревиатурами (например, СО вместо сельское общество) не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 с.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 с.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают примечания и краткое резюме. Используемая литература и источники указываются в примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических источников» (М., 1990) и иметь предисловие, примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

<i>Мясников Н.С.</i> Итоги и перспективы изучения археологических памятников I–VIII веков нашей эры в северо-восточной части Приволжской возвышенности: этнокультурный аспект	3
---	---

История

<i>Мухамадеев А.Р.</i> Политика хазарского правительства в Среднем Поволжье: суварский фактор (первая половина X века)	20
<i>Иванов В.П.</i> Об этногенетических корнях различий в этнокультурах чувашей и татар	31
<i>Кобзев А.В.</i> Этноконфессиональные стереотипы в повседневной жизни дореволюционного российского общества (по судебным-следственным материалам Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX века)	46

Историография

<i>Дегтярёв Г.А.</i> Турецкий дискурс в парадигме зарубежного чувашеведения ..	62
--	----

Филология

<i>Лебедев Э.Е.</i> О сопоставительном изучении деепричастий в чувашском и турецком языках	93
<i>Лебедев Э.Е.</i> Функционально-семантические особенности причастия на -нă/-нĕ в чувашском языке	112

Искусствоведение

<i>Трофимов А.А.</i> Принципы стилиобразования и пластическая структура в творчестве скульптора-монументалиста А.К. Брындина	126
<i>Мординова А.И.</i> Изобразительное искусство Чувашии на излете социалистического реализма	148
<i>Мординова А.И.</i> Современное изобразительное искусство Чувашии: выставки 2005–2007 годов	163

Чувашеведение в лицах

<i>Родионов В.Г.</i> Ăслăлăх анинчи ўркевсĕр сухасă	178
---	-----

Историческое краеведение

<i>Ключевская Е.П.</i> Заметки об учителях рисования учебных заведений Чебоксар, Ядрина, Цивильска, Алатыря в XIX – начале XX века	183
--	-----

Исторический архив

<i>Исхаков Р.Р., Багаутдинова Х.З.</i> Быт и нравы чувашей в письмах представителей чувашской духовной интеллигенции Н.И. Ильминскому.....	190
--	-----

Рецензии

<i>Кондратьев М.Г.</i> Рец. на: Маклыгин А.Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья: становление профессионализма / Казанская гос. консерватория. Казань, 2000. – 311 с.	209
<i>Гольишенкова Е.В.</i> Рец. на: Трофимов А.А. Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – 256 с., ил.	214
<i>Лебедев Э.Е.</i> Рец. на: Dr. Feyzi Ersoy. Şuvak Tırkëesi Grameri. – Ankara: Gazi Kitabevi, 2010. – 490 s. [Фейзи Эрсой. Грамматика чувашского языка. – Анкара: Изд-во «Гази», 2010. – 490 с.]	215
<i>Видяйкин С.В.</i> Рец. на: Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре: очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI–XVII вв. – Чебоксары, 2012. – 283 с.	218
<i>Мышкина А.Ф.</i> Рец. на: Ильина Н.Г. Чăваш лирики (1960–1990 сълсем): сăвва тишкерес ыйту тата стиль шыравăсем. – Шупашкар, 2012. – 40 с. – (Ăслăлăх доклачăсем / Чăваш патшалăх гуманитари ѳслăлăхăсен институтчĕ; 8-мĕш кăларăм).	220
<i>Матвеев Г.Б.</i> Рец. на: Клементьев В.Н. Истоки государственности чувашского народа: исторические и социокультурные предпосылки. – Чебоксары, 2012. – 40 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 9).	221
<i>Иванов В.П.</i> Рецензия на: Егоров Н.И. Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному. – Чебоксары, 2012. – 43 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 10).	225
<i>Исхаков Р.Р.</i> Рец. на: Кобзев А.В. Татары и чуваша на перекрестке вер: Тюркоязычное исламо-христианское пограничье в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века. – Чебоксары: ЧГИГН, 2013. – 204 с.	232

Наши юбиляры

Сергеев Тихон Сергеевич (К 75-летию со дня рождения).....	235
Батченко Елена Игнатьевна (К 60-летию со дня рождения).....	240
Гусаров Юрий Владимирович (К 50-летию со дня рождения).....	242
Денисов Пётр Владимирович (К 85-летию со дня рождения).....	245
Клементьев Владимир Николаевич (К 50-летию со дня рождения).....	250

Памяти коллеги

Димитриев Василий Димитриевич (1924–2013).....	254
--	-----

Научная жизнь

Хроника 2013 года	256
Правила для авторов.....	259

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
№ 8. 2013

Научный журнал

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Подписано к печати 29.12.2013. Формат 70×100¹/₁₆. Печать оперативная.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная.
Усл. печ. л. 20,64. Уч.-изд. л. 15,87. Тираж 200. Заказ № 38.

Учредитель: БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39825 от 12 мая 2010 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель – БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
тел 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/1.
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05,
e-mail: human2000@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в РИО ЧГИГН 29.12.2013
г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.